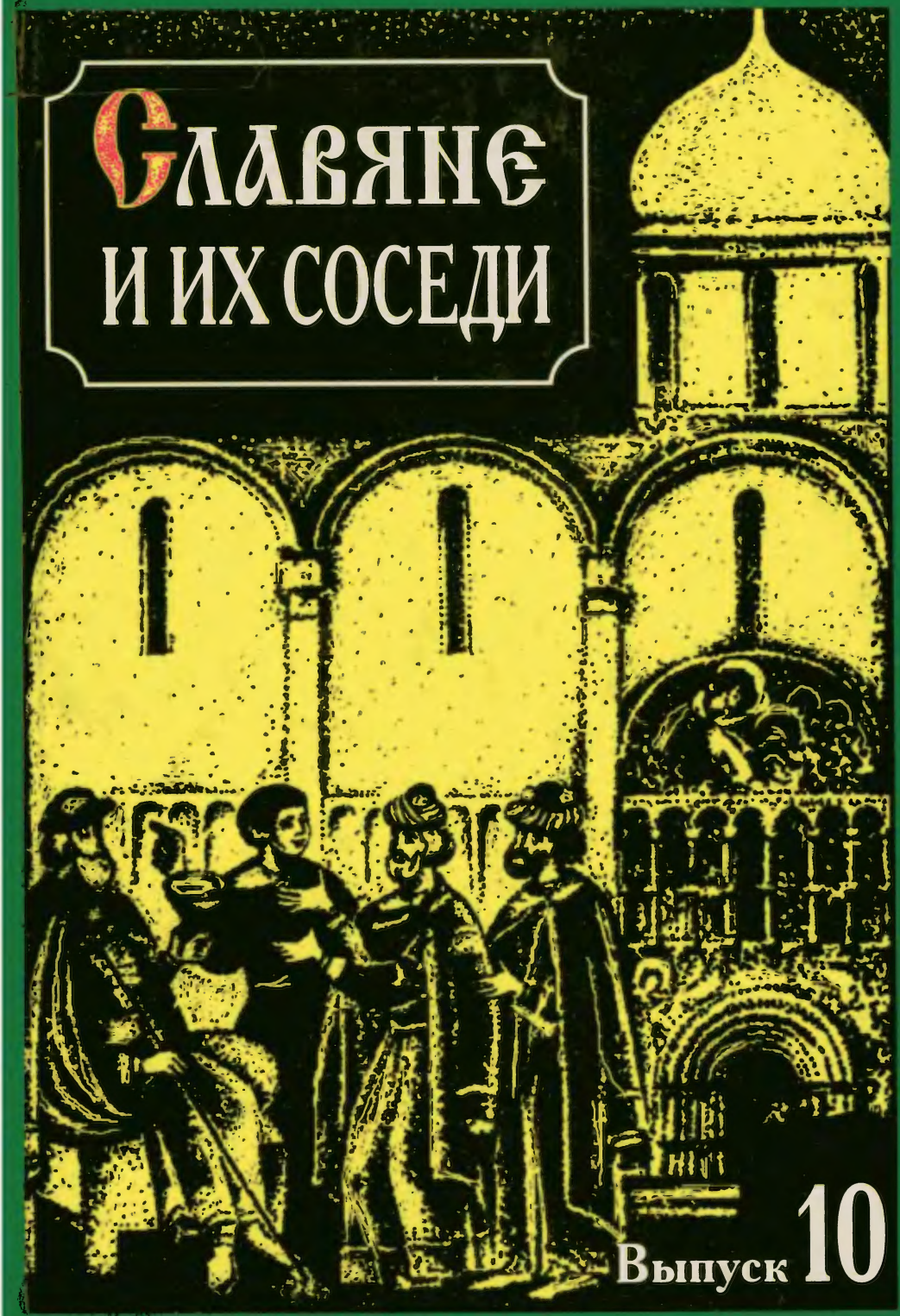
Славяне и их соседи



Выпуск 10

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Славяне и их соседи

Выпуск 10

Славяне и кочевой мир

К 75-летию
академика Г. Г. Литаврина

МОСКВА «НАУКА» 2001

УДК 930.9
ББК 63.3(4)
С 47

Серия основана в 1991 году

Редколлегия:
Г.Г. ЛИТАВРИН (ответственный редактор серии),
Б.Н. ФЛОРЯ (ответственный редактор сборника),
В.Я. ПЕТРУХИН, О.А. АКИМОВА (ответственный секретарь),
Н.С. ЗАХАРЬИНА

Рецензент
доктор исторических наук Е.А. МЕЛЬНИКОВА

Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. – М.: Наука, 2001. – 304 с.
ISBN 5-02-008731-9

Отношения славян и кочевников в период раннего средневековья, контакты славян с Золотой Ордой, сосуществование отдельных групп кочевников с земледельческим обществом в рамках одного государства – такова тематика сборника. Ряд статей посвящен общим историософским концепциям. Раздел публикаций включает документы, проливающие свет на непростые отношения Русского государства и Крымского ханства в XVI – начале XVII в.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2001-1-№ 26
ISBN 5-02-008731-9

© Издательство "Наука", 2001
© Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Славяне и их соседи" (разработка, оформление), 1991 (год основания), 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной том серии "Славяне и их соседи" посвящен теме для истории славянского мира особенно важной – отношениям славянских народов с кочевым миром на территории Восточной и Юго-Восточной Европы.

Статьи, включенные в сборник, касаются разных этапов истории этих контактов, начиная с эпохи раннего средневековья, когда одновременно имели место и резкие столкновения между земледельцами-славянами и кочевниками, и их сложное взаимодействие в рамках первых возникавших на Балканах государств вплоть до эпохи позднего средневековья и раннего нового времени, когда также имели место оба эти исторические явления, и борьба славянских государств с набегами кочевников, и сложные процессы взаимодействия в рамках разных государственных организмов (в том числе в границах нового, возникшего в эпоху позднего средневековья на территории Евразии государства – Османской империи).

Помимо анализа разных аспектов взаимоотношений славян и кочевников, в отдельных статьях сборника специальное внимание уделено освещению некоторых важных построений в историографии XIX–XX вв., связанных с выработкой особого подхода к взаимоотношениям земледельческих народов и кочевников на территории Центральной и Восточной Европы. Раздел публикаций включает тексты документов, отражающих важные моменты истории отношений Русского государства с Крымским ханством в XVI – начале XVIII в.

В разделе рецензий помещены отзывы на книги, в которых рассматриваются отношения народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с кочевниками и кочевыми государствами.

Постоянное сосуществование с кочевым миром на протяжении не только всего средневековья, но и раннего нового времени – одна из главных особенностей исторического развития славянских народов в отличие от исторического развития многих других народов Европы. Уже на заре средневековья взаимоотношения славян с кочевниками наложили глубокий отпечаток на формирование первых государств на территории Центральной и Юго-Восточной Европы. В борьбе с Аварским каганатом возникло первое славянское государство в Центральной Европе – держава Само, в процессе сложного взаимодействия славянского земледельческого населения и кочевников – Первое Болгар-

ское царство и Венгерское королевство. Некоторым важным аспектам отношений славян и кочевников в эпоху раннего средневековья посвящена статья Г.Г. Литаврина. С этой тематикой связана и статья А.А. Турилова. Пытаясь ослабить угрозу, исходящую из кочевого мира, его земледельческие соседи пытались распространять среди кочевников христианство. Опытам, предпринимавшимся в этом отношении византийской церковью, посвящена статья С.А. Иванова.

Вопрос отношений с кочевниками был в высшей мере актуален и для славян Восточной Европы IX–X вв., соседивших с племенами печенегов и с большой кочевой державой того времени – Хазарским каганатом. Отношениям Хазарского каганата с народами Восточной Европы посвящена статья крупного специалиста по истории раннего средневековья А.П. Новосельцева. Близка ей по тематике статья И.Г. Коноваловой. Спорным вопросам, возникающим при изучении источников, содержащих сведения об этих отношениях, посвящена статья известного востоковеда А.Н. Поляка. Подготовленная в 1967 г. для сборника "Восточные источники по истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы", она в то время не смогла увидеть свет.

Для славян Восточной Европы с середины XIII в. важнейшее значение имела проблема отношений с Золотой Ордой, подчинившей этот регион своему господству. От исхода борьбы с этой кочевой державой зависела сама возможность дальнейшего поступательного развития восточнославянских обществ и государств. Истории отношений древнерусских княжеств и Великого княжества Литовского с Золотой Ордой посвящена обширная историография, как отечественная, так и зарубежная, но далеко не всем периодам этих отношений дана достаточно полная и всесторонняя оценка. Статья Б.Н. Флори проливает свет на отношения восточноевропейских государств с Золотой Ордой в середине XV в. в период, который не получил еще достаточного освещения в исторической литературе. Образ татар в древнерусском общественном сознании XVI в. представлен в статье известного исследователя древнерусской литературы и публицистики XVI–XVII вв. Я.Г. Солодкина.

Другой важный аспект темы – сосуществование отдельных групп кочевников с земледельческим обществом в рамках одного государства. Такое сосуществование и в Восточной и в Юго-Восточной Европе на ряде территорий стало фактом уже в эпоху раннего средневековья и продолжалось длительное время, на Балканах – до XIX в. Отдельным аспектам этой темы посвящены статьи Е.В. Русиной, С.И. Муртузалиева и А.О. Ахмедовой, С.Ф. Орешковой.

Вопрос о роли кочевого мира в развитии отдельных регионов и стран Европы, точнее, о формировании отдельных культур и цивилиза-

ций на территории Европы и Евразии давно и не раз оживленно обсуждался, в том числе в связи с выдвижением в XIX–XX вв. некоторых общих историософских концепций. Этот аспект темы освещен в статьях С.А. Иванова и А.В. Ратобыльской.

Публикация грамот хана Сахиб-Гирея содержит важный материал о характере крымской политики по отношению к России в середине XVI в. Другая публикация – Л.В. Заборовского и Н.С. Захарьиной – является продолжением начатого в четвертом выпуске серии издания материалов посольства Т.Г. Хотунского в Крым в 1654 г., в которых отражены попытки русской дипломатии смягчить враждебную реакцию Крыма на воссоединение Украины с Россией. И наконец, публикация В.А. Артамонова отражает начало качественно нового этапа в истории русско-крымских отношений согласно инструкции Петра I об условиях установления русского протектората над Крымским ханством.

Б.Н. Флоря

Г.Г. Литаврин

СЛАВЯНЕ И ПРОТОБОЛГАРЫ: ОТ ХАНА АСПАРУХА ДО КНЯЗЯ БОРИСА-МИХАИЛА

Отношения славян с кочевым миром – одна из наиболее драматичных страниц в истории Европы в средние века. Как показала С.А. Плетнева, в течение всего средневековья славяне находились в тесных контактах с кочевниками. Контакты эти отнюдь не сводились только к конфронтации, а были весьма многообразными на разных этапах и в конечном счете плодотворными для обеих сторон. Только на первом этапе, по мнению исследовательницы, когда кочевники находились на уровне общественного развития, характеризуемого как стадия нашествия, кочевники рассматривали оседлых жителей главным образом в качестве объекта грабежей и пленения[1].

В то время слабо организованное политически земледельческое общество, поселения которого в силу хозяйственной необходимости были рассредоточены на значительных пространствах, оказывалось беспомощным перед стремительными набегами кочевников, быстро уходивших от ударов возмездия, меняя места своих кочевий и станов. Уверенность в безнаказанности питала у них чувство презрения к земледельцам и обусловила осознание очевидного военного превосходства над ними[2].

Даже такому высоко развитому государству, как Византия, располагавшему значительными военными силами (в том числе отрядами профессиональной конницы) и имевшему пограничные укрепления, почти никогда не удавалось военными средствами предотвратить вторжение кочевников в глубь территории империи. Поэтому в отношениях с кочевыми народами империя всегда предпочитала заключать договоры и союзы, покупать у них мир дарами или уплатой регулярной дани.

Прекрасной иллюстрацией к этим общим положениям являются доклады проведенной Отделом истории средних веков Института славяноведения РАН конференции, тематика которой охватывала территориально в сущности весь кочевой мир в Европе, а хронологически – более тысячелетия[3].

Тема данного сообщения принадлежит именно раннему средневековью, когда кочевники находились как раз на стадии нашествия. Только

при установлении их прямого господства над оседлыми жителями, тотальный грабеж и пленение уступали место регулярным поборам. Кочевники обычно долго избегали непосредственного симбиоза с покоренными. Господствующий этнос обосновывался в стороне от них, на лучшей, с их точки зрения, части завоеванной территории. Регулярность уплаты дани подчиненного населения обеспечивал страх перед скорыми и жестокими карательными рейдами.

В целом известны три главных примера сравнительно устойчивого организованного господства кочевников и полукочевников над славянами в раннее средневековье в европейском регионе[4]. Во-первых, это продолжавшееся с 60-х годов VI до начала IX в. господство аваров над славянами в Паннонии, где авары создали особую политическую систему, именуемую в историографии по титулу ее верховного правителя Аварским каганатом. Во-вторых, это верховное господство протоболгар над славянами на севере Балканского полуострова в конце VII – середине IX в., где сформировалось государство Болгария. И, наконец, в-третьих, это установившаяся с конца IX – начала X в. власть венгров в Паннонии над оседлым, преимущественно славянским, населением (здесь вскоре сложилось королевство Венгрия).

Каждый из названных случаев был по-своему уникален при наличии некоторых общих черт. Формы и степень подчинения оседлых жителей кочевниками были при этом разными, в зависимости от численности и уровня общественного развития завоевателей и завоеванных. Соответственно разными были и судьбы названных биэтничных политических систем. Их жизнеспособность определялась в конечном счете темпами обретения кочевниками оседлости и формами их проживания совместно с покоренным населением. Логическим следствием мирного симбиоза были либо постепенная дезинтеграция и утрата ведущей роли господствующим кочевым этносом, так и не обретшим прочной оседлости (такова была судьба аваров в Паннонии), либо постепенная ассимиляция господствующего племени превосходящим по численности и уровню развития общественной структуры местным населением без утраты верхушкой ассимилировавшихся завоевателей высшей власти (пример этого – Первое Болгарское царство), либо, наконец, превращение кочевого народа в оседлый при сохранении своей этнической идентичности и власти над живущими отдельно компактным массивом аборигенов (таков, по моему мнению, пример с венграми в Паннонии).

Сложность проблемы состоит прежде всего в том, что речь идет о симбиозе двух таких этносов (или двух групп этносов), которые отличались друг от друга и по образу жизни, и по общественному строю, и по менталитету.

Ниже речь пойдет об оказавшемся, на мой взгляд, особенно сложном втором случае симбиоза славян-земледельцев с кочевниками – симбиоза булгар со славянами на севере Балканского полуострова. В исторической литературе, в том числе в современной болгарской, эта проблема хорошо изучена. Болгарские исследователи, особенно со времени

широко отмеченного всенародными торжествами тринадцативекового юбилея болгарской государственности (и в сущности до сих пор) концентрируют главное внимание на протоболгарской (отнюдь не славянской) героике первых двух столетий существования Болгарского государства. По уровню общественного развития, по мнению этих ученых, протоболгары, несомненно, превосходили славян ко времени встречи с ними в Подунавье. Остается, однако, совершенно не ясным, почему к середине IX в. сами болгары и все окружавшие Болгарию народы воспринимали ее население как бесспорно славянское, почему в стремлении распространить славянскую грамоту среди своих подданных затратили столько усилий и хан-князь Борис и его сын – царь Симеон, почему, наконец, просветители славянства Кирилл (Константин) и Мефодий стали в Болгарии всенародно чтимыми святыми.

В. Тыпкова-Заимова высказала мысль, что приход протоболгар Аспаруха явился главным фактором сохранения славянами на Балканах своей этнической идентичности, который уберег их от ассимиляции византийцами (греками). Я бы сказал в связи с этим, что насколько возможна справедливость этой мысли, настолько же верной я считаю другую, а именно, что сам протоболгарский этнос в целом был обречен на гибель или в лучшем случае на постепенную дезинтеграцию и бесследное исчезновение, как это случилось с аварами, если бы не подчиненные протоболгарам славяне. Если протоболгары спасли славян этнически – от ассимиляции, то славяне спасли протоболгар от физической гибели, ассимилировав их, не отнимая при этом у них рычаги высшей власти. Без экономического базиса и людских ресурсов, обспечивавших формирующемуся государству основу его развития, было бы вообще невозможно само создание – в условиях Европы – какого-либо устойчивого государственного организма.

В свое время по этим вопросам (становление и развитие Первого Болгарского царства, его вхождение в семью европейских христианских стран, эволюция этнического самосознания славян и протоболгар в пределах Болгарии) я имел возможность высказать свою точку зрения[5]. Остался, однако, один вопрос, которому не было уделено в литературе, в том числе в моих работах, достаточного внимания. Это вопрос о насильственных и добровольных переселениях крупных контингентов славян в пределах Болгарии и за ее рубежи в VII–IX вв.

При скудости данных источников важность этого вопроса явствует уже из того, что массовые переселения оседлых жителей всегда (вплоть до наших дней) являются обычно тяжким народным бедствием, в том числе и тогда, когда они происходят по воле самих переселяющихся. В любом случае даже добровольные переселения – это реакция широких слоев населения на крупные события в жизни страны. Не редкие в Византии массовые перемещения как давних, так и новых подданных империи (в частности, славян) хорошо изучены. Они были, как правило, недобровольными, производимыми властями по политическим мотивам. В Болгарии подобный исторический феномен имел свою специфику: перемещались только славяне, а все известные случаи их доброволь-

ного переселения были так или иначе обусловлены, как я надеюсь показать, их конфликтами с этнически чуждой верховной властью.

За истекшие два века сообщество двух столь разных этносов на севере Балкан претерпело глубокую эволюцию, ход которой я склонен разделить на три этапа. Каждый из них характеризуется существенными особенностями.

Первый этап длился, на мой взгляд, около века, с 70–80-х годов VII до 60–70-х годов VIII столетия (т.е. от расселения протоболгар на Балканах между Дунаем и Балканским хребтом, на территории, освоенной столетием раньше славянами) – до пережитого Болгарией острого кризиса центральной государственной власти.

Первые два-три десятилетия славяно-протоболгарских контактов были временем становления и упрочения союза вождей и князей славян с ханом Аспарухом, обладавшим непререкаемой властью, которая передавалась по наследству в главенствующем среди протоболгарских родов роде Дуло.

Я не вижу оснований отступать от своей трактовки событий, данной мною почти 20 лет назад. Весь ход истории в указанном регионе после вторжения протоболгар говорит о том, что между протоболгарами и местными славянами ни во время вторжения, ни в последующем не было военных столкновений. Славян Аспарух врагами не считал, врагов он видел на востоке в преследовавших его орду хазарах, на западе подчиненных ему земель – в аварах и на юге от Балканского хребта – в византийцах.

В первые же годы своего господства над славянами хан Аспарух осуществил первое крупное и, несомненно, насильственное перераспределение славянского населения на завоеванных землях: места поселения племени северов были перенесены к востоку, к проходу между Черным морем и восточными отрогами Балканского хребта, а места расселения остальных славян союза "Семь родов" (возможно, его большинства) – на западные рубежи подчиненной Аспарухом территории.

О главном мотиве подобных действий хана источники позволяют судить достаточно определенно: речь шла о самом выживании подвластного Аспаруху объединения протоболгар, преследуемых хазарами и оказавшихся на новом месте в окружении не менее опасных врагов. Аспарух решил укрепить границы подвластной ему отныне территории, заставив северов охранять ее рубежи на юге от византийцев, а остальные "Семь родов" – границы на западе от возможных нападений аваров. Безопасность своего народа, пишут Феофан и Никифор, была первой заботой Аспаруха и на левом берегу Дуная, и на правом, когда протоболгары переправились через реку, преследуя разбитую армию Константина IV.

Славянские князья подчинились или были вынуждены подчиниться приказу Аспаруха. Они, конечно, еще не забыли опыт своих миграций в конце VI – начале VII в. Но, несомненно, новое вынужденное переселение не могло быть встречено ими с энтузиазмом: за истекшее по крайней мере полстолетие пребывания в нижнем правобережье Дуная

освоенные и обжитые славянами места представляли для них, безусловно, огромную ценность, соотносимую с понятием "родная земля".

Вполне вероятно, союз верхов обоих этносов не исключал трений между ними: историческая память обоих народов не могла не сохранить воспоминаний о былых (в VI – первой половине VII в.) жестоких столкновениях булгар со славянами. Например, авары, уже находясь в Паннонии, долго питали ненависть к славянскому в своей основе союзу антов[6].

Отношения протоболгар со славянами и в правобережье не были, по всей вероятности, идиллическими. Поэтому я усматриваю в действиях Аспаруха еще один мотив – разобщить славинии территориально, во всяком случае отколоть северов от объединения "Семь родов" и развести эти славинии на большое расстояние друг от друга. Наконец, третий мотив указанных мер Аспаруха – освободить от славян значительную часть территории на северо-востоке страны для размещения своего полукочевого протоболгарского объединения.

За время между 602 и 679 гг. нет достаточно определенных сведений о том, что славяне этого района принимали какое-либо участие в военных действиях на стороне аваров, византийцев или протоболгар[7]. Согласно толкованию М. Войнова, известий Феофана и патриарха Никифора об обстоятельствах перехода Аспаруха через Дунай, славяне к этому времени уже являлись федератами империи, т.е. союзниками, обязанными стеречь от нападений врагов дунайскую границу Византии[8]. Однако о каких-либо военных действиях империи, в которых приняли бы участие эти славяне-федераты, решительно ничего неизвестно.

Согласно известию Феофана, после обоснования в левобережье Дуная протоболгары стали совершать набеги на правый берег реки и разорять "лежащие близ Дуная земли", что и послужило причиной похода против них императора. Следовательно, страдающей от упомянутых набегов стороной были прежде всего живущие в нижнем правобережье славяне (если здесь и имелось какое-то греческое население, оно проживало в основном в приморских городах Добруджи). Переправившись, протоболгары быстро дошли до реки Варна, наименование которой считают одним из древнейших славянских гидронимов на Балканах (Варна–Врана–Ворона)[9]. О каком-либо сопротивлении "федератов" этим набегам мы не знаем. Скорее всего, они не могли оказать протоболгарам достойного отпора и после их перехода на правый берег реки признали верховную власть протоболгарского хана.

Однако было бы неосторожно толковать эти события как следствие простого завоевания. В противном случае хан не доверил бы славянским племенам охрану границ захваченной территории на ее более угрожаемых участках. Власть Аспаруха была безусловно значительной, но и без определенного соглашения с северами и остальными "Семью родами" (ранее "находившимися под пактом", т.е. в договорных отношениях с императором), главные пункты которого, помимо упомянутого (охрана рубежей), заключались в уплате дани в казну хана (скорее всего, натурой, прежде всего – зерном) и в участии в военных походах и строительной деятельности хана. Сознавая размеры опасностей, угро-

жавших его этносу, Аспарух был вынужден, конечно, проводить весьма осторожную политику в отношении славянской знати, также заинтересованной в союзе с протоболгарами: она усматривала в объединении их сил с обладавшими высоким воинским потенциалом конными отрядами Аспаруха гарантию от посягательств империи. Постоянная конфронтация с Византией служила мощным фактором сохранения единства нового государственного объединения.

Славинии получили от Аспаруха, как видно из последующего хода событий, возможность мирного общения с господствующим этносом и автономию во внутренней жизни. Чрезвычайно важно в связи с этим, что Феофан называет славян в войсках хана его "союзниками", хотя и находящимися под его верховным командованием[10].

В историографии широко признан тезис, что Болгария, по крайней мере в течение двух столетий, вела борьбу с Византией за власть над славиниями в Северной Фракии и Македонии, как еще неподвластными империи, так и уже включенными в ее границы. Источники позволяют, однако, дополнить это заключение другим: борьба велась не только и не столько за господство над определенными территориями (хотя и это, разумеется, имело место), но в первую очередь за умножение числа подданных, в данном случае за счет славянского населения, поселившегося в указанных выше районах.

В подтверждение этого отмечу два красноречивых факта. В 775 г. императору стало известно, что болгарский хан отправился в дальний военный поход на Верзитию (эту славинию идентифицируют обычно с Велегезитией в Фессалии, она в то время, по-видимому, не была еще окончательно подчинена империи) с целью переселения ее жителей в пределы Болгарии. Император срочно организовал военную экспедицию, благодаря которой удалось сорвать планы хана, и император справил по этому поводу пышный триумф в Константинополе[11].

В 814 г. новый хан Омуртаг после длительных войн при Круме заключил с империей 30-летний мир, одним из важных условий которого, согласно сохранившемуся тексту договора, было возвращение бежавших от ужасов войны на территорию империи славян, живших ранее на подвластных болгарскому хану землях, примыкавших к Балканскому хребту с юго-востока[12].

В течение почти целого столетия источники умалчивают о какой-либо самостоятельной политической активности славян в пределах Болгарии. Они в качестве пехотных частей войск хана участвовали в его походах, не предпринимая никаких попыток проявить этническую солидарность со славянами, живущими вне Болгарии. Нет данных и о том, что протоболгары хотя бы раз на этом этапе предприняли какие-либо карательные меры против подвластных им славян. Можно, следовательно, думать, что установившиеся формы симбиоза в целом на первом столетнем этапе удовлетворяли обе стороны и что хозяйственная и этническая интеграция двух этносов еще не привела к каким-либо заметным результатам. Нет никаких сомнений в том, что в этот период военных конфликтов с империей, когда болгары неоднократно оказы-

вались победителями, материальные и людские ресурсы, поставляемые славянскими подданными хана, существенно влияли на ход событий.

Разногласия между славянской знатью и протоболгарской верхушкой проявились на втором этапе симбиоза двух главных этносов страны, начало которого я датирую усобицами в борьбе за трон аристократических родов протоболгар 60–70-х годов VIII в., а окончание 20-ми годами IX в. Среди главных причин междоусобий был вызвавший разногласия вопрос о выборе на новом этапе политического курса центральной власти в отношении славян. В эти усобицы оказались вовлечены и славянские князья, среди которых также возник раскол. Значительная их часть, как видно из дальнейшего поведения князей, сознавая, сколь велика их роль в государстве, не желала более мириться с предоставленным им статусом и с отстранением от участия в аппарате центрального управления. К тому же рос уровень этнической дезинтеграции в самой протоболгарской среде. Сокращалась относительно славянского населения численность протоболгар, изначально значительно уступавшая славянской.

Некоторые князья стали уводить подчиненные им племена на территорию Византии, и подобные перемещения не всегда, по-видимому, происходили мирно. Наметившаяся тенденция была осознана как крайне опасная для самого существования болгарской государственности.

Так, согласно "Бревиарию" Никифора, в 761–763 гг. из Болгарии ушло до 208 тыс. славян. Они самостоятельно морским путем переправились из своих мест в Болгарии на побережье византийской провинции Вифинии на южном берегу Черного моря, в район устья реки Артана[13], где в конце VII в. имперскими властями уже был расселен крупный контингент славян на условиях несения воинской службы[14].

Переселение славянских подданных хана в таких масштабах произошло, несомненно, после его крупного конфликта с ними, не исключено – и вооруженного. Переселение могло быть осуществлено, конечно, только при серьезной организующей роли славянских князей (славяне уходили с семьями и скарбом). Для подготовки этого предприятия требовалось значительное время: сначала славяне, несомненно, шли по Дунаю, затем – морем (как шли они в 626 г. на своих моноксилах в походе кагана аваров на Константинополь).

В 763 г., т.е. сразу же после бегства из страны массы славян, в войсках хана Телеца, сразившихся с византийцами, насчитывалось тем не менее до 20 тыс. славян в качестве его "союзников". Но часть их изменила хану, перейдя на сторону императора в ходе битвы, которую выиграли византийцы[15].

Ослабление зависимости от хана пограничных славиний вскоре (в 764 г.) продемонстрировал также эпизод с вождем северов Славуном: он продолжал (пока не был предан и схвачен лазутчиками императора) вести самостоятельную войну против византийцев во Фракии тогда, когда хан уже заключил с императором мир[16].

Все это побудило Крума (803–814), одного из наиболее выдающихся протоболгарских ханов, провести первые реформы, направленные

на смягчение всех форм указанного дуализма, на уравнение юридического статуса свободных подданных (независимо от их этнического происхождения) и на ликвидацию территориально-племенного партикуляризма как среди славян, так и протоболгар. Вновь обострившийся при Круме конфликт с Византией (император Никифор погиб во время похода в Болгарию, а Крум умер под стенами Константинополя, готовясь к его штурму) временно ослабил трения между славянской и протоболгарской знатью. Но уже при ближайшем преемнике Крума (Омуртаге) возник еще более серьезный конфликт Плиски с одной из славиний на северо-западной границе страны. Тимочане в 818 г. не только отказали в повиновении хану, но и почти на 10 лет отделились от Болгарии, пытаясь найти покровительство у соседних государств на западе[17].

В силу этих причин при Омуртаге и Пресиане курс на внутренние реформы, имевшие целью изживание дуализма, был возобновлен и углублен. Наступил, как я думаю, третий, в сущности – последний, этап в отношениях двух главных этносов в стране. Он охватывает полстолетие после смерти Крума. Этот период ознаменовался превращением Болгарии в централизованное, по преимуществу моноэтничное (славянское) государство, длительная эволюция которого закономерно увенчалась в 864–866 гг. крещением Болгарии при князе Борисе-Михаиле (852–889). Был ликвидирован наконец последний фактор раскола общества – культурно-идеологический дуализм. Часть высшей протоболгарской аристократии, еще стремившейся в 860–890-х годах сохранить свою этническую идентичность (о чем свидетельствуют "Ответы папы Николая на вопросы болгар"), восприняла крещение как смертельную для себя опасность и дважды на протяжении четверти века предприняла отчаянную попытку повернуть вспять ход событий. Однако численно ограниченные круги этой оппозиционной знати уже не имели серьезной опоры в широких слоях славянского и в подавляющем большинстве славянизировавшегося протоболгарского этноса. Сопротивление этих кругов генеральному направлению политики Бориса было сломлено окончательно. Сохранение некоторых политико-административных традиций протоболгар эпохи их безраздельного господства в центральном аппарате власти служили целям утверждения и противопоставления своей идентичности институтам враждебной соседней державы – Византии и знаком почтения перед основателями Болгарского государства. "Протоболгарская составляющая" в иерархии этнического самосознания высшего слоя болгарской знати и чиновничества (но отнюдь не масс болгарского населения) перестала быть собственно этнической – она стала его сугубо политическим компонентом. Свидетельство этого – два памятника, официальный и эпический. В первом – "Именнике болгарских ханов", переведенном, как полагают, в качестве официальной летописи при Симеоне, признана доминирующая роль именно протоболгарских ханов в становлении и утверждении Болгарского государства[18]. Во втором – апокрифе "Сказание пророка Исайи" основателем государства, населившим страну и поставленным ее царем самим Исайей, назван Слав, а Испор (Аспарух) – только преемником его власти[19].

Ко времени Симеона, когда осваивались славянская письменность и богослужение на славянском языке, болгарское общество, включая его правящие верхи, сознавало себя не только как славянское, но и как часть славянского мира в целом. Именно на это ориентировались и создатели славянской письменности – солунские братья Кирилл (Константин) и Мефодий.

Мотивы собственно болгарского патриотизма и сознания общеславянской общности, нашедшие яркое отражение в староболгарской литературе X–XII вв., не противопоставляются, а гармонично сочетаются в иерархии этнических представлений болгарского народа. Попытки отдать приоритет в становлении самосознания болгар в средние века протоболгарскому (тюркскому) фактору[20] не находят опоры в источниках. Я не вижу никакой возможности сочетать эту идею с традиционным в течение многих столетий всенародным почитанием в Болгарии культа святых просветителей славянства... Хотя, если народу угодно круто изменить представление о своей этнической идентичности, он, безусловно, имеет на это полное право, если только авторам новых на этот счет теорий удастся убедить в своей правоте соотечественников, в течение веков вплоть до наших дней представлявших оригинальную, южнославянскую в основе ветвь европейской культуры.

[1] *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. М., 1982. С. 49; *Она же.* Южнорусские степи в IX–XII вв. // Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сб. тез. 17-й конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1999. С. 114–117; *Иванов С.А.* Взаимоотношения Руси и Степи в концепциях евразийцев и Льва Гумилева // Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10. С. 213–218. Ср.: *Добрев П.* Стопанска култура на прабългарите преди заселването им в наши земи // Първи международен конгрес по българистика: Доклади. Симпозиум "Славяни и прабългари". С., 1982. С. 49–60.

[2] Одной из важнейших причин расселения славян в лесостепной зоне была возможность спасения в лесах во время нападения кочевников, которые в залесенной местности оказывались беспомощными перед противниками-пехотинцами. О подобном поведении славян на рубеже VI–VII вв. в момент военной опасности пишет Маврикий в своем "Стратегиконе" (Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 368, 370, 372 и сл.).

[3] Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир: Средние века – раннее новое время. Сб. тез. 17-й конференции памяти В.Д. Королюка.

[4] Гуннское владычество в конце IV – середине V в. на огромных пространствах Европы как пример длительного симбиоза оседлого и кочевого народов следует здесь оставить в стороне: мы не можем пока уверенно говорить о славянах как о вполне сформировавшейся к тому времени этнической общности.

[5] См. эти работы, объединенные в одном сб.: *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 192–348.

[6] См. об этом: *Литаврин Г.Г.* Известия Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян // Там же. С. 557–567.

[7] О возможном участии славян этого региона в походе хагана аваров на Константинополь в 626 г., см.: Свод древнейших письменных известий о славянах (VII–IX вв.). М., 1995. С. 311. Примеч. 254.

[8] См.: *Войнов М.* За първия допир на Аспаруховите българи със славяните и за датата на основаването на българската държава // Изв. на Института за българска история. 1956. № 6. С. 464; *Chrysos E.* Die Nordgrenze des byzantinischen Reiches im 6. bis 8. Jh. // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 6. Jh. B., 1987. S. 27–40; *Литаврин Г.Г.* К проблеме становления Болгарского государства // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. С. 198–199.

[9] Речь идет о реке, а не о гораздо позже возникшем городе (*Дуйчев Ив.* Проучвания върху българското средневековие. С., 1945. С. 163).

[10] Свод древнейших письменных известий... Т. II. С. 280, 282, 288.

[11] Там же. С. 284, 286, 323.

[12] *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С., 1979. С. 152, 154, 159.

[13] Свод древнейших письменных известий... Т. II. С. 234. Ср. С. 282.

[14] Там же. С. 230, 232.

[15] Там же. С. 282, 284, 329–321.

[16] Там же. С. 282.

[17] *Литаврин Г.Г.* Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII–XI в.) // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. С. 262.

[18] См., например: *Дуйчев Ив.* "Именник на първобългарските ханове" и българската държавна традиция // Векове. 1973. № 3. С. 8–10; *Горина Л.В.* Взаимодействие протоболгарской и славянской культур (Именник болгарских ханов в составе Еллинского летописца) // Славяне и кочевой мир. С. 26–27.

[19] *Иванов И.* Богомилски книги и легенди (Фототипно издание). С., 1970. С. 281.

[20] Ср.: *Цветкова П.* Славяни ли са българите? С., 1988.

С.А. Иванов

МИССИЯ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ К СЛАВЯНАМ И КОЧЕВНИКАМ: ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ

В отличие от Западной церкви церковь Византии никогда не формулировала своих миссионерских задач. О целях, приоритетах, методах и препятствиях на пути обращения "варваров" восточнохристианскими миссионерами можно судить лишь по отрывочным данным, косвенным свидетельствам и риторизованным декларациям.

Возможно, поэтому история византийской миссии еще не написана, а имеются лишь соответствующие разделы в трудах по всеобщей истории миссионерства[1]. Пока что исследователь может опереться, помимо кратких замечаний в обзорных монографиях по византийской истории[2], лишь на очень небольшое количество византиноведческих статей, в которых взгляды ромеев на обращение "варваров" трактуются не с религиозных[3], а с научных позиций[4].

В отличие от истории миссии история христианства является как раз весьма разработанной научной темой; довольно тщательному анализу подвергались как первые попытки обращения славян[5], так и опыты по христианизации кочевников[6], не говоря уж о безбрежной литературе, посвященной катехизации конкретных стран: Моравии, Болгарии, Венгрии, Руси. Ниже мы попытаемся не повторить ничего из уже сказанного и сосредоточиться на том, что обычно ускользает от внимания исследователей. Нас не будут интересовать результаты христианизации как таковые. Наша задача – взглянуть на византийскую миссию с точки зрения самих византийцев, не "извне", а "изнутри".

I

Христианские миссионеры в собственном смысле слова, т.е. люди, сознательно стремившиеся проповедовать свою религию, добрались до "варваров", живших за пределами Империи, существенно позднее, чем те узнали о новой религии. Сведения о христианстве распространялись через купцов, через наемников (к числу последних можно отнести, например русского первомученика варяга, который "пришелъ изъ Грекъ и держаше веру хрестеянску"); через соседей-"варваров", но главным образом – через пленных и заложников. Именно из этой последней категории вышли такие знаменитые "апостолы", как Фрументий (Эфиопия), Ульфила (готы), Нино (Грузия), Григорий (Армения) и т.д. В этом смысле вполне типичным выглядит знакомство с православием, например, болгарского царя Бориса, как оно изложено Продолжателем Фео-

фана: "То ли из-за какого-то сна или видения, то ли по другой причине написала Феодора (византийская императрица. – *С.И.*) архонту Болгарии Борису и настоятельно попросила его разыскать... некоего монаха по имени Феодор, по прозвищу Куфара (он незадолго до того попал в плен)... и отослать его к ней. Тогда и Борис... попросил через послов за свою сестру, плененную раньше ромеями и жившую тогда в царском дворце. Та же, счастливо обращенная в веру, обученная за время плена грамоте, да и вообще весьма уважавшая христианский чин, богопочитание и наше учение, как вернулась, не переставая стала молить брата, взывать к нему и бросать в Бориса семена веры. Борис же (а был он уже немного наставлен упомянутым Куфарой и знаком с таинствами) отправил монаха и в награду получил сестру. Впрочем, он остался, каким был, коснел в безверии и чтил свое суеверие. Однако бич божий (это был голод...)... изнурял его землю. И велел он призвать на защиту от беды Бога, того самого, коего постоянно чтили и восславляли его сестра и Феодор. Избавившись же от бед, обратился к богопочитанию, сподобился в купели второго рождения и переименован был в Михаила, по имени царя – и все от руки посланного ему из царицы городов архиерея"[7].

Хотя после первичной катехизации самозванные миссионеры всегда обращались к византийской иерархии с просьбой о помощи в учреждении церковной организации, активность Константинополя в этих случаях была лишь ответной реакцией и не выражала с четкостью его миссионерскую концепцию.

Второй формой христианизации, не инициированной со стороны Константинополя, следует признать обращения приходивших в империю "варваров". Любопытной, характерной исключительно для Византии "перверсией" самой сути миссионерства были обращения у подножия столпа, на котором стоял монах-столпник. Например, знаменитый святой V в. Симеон Стилит, разумеется, не ходил ни к каким "варварам" и никого не обращал – и тем не менее "сей ярчайший светоч наподобие солнца повсюду рассеивал свои лучи, и можно было видеть, как ивиры, армяне, персы приходили и вкушали божественное крещение. Исмаилиты же прибывали группами: в одно и то же время приходило по двести, по триста человек. Случалось, что и тысяча человек (сразу) отказывалась от отеческого заблуждения и с криком разбивала пред тем божественным столпом почитавшиеся ими ранее идолы и отказывалась от оргий в честь Афродиты... Они вкушали божественных таинств и принимали законы от того священного языка и расставались с отеческими обычаями (τοῖς πατρώοις ἤθεσι χαίρειν φράζουσι), и отвергали привычку питаться дикими ослами и верблюдами. Я сам был очевидцем этого и слышал, как они отказывались от отчего злочестия и принимали евангельское учение. Такой луч богопознания возжег сей столп в сознании варваров"[8].

Уже здесь отмечается первое важное различие между обращаемыми "варварами": ивирам, армянам и персам достаточно одного крещения, а вот кочевники-исмаилиты должны еще и отказаться от своих обычаев и, главное, гастрономических пристрастий. Причем, как связа-

но христианство с запретом на употребление в пищу ослиного и верблюжьего мяса, не поясняется, это кажется само собой разумеющимся.

Третья форма "миссионерства наизнанку" – это визиты в Константинополь "варварских" правителей[9]. Там крестились как славянские (Ольга), так и кочевнические князья (Цзат, Грот, Греп, Дюла, Булчу, Кеген, Тирас и др.)[10]. Восприемником был обычно император. Крестил же их лично патриарх. Георгий Монах рассказывает следующий анекдот: «При императоре Анастасии епископ Константинополя Девтерий, крестя некоего варвара, осмелился произнести: "Крещается такой-то во имя Отца, через Сына во Святом Духе (еретическая формула. – *С.И.*)". И купель тотчас высохла. Варвар же, испугавшись, голым убежал, и от него это чудо стало всем известно»[11]. Мы не знаем, какой "варвар" здесь имелся в виду, но очевидно, что патриарх не стал бы крестить простого человека.

Обряд сопровождался дарованием имперских титулов, крестильных одежд и драгоценных подарков. Иногда "варварские" аристократы или сам князь женились на гречанках. Все это, как неоднократно указывалось в литературе, имело целью политически привязать племенную элиту к Византии. Относительно кочевых вождей ни один из источников не сообщает о какой бы то ни было одновременной катехизации их самих или их свиты. В 527 г., как рассказывает Малала, «князь герулов по имени Греп вступил на ромейскую территорию и прибыл в Константинополь со своей дружиной. Он совершил поклонение императору и попросил сделать его христианином. Он был крещен на святое Богоявление, причем сам император Юстиниан был его восприемником при святом крещении. Вместе с ним крестились его сенаторы и двенадцать из его родственников. Осыпав его множеством подарков, император отослал его. Он со своей дружиной отправился восвояси, а император ромеев напутствовал его: "Когда ты будешь нужен, я тебе сообщу!"»[12].

В том же году "предводитель гуннов, (что) около Боспора, по имени Грод, также прибыл к императору. Он приехал в Константинополь и был крещен. Император был его восприемником при крещении и, дав ему множество подарков, отослал его назад в его страну, защищать ромейскую территорию"[13]. А вот, например, рассказ Скилицы о событиях X в.: "(Венгерский) князь Вулосуд (Булчу), притворившись (ὑποκριθείς) будто полюбил христианскую веру, прибыл в Константинов град. Его крестили, причем Константин стал его восприемником, он был почтен титулом патрикия и сделался хозяином больших богатств. Потом он отправился восвояси. Через некоторое время Гилас (Дюла), другой князь турков, явился в столицу, был крещен и тоже удостоился таких же благодеяний и почестей"[14].

Печенежский вождь Тирах, будучи разгромлен византийцами в начале зимы 1048 г., "вместе с приближенными ста сорока людьми был приведен к императору. Тот принял его ласково и, крестив и возвеличив величайшими почестями, содержал его в роскоши"[15]. В отличие от перечисленных выше случаев княгиня Ольга «просвещена же бывши, радовашеся душею и телом. И поучи ю патреархъ о вере, и рече ей: "Бла-

гословена ты в женах руских, яко возлюби свет, а тьму остави. Благословити тя хотять сынове рустии и в последний родъ внукь твоих". И заповеда ей о церковномъ уставе, о молитве и о посте, о милостыни и о въздержаньи тела чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья. И поклонившися патреарху, глаголющи: "Молитвами твоими, владыко, да схранена буду от сети неприязньны". Бе же речень имя ей во крещеньи Олена... И благослови ю патреархъ, и отпусти ю»[16].

Можно ли говорить на основании этого пассажа, что Ольге был оказан особый прием или перед нами лишь русская литературная легенда? Ведь Скилица рассказывает о ее визите теми же словами, что непосредственно перед этим о венгерских князьях: "И жена русского князя, некогда нападавшего с флотом на ромеев, по имени Эльга, после смерти ее мужа приехала в Константинополь. Крестившись и выказав искреннюю приверженность вере, она была осыпана почестями за свою приверженность (τῆς προαιρέσεως) и отправилась домой"[17]. Можно ли счесть, что под "приверженностью вере", о которой применительно к венграм хронист ничего не пишет, скрывается та самая первичная катехизация, о которой идет речь в летописи? Впредь до более полного изучения всего корпуса свидетельств следует воздержаться от подобных обобщений.

Как бы то ни было, главная катехизация начиналась после визита, когда византийские священнослужители выезжали по просьбе "варварских" правителей прямо на место. Так, в 953 г. мадьярский князь Дюла, уезжая из Константинополя, "взял с собой и одного монаха по имени Иерофей, знаменитого своим благочестием. [Константинопольский патриарх] Феофилакт рукоположил его епископом Туркии. Оказавшись там, он многих привел к христианству, (освободив) от варварского заблуждения. Что касается Гиласа (Дюлы), то он пребывал в вере и ни сам никогда не совершал набегов против ромеев, ни оставил без попечения пленных христиан – выкупал их, заботился о них и отпускал на свободу. Что же касается Волосуда (Булчу), то он пренебрег заветом от Бога и частенько вместе со всем племенем выступал против ромеев"[18].

О "епископе Туркии" мы еще поговорим. Летом 1048 г. вождь одного из печенежских племен "Кеген, приехав в столицу, вступил в переговоры. Император принял его приветливо и гостеприимно. Когда (Кеген) пообещал и сам принять святое крещение, и убедить сделать то же самое своих спутников, он был возведен в достоинство патрикия, а также получил три крепости, из числа возведенных на Истре, и много стадиев земли. В дальнейшем его числили (ἀνεγράφη) среди друзей и союзников ромеев. Более того (τὸ πλέον δ'), он, как и обещал, принял святое крещение, как сам, так и те, кто был с ним – был послан некий благочестивый монах Евфимий, который устроил Божественную купель возле Истра и всех оделил святым крещением"[19].

Итак, православные миссионеры чаще всего появлялись у "варваров" по приглашению местных правителей. К этому же типу "приглашенного миссионера" относится и тот епископ, о котором, как утверждается в нескольких византийских источниках, просили у ромеев русы

в 867 г. Также "приглашенными миссионерами" можно считать Константина и Мефодия в Великой Моравии, того же Константина в Хазарии, безымянного "философа", просвещавшего Владимира Киевского и др. Все эти люди, хотя иногда и подвергали себя опасностям, все-таки шли к "варварам" не на свой страх и риск, а под гарантии правящих князей, чувствуя за спиной поддержку Империи.

II

На Западе в VII в. появился несколько иной тип миссионера – бродячий проповедник, peregrinus pro Christi amore. Сначала это были ирландские монахи, потом северофранкские, потом италийские; позднее, в XII–XIV вв., эстафету подхватили францисканцы. Эти бродячие проповедники вызывали подозрения у своих "территориальных" иерархий, но зато обладали и огромным преимуществом: они не навязывали "варварам" церковного подчинения соседним христианским державам – подчинения, всегда чреватого потерей политической независимости. В Византии такой тип бродячего миссионера не был распространен, поскольку церковные задачи были там неотделимы от политических, но он встречался на соседствовавшем с Империей Кавказе. Например, Моисей Каганкатваци в своей "Истории агван" сообщает, что в IV в. Григорис, внук Григория Просветителя, "исполнял повеление воплощенного Сына Божия: странствовал по всем язычникам, крестя их во имя Отца, Сына и Святого Духа. Взяв частичку от крови великомученика Захария… и мощи св. Пантелеймона… он отправился в страну масктов (гуннов-свиров, иногда именуемых еще маскутами. – *С.И.*) и предстал перед Самасана, царем масктов. Там он проповедовал единую творческую силу неизреченной Троицы и воплощение Сына Божия, творение многих чудес на земле, распятие, смерть, воскресение на третий день, вознесение тем же телом на небо, также явление Его для суда над мертвыми и живыми во втором Пришествии. С радостью они принимали все и веровали".

Благостная картина нарушается, как только Григорис «в проповедях своих изъявлял волю благодетельного Бога: не разорять, не грабить и не красть, но трудиться руками, наслаждаться человечески и быть блаженными в Боге. Но они говорили: "Это лукавство армянского царя – чтобы препятствовать нам опустошать Армению. Чем же нам жить, если мы не станем грабить?"»[20]. Незадачливый миссионер был привязан к хвосту дикой лошади и пущен по полю.

Ни одной подобной истории про византийских проповедников мы не знаем – видимо, Империя всегда заботилась о гарантиях для миссионеров, точно так же, как она обеспечивала безопасность своих дипломатических представителей. В этом сближении нет ничего парадоксального, потому что когда византийцы пытались сформулировать, зачем нужно крестить "варваров", то ответ всегда был один: чтобы ослабить их агрессивность. Например, Иоанн Златоуст, в целом отличавшийся гораздо большей терпимостью к "варварам", нежели его современники, писал недрогнувшей рукой: "Звероподобнейших из людей

[вера] приведет в такую кротость... что они сделаются одним стадом с кроткими и мирными людьми. Вы видите сегодня, что самые варварские из людей стоят рядом с овцами в церкви"[21]. А вот Афанасий Александрийский: "(Варварам), суевереным сверх нормального и диким нравом, Господь через своих учеников не только возвестил о добродетели, но и убедил переменить дикость нравов (τὴν μὲν τῶν τρόπων ἀγριότητα μεταθέσθαι), не чтить больше отчих богов... Они отвергли жестокие убийства и более не жаждут войн"[22].

Такое же отношение к "варварам" можно проследить почти у всех отцов Церкви[23]. Оно не менялось на всем протяжении византийской истории. Приведем лишь несколько примеров. Иоанн Камениата пишет о болгарах: "С тех пор как купель божественного крещения уподобила племя скифов христоименному народу (ромеев) и млеко благочестия равно распределяется между обоими, ослабло военное напряжение, утратил энергию жаждущий убийств меч"[24].

Весьма часто в работах о крещении Руси цитируется послание патриарха Фотия к Антонию, епископу Боспорскому, в котором впервые упоминается, что народ "рос" склонился под сень веры. Но почти всегда цитаты вырывают из контекста, а контекст этот весьма поучителен. Фотий пишет: «Скифское море некогда было "Негостеприимным"... Мелетяне же своим человеколюбием и умеренным государственным управлением (ἡμέρῳ πολιτείᾳ) смягчили зверский и варварский нрав (τὸ τε θηριώρως καὶ βάρβαρον ἐξημέρωσαν ἦθος) (скифов) и превратили ("Негостеприимное" море) в Гостеприимное (Эвксинское). Ныне же через тебя, благодаря твоим подвигам и трудам во имя добродетели, а также прочему (твоему) попечению о божественном, (это море)... называется не только "Гостеприимным", но и "Благочестивым"»[25].

В глазах православного патриарха подвиг крещения варваров практически равен подвигу древних язычников, жителей Мелета, которые, выведя колонии на Понт, заложили фундамент для того "смягчения варварского нрава", которое нашло свое благополучное и логическое завершение в акте христианизации.

И последний пример. Когда в XI в. император Алексей Комнин посетил святого Кирилла Филеота и спросил его, заслужил ли он спасения души, тот, согласно житию, ответил утвердительно и в доказательство перечислил все царские добродетели, а в конце добавил: "Упомяну о скифах: ведь они были волками, пока ты с Божьей помощью и [по Его] милости однажды не обратил их, как чувственно, так и духовно, и не сделал из них овец"[26].

III

Итак, крещение "варваров" несло цивилизованному христианскому государству несомненные политические выгоды. Какие же выгоды оно обещало самим новокрещаемым? Миссионеры обязаны были найти ответ на этот вопрос, если не хотели повторить печальную судьбу Григориса. Миссионерская практика постепенно обогащалась.

В середине VI в. сирийский автор Захария Ритор рассказывает о появлении христианства среди гуннов в прикаспийских степях, примерно там же, где задолго до него проповедовал Григорис. Эти народы, пишет Захария, "живут в палатках и питаются мясом скота, рыбой, мясом диких животных, они живут за счет своего оружия. После того как пленные были уведены от ромеев и приведены к гуннам, они оставались в их земле 34 года. Тогда к человеку по имени Кардост, епископу в земле Арран, явился ангел, как сообщил нам этот епископ..."[27] Ангел велел ему отправляться к гуннам, что он и сделал еще с семью спутниками. Прибыв к гуннам, они преподали им духовное наставление, а заодно крестили "множество гуннов", перевели на их язык Писание. Кардост оставался там 14 лет, после него у гуннов был "другой армянский епископ по имени Макарий", который "сажал овощи и сеял зерно", построил "церковь из кирпича". "Когда владыки этих народов познакомились с этими нововведениями, они были изумлены и обрадовались этим людям. Они почитали их, и каждый звал их в свою местность и к своему племени. И они просили их быть их учителями. Они остаются там до сих пор"[28]. Таким образом, миссионеры доказывали свою нужность "варварам", выступая в роли цивилизаторов. Второе нововведение касалось сути проповедуемой ими идеологии.

Когда в VII в. все те же кочевые племена Прикаспия начали вновь разорять христианское Агванское княжество, князь Вараз-Трдат "совещался с князьями и католикосом Илиазаром: "Войска гуннов нашествуют на страну нашу... Изберите из страны нашей епископа, чтобы он отправился ... и расположил их к миру и неразрывной любви"[29]. Как видим, цели князя были весьма эгоистичны. В качестве миссионера 22 декабря 684 г. к "варварам" отправился епископ Мец-Когмана Исраэль[30]. Рассказ Моисея Каганкатваци о миссии Исраэля слишком пространен, чтобы его цитировать хоть сколько-нибудь полно. Мы вернемся к нему ниже, а сейчас отметим главное, что отличает "апостольство" Исраэля от "апостольства" Григориса. Выслушав рассказы миссионера, верховный князь "гуннов" Илитвер сказал приближенным: "Господь послал нам руководителя жизни в лице этого епископа. ⟨...⟩ Возьмем себе в пример все страны, принявшие эту веру, и великое царство Римское. Говорят, что был некоторый царь Константин, который построил Константинополь. Говорят, что он был первым христианином этого царства. И до того был верующим муж этот, что ангел Божий служил ему. И великой победой этой веры он сокрушил всех врагов своих. Если посредством христианской веры можно сделаться столь славным и победоносным, за что же мы станем медлить веровать в Бога живого. Вот – учитель заповедей Божиих, епископ Израиль. Давайте попросим его, чтоб он остался в стране нашей и просветил нас"[31].

Христианство из религии ненасилия, каковой она представала в проповеди Григориса, превратилась в рецепт военной удачи, чем немедленно прельстила "варваров". Упоминание о могуществе Византии было безопасно в конкретных условиях Прикаспия, где кочевники могли не опасаться этого могущества. У нас нет похожих данных о

впечатлении, какое производили собственно греческие миссионеры, но можно предполагать, что Исраэль пользовался общеупотребительным набором клише: ведь его ссылка на ангела, который служил императору Константину, весьма сходна с тем, что рекомендует говорить "варварским" послам Константин Багрянородный. Он советует сыну, "...если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских, а подобное случается частенько", царские одеяния или греческий огонь, отвечать, что все это получено лично императором Константином Великим от ангела[32]. До сих пор этот пассаж воспринимался исследователями как воплощение византийского дипломатического цинизма, но, быть может, он был частью "миссионерского нарратива" и подразумевал некое туманное обещание когда-нибудь все-таки дать желаемое, если "варвары" примут крещение – недаром ведь среди народов, просящих об одеяниях и о греческом огне, ни один христианский не упомянут. Вообще, льстивое уподобление новокрещенного правителя Константину Великому было, по всей видимости, общим местом "миссионерского нарратива": этим именем называют себя правители в самых разных частях тогдашнего мира – например, суданский царек начала VIII в. Меркурий[33]. Так же именует царя Бориса патриарх Фотий[34], так же именовался Владимир Киевский[35] и т.д. В порядке курьеза можно отметить, что новым Константином именовался и самый последний из восточнохристианских монархов – император Эфиопии Хайле-Селассие[36].

В чем еще заключался "миссионерский нарратив"? Как ни странно, весьма скромную роль в нем играло чудотворение. Один из немногих случаев, когда в качестве побудительного мотива для крещения называется чудо, это загадочное "первое обращение" Руси. В Жизнеописании Василия Македонянина, составленном Константином Багряноородным, читаем: «Однажды князь этого племени собрал сходку... и стал рассуждать... о вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных божьих деяниях. На это росы тут же ответили: "Если сами не узрим... того, что рассказываешь ты о трех отроках в печи, не поверим тебе..." И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской»[37]. Епископ, помолившись, сделал это, но книга осталась нетронута огнем. "Видя это, варвары, пораженные величием чуда, немедленно начали креститься", – заканчивает свой рассказ Константин Багрянородный.

Пожалуй, более важное значение, нежели чудеса, имело описание миссионером картин Страшного суда. При этом использовалась и "наглядная агитация". Вот что рассказывает Продолжатель Феофана: "Князь (Болгарии) Борис страстно любил охоту и пожелал ... картину, дабы днем и ночью иметь услаждение для глаз. Такое желание им овладело, и он пригласил одного монаха-художника из числа наших

ромеев по имени Мефодий, а когда тот к нему явился, по некому провидению божию велел писать не битву мужей, не убийство зверей и животных, а что сам захочет с условием только, что эта картина должна вызывать страх и ввергать зрителей в изумление. Ничто не внушает такого страха, знал художник, как Второе пришествие, и потому изобразил именно его, нарисовав, как праведники получают награды за свои труды, а грешники пожинают плоды своих деяний и сурово отсылаются на предстоящее возмездие. Увидел Борис законченную картину, через нее воспринял в душу страх божий, приобщился божественных наших таинств и глубокой ночью сподобился божественного крещения"[38].

Русская летопись приводит сходный рассказ об обращении Владимира Киевского: "(Философ) показа Володимеру запону, на ней же бе написано судище Господне, показываше ему одесную праведныя в веселье предъидуща въ рай, а ошюю грешника идуща в муку. Володимеръ же вздохнувъ рече: "Добро симъ одесную, горе же симъ ошюю". Онъ же рече: "Аще хощеши о десную с праведными стати, то крестися"[39]. В неопубликованном пока греческом Житии св. Панкратия описано, как миссионер использует в своей проповеди наглядный материал: картинки о жизни Христа[40].

Весьма зрелищным миссионерским жестом было публичное уничтожение языческих идолов и капищ. Центральный эпизод уже цитировавшегося рассказа Моисея Каганкатваци о проповеди Исраэля у "гуннов" – драматическая борьба миссионера со жрецами, пытавшимися отстоять священный дуб[41]. Важную роль играет уничтожение Константином Философом фуллъского священного дуба (мы позволим себе не останавливаться подробно на этом широко известном эпизоде)[42]. Весьма часто из священного дерева изготовляется большой крест, здание капища переоборудуется в церковь – такого рода жесты являются практически единственной частью рассчитанной на широкую аудиторию и дошедшей до нас миссионерской программы.

Что же касается собственно проповеди, то ее образчики, сохранившиеся в источниках, не могут не вызвать удивления: и речь Исраэля, обращенная к Илитверу[43], и речь "греческого философа" – к Владимиру[44], и письмо Фотия к Борису, и проповедь, вложенная в уста апостола Андрея в его житии IX в., – все они строятся на материале Ветхого завета, перегружены именами и излишними (с современной точки зрения) подробностями[45] и вряд ли способны были пленить воображение "варвара". Надо полагать, что наряду с этим обязательным корпусом существовал и факультативный, более увлекательный и открытый для внесения корректив самим миссионером. Но тяжеловесность основной части нарратива указывает на главную идеологическую особенность византийского миссионерства: греки не желали "профанации" своей религии. По словам Х.-Г. Бэка, "варваров как будто считали недостойными христианства"[46], и раз уж те готовы были его принять, на них обрушивалась вся тяжесть византийской догматики.

IV

Хотя миссионерская мысль восточнохристианской церкви и работала над тем, чтобы сделать христианство более привлекательным для "варваров", все же следует признать, что даже в период расцвета византийской религиозной экспансии требования греков к неофитам казались последним излишне суровыми. Например, как Исраэль в VII в. требовал, чтобы "гунны" отказались от многоженства[47], так и патриарх Фотий требовал того же в своем письме к новообращенному князю Борису Болгарскому[48]. Византийские миссионеры, работавшие в Болгарии, стремились мелочно регламентировать абсолютно все стороны не только религиозной, но и бытовой жизни "варваров". Из ответов папы Николая на вопросы (а на самом деле жалобу), посланные ему царем Борисом, следует, что греки запрещали болгарам ходить в баню по средам и пятницам, вкушать пищу в одиночестве, принимать причастие не подпоясавшись, есть мясо животных, забитых евнухами, или не выпустив из них кровь, креститься за накрытым столом, молиться о ниспослании дождя, носить штаны; при этом они зачем-то настаивали, чтобы, будучи в церкви, прихожане стояли, обязательно скрестив руки на груди[49]. Что касается самого папы Николая, то он не счел эти требования обязательными. Впрочем, не следует думать, будто понтифик во всем шел на поводу у неофита: папа подтвердил, что греки правы, запрещая болгарам использовать лошадиный хвост в качестве знамени, исполнять ритуальные танцы перед битвой, иметь несколько жен, использовать волшебные камни, приносить клятву на мече, носить на шее амулеты, молиться за умерших в язычестве родителей[50]. Очевидно, что папские запреты касались более сути доктрины, тогда как византийские – культурных обыкновений.

Еще сильнее проявились различия в миссионерской практике Запада и Востока при их столкновении в Великой Моравии. Византийские миссионеры обвиняли своих латинских соперников в попустительстве к языческим обрядам мораван и к многоженству (теоретически, как мы только что видели, осуждавшемуся Святым престолом, но на практике допускавшемуся). Когда Мефодий стал архиепископом, он установил гораздо более суровые наказания, чем те, которые практиковались франкскими клириками[51]. Все это привело лишь к одному: правящий класс Моравии начал тяготиться новыми установлениями, и в конце концов князь Святополк изгнал православных миссионеров из своей страны.

Византийская церковь извлекла урок из неудач 860–880-х годов: когда через четверть века перед ней замаячила перспектива крещения Алании, то патриарх Николай Мистик занял гораздо более гибкую позицию. Хотя инициатива обращения Северного Кавказа принадлежала не Константинополю, а Абхазскому княжеству, тем не менее и сам Николай совершил несколько смелых шагов: во-первых, отправлял в Аланию миссионеров из своего ближайшего окружения, во-вторых, не выпускал их из зоны внимания и следил за их деятельностью и, наконец, начал тот процесс, который вскоре привел к включению этой епархии

в структуру вселенского патриархата. Это была революционная новация: ведь до тех пор диоцезы основывались, пусть даже на иностранной территории (например, Болгария), но в пределах исторических границ Римской империи. При традиционализме византийского взгляда на мир это было очень важно. Земли же к северу от Кавказского хребта являлись совершенно новым полем, и включение их, а затем и гигантской Руси в патриарший домен открывало в его истории новую страницу.

В письме Петру, архиепископу Алании (№ 133), датируемом 914–916 гг., Николай признает, что ему понятны жалобы иерарха на свою жизнь и что он заранее предвидел, какие тяготы выпадут на его долю. Он, однако, призывает Петра помнить о божественном воздаянии за его труды и утверждает, что сам он постоянно думает "о спасении того народа, к которому (Петр) был послан в качестве поводыря и спасителя после первого нашего спасителя и Бога"[52]. Отвергая обвинения в том, будто Николай забыл своего посланника, он пишет, что помнит о нем "хотя бы уж потому, (что печется о) спасении народа, недавно призванного к благочестию, (продолжает) заботиться о нем и (желает) увидеть дело (Петра) завершенным"[53]. После этой, как всегда у патриарха многословной вводной части, Николай переходит наконец к ответу на тот конкретный вопрос, который, очевидно, и содержался в письме Петра. Миссионер интересовался позицией патриарха по вопросу о многоженстве; раньше, как мы видели, Византия занимала здесь непреклонную позицию, и потому взгляды Николая Мистика следует без преувеличения назвать революционными: "Что же до незаконного брака, то если это сожительство можно расстроить убеждением и обучением, то всякая хвала Богу. Но если делу (борьбы с многоженством) противостоит сила, пусть по крайней мере это зло не развивается дальше. Начиная же с настоящего времени, пусть этому народу будет запрещено осквернять себя подобными браками. Этой цели ты достигнешь, обращаясь с настойчивыми увещеваниями к предводителю народа и к тому мужу, которому подобное сожительство разрешено по той причине, что оно уже свершилось"[54].

Письмо № 52 также обращено к архиепископу Алании Петру. Оно написано вместо недошедшего письма №133 и также относится к 914–916 гг.[55]: "Ты назвал меня забывчивым... и заявил, что... я отбросил... любовь к чадову служению, которое, обещая великое отдохновение у Бога, тем не менее в здешней жизни приносит нелегкую борьбу и труды... Знай... что мы писали тебе не единожды, но дважды и трижды. Правда, написанное до тебя не доходило. Так что не приводи нам в качестве причины (мнимого) забвения ни отъезд в чужую страну ни что-либо еще... Мы знаем, что ты идешь дорогой опасностей и испытал пещь страданий... но я настолько далек от того, чтобы убиваться по поводу неудобств той страны, о которых ты рассказываешь, что даже молюсь о том, чтобы... и мне обрести часть в твоих тяготах... Разве ты не знаешь, что наш человеколюбивый Спаситель, низведший себя с высот славы Своей ради спасения погибших, дабы привести к свету благочестия тех, кто блуждал во тьме нечестия, (Он) и тебя назначил для той самой службы, которую выбрал Сам... Сравни (со своими) муки блаженных апосто-

лов... и тех, которые выбрали дорогу Евангелия от их (времен) и вплоть до сегодняшнего дня... Сравнив с нашими (страдания) наших товарищей (ὁμοταγέσι), не будем переживать из-за того, что мы терпим нечто, что было и с ними, но [станем переживать] лишь в том случае, когда наши страдания в чем-то уступают (страданиям) блаженных наших отцов"[56].

В этом письме Николай еще раз формулирует свою, как мы уже сказали, совершенно неслыханную раньше в Византии позицию: "Относительно того, что ты написал насчет брачных обрядов, противных установлению церкви, и всего остального, что приводит исполнителей (этих обрядов) к языческому обычаю, то твоя разумность не может не знать, что переход от языческой жизни к точному следованию Евангелию не бывает легким. Поэтому следует преподносить им учение и ведущее к благу наставление неотступно, по-отечески и с кротостью. И если они в чем-то подчиняются, следует возблагодарить за это Того, кто придал (силу) благодати твоим поучениям. Если же ты видишь, что они на что-то негодуют, выноси это терпеливо, особенно если ослушники принадлежат к высшему сословию этого народа (τῆς ὑψιλοτέρας τάξεως τοῦ ἔθνους) – не к управляемым, а к тем, кому выпало управлять. Что же касается подвластных, можно тебе, если придется, прибегать и к более суровым и насильственным мерам, впрочем, несообразностей не следует допускать никоим образом. Когда речь идет о тех, кто вполне способен чинить помехи в деле спасения всего народа, необходимо рассчитать, как бы мы, сурово обойдясь с ними, не утратили их, вконец разъярив и полностью восстановив (против себя) и верхи и низы. У тебя перед глазами множество примеров человеческого поведения: ведь и врач частенько отступает перед тяжестью заболевания, и кормчий не пытается сверх возможного вести свой корабль против течения, и тот, кому вверено командование, зачастую даже против желания подчиняется напору войска. Знаешь ты и то, как обстоят дела у нас: учитель... щадит бесстыдство непослушных учеников и поддается им на время, только бы они все-таки слушали урок. Будь здоров!"[57].

Таким образом, византийцы смягчили свою прежде непреклонную позицию относительно многоженства, особенно знати. Личности Петра и Евфимия предстают из писем партиарха как вполне узнаваемый тип миссионера в чужой дикой стране. Другой формой смягчения прежнего византийского ригоризма можно считать следующий факт: греческие епископы, насаждавшие на Руси христианство после ее крещения, согласились с доводами князя Владимира, что в стране не следует вводить нормы византийского права: "И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дедню"[58]. Видимо, и здесь также был учтен неудачный опыт Великой Моравии.

V

Следует признать, что мы плохо знаем, как строилась практическая деятельность миссионеров. Например, как решалась проблема языка? Идеи, что миссионеру нужно учить язык паствы, в Византии не было.

Даже знаменитое чудо "говорения на языках", описанное в Деяниях апостолов, не воспринималось последующими толкователями как прообраз будущего миссионерства к иноязычным племенам. С точки зрения Златоуста, это чудо имело совершенно иной смысл: "Крещенный тотчас заговаривал на нашем языке, и на персидском, и на индийском, и на скифском, чтобы и неверующие узнали, что он удостоился святого Духа"[59]. Упор делался не на лингвистику, а на чудо. Псевдо-Кесарий Назианзин (середина VI в.) пишет: "Галилеяне... для каждого племени переиначивали и язык. Парфяне, мидяне, эламиты и прочие народы – каждый слышал свой собственный язык... Они говорили о величии Божием, которое возвещали не благодаря грамматической тренировке, а благодаря духовной энергии"[60]. Принято считать, что Византия одобряла богослужение на "варварских" языках. Действительно, Златоуст поощрял готскую литургию. Но в целом греки питали исконное презрение к "варварским" языкам, хотя и не имели против них тех принципиальных возражений, которые выдвигал Рим. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия может рассматриваться скорее как исключение[61]. Во времена Фотия, т.е. как раз в период расцвета византийского миссионерства, византийцы особенно часто указывают на выдающуюся роль греческого языка, а иноязычие практически приравнивают к ереси[62] – налицо противоречие между эллинистическим духом имперского ренессанса при Василии Македонянине и миссионерским духом, охватившим тогда же имперскую церковь. До самого конца империи нормальным языком православия византийцы считали только греческий. Лаоник Халкокондил с изумлением пишет: "Они (аланы) бытийствуют в соответствии с верой Господа нашего Иисуса Христа, но языком пользуются совершенно особым"[63].

В идеале византийцы хотели бы, чтобы обращение "варвара" сопровождалось его немедленным чудесным переучиванием на греческий язык, – такое чудо описано в Житии св. Панкратия, где речь идет об "аварах", под которыми подразумеваются славяне[64]. На практике же византийцы, презирая "варварские" языки, с легкостью переуступали общение с их носителями другим, уже крещеным "варварам". Например, в Алании – абхазам. В письме № 51, датируемом 914–916 гг.[65] и обращенном к эксусиасту Авасгии Константину III, Николай хвалит его так: "Доказательство (твоего) боголюбия – то боговдохновенное рвение, которое ты выказывал и выказываешь в деле спасения народа алан и познания им правды. Мы слышали от разных людей, знающих твои подвиги, что ты с Божьей помощью проявил большое попечение в деле крещения аланского князя, а также в отношении тех, которые вместе с ним удостоились святого крещения... Ты предоставил все гостеприимство, какое возможно, нашему чаду, боголюбивейшему архиепископу"[66].

В Венгрии же греки переуступили поле деятельности славянам: если проанализировать христианскую лексику венгерского языка, то окажется, что слова *крест, поп, дьяк, суббота* и т.д. были заимствованы венграми только из болгарского. И. Тот удивленно констатирует: "Исторические данные свидетельствуют о двух ранних фазах миссионерской де-

ятельности византийской церкви среди венгров... Несмотря на это обстоятельство... в ранней христианской терминологии нет ни одного термина греческого происхождения"[67]. Насчет того, какие именно славяне оставили след в раннехристианской венгерской лексике, единого мнения нет. Д. Моравчик утверждает, что это были по преимуществу западные славяне, а от южных мадьярам достались только krereszt (крест) и ersek (архиепископ)[68], но для нас это теперь несущественно. Болгарским же посредством пользовались греки и на Руси (о чем свидетельствует только что найденный в Новогороде текст псалмов XI в.). Митрополит Никифор обращается к русской пастве: "Не дам ми бысть дар язычный... и того ради безгласен посреде вас стоя, и молчу много"[69].

Кому подчинялись византийские миссионеры во время своей работы среди "варваров"? Видимо, ими должны были заниматься иерархи пограничных епископий, например Херсонской. В письме № 106 Николай Мистик хвалит епископа Херсона за то, что он просветил какой-то народ. Письмо датируется второй половиной 920 г.[70] Текст достаточно тёмен: "А что до твоих усилий касательно того обманутого народа, который едва не был вырван из лона благочестия лукавым бесом, то мы очень это ценим и увещеваем тебя еще пуще, изо всех сил выказывать помышление и заботу об их спасении... Ведь если за приведение к Христу даже одной души полагается несравненное воздаяние... то пусть твоя мудрость взглянет, коликая благодать будет возложена на тебя за такое множество тех, кто из недостойных Бога сделался достойным. А насчет архиерея, который собирается быть с ними, то попечение (о нем) мы возлагаем на тебя: чтобы ты своим вдумчивым поиском нашел то, что окажется соразмерным для столь трудного дела, и чтобы отослал (найденного тобой человека) к нам, дабы мы рукоположили его во всесвятом Духе в епископский чин и сделали его пастырем для той паствы, что недавно лишилась пасущего"[71].

Еще более загадочен контекст письма № 68, которое издатель датирует временем перед написанием письма № 106 – 919 – первой половиной 920 г.[72] Читаем: "Что же до епископа Херсона, то твоя премудрость помнит, что мы своими собственными устами говорили и теперь заявляем в письменной форме: коль скоро туда из Хазарии прибыли (люди), просившие епископа, чтобы он произвел рукоположение тамошних пресвитеров, а также принял (на себя) заботу о чистоте веры (тамошних) христиан, – мы отрядили назначенного в Херсон архиепископа, дабы он с Божьей помощью отправился в Хазарию и выполнил то, что там требуется, а потом вернулся на ту кафедру, на которую был назначен, а именно в Херсон. Вообще ты, как сын церкви, позаботься соответственно и о помощи в деле, относящемся к Хазарии, и о поставлении и водружении архиепископа на его престол, когда он с Божьей помощью завершит дела в Хазарии. Пусть Христос, Бог наш, и в этом деле покажет тебя заслуживающим доверия"[73].

Но если миссионерская роль пограничных епархий самоочевидна, то отнюдь не очевидно, знали ли византийцы такую институцию, как миссионерская епископия, не имеющая единого центра. С одной сторо-

ны, ни в одном каноническом тексте такой организм не описан; с другой – в реальной жизни иерархов с подобными функциями[74] иногда все-таки назначали. Например, патриарх Иерусалимский Ювеналий поставил бедуинам епископа, жившего, как и они, в палатке. В Синаксаре Константинопольской церкви под 10 ноября поминается "память преподобного отца нашего Ефраима исповедника, епископа Гуннии"[75]. Такой же, по-видимому, статус был и у Иерофея (о котором речь шла выше) – "епископа Туркии", он был именно миссионерским епископом, без епархиального центра.

Обратим также внимание на один загадочный документ – это список епархий византийской церкви, сохранившийся в единственной рукописи XIV в., Парижской 1555А. Видимо, он был скомпилирован из разновременных записей, но когда, точно неизвестно. Чаще всего составление документа датируют VIII в., но есть в этом списке детали, относящиеся и к концу IX в.[76] Под номером 37 там поименована "епархия Готии", в которой перечислены "митрополия Дорос (епископы), хоциров, Астеля, Хвалиса, оногуров, Ретега, гуннов, Таматархи"[77]. В конце нотиции № 3 (без всякой связи с предыдущим текстом) прибавлены дополнительные сведения: "Епархия Готия: (епископ) хотциров (сидит) поблизости от Фулл и от Харасия, который называется Черная Вода. (Епископ) Астеля – Астелем называется река в Хазарии, имеется и крепость"[78]. Это перечисление крайне интересно – в нем всего два города: Дорос, находившийся в горном Крыму (на совр. Мангупе), и Таматарха (совр. Тамань). Последняя фигурирует и в других перечнях, но относится обычно к епархии Зихии, т.е. западному Предкавказью. Остальные же названия делятся на две группы. Во-первых, это этнонимы. Под хоцирами следует понимать то ли хазар, то ли фигурирующих у Приска Панийского акациров[79]. Оногуры и гунны имеются в виду опять же прикавказские. Во-вторых, это гидронимы: Астиль – это, скорее всего, Итиль, т.е. Волга; Хвалис – это Каспийской море; загадочный "Ретег" – это, видимо, река Терек. Дорийская митрополия, таким образом, охватывала гигантскую территорию Предкавказья и Прикаспия. Достаточно много написано о том, существовала ли такая структура на самом деле или это был лишь миссионерский проект. Большинство исследователей склоняется ко второй версии[80]. Но даже если список епископий – это по преимуществу черновой набросок, он представляет для нас огромную важность: значит, был в истории византийской церкви такой момент, когда она помышляла о создании обширной сети миссионерских епископий среди далеких "варварских" народов. Что же это был за момент? Самая ранняя возможная дата создания документа – 787 г., самая поздняя – конец IX в. Мы склоняемся ко второй дате: кажется маловероятным, чтобы в эпоху иконоборческих споров центральная константинопольская иерархия была в состоянии осуществить или даже запланировать подобные акции. Они вероятнее во времена Василия I, когда миссионерство действительно процветало.

Впоследствии епископии без епархиального центра также иногда упоминаются в нотициях. Естественно, так образовывались епископии

на территориях недавно обращенных племен – как внутри империи, так и за ее пределами. Любопытно, что словообразовательная модель бывает при этом двух видов. В первом случае этноним превращается в топоним и начинает походить на обычное епархиальное название. К этой категории можно отнести "Готию", "Аланию", "Другувитию"[81], "Хунавию"[82], "Сагудатию"[83]. Трудно сказать, от этнонима ли образовано название епархии "Смолене"[84]. Ко второй группе принадлежат "Вардариоты, или турки", "Хотциры"," Оногуры", "Унны"[85]. Разумеется, формы варьировались: так, "Готия" иногда выступает под именем "Готы"[86], а "Унны" превращаются в "Уннию" (см. выше) – правильнее сказать, что этнонимическую форму сохраняли епархии, призванные окормлять кочевые народы. Именно у таких заведомо не было одного епархиального центра.

VI

Применительно к XI в. и более позднему времени уже без натяжки можно говорить, что отношение византийцев к оседлым славянам и кончевникам, с миссионерской точки зрения, начинает отличаться. "Митрополит Алании, – как сказано в нотиции № 20 (конец XIV в.), – именуется также и митрополитом Сотириуполя"[87]. В позднем по происхождению патриаршем акте № 114 этот перенос объясняется так: с "незапамятных времен" Сотириуполь присоединен к Аланской митрополии, "ибо митрополия сия не имеет собственной архиерейской кафедры по той причине, что народ ее пастушеский"[88]. Далее объясняется, что ни один иерей не согласился бы принять столь неблагодарной паствы, если бы не имел на цивилизованной территории такого города, где он мог бы отдыхать. Про оседлых "варваров" ничего подобного не говорится. Выше уже цитировался рассказ о том, как кочевники-исмаилиты, чтобы стать христианами, должны были отказаться от своих пищевых привычек. Христос, по словам Петра Хрисолога, "приучил народы дикие, жаждущие добычи и убийства, питающиеся мясом, пьющие кровь, алчущие в зверином исступлении, к употреблению молока, зерна и вообще к овечьей кротости"[89]. Разумеется, гастрономические запреты, как мы видели, греки пытались накладывать и на болгар, однако, по мере того как славянские народы интегрировались в христианскую культуру Европы, "цивилизаторские" претензии постепенно отходили на второй план, тогда как "звероподобие" кочевников подчеркивалось все чаще.

Так, Иоанн Мавропод, епископ Евхаитский, в 1048 г. произнес похвальное слово на обращение печенегов. Поскольку этот текст не переводился на русский язык, позволим себе привести из него пространную цитату, отлично характеризующую мировоззрение византийцев: "Кто такие и откуда эти чужеродные люди, говорящие на причудливом языке? Кто столь невероятным обазом переделал дикий облик, зверские души и нелепые повадки (ἀλλόκοτον ὄψιν καὶ ψυχὰς θηριώδεις καὶ σχημάτων ἄτοπον θέαν)? Кто, со всем этим полностью покончив, при-

дал им большее человекообразие? Кто привел народ к Богу, которого тот не знал? Кто ввел внутрь церкви и города врагов Бога и императора? Эти люди (разрешите сказать в этой речи несколько слов и о них) были племенем, лишенным веры, племенем, как вы все знаете, нечестивым и беззаконным, скифами по роду, кочевниками по способам существования, дикими по нраву, гнусными и нечистыми по условиям жизни (ξωὴν καὶ δίαιταν). Кто-нибудь мог бы сказать, что они ничего иного и не достойны, – они не знали ни словесности, ни законов, ни религии, не были организованы ни в какой вид государственности, не были связаны никакими узами единомыслия. Более всего они были искушены в том, как совершать внезапные и разрушительные набеги на страну, как превращать все в добычу, как окровавленными руками превращать в жертву меча всех, кто попадается им на пути. И в нынешние времена они множество раз пытались вредить нашей (державе), пересекая Истр, на другом берегу которого они обитают. Не[90] знали ведь эти люди – скорее звери, а не люди! – нынешнего положения, (не знали), что держава (наша) уже не человеческая, но (благословенная) от Бога, божественная и (находящаяся) превыше (самой возможности) претерпеть зло... Случилось великое избиение варваров... они тотчас пали духом и, далеко отбросив оружие, простерли руки в мольбе, взывая к милости (нашей) державы (своими) варварскими и неразборчивыми голосами. Но та явилась (им) настолько быстро и была явлена им сверх всяческого ожидания, что теперь они стоят вместе с нами на удивление всем лицезрящим, словно превращенные из диких зверей в кротких людей, приведенные от своей прежней уродливости и странности (ἀμορφίας καὶ ἀτοπίας) к нынешней приветливости и радушию. Но самое прекрасное и изумительное то, что они из нечестивых и неверных (превратились) в благочестивых и верных, едва только удостоились купели нетления, как благодаря боголюбию (нашей) державы, так и по Божию человеколюбию. Сам (император) отметил их светом благодати, а от первозданного Духа получили они сей (новый) облик и преображение. Так умеет Бог устроять человеческое спасение, так правитель (умеет), победив врагов, защитить (их), спасая против их воли, приводя к славе не знающих (об этом), научая богопознанию с помощью подарков и почестей. И вот племя беззаконное стало племенем святым, новый Божий народ получился из того, который был издавна нечестив. Вновь действует призвание племен, вновь вера обрела чудесное приращение, и Евангелие смогло добраться до краев земли"[91].

Вот еще один пример обращения кочеников: в 1124 г. император Иоанн Комнин напал на турок-сельджуков в Малой Азии и, как рассказывает историк Иоанн Киннам, "обратив многих из них в благочестивую веру, увеличил тем самым численность ромейского войска. Ведь они, не занимавшиеся земледелием, пили молоко и ели мясо, подобно скифам, и всегда в разных местах прямо в поле разбивали шатры, становясь от этого легкой добычей для тех, кто хотел напасть на них"[92]. Этот небольшой пассаж весьма ярко характеризует отношение византийцев к крещению кочеников: говорится, что христианизация приве-

дет к смене образа жизни – с кочевого на оседлый, а это обеспечит бóльшую безопасность их собственной жизни. О спасении душ, пресмыкавшихся во мраке язычества, – у него ни слова!

В 1226 г. епископ Херсона в препирательстве с миссионером Феодором Аланским кричал в запальчивости о своей аланской пастве: "К черту нечестивых и безбожных алан, которые еще хуже скифов (т.е. язычников-татар. – *С.И.*)". Сам же Феодор сетует на осиротелость аланской паствы: "Воистину это была паства, разбросанная по горам, пустыням и пропастям, не имеющая ни загона, ни хижины – готовая добыча (лжеучителям, этим) диким зверям. Не было ведь у них и пастыря, хотя это являлось обязанностью для многих. Но даже если бы кто-нибудь и захотел, то не смог бы (стать таким пастырем): ведь они раньше даже не слыхали, каким положено быть епископу, хотя Павел, сия великая труба (намек на 14 главу 1 Послания Павла к Коринфянам. – *С.И.*), учитель народов и возглашал (поучения). Поэтому они думают, что это наше епископство – (вещь, служащая лишь) к роскоши и заботящаяся о вещах земных". "Увы, – восклицает далее Феодор, – на апостольском фундаменте было построено (здание аланского христианства) из соломы и тростника, и стало оно добычей пламени"[93].

Когда в 1253 г. миссионер Вильгельм Рубрук ехал через захваченные татарами причерноморские земли, его чрезвычайно поразила та нервозность, которая ощущалась между тамошними христианами по поводу употребления в пищу кумыса. Сам Рубрук попробовал этот напиток и спокойно отметил, что он "очень вкусный". Ханский наместник, сообщает он, которого мы посетили, "спросил у нас, хотим ли мы пить кумыс... ибо находящиеся среди них христиане – русские, греки и аланы, которые хотят крепко хранить свой закон, – не пьют его и даже не считают себя христианами, когда выпьют, и их священники примиряют их тогда (со Христом), как будто они отказались от христианской веры". К изумленному Рубруку приходили аланы и "спрашивали они и многие другие христиане, русские и венгры, могут ли они спастись, потому что им приходилось пить кумыс и есть мясо животных, или павших, или убитых сарацинами и другими неверными, что даже сами греческие и русские священники считают (это грехом)... Тогда я разъяснил им, как мог, научил и наставил их в вере"[94]. Зловещее значение, которое византийские миссионеры придавали кумысу, показывает, что в XIII в., точно так же, как греки в V в., наделяли религиозным смыслом культурное различие между кочевым и оседлым населением: кочевник, маркируемый кумысом, не может быть христианином. Рубрук рассказывает, что к нему пришел один "сарацин", выказавший желание креститься, но после долгих колебаний отказавшийся это делать, ибо кроме кумыса ему было нечем питаться. Ясно, что подобные воззрения, распространявшиеся греческим духовенством, в зародыше подавляли всякую возможность обращения кочевников.

Однако контакты оседлого православного населения с кочевниками продолжались, особенно в Крыму, а вместе с ними неизбежно происходила и стихийная христианизация. В греческом Синаксаре из Суг-

деи в Крыму есть заметки на полях, в которых фигурируют многие персонажи татарского происхождения, например: "архиепископ Сугдейский кир Зазария, сын Толайя"[95]. Весьма важные две надписи – 26 марта 1275 г.: "ἐτελίωθ οἱ δουλ τῶ Παρασκευῆ Τατάρίσσα χρίστ"[96], т.е. "скончалась раба Божия Параскева, христианская татарка", а в 1276 г.: "ἐτελιωθ ὁ δουλ τοῦ Θοῦ Ιῶ χτιστ τατρ"[97], т.е. "скончался раб Божий Иоанн, христианский татарин". Обе надписи сделаны неграмотным человеком, по всей видимости, принадлежавшим к низшему клиру Сугдеи. К нему же или к монашескому чину наверняка принадлежали и скончавшиеся татары.

О греческом православии в Золотой Орде данных у нас не очень много. В 1261 г. в столице монгольского государства была основана епископия, получившая наименование "сарайская и переяславская" (видимо, по тому же принципу, что "аланская и сотириупольская" – см. выше, т.е. соединяющая кочевой диоцез с "цивилизованным" городом), на которую русский митрополит Кирилл поставил Митрофана; в 1269 г. Митрофана сменил Феогност[98]. Трудно сказать, следует ли считать Феогноста русским или греческим миссионером: с одной стороны, он представлял в Орде интересы Руси, но с другой – сам был греком и активно использовался Константинополем для сношений с ханами. В 1276 г. епископ Феогност послал константинопольскому патриарху список вопросов, которые возникли у него в ходе пастырской деятельности среди "варваров" в Золотой Орде. Текст этих вопросов и ответов на них дошел до нас в двух не полностью аутентичных вариантах – греческом оригинале и древнерусском переводе. Ниже оба варианта будут цитироваться на равных и без специальных оговорок.

Жизнь епархии предстает из вопросов Феогноста как весьма нелегкая. "Вопрос 17: Аще мышь начнеть агнець (т.е. отгрызет часть просфоры. – *С.И.*), достоить ли имъ служити? – Ответ: Достоить, хотя бы четвертая часть осталась"[99]. "Вопрос 12: Можно ли совершать литургию иерею после того, как он ходил на войну и совершил убийство? – Ответ: Это запрещено канонами"[100]. "Вопрос 9: Можно ли давить виноград, добавлять воды и предлагать это на божественной литургии? – Ответ: Где не бывает вина, и есть нужда провести литургию, пусть делают так"[101]. Патриарх проявляет терпимость и гибкость: на все вопросы он старается отвечать утвердительно, применяясь к тяжелым условиям жизни епархии. Он разрешает крестить помногу детей сразу, не осуждает живущих вне церковного брака, позволяет духовным лицам разного ранга подменять друг друга и т.д. Невозможно поверить, что речь идет о преемнике Фотия, утверждавшего, что любой кирпичик, вынутый из здания православия, немедленно приведет к его крушению. Пожалуй, единственный вопрос, по которому патриарх Иоанн Векк сохраняет непреклонность, это проблема священника-убийцы, но и тут не все ясно: древнейшие рукописи русского перевода в этом месте расходятся с греческой версией и утверждают прямо ей противоположное. Итак, налицо продолжение толерантной линии византийского миссионерства, идущей от Николая Мистика.

Среди вопросов Феогноста многие характеризуют его деятельность как миссионерскую: «Вопрос 22: Приходящимъ от несториан и от яковит, как подобает крещати? – Ответ: Подобает ему прокляти свою веру... Вопрос 23: Приходящимъ отъ татаръ, хотящихъ крестится, и не будет велика съсуда, въ чемъ погружать его? – Ответ: Да обливаетъ его трижды, глаголя "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа"»[102]. Видимо, почти вся деятельность епископа проходила в дороге, на ходу. "Вопрос 13: Можно ли святые дары носить по дорогам? – Ответ: Да будет так"[103]. "Вопрос 21: Подобает ли, свещавъ трапезу, преносити отъ места на место, и на ней литоргисати? – Ответ: Подобаетъ, занеже по нужи есть. Ходящии людие не имеють себе упокойна места – но стрещи съ страхомъ и трепетомъ: въ чисте месте поставити ю и служити на ней"[104]. Заметим, что за некоторое время до этого эпирский канонист Димитрий Хоматиан, давая разъяснения другим "варварам", сербам, утверждал, что литургию можно совершать в палатке или шалаше, но вот в качестве священного престола не может быть использован никакой бытовой предмет[105]. Иоанн же Векк не только проявляет большую толерантность, но и демонстрирует некие общие познания о кочевниках и их психологии. Из его ответа следует, что Константинополь уже и раньше сталкивался с подобными проблемами. Мало этого, можно сказать, что к своему закату Византия выработала гибкую систему миссионирования, осуществлявшуюся смелыми, предприимчивыми и непредвзятыми энтузиастами. Видимо, византийская миссия в этот период могла бы начать развиваться по тем же направлениям, что и современная ей западная, однако сил на масштабные миссионерские предприятия у Византии уже не было.

[1] *Maclear G.F.* A History of Christian Missions During the Middle Ages. Cambridge, 1863; *Harnack A.* The Expansion of Christianity in the First Three Centuries. N.Y., 1904–1905. Vol. I–II; *Latourette K.S.* A History of the Expansion of Christianity. N.Y., 1938. Vol. II, etc.

[2] *Obolensky D.* Byzantine Commonwealth. Oxford, 1971. P. 150, 154–163, 170, 173–178, 180, 183–201; *Klostermann R.* Probleme der Ostkirche. Göteborg, 1955. S. 162–163, 172–173; *Onasch K.* Einführung in die Konfessionskunde der orthodoxen Kirchen. B., 1962. S. 212–215; *Langford-James R.A.* Dictionary of the Eastern Orthodox Church. N.Y., 1976. P. 83–84; *Meyendorff J.* Byzantine Theology. N.Y., 1976. P. 216–217; *Ahrweiler H.* L'ideologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975. P. 43–45; *Hussey J.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986. P. 90–92; *Beck H.-G.* Kirche in ihrer Geschichte. Göttingen, 1980. S. 47–51.

[3] Таковы, например, работы: *Σταυρίδου Β.* Ἡ ἱεραποστολικὴ δρᾶσις τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριαρχείου ἐπὶ τῇ βάσει τῶν ἀχῶν τῶν ἁγίων Κυρίλλου καί Μεθοδίου εἰς τὴν Εὐρώπην καὶ ἀλλαχοῦ // Θεοδογία. 1985. Τ. 56. Σ. 529– 531; *Voulgarakis I* Missionangaben in den Briefen der Asketen Barsanuphius und Johannes // Philoxenia. Münster, 1980. S. 293.

[4] *Engelhardt I.* Mission und Politik in Byzanz. Ein Beitrag zur Strukturanalyse byzantinischer Mission zur Zeit Justins und Justinians. Diss. München, 1974; *Beck H.-G.* Christliche Mission und politische Propaganda im byzantinischen Reich // La conversione al cristianesimo nell'Europa dell'Alto Medieoevo. Spoleto, 1967. P. 649–674; *Dvornik F.* Missions of the Greek and Western Churches in the East During the Middle

Ages // XIII International Congress of Historical Sciences, Reports, 7. Moscow, 1970; *Friend W.* The Missions of the Early Church, 180–700 AD // Friend W. Religion Popular and Unpopular in the Early Christian Centuries. L., 1976. P. 4–22; *Hannick Ch.* Die byzantinischen Missionen // Die Kirche des frühen Mittelalters, Erster Halbband. [Kirchengeschichte als Missionsgeschichte / Ed. K. Schäderdiek. München, 1978. Bd. II. S. 279–356; *Podskalsky G.* Die Sicht der Barbarenvölker in der spätgriechischen Patristik (4.–8. Jh.) // Orientalia Christiana Periodica, 1985. Bd. 51. S. 332–350; *Ševčenko I.* Missions Seen From Byzantium // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'–Ukraine / Ed. O. Pritsak, I. Ševčenko. Cambridge (Ma.), 1990. P.1–18.

[5] *Dvornik F.* Byzantine Mission Among the Slavs. New Brunswick, 1970; *Vlasto A.* The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970; *Waldmüller L* Die ersten Begegnungen der Slawen mit dem Christentum und den christlichen Völkern vom VI. bis VIII. Jh. Amsterdam, 1976; *Vavřinek V.* The Introduction of the Slavonic Liturgy and the Byzantine Missionary Policy // Beiträge zur byzantinische Geschichte im 9.–11. Jh. Pr., 1978. S. 255–281; *Ostrogorsky G.* The Byzantine Background of the Moravian Mission // Dumbarton Oaks Papers. 1965. Vol. 19; *Wirth G.* Рец. на: *Waldmüller L.* Die ersten Begegnungen... // Bonner Jahrbücher. 1985. Bd. 185. S. 691; Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988; *Angenendt A.* Mission zwischen Ost und West // Millenium Russiae Christianae. Bohlen; Köln et al., 1994. S. 3–21; *Schreiner P.* Die byzantinische Missionierung als politische Aufgabe: Das Beispiel der Slaven // Byzantinoslavica. 1995. Vol. 56. N 3. P. 525–533.

[6] *Müller L.* Byzantinische Mission nordlich der Schwarzen Meeres vor dem elften Jahrhundert // Proceedings of the XIII International Congress of Byzantine Studies. L., 1967. P. 29–38; *Moravcsik G.* Byzantinische Mission im Kreise der Türkvölker an der Nordküste des Schwarzer Meers // Ibid.; *Idem.* Byzantine Christianity and the Magyars in the Period of Their Migration // American Slavonic and East European Review. 1946. Vol. 5. P. 31–44; *Idem.* Byzantium and the Magyars. Bp., 1970.

[7] *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С. 72–73.

[8] *Georgii Monachi* Chronicon breve // Patrologiae cursus completus. Ser. graeca. P., 1865. Vol. 110. Col. 615. (Далее: PG).

[9] Конечно, наряду с правителями в Константинополе крестились и послы иностранных государей. Так, видимо, произошло и с теми десятью "мужами добрыми и смысленными", которых, согласно русской летописи, отправлял в Византию князь Владимир до своего крещения (ср.: Повесть временных лет. СПб., 1966. С. 49). Анна Комнина рассказывает, как к императору Алексею в 1086 г. прибыл посол султана Чауш: "Император... видя, что Чауш – человек разумный, стал расспрашивать, откуда тот родом и кто его родители. Когда Чауш ответил, что по матери он иберец, а отец его – турок, император стал усиленно уговаривать его принять святое крещение. Чауш согласился и клятвенно заверил самодержца, что, приняв крещение, не вернется назад... После этого Чауш... принял святое крещение, получил многочисленные дары и был назначен дукой Анхиала" (*Annae Comnenae* Alexias, VI, 9; *Анна Комнина.* Алексиада / Пер. А.Н. Любарского. М., 1965. С. 191). Эти примеры можно было бы умножить.

[10] *Angenendt A.* Kaiserherrschaft und Königstaufe. B., 1984. S. 5–7.

[11] *Georgii Monachi* Chronicon... Col. 773.

[12] *Joannis Malalae* Chronographia. Bonnae, 1829. P. 427.

[13] Ibid. P. 431.

[14] *Joannis Schylitzae* Synopsis historiarum. B.; N.Y., 1975. P. 239.

[15] Ibid. P. 459.
[16] Повесть временных лет. С. 29.
[17] *Joannis Scylitzae* Synopsis... P. 240.
[18] Ibid. P. 239.
[19] Ibid. P. 456–457.
[20] История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. / Пер. К. Патканяна. СПб., 1861. С. 28–29.
[21] *Joannis Chrysostomi* Homilia VIII // PG. 1860. Vcl. 63. Col. 502.
[22] *Athanasii* Oratio de incarnatione verbi // PG. 1857. Vol. 25. Col. 188.
[23] *Podskalsky G.* Op. cit. S. 332–350.
[24] *Joannis Cameniatae* De expugnatione Thessalonicae. IX, 2.
[25] *Photii Epistolarum* Lib. II, ep. 13 // PG. 1865. Vol. 102. Col. 828–829.
[26] La Vie de saint Cyrille le Philéote, moine Byzantin / Par E. Sargologos. Bruxelles, 1964. P. 230. Безусловно, под "скифами" здесь могут подразумеваться лишь печенеги, разгромленные Алексеем в 1091 г. при Левунии. Кирилл намекает на то, что плененные кочевники, расселенные императором в Могленах (*Zonarae* Epitome Historiarum XVIII, 23), были крещены.
[27] Цит. по: *Пигулевская Н.В.* Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в. // Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976. С. 228–229.
[28] Там же. С. 231–232.
[29] История агван... С. 190.
[30] *Шихсаидов А.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы. Махачкала, 1957. Т. 3. С. 61.
[31] История агван... С. 207.
[32] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 54–57.
[33] Patrologia Orientalis. P., 1907. Vol. 5. P. 115.
[34] *Photii* Epistolarum lib. II, ep. 8. Col. 660.
[35] Повесть временных лет. С. 58.
[36] *Fowden G.* Empire to Commonwealth. Princeton, 1993. P. 127.
[37] *Продолжатель Феофана.* Указ. соч. С. 142.
[38] Там же. С. 73.
[39] Повесть временных лет. С. 48.
[40] *Ševčenko I.* Op. cit. P. 16.
[41] История агван... С. 200–205.
[42] *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т. 1. С. 25.
[43] История агван... С. 194–198.
[44] Повесть временных лет. С. 40–48.
[45] *Ševčenko I.* Op. cit. P. 14.
[46] *Beck H.-G.* Christliche Mission... S. 658.
[47] История агван... С. 194, 196.
[48] *Photii* Epistola 8. Col. 688.
[49] Responsa Nicolai ad consulta Bulgarorum // Patrologiae cursus completus. Ser. latina. P., 1867. Vol. 119. Vol. 982, 996, 1000–1002, 1011.
[50] Ibid. Col. 992–994, 999–1000, 1003–1005, 1008, 1011.
[51] *Флоря Б.Н.* Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше // Принятие христианства... С. 128–131.
[52] *Nicolai I Constantinopolitani patriarchae* Epistolae / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Wash., DC., 1973. P. 432. 19–20.
[53] Ibid. P. 434.44–46.

[54] Ibid. P. 434.61–67.
[55] Ibid. P. 548.
[56] Ibid. P. 280.2–6, 11–14, 17–19; 282.36–40; 284.60–61, 64–68.
[57] Ibid. P. 284.75–286.98.
[58] Повесть временных лет. С. 56.
[59] *Joannis Chrysostomi* In Inscriptionem actorum // PG. 1859. Vol. 51. Col. 92.
[60] *Pseudo-Kaisarios*. Die Erotapokriseis / Ed. R. Riedinger. B., 1989. P. 46.
[61] *Вавржинек В.* Культурные и церковно-политические предпосылки возникновения славянской литургии // Кирило-Методиевски студии. С., 1987. Кн. 4. С. 131–136.
[62] *Dagron G.* La pluralisme linguistique à Byzance (IX–XII siècles) // Travaux et Mémoires. P., 1994. Vol. 12. P. 228–229.
[63] *Laonici Chalcocondyli* Historia. Bonne, 1843. P. 468.
[64] *Ševčenko I.* Op. cit. P. 13.
[65] *Nicolai I Contantinopolitani patriarchae* Epistolae. P. 548.
[66] Ibid. P. 278.5–11, 13–280.15.
[67] *Тот И.* Малоизвестный латинский источник о деятельности учеников Мефодия в Венгрии в начале XI в. // Кирило-Методиевски студии. С., 1986. Кн. 3. С. 53.
[68] *Moravcsik G.* Byzantium and the Magyars. P. 104.
[69] Поучение митрополита Никифора в неделю сыропустную // *Макарий*. История русской церкви. М., 1995. Т. 2. С. 569.
[70] *Nicolai I Constantinopolitani patriarchae* Epistolae. P. 553.
[71] Ibid. P. 390.
[72] Ibid. P. 553.
[73] Ibid. P. 314.10–22. Вряд ли здесь имеется в виду Хазарский хаганат – скорее, территория восточного Крыма, которая также именовалась у византийцев "Хазарией".
[74] "Weihbischöfe": *Moravcsik G.* Byzantinische Mission. P. 27.
[75] Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902. Col. 212.
[76] Notitiae Episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. J. Darrouzès. P. 1981. P. 20–32.
[77] Ibid. P. 241–242. Not. 3.611–618.
[78] Ibid. P. 245. Not. 3.777–779.
[79] *Moravcsik G.* Byzantinische Mission. P. 22.
[80] Ср.: *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 97–104.
[81] Notitia Episcopatuum. P. 278. Not. 3.299; P. 371. Not. 13.824, 827.
[82] Ibid. P. 286. Not. 7.645; P. 305. Not. 9.519; P. 330. Not. 10.609; P. 364. Not. 13.664.
[83] См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 191–192. К этой же категории можно было бы отнести Земяну и Боляну, но представляется маловероятным, чтобы эти топонимы восходили к этнонимам "земляне" и "поляне" (ср.: Принятие христианства. С. 23).
[84] Notitiae Episcopatuum. Not. 7.618; 9.492; 10.582; 13.632.
[85] Ibid. Not. 7.308; 10.229; 13.832.
[86] Ibid. P. 241–242.
[87] Ibid. P. 418.
[88] *Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomat graeca medii aevi sacra et profana. Vondobonae, 1860. Vol. I. P. 258–259.
[89] *Petri Chrysology* Sermones // Patrologia Latina. 1864. Vol. 52. Col. 202.
[90] Исправляем стоящее в тексте πού, обессмысливающее всю фразу, на οὐ.

[91] *Johannis Euchaitensis* Quae supersunt // Abhandlungen der Koniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1881. Bd. 28. N 182. P. 143–146.
[92] *Joannis Cinnami* Epitome rerum... / Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836. P. 9.
[93] *Theodory Alanikos* // PG. 1865. Vol. 140. Col. 393, 400.
[94] *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. СПб., 1910. С. 82–83, 84.
[95] *Антоний*. Заметки XII–XV вв., относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Зап. Одесск. об-ва истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 646.
[96] Там же. С. 607–608.
[97] Там же. С. 606.
[98] См.: *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 27–28.
[99] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 [Русская историческая библиотека. Т. 6]. СПб., 1880. Кол. 135.
[100] Там же. Прил. Кол. 10.
[101] Там же. Прил. Кол. 9.
[102] Там же. Кол. 136.
[103] Там же. Прил. Кол. 10.
[102] Там же. Кол. 136.
[105] Analecta sacra et classica spicilegio solesmensi parata / Ed. J.B. Pitra. P.; Roma, 1891. Vol. VII. Col. 705–706.

А.А. Турилов

"МЪДРА ПЛЬСКОВСКАЯ" И "МЪДРА ДРЪСТОРСКАЯ" – ДВЕ МУНДРАГИ ПЕРВОЙ БОЛГАРО-ВЕНГЕРСКОЙ ВОЙНЫ

(география чудес вмч. Георгия в Сказании инока Христодула)

Как источник по истории болгаро-венгерских войн конца X в. Сказание инока Христодула, известное в литературе и как Сказание о железном кресте [1; 2], использовалось исследователями, можно сказать, задолго до своего открытия. Более столетия в научном обиходе находился отдельный рассказ из этого цикла[1] чудес вмч. Георгия – "Чудо о кресте и болгарине", – повествующий о крещении Болгарии при Борисе-Михаиле, свержении князя Владимира с престола отцом и братом и двух войнах князя Симеона с венграми в начале его правления (о списках, изданиях и исследованиях памятника см.: [1. С. 61–68; 2. С. 85–87, 97. Примеч. 7, 8]).

Сведения "Чуда о кресте и болгарине" о болгаро-венгерской войне в составе цикла не дополняются, а скорее дублируются "Чудом о Клименте" (чудо 9) [4. С. 158–160; 5. С. 22–23; 6. С. 110; 7. С. 368–369], при этом первый из текстов существенно информативнее [6. С. 110][2].

Но этим возможности СХ как источника по истории болгаро-венгерских войн не ограничиваются. Древний (датируемый первым десятилетием X в. [9]) памятник содержит сведения, важные как для локализации первой болгаро-венгерской войны, так и для исторической географии Болгарии эпохи Первого царства в целом[3].

В центре данной статьи – третьей в серии [2; 9], посвященной источниковедческому анализу СХ, – находится именно древнеболгарская топонимика. Однако для правильного истолкования (и даже просто прочтения) этих топонимов, подвергшихся трансформации при двойном переводе СХ – устном (со славянского либо протоболгарского на греческий) и письменном (с греческого на славянский) [2. С. 92–94] и при длительном бытовании текста в восточнославянской рукописной традиции[4], целесообразно рассмотреть все географические имена цикла независимо от их происхождения и локализации. Это, безусловно, будет способствовать лучшему пониманию закономерностей их трансформации в поздних списках древнего памятника и более надежной реконструкции их первоначального облика.

Как и в предыдущих статьях, текст СХ исследуется не только по изданию Б.Ст. Ангелова [1], но и по всем известным в настоящее время сравнительно полным спискам цикла XVI–XVII вв.[5] В соответствии

с предложенной ранее терминологией [2. С. 91–93] весь цикл обозначается как СХ; название "СЖК", данное памятнику Б.Ст. Ангеловым [1], употребляется лишь в отношении внутреннего цикла чудес 4–10, объединенного единым повествователем – монахом Георгием Болгарином и сюжетом – чудесами от железного креста, скованного по велению вмч. Георгия [2. С. 93].

География чудотворений вмч. Георгия в СХ весьма широка и охватывает по крайней мере северо-восточную часть Балканского полуострова (включая Константинополь), Малую Азию, острова Крит и Кипр, Иерусалим. Выражаясь словами повествователя, "ту, и в Кипре, и в Мирех, и в Крите, и в новопросвещенных людех в болгарех"[6]. Как это нередко бывает с древним южнославянским памятником, дошедшим в позднейших списках восточнославянского происхождения, сохранность топонимов здесь неодинакова: одни не вызывают сомнения, другие только кажутся таковыми и в действительности требуют объяснения, третьи для правильного понимания текста нуждаются в реконструкции. Наиболее трудны в этом отношении чудеса, рассказанные Георгием Болгарином (СЖК). Здесь ошибки, возможные при двукратном (на греческий и с греческого) переводе, сочетаются с топонимами, малоизвестными (если известными вообще) восточнославянским книжникам. Возникающий при этом эффект подробно рассмотрен ниже.

Ситуация в византийской части цикла существенно проще. Ни Крит, ни Кипр [2. С. 85, 89–90] (чудо 1 "О Филофее, сыне попове" [1. С. 80]), не говоря уже о Иерусалиме [Там же. С. 81] и Константинополе (чудо 10 "О жене, имущей вред на сосце" [Там же. С. 95]), сомнений не вызывают. Миры (Ликийские), фигурирующие, как и Крит, в двойном чуде Николы и Георгия, исключенном из цикла на Руси [2. С. 85, 89–90], заслуживают упоминания лишь в связи с тем, что некогда Х.М. Лопарев (и вслед за ним Д. Петканова [7. С. 309]) отождествлял их (на основании сокращенной редакции отдельного "Чуда о кресте и болгарине") с Мирами Фессалийскими [10. С. 12][7]. Из двойного чуда (особенно в симферопольско-ярославской редакции текста [2. С. 85, 89–90]), однако, бесспорно явствует, что речь идет о малоазийском городе, где покоились мощи свт. Николая[8]. Тем не менее два момента в византийских чудесах нуждаются в объяснении.

1. "ИЖЕ ТУ"

Это определение относится к монастырю игумена Петра, где происходит действие чуда 3 [1. С. 82–84] и где автор СХ Христодул[9] услышал повествование о чудотворном железном кресте, скованном по повелению вмч. Георгия. Монастырь находился сравнительно недалеко от малоазийской Никеи (совр. тур. Изник) [1. С. 82; 9]. Христодул шел туда со своим спутником Федором (персонажем чуда 4 "О калугере" [1. С. 83–84]) на поклонение 318 отцам) I Вселенского собора ("иже ту почивают святии отци, угодници твои") и остановился в монастыре Петра, "недоидуще их" [1. С. 82]. Поскольку неизвестно ни направление движения паломников, ни посвящение монастыря[10], ни расстояние от

него до Никеи[11], локализация его затруднительна. Настоятель монастыря Петр был, по всей видимости, в свое время (на рубеже IX–X вв.) лицом достаточно известным. В повествовании он именуется не только "блаженным" и "кротким", но и "великим" [1. С. 82–84, 89, 95, 97]. Известность его простиралась далеко за пределы Вифинии: Георгий Болгарин пришел к нему из болгарского Черноморья[12]. Канонизирован он, вероятно, не был (во всяком случае, даже в подробных сводных месяцесловах его память не обнаруживается [11][13]), и это также затрудняет поиски. На протяжении рассказа Петр неоднократно именуется также архимандритом [1. С. 83, 89, 95, 97]. Это означает, вероятно, что он был не только настоятелем монастыря, но и главой монастырских общин своей епархии либо значительной монастырской колонии, включавшей в себя несколько монастырей и скитов. Быть может, со временем, какие-то известия о нем удастся отыскать и в греческих источниках (документальных либо сфрагистических).

2. "СЕВЕРСКАЯ" СТРАНА ИЛИ "ИВЕРСКАЯ"?

О рассказчиках в СХ обычно сообщается их социальный статус и откуда они происходят. Так, отец Иосиф из двойного чуда Николы и Георгия, исключенного из цикла, – монах-сицилиец ("сикелит"), живущий в Мирах Ликийских; Георгий (чудеса 4–10) – монах-болгарин; Ефрем (чудо 9) – священник-грек, живший близ Доростола (см. ниже). Неясность возникает в отношении второго повествователя (чудеса 2, 3) – монаха Козмы, "иже бяше пленен от северьския страны" [1. С. 80]. В плен он попал еще в детстве ("плениша мя детьска" [1. С. 80]), позднее же, услышав о чудесах Георгия, освободившего человека из арабского плена, "изидох от господина... и приидох в землю свою, и бых мних" [1. С. 82]. Но в какой "северской стране" находилась его земля?

Словам "северская страна" может быть дано троякое толкование. Во-первых, это север ("северные страны"; суффиксы -ск- и -н- вполне взаимозаменяемы), т.е. в соответствии с византийскими географическими представлениями земли к северу от Дуная: Болгария, Северное Причерноморье и Русь. Разумеется, такое определение расплывчато в сравнении со сведениями, сообщаемыми о других рассказчиках, и нуждается в уточнении.

Во-вторых, слова могут быть истолкованы и как обозначающие землю племени северян ("Сѣверъ"), и здесь возможны два варианта: восточнославянские северяне (жившие на левобережье среднего течения Днепра, в бассейне Десны) и северяне болгарские, входившие при образовании Первого Болгарского царства в славяно-болгарскую конфедерацию[14]. Первый вариант отпадает, так как если отождествить область расселения древнерусских северян со "своей землей" Козмы, то там он не мог стать монахом во второй половине IX в., в "царство Василиево"[15] [1. С. 80, 92], за столетие до крещения Руси. Для племени, обитавшего в Болгарии, этноним "северяне" для IX в. неизвестен. Это, разумеется, не означает невозможности его употребления, поскольку сохранившиеся источники чрезвычайно скудны. Однако здесь существует препятствие

иного рода. В прологе цикла "северные страны" явно отождествляются с Болгарией. Именно в ней разворачивается действие чудес, отнесенных здесь к этим странам, – слова "овы в северных странах от языка погана в ратех" [1. С. 80] явно подразумевают чудеса 4, 9, повествующие о сражениях с язычниками-венграми: иных сюжетов о "ратех" в цикле нет. "Северный" и "северский" – синонимичные формы прилагательного (ср.: "северский путь", противопоставленный упоминаемому чуть выше направлению на "оугъ" [1. С. 89] в чуде 7), но достаточно ли этого для отождествления с Болгарией и "северской страны" Козмы?

Если принять Козму за уроженца Болгарии, то вызывает удивление, почему он в дальнейшем никак не соотнесен повествователем с несомненным болгарином Георгием, тем более что текст СХ дает подобный пример: в чуде 7 старец Софроний подчеркивает, что прийти должны "гости от **твоея земля**" (выделено мной. – *А.Т.*) [1. С. 90].

Поэтому правомочно поставить вопрос: не является ли чтение "от северьския страны" испорченным, неправильно понятым переписчиками (вероятнее всего, древнерусскими). В поисках родины Козмы следует учитывать и реальную возможность достичь ее от византийско-арабской границы ("украины" или "страны" "от срачин" [1. С. 80], куда господина Козмы назначил стратигом "царь Василий") для отрока или юноши. Козму пленили "детьска", и он находился в неволе "много дний", но не лет [1. С. 80]. Балканский вариант "своей земли" Козмы, для которого беглецу необходимо было пересечь или обогнуть всю Малую Азию, в такой ситуации представляется абсолютно невозможным. И напротив, неподалеку от византийской границы, на северо-восток от Малой Азии, находилась страна, средневековое название которой вполне могло послужить исходной формой для "северской земли" СХ. Это Грузия – средневековая Иверия, "Иверская земля". Трансформация "иверской" и "северскую" легко объяснима чисто графически[16]: И нетрудно прочесть как С и Е или І – и тому есть прямая аналогия. Так, в ряде списков XVI–XVII вв. (РНБ. Собр. М.П. Погодина, № 1590, конец XVI в. Л. 15 об.; РГБ. Собр. В.М. Ундольского, № 643, первая половина XVII в. Л. 286 об.; БАН.21.7.14/Сев.672, третья четверть XVII в. Л. 503; Там же. Романч. 68, последняя четверть XVII в. Л. 123 об.) известная Повесть о Иверском монастыре на Афоне и его главной святыне – иконе Портаитиссы озаглавлена "О святогорском монастыре, зовомом Северском" (вариант "Сиверском") [17. С. 218; 18. С. 23, 26, № 21; 19. С. 265; 20. С. 176, 181]. Если подобная ошибка[17] была возможна в эпоху постоянных приездов монастырских посольств с Афона за милостыней в Москву, то очевидно, что она допустима для более раннего времени, когда писцу, возможно, более знакомы были "обезы", чем "Иверия"[18].

Ошибка (или осмысление) восходит уже к протографу древнерусских списков, возможно, еще домонгольского времени: такое чтение (без вариантов) присутствует во всех списках проложной повести о Филофее (чудо 1), начиная с XIV в.[19], включая сюда и вариант западнорусского Пролога (где это чудо помещается под 26 ноября), отражающего (несмотря на достаточно поздние – с начала XVI в.[20] – списки) текст

наиболее близкий к первоначальному [2. С. 87, 98. Примеч. 11]. При этом конъектура "Ивѣрьский" вместо "Сѣверьский", безусловно, уместна в контексте цикла, рассказчики которого происходили из разных стран и регионов и повествовали о чудесах, случившихся в разных концах византийского мира и за его пределами.

Есть и еще одно косвенное свидетельство в пользу грузинского происхождения Козмы: встреча странствующих монахов, послужившая прологом к СХ, произошла в день памяти вмч. Мины[21] (10 или 11 ноября) [11. Т. 2. С. 351]. Первоначально разговор путников шел о чудесах этого святого [1. С. 80], но постепенно обратился к деяниям вмч. Георгия. Эпизод этого перехода в повествовании, по всей видимости, безвозвратно утрачен при исключении из цикла двойного чуда Николы и Георгия[22]. Но сам переход к чудесам Георгия в день памяти Мины едва ли был случаен. На ноябрь приходятся три праздника Георгия Победоносца. Два из них связаны с освещением его церквей: 3 ноября в Лидде [11. Т. 2. С. 343], 26 – константинопольского в Кипарисе (к которому в XI в. было приурочено и освещение киевского храма) [11. Т. 2. С. 367]. Однако ближе всего к памяти Мины стоит грузинская память колосования Георгия (10 ноября) [11. Т. 2. С. 350]. Может быть, именно присутствие в компании паломников грузина, для которого на день встречи (или прошедший) приходился праздник вмч. Георгия, и перевело беседу на чудеса этого святого (хотя первым о его чудесах в СХ рассказывает сицилийский грек, живший в Мирах Ликийских)[23].

Известий о ведении значительных военных действий на византийско-грузинской границе в эпоху Василия I нет. Большие военные кампании первой половины его царствования на восточной границе империи (походы против павликиан и арабов в 872–873 гг.) велись далеко на юго-запад от грузинских пределов, на верхнем Евфрате – в районе Тефрики, Запетры, Самосаты и Мелитины [23. С. 233–243]. С ними скорее можно связать поездку стратига – хозяина Козмы – "на украину от срачин". Сам Козма не сообщает обстоятельств своего пленения (для захвата мальчика-подростка наличие боевых действий вовсе не обязательно), а вдохновивший его на побег[24] пример чудесного освобождения из арабского плена Филофея (чудо 1) позволяет допускать, что и в неволю они могли попасть сходным образом: Филофея захватили в мирное время арабские пираты [1. С. 80], Козму могла схватить и продать шайка разбойников.

3. ГДЕ ЖИЛ СТАРЕЦ СОФРОНИЙ? (ГРАД ВСЕМЕРЪ–ВСЕМИРЪ–ВСЕМЪ ГРАД–БЕСЕБРЪ)

Попытка локализовать местонахождение пещеры старца Софрония, под началом которого Георгий Болгарин провел в монашестве много лет (чудеса 7, 8 и соединительный эпизод между чудесами 9 и 10), наглядно иллюстрирует сложную текстологическую судьбу древнего памятника, дошедшего в поздних списках. Топоним, не поддающийся однозначному толкованию на материале опубликованного, старшего

и в основном наиболее исправного списка, оказывается абсолютно прозрачным и бесспорным с привлечением всей рукописной традиции, каждый из списков которой в отдельности не менее испорчен, чем изданный.

Посылая в ночном видении Георгия Болгарина к его будущему наставнику в монашеской жизни, вмч. Георгий указывает следующий "адрес" старца Софрония: "Иди в гору, яже есть близ Всемѣра града" [1. С. 88]. Такой топоним в средневековой Болгарии и за ее ближними пределами неизвестен [24; 25], хотя при общей скудости сведений по раннесредневековой болгарской исторической географии этот факт не имеет решающего значения. Другие списки дают следующую картину. В У. опущен весь соединительный эпизод между чудесами 6 и 7; в Мр. читается вариант: "близ Всемира града". В остальных списках место испорчено безнадежно – в Мз.: "близ Всемграда"; в Т. и Ц2 дополнительно переосмыслено: "близ в сем граде" – Т., "близь сего Мира града" – Ц2. Чтение в Ц1 и Мр. на первый взгляд похоже на кальку греческого: что-то громоздкое типа Παυμετρος или Παυμετροπολης в изданном тексте и более удобоваримое Κωσμοπολης в Мр. Правда, обе конструкции смотрелись бы как в плохом научно-фантастическом романе, хотя для варианта Мр. и можно предложить конъектуру Κοσμοπολις – "Козмин град".

На основании сведений, разбросанных на страницах последующих чудес, можно попытаться локализовать этот загадочный город и место обитания Софрония. Георгий Болгарин пришел с севера: вмч. Георгий послал Софрония встречать его на северную дорогу ("иди на северьскыи путь и сърящеши черньца, носяща крест железныи на древе" [1. С. 89]). Гора, где обитали Софроний и Георгий, располагалась если не на византийской территории, то на болгаро-византийском пограничье. В один из дней «рече старец: "Георгие, въстани, сътвори обед, грядут к нама гости от твоея земля". И... прииде к намъ 5 мужь» [1. С. 90]. Поскольку, как явствует из дальнейшего, гости были из разных мест[25], "твоя земля" означает в данном случае Болгарию. Подтверждение этому дает продолжение испорченного чтения о Всемере – Всемире в списках Мз. и Т., в других рукописях опущенное: "близ... града (граде – Т.), иже на межи от болгаръ"[26]. СЖК сообщает и приблизительное расстояние между родным селом Георгия и горой Софрония. Приняв монашеский обет, Георгий "шед до вечера, ста", а после явления во сне великомученика дошел "вторый день горы" [1. С. 88–89]. Его путь занял два–два с половиной дня, т.е. составил не более 80–100 км (если приравнять скорость движения одинокого пешего путника к неспешному движению торгового обоза или каравана, см.: [27. С. 125]). Сложность заключается в том, что исходная точка его пути определяется достаточно условно. По словам Георгия Болгарина, он не "жил, идеже князь живяше, но вне" [10. С. 20; ср.: 26. С. 226]; из дальнейшего рассказа явствует, что он был сельским жителем[27]. Вероятно, его весь располагалась сравнительно недалеко от места, "идеже князь живяше", т.е. от Плиски или Преслава, в примерном направлении на север от горы Софрония. То об-

стоятельство, что Георгий добирался из своей пустыни в Вифинию через Константинополь (упоминаемый в начале чуда 10 [1. С. 95]), не имеет, как выясняется, для локализации никакого значения.

Ближайшим византийским городом, соответствующим предъявленным условиям, оказывается приморская крепость Месемврия[28] (средневековое болг. Месебръ, Несебр̫ъ[29], Несебрь[30], Несѧбръ[31], совр. Несебър), принадлежавшая империи по крайней мере до 917 г., когда там нашел убежище после военной катастрофы при Ахелой полководец Лев Фока [33. Ч. 2. С. 377–378; 3. С. 270–271][32]. Расстояние от этого приморского города до обеих болгарских столиц немногим больше 90 км по прямой: Плиска лежит от него на северо-запад, Преслав – на запад-северо-запад; до горы соответственно даже несколько меньше (что вполне укладывается в расчеты предполагаемого пути Георгия Болгарина). Чтение Всемѣръ оказывается не калькой, а метатезой (Месѣвръ – Всемѣръ), и вариант изданного списка, несомненно, первичен в цепочке искажений. Реконструкция в известной мере подтверждается еще одним (тоже испорченным) вариантом чтения в списках Мз. и Т., в эпизоде между чудесами 9 и 10, где Софроний в предчувствии смерти отправляет Георгия в город за священником. Безымянный в других списках город назван "Бесебръ"[33]. Эта форма, восходящая к первоначальному Месебрь или Несебрь, затрудняет реконструкцию исходного написания топонима (возможно, как и в случае с Житием Феодосия Тырновского, в разных местах текста могли быть разные варианты передачи названия), но не оставляет и малейших сомнений в его отождествлении.

С локализацией города конкретизируется и "гора" старца Софрония. Нет сомнения, что это восточная часть Эмоны планины – горного массива к северу и северо-западу от Несебра, вдающегося в Черное море одноименным мысом. Вероятно, этот поросший лесом мыс служил естественным рубежом ("межей") между болгарскими владениями и материковым предградьем островной крепости. Как местожительство отшельников Эмона хорошо известна в XIV в.: "Емонскую гору" упоминает, в частности, Житие Феодосия Тырновского [29. С. 6; 30. С. 389]. Но СЖК является, очевидно, наиболее ранним свидетельством о монашеской жизни здесь в эпоху Первого царства. Для истории монашества и культурной жизни Болгарии рубежа IX–X вв. немаловажно указание на связи монахов Северо-Западного Причерноморья с монастырями Вифинии: едва ли случайно, что живущий в горах близ Мессемврии Софроний перед смертью посылает своего ученика в никейский монастырь Петра с чудотворной реликвией[34]. Не исключено, что такими минующими Константинополь контактами с Малой Азией объясняется отчасти отчетливая провинциально-византийская струя, прослеживающаяся в болгарской культуре эпохи Первого царства (ср.: [34. С. 17–20]).

4. ДВЕ "МЪДРЫ"

Собственно к Болгарии в итоге относятся лишь два топонима, которые имеют, однако, немаловажное значение для истории и географии Первого царства IX–X вв., позволяя по-новому взглянуть на свидетельства других (в первую очередь византийских) источников о болгаро-венгерских войнах 890-х годов. Варианты написания этих названий представлены, пожалуй, еще в большем изобилии, чем с Всемером – Бесебром.

В эпизоде между чудесами 8 и 9, где говорится о путниках, пришедших к старцу Софронию из Болгарии ("гости от твоея земля" [1. С. 90]), о них сказано следующее: "Бяхуть же от Мыдры Пьсковьския 3, от Дръскерьскыя же 2, 4 блъгари, а един греческа роду" [1. С. 91] (этот последний, пресвитер Ефрем, пришел, как явствует в дальнейшем, из второго пункта). В издании дана неправильная разбивка на слова – слитно напечатано "Мыдрыпьсковьския" [1. С. 91], и этот монстр затрудняет понимание топонимов. Другие списки образуют довольно разнообразную картину, с разным сочетанием более или менее неправильных чтений: "от Мыдры Пьсковьския 3, от Дръскерьскыя же 2" – Ц2; "от М(д)ры Пьсковския 3, Одеръскиа же 2" – Мр.; "от Мыдры Псковския три, Дросторскиа же два" – Т.; "от страны Псковския три, от Ростовския же два" – Мз. (в У этот эпизод, как и большинство других соединительных эпизодов между чудесами, опущен). То, что топонимы представляют здесь сочетание одного существительного с двумя разными прилагательными, подтверждает следующий эпизод чуда 9, повествующий о спасении болгарина Климента с поля брани: "Абие же аз у Мъдрысторьская обретеся, вельми бога прославих" [1. С. 94]. Нет сомнений, что здесь явная гаплография – пропуск одного слова, и читать следует "у Мъдры Дрысторьския" (точнее – Дръсторския). Такая же гаплография наблюдается в списке У., вдобавок слово осмыслено как прилагательное к добавленному вслед за ним (также, несомненно, для "прояснения" смысла): "у Мыдрысторскыа веси"; в других списках читается: "у Мудри Дрысторския" – Ц2; "у Мыдры Дросторъския" – Мз., Т. (в Мр. этот эпизод опущен, очевидно, из-за непонятности). В списках У., Мз., Т. за этим следует фраза: "в един час и узрех град Дрысторскыи" ("Дросторскии" – Мз., Т.).

Таким образом, речь идет о двух топонимах – Мъдра (варианты: Мыдра, Мудра)[35] Пьсковская и Мыдра Дросторъская (Дрысторьская, Дръскерьская). Из трех вариантов гласного (У, Ъ, Ы) два могли легко возникнуть под влиянием последующего (МыдрЫ) или предшествующего (У Мудри) гласного, подобно тому как весьма вероятно влияние окончания существительного на прилагательное (от МыдрЫ ДрЫсторския)[36]. Поэтому наиболее вероятная исходная форма – Мъдра (с возможными вариантами: Мъдъра или Мъдьра)[37]. Реконструкция второго прилагательного сомнений не вызывает: Дръсторъская (Дрысторъская) от Дръстъръ (Дрыстъръ) (*лат.* Dorostolum; *греч.* Δοροστολον, Δριστρα; *древнерус.* Дерестъръ; совр. Силистра).

Сложнее, но бесспорно восстанавливается и первое прилагательное. Особенно убедительно эта реконструкция смотрится на фоне индивидуальной ошибки со вторым прилагательным в Мз. Непонятное "Мыдра" заменено здесь на "страна", а "Дросторская" осмыслено как "Ростовская". Но "Пьсковская", безусловно, восходит к протографу дошедших списков и отражает трансформацию древнеболгарского топонима в языково родственной восточнославянской среде, оперирующей иными историко-географическими терминами.

Несомненно, что русским книжником XVI–XVII вв. слово воспринималось как прилагательное от названия "Псков" (Пьсков). Однако это, как известно, сравнительно поздняя форма наименования русского города на реке Великой. Более древняя – Пльсков, Плесков, зафиксированная многими памятниками: берестяная грамота № 109 (XI–XII в.) – "Плѣскове" [35. С. 38; 36. С. 190], № 656 (около середины XII в.) – "Пльскове" [37. С. 49]; Новгородская I летопись старшего извода под 1132 г. (список середины XIII в.) – "пльсковици" (жители Пскова, псковичи), "Пльскове" [38. С. 33–34]; ср. также немецкое "Pleskau" (не позднее XIII в.). Это позволяет без насилия над текстом восстановить для протографа форму "Пльсковьская", производную от родственного болгарского топонима Плиска (в данном случае в формы Пльска или Пльсковъ) – древнейшая столица Первого царства[38]. Исходная форма топонимов, таким образом, Мъдра Пльсковьская и Мъдра Дръсторъская.

Если связь прилагательных в приведенных топонимах с определенными географическими пунктами (Плиской и Доростолом) не вызывает сомнений, то ситуация с существительным не столь ясна. Не вполне понятно даже, является ли оно именем собственным. В принципе в контексте первого упоминания оно может означать какой-то неизвестный термин неславянского происхождения, например единицу административного деления в Болгарской державе или просто область, землю ("страну", как понял это писец Мз.). Однако такое предположение снимается вторым упоминанием топонима в чуде 9: "И абие аз у Мъдры Дръсторския обретъся" [1. С. 94]. В соответствии с грамматикой славянских языков можно оказаться в стране (области и т.д.) или около ("близ") нее, но не "у нее". Против версии нарицательного существительного в этом чтении свидетельствует и история памятника (см.: [2. С. 91–93]), в котором административные термины были первоначально переведены на греческий, а затем на славянский (правда, это не исключает возможности появления термина в обратном переводе), при том, что имена собственные, не имевшие эквивалента в греческом, сохранялись, хотя, быть может, в искаженной форме (но здесь ввиду хронологической близости перевода на славянский вполне возможна дополнительная правка лицом, хорошо ориентировавшимся в историко-географических реалиях).

Итак, можно считать установленным, что на территории Первого царства существовали два населенных пункта (города, крепости, дворцовых комплекса?) с одним и тем же именем – Мъдра, располагавшие-

ся, судя по всему, неподалеку от Плиски и Доростола. Общее название, по всей вероятности, указывает на какое-то сходство или связь между ними. Факт существования двух одноименных топонимов вносит ясность в некоторые детали событий болгаро-венгерских войн 890-х годов и устраняет разногласия известных греческих источников.

Разумеется, первым кандидатом на роль Мъдъры Пльсковской является знаменитая Мадара (хотя к этому вопросу еще предстоит обратиться ниже, поскольку ситуация не так бесспорна, как кажется на первый взгляд). В пользу этого отождествления и географическая близость к Плиске, и созвучие имен (об этимологии названия "Мадара" см.: [41; 42. С. 580]). Крепость впервые упоминается в письменных (греческих) источниках под 1388 г., когда она была занята турками во время похода, под названием "Матора" (Ματορα) [40. С. 127]. Трудность отождествления топонимов состоит в том, что Ъ в восточноболгарских говорах не вокализуется в А (в отличие от западноболгарских, например в Македонии; т.е. даже Мъдъра не может превратиться в Мадару); правда, следует принимать во внимание и возможную неточность огласовки топонима греческим автором (во всяком случае, по созвучию среди известных болгарских топонимов более вероятный объект для отождествления действительно отыскать сложно).

Для Мъдры Дръсторъской в отличие от Пльсковской сходное название в современной болгарской географической номенклатуре неизвестно. Помогает локализовать топоним его второе упоминание в чуде 9 при соотнесении с археологическими данными. Из неоднократно цитировавшихся уже слов Климента ясно, что крепость Доростол ("град Дръсторкыи") находилась в зоне видимости от Мъдры. Климент был перенесен св. Георгием на родину с поля боя, находившегося к востоку от Доростола (о локализации боевых действий первой болгаро-венгерской войны см.: [3. С. 258–260; 43. С. 91]). Очевидно, к востоку от города находилась и Мъдра, поскольку спасенному воину, для того чтобы увидеть крепость, не потребовалось ни оглянуться, ни "озреться". Из значительных древних поселений в окрестностях Доростола этим требованиям соответствует средневековая крепость на дунайском острове Плоска (*болг.*) или Пыкуюл луй Соаре (*рум.* Păcuiul lui Soare; принадлежит Румынии), относящаяся к эпохе Первого царства (о городище см.: [39. С. 146–147; 44]). Остров лежит в 18–20 км ниже Доростола по течению Дуная [44. С. 57], с такого расстояния крепость, стоящая на высоком правом берегу, вполне доступна человеческому взору. Поэтому прилагательное Дръстръская к крепости на дунайском острове вполне применимо.

По всей видимости, данные СЖК о двух населенных пунктах с названием "Мъдра" дают ключ к локализации загадочной крепости Мундрага (Μουνδραγα) византийских источников, также сообщающих о болгаро-венгерских войнах 890-х годов.

Говоря о поражении Симеона в первом сражении с венграми, Константин Багрянородный в сочинении об управлении империей сообщает, что князь укрылся от преследователей в крепости Μουνδραγα [45.

С. 164–165], тогда как Симеон Логофет и последующая хронографическая традиция, а также Лев Грамматик считают местом убежища Доростол [10. С. 11; 33. С. 299–300. Примеч. 38; 46. С. 469, 483–484].

Крепость с таким названием фигурирует и в хрониках (варианты: Μουνδαργα – Георгий Амартол по изданию Муральта; Μουνδαγρα – в боннском издании; Μουλδαργα – Лев Грамматик; въ Моундразѣ – славянский перевод Хроники Симеона Логофета [10. С. 11; 33. С. 299–300. Примеч. 38]), но в другом контексте – как место почетного заточения князем Симеоном византийского посла Льва Магистра (Хиросфакта), ведшего переговоры о мире и возвращении в империю пленников в промежутке между болгаро-венгерскими войнами[39]. Канонический вариант топонима принят исследователями в форме, приведенной у Константина Багрянородного.

Стремясь примирить разногласия источников, ученые шли разными путями. Большинство из них полагали, что это два разных города и что Симеон первоначально укрылся в Доростоле, а затем переместился в Мундрагу (см., например: [47. С. 42, 48, С. 297; 49. С. 5; 40. С. 127] и др.), другие же были склонны считать Мундрагу вторым названием Доростола. Последнюю версию особенно развивал Х.М. Лопарев в примечаниях к исследованию, посвященному Чуду о кресте и болгарине (как бы предчувствуя значение неизвестного тогда целиком цикла для решения спорного вопроса). Он объяснял топоним Μουνδραγα греческих источников как передачу славянского прилагательного мждра, считая слова "крепость Мундрага" у Константина Багрянородного описательным обозначением Доростольской крепости ("ограда мудрая") [10. С. 11. Примеч. 1].

Против отождествления Мундраги с Доростолом решительно выступил В.Н. Златарский. Он указывал на бóльшую вероятность ошибки у Константина Багрянородного сравнительно с Симеоном Логофетом, на четкое различие между городами у последнего и на малую вероятность славянской этимологии слова "Мундрага", предложенной Лопаревым [46. С. 505–507]. Сам он предполагал более возможным протоболгарское происхождение топонима, видя в нем субстантивированное прилагательное – эпитет, относящийся к постройке одного из протоболгарских правителей (вероятнее всего, хана Омуртага) [46. С. 507. Примеч. 101; 33. Ч. 1. С. 418–419. Примеч. 87; Ч. 2. С. 300. Примеч. 38]. Впрочем, при этом он не исключал возможность, что в эпоху распространения славянского языка в качестве государственного топоним действительно мог быть переведен на славянский язык [46. Ч. 2. С. 300. Примеч. 38]. В локализации Мундраги классик болгарской исторической науки исходил из того, что она находилась вне сферы военных действий, которые он ограничивал Добруджей, относя свидетельство Константина о том, что венгры дошли до Преслава [45. С. 164–165], не к столице Болгарии, а к (Малому) Преславцу на Дунае [46. С. 508]. Со временем он счел возможным отождествить Мундрагу с городищем у села Кадыкьой восточнее совр. Тутракана, где, по его мнению, вероятно, располагался "преславный дворец хана Омуртага", упомянутый

в тырновской надписи [33. Ч. 2. С. 300. Примеч. 38]. Археологического подтверждения эта версия не получила [44. С. 65; 3. С. 163].

Обычно Мундрагу из-за созвучия отождествляли в работах с Мадарой (обзор мнений см.: [44. С. 65–66]). Странным образом только этот вариант локализации, несмотря на обширную литературу вопроса, приведен в комментарии к новейшему изданию Константина Багрянородного [45. С. 396][40]. В 1933 г. Д. Дечев в специальной статье, посвященной истории топонима, категорически отверг возможность отождествления Мундраги с Мадарой, исходя из того, что группа -ουν- в греческом слове отражает носовой звук ("юс большой"), который в восточноболгарских говорах в А не вокализуется [41. С. 187].

В последнее время были выдвинуты и иные варианты локализации Мундраги. Так, Г. Цанкова-Петкова предложила в качестве возможной кандидатуры Тутракан [50. С. 182. Примеч. 81]. Наибольшее (и справедливое) признание (см., например: [3. С. 257; 39. С. 146]), однако, получила версия А. Кузева, который отождествил Мундрагу и "преславный новый дворец" хана Омуртага на Дунае с дворцово-крепостным комплексом на острове Пыкуюл луй Соаре (Плоска), раскопанным румынскими археологами (см.: [51; 52; 53])[41]. Расстояние до него от Плиски (около 85 км) соответствует показаниям тырновской надписи [44. С. 59], а сам комплекс в строительных приемах и планировке обнаруживает много общего с первой столицей Первого царства [44. С. 42; 39. С. 146].

Данные СЖК, как кажется, примиряют несогласованность греческих источников. Если крепость-дворец на острове Пыкуюл луй Соаре именовалась у болгар Мъдрой Дръсторской, то понятно, что и Константин Багрянородный и хроники, в сущности, не противоречат друг другу. Возможны два варианта объяснения. Либо в одном случае в позднейшей рукописной традиции сохранилось только существительное, а в другом – только прилагательное (впоследствии осмысленное). Либо смешение Мундраги – Мъдры Дръсторской – с близлежащим городом произошло уже на уровне информаторов хронистов (что тоже вполне объяснимо). Так или иначе, большей точностью сведений отличается здесь Константин Багрянородный.

Но мало сомнений и в том, что Мундрага хроник, где Симеон содержал в заточении Льва Хиросфакта, – другой пункт (Мъдра Пльсковская СЖК), независимо от его конкретной географической привязки. До окончания военных действий (когда Лев и прибыл в Болгарию) почетного пленника целесообразно было содержать вблизи столицы.

В связи с выяснением славянского написания топонима вопрос его происхождения нуждается, конечно, в серьезном языковедческом исследовании. Остановимся здесь только на двух моментах, препятствующих на первый взгляд отождествлению Мъдры и Мундраги.

1. Ъ/Ы в первом слоге славянского слова и группа -ουν-, возможно отражающая (как предполагал еще Х.М. Лопарев [10. С. 1. Примеч. 1]) носовой звук ("юс большой") в греческом. Смешение редуцированных с носовыми для болгарского языка явление достаточно позднее – оно фиксируется письменными памятниками с XIII в. (см.: [54. С. 112–113]), т.е.

уже после того, как архетип дошедших списков СХ попал на Русь (не позднее XI–XII вв.)[42]. Памятники эпиграфики X в. его не знают (хотя этот пример не вполне показателен, поскольку в большинстве они невелики по объему). Не исключено, однако, что эти варианты – результаты передачи разными графическими средствами одного и того же неясного на слух звука в незнакомом слове.

2. Лишний конечный слог (-γα) в греческом топониме, присутствующий во всех вариантах написания. Не знаю, можно ли объяснить это тем, что в славянском и греческом топонимах отразились разные формы прилагательного: краткая в СЖК и полная в греческих источниках (если вслед за Х.М. Лопаревым объяснять греческое -γα из славянского -ꙗ [10. С. 11. Примеч. 1]). Но следует обратить внимание на другие случаи неполного совпадения славянских топонимов из Болгарии в славянском и греческом написании. Так, применительно к первой столице Первого царства греческие источники (кроме Чаталарской надписи, выполненной непосредственно в Болгарии по заказу хана Омуртага, где читается Πλσκα – пропуск гласной или попытка передать по-гречески сочетание редуцированного с плавным? [39. С. 140]) дают устойчивую форму Πλισκοβα, Πλισκουβα при Плиска, Плюска славянских [39. С. 140][43].

Применительно к Мъдре Дръсторской привязка к конкретному географическому пункту кажется весьма надежной: крепость на острове – подходящее место для спасения после отступления с поля боя, при этом река представляет собой дополнительную преграду для преследователей, не имеющих флота[44].

Относительно же Мъдры Пльсковской решение не кажется столь однозначным. Выше уже говорилось о Мадаре, но, если принять тезис В.Н. Златарского (выдвинутый им применительно к греческому Μουνσραγα [33. Ч. 2. С. 300. Примеч. 38]), что славянский топоним (точнее, существительное в нем) отражает протоболгарский эпитет, характеризующий постройку Омуртага, тогда в равной мере на это отождествление может претендовать и дворцово-крепостной комплекс ("аула") у села Хан Крум (Чаталар, Крумово) на реке Тычи, упоминаемый в Чаталарской надписи (о нем см.: [3. С. 161–163; 39. С. 140]). Окончательное решение вопроса остается за языковедами и в какой-то мере за археологами.

* * *

Собственно, этими немногочисленными, но и немаловажными сведениями ограничивается информация по социально-политической истории Болгарии в СЖК за пределами "Чуда о кресте и болгарине", на долю которого приходится подавляющее большинство этих известий. Иное дело – информация более характерная для чудес, связанная с "малой" историей, бытом и обычаями общества. В этом смысле, особенно если говорить о жизни общества, "не там, где князь живет", СЖК не имеет себе равных, памятник остается в этом отношении почти неразработанным. Но это вполне самостоятельная тема исследования.

[1] СХ (при этом воспринимаемое не как единое целостное повествование, а как компиляция из рановременных рассказов) входило в научный оборот весьма неторопливо. Еще в 1983 г., спустя 13 лет после первой публикации текста Б.Ст. Ангеловым, авторы военной истории Болгарии ссылались не на цикл, а на отдельное чудо [3. С. 258].

[2] "Чудо о Клименте" содержит много интересных подробностей, отсутствующих в "Чуде о кресте и болгарине". Таковы пророчество вмч. Георгия о грядущих победах и величии князя Симеона [2. С. 81, 96], сведения о греческом духовенстве в Болгарии во второй половине 890-х – начале 900-х годов [8. С. 54]. Содержит оно и один из неизвестных древнеболгарских топонимов, рассматриваемый в статье ниже. Но в целом историческая канва повествования здесь более скудная.

[3] Болгарская топономастика СХ не привлекла к себе внимания исследователей по ряду причин. Одна из них заключается в порче имен собственных (личных и географических) в тексте в целом и в изданном списке в частности. Вторая, и не менее важная, состоит в избирательном подходе болгарских ученых к тексту цикла, рассматриваемому как компиляция, при котором исследуются только отчетливо национально маркированные сюжеты [2. С. 81–82]. Между тем в тексте цикла являющегося, как было показано, целостным авторским произведением [2. С. 83–84], свидетельства, важные для болгарской истории, могут находиться в эпизодах, действие которых напрямую с Болгарией не связано.

[4] Текст СХ был переведен на славянский, вероятно, вскоре после создания цикла, в начале X в., тогда в старшие относительно полные списки памятника (все восточнославянского происхождения), содержащие рассматриваемые топонимы, датируются лишь серединой XVI в. [2. С. 84].

[5] Это соответственно списки: 1. Ц1 – ГИМ. Увар. 434–1° (Царск. 717), середина XVI в. Л. 55–79 (издан. Б.Ст. Ангеловым); 2. У. – РГБ. Унд. 571, третья четверть XVI в. Л. 82–105 об.; 3. Мр. – РГБ. Маркушевич, № 6, вторая четверть XVII в. Л. 11–36 об., 40–48 об.; 4. Ц2 – ГИМ. Увар. 439–1° (Царск. 728), вторая четверть XVII в. Л. 148–162 об.; 5. Мз. – ГИМ. Музейск. 1031, вторая четверть XVIII в., Л. 316 об. – 338 об.; 6. Т. – Новосибирск. ГПНТБ СО РАН. Тих. Р–111, середина XVII в. Л. 81 об. – 108.

[6] Текст перечня реконструирован на основании списков Ц1 и У. [2. С. 85].

[7] Замечу, для своего времени точка зрения Х.М. Лопарева была вполне оправданна. Исследователи располагали тогда только двумя редакциями "Чуда о кресте и болгарине" и разрозненными повестями цикла (чудеса 1, 2 и 7) в составе Пролога и сборников (см.: [1. С. 72–75]), которые до обнаружения полного текста памятника было сложно отождествить в качестве частей единого целого. Разумеется, в такой ситуации трудно было предполагать, что речь идет о цикле, охватывающем, помимо Болгарии, всю восточную половину Византийской империи. Отсюда закономерное желание сузить географию памятников до пределов Балканского полуострова.

[8] "Поведаше нам, братие, мужь, емуже имя Иосиф, иже живяше близь Мурьская града... идеже лежить честное тело великого и славного отца Николы" [2. С. 88].

[9] О реконструкции имени автора, искаженного во всех списках цикла, и о причинах и вариантах искажения см.: [2. С. 90; 9].

[10] Кажется, с полным основанием можно исключить лишь посвящение монастыря вмч. Георгия. Мысль о таком патроцинии напрашивается в первую очередь, если учесть принесение сюда драгоценной реликвии, связанной с но-

выми чудотворениями вмч. Георгия, – железного креста. Однако текст СХ не содержит ни малейшего намека на связь этого креста с посвящением монастырского храма, а сознательное умолчание об этом в памятнике такого рода кажется невозможным.

[11] Монастырь мог находиться и совсем недалеко от города, если иноки остановились там из боязни не успеть войти в Никею вечером до закрытия городских ворот (ср. в чуде 10: "Доходящю ми Константина града (испр. по У., в других списках ошибочно: "Подходящю ми ис Константина града")... обечерехомся и не заидохом врат граду. Бе бо уже поздно" [1. С. 95]). Но равным образом остановка в пути по божественному промыслу ("по божию строю" [1. С. 82]) могла случиться и значительно раньше, чтобы, задержавшись в монастыре, Христодул услышал историю чудотворного креста (чудеса 4–10) и сам удостоверился в его чудесной силе (чудо 3).

[12] Известность игумена Петра на западном берегу Черного моря, среди пустынножителей окрестностей Месемврии–Несебра (см. ниже), базировалась, очевидно, на его личном знакомстве со старцем Софронием, который, вероятно, сам был связан своей монашеской биографией с монастырями Вифинии (или шире – Малой Азии) и поэтому перед своей смертью направил в обитель Петра ученика Георгия Болгарина с чудотворным крестом [1. С. 94–95]. Во всяком случае, сверхъестественного объяснения этой заповеди Софрония (видения св. Георгия либо еще кого-то из святых, дающих такой наказ) в СЖК (и в СХ в целом) нет.

[13] В этом смысле СХ в очередной раз сближается типологически с патериками (замечания о сходстве цикла в целом и отдельных его повестей с патериковым повествованием см.: [12. С. 180–181; 13. С. 334]). Игумен Петр и старец Софроний, подобно героям патериковых повестей – "аввам" и старцам, отмечены многими чертами святости. Они обладают даром провидения, общаются со святыми в виде́ниях, служат посредниками между земным и небесным миром (не говоря уже о праведной жизни). Но, как и многие из великих отшельников древности, о которых повествуют патерики, они не удостаиваются широкого индивидуального посмертного почитания с датой в месяцеслове.

[14] О балканских северянах см.: [14; 15. С. 143–146; 16. С. 86, 92].

[15] Речь идет об императоре Василии I Македонянине (867–886), а не о Василии II Болгаробойце (976–1025); обоснование датировки см.: [9].

[16] Нет нужды даже прибегать к версии о глаголическом протографе (приводимый ниже пример лучшее тому доказательство), хотя смешение И и С, в глаголице вертикально зеркальных друг к другу, относится к числу хрестоматийных ошибок при кириллической транслитерации глаголических текстов.

[17] К слову сказать, это не самый удаленный от оригинала вариант искажения названия. В одной из рукописей XVII в. Древлехранилища Ярославского музея-заповедника в заглавии той же повести ("слова") монастырь назван "Минидерским" [21. С. 129. № 537].

[18] Подробнее о наименовании Грузии в древнерусской письменной традиции см.: [8].

[19] См., например, пергаменные списки Пролога, за мартовскую половину года: ГИМ. Син. 246 (вторая половина XIV в.). Л. 74г–75в (24 апреля); РНБ. Собр. Петербургской Духовной академии. А. 1. 264. Т. 2. ("Спасо-Прилуцкий пролог", конец XIV(?) – начало XV в.). Л. 76в–г (23 апреля); ГИМ. Усп. 3-перг. (1410–1425 (1416?) гг.). Л. 83–84г (23 апреля). Более ранние списки мартовской половины Пролога отсутствуют либо содержат под 23 апреля только "Чудо об отрочати, ужике того же попа" (чудо 3-е цикла). См., например:

РГАДА. Ф. 381, № 168 (середина XIV в.). Л. 26а–б; № 71 (середина XIV в.). Л. 162г–163б; № 173 (первая половина XIV в.). Л. 64б–г; № 174 (первая половина XIV в.). Л. 45бв–г; № 175 (первая половина XIV в.). Л. 41б–в; № 179 (первая половина XIV в.). Л. 71в–72б; РНБ. F.п. 1.47 (середина? XIV в.). Л. 21в–г (принятая в литературе датировка этой рукописи (СК XI–XIII, № 294) XIII в. палеографически не обоснована и представляется излишне ранней). В то же время отсутствие списков Пролога с чудом о Филофее до второй половины XIV в. не означает, что оно вошло в состав этого сборника не ранее этого времени. Причина здесь скорее географическая, чем хронологическая: чудо входит в состав Прологов, написанных в Северо-Восточной Руси, рукописная традиция которой XIII–XIV вв. сохранилась несравненно хуже, чем новгородско-псковская (к ней относятся кодексы, содержащие только чудо об отроке).

[20] Старший известный список (Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19. № 95. Л. 301 об. – 303) переписан в 1512 г. в Вильне или Новогрудке.

[21] "Иногда седящим нам в странничестве в день святаго великомученика Мины" [1. С. 80].

[22] Собственно пролог, не относящийся к чудесам вмч. Георгия, завершается упоминанием чуда вмч. Мины о еврее, золото которого хотел утаить христианин, словами: "како ти приведе и Господь к святому крещению святыим Миною угодником его" [1. С. 80]. Двойное чудо (даже в пространной симферопольско-ярославской редакции) начинается сведениями о его рассказчике: "Поведаше нам, братие, мужь, емуже имя Иосиф..." [2. С. 88]. Шов, возникший в результате изъятия текста, аккуратно заглажен в полных списках цикла с помощью фразы: "И чудящимся нам о том, поведати нача ин брат, именем Козьма" [1. С. 80], первоначально служившей связкой между исключенным рассказом и "Чудом о Филофее, сыне попове" и в исходном виде донесенной Прологом западнорусской редакции [2. С. 87].

[23] В предыдущей работе, посвященной СХ [9. С. 415], я высказывал предположение о более широком (и вне пределов Грузии) почитании дня колесования вмч. Георгия в начале X в. Однако, возможно, версия о грузинском происхождении Козьмы делает это предположение излишним.

[24] "Аз же то (рассказы Филофея о чудесах Георгия. – *А.Т.*) слышав, вельми на уме си положих... И уидох от господина и от окраины тоя, и приидох в землю свою" [1. С. 82].

[25] "Бяхуть же от Мыдры Пьсковския 3, от Дръскерьскыя же 2" [1. С. 91].

[26] Примечательно, что вмч. Георгий, наставляя соименного ему болгарского монаха, смотрит на ситуацию из Византии – город характеризуется как расположенный на границе ("меже") "от болгар", а не "от грек" (ср. "на украине от срачин" в чуде 1), что указывает на византийское происхождение автора всего цикла СХ [2. С. 92].

[27] "В том часе бых у веси моея" [1. С. 85].

[28] Кратко я уже излагал это отождествление в связи с вопросом о национальной принадлежности автора цикла [28. С. 222; 2. С. 92].

[29] В славянском переводе XIV в. Жития патриарха Тырновского Феодосия [29. С. 6; 30. С. 869. Примеч. 38]. В источниках упоминаются и митрополиты "Месембръстии" (Там же.).

[30] В житии Саввы Сербского Феодосиевой редакции [31. С. 159; 30. С. 869].

[31] В послесловии писца к Софийскому Песнивцу 1337 г. (София, Архив Болгарской АН. Л. 311 [32. № 2. С. 14; 30. С. 869]).

[32] Вероятно, почти сразу после этого, согласно свидетельству ал-Масуди, крепость была взята болгарами [3. С. 271].

[33] "И яко поидох в град" [1. С. 95] "Бесебрь" (Мз. и Т.).

[34] «Възва мя (Георгия Болгарина. – *А.Т.*), и рече ми: "Яко възвратишися семо [то, как ж ти ся случить работа, такуж скончав – Мз., Т.], иди в Никию и рци кур Петру игумену: "Мир ти", и предажь ему крест, иже еси принесл» [1. С. 94–95].

[35] Учитывая, что в списках У (во втором случае), Мр. (в первом случае) и Т. название написано с выносом Д, возможна реконструкция исходной формы как Мудъра (Мудьра), Мъдъра (Мъдьра), Мыдъра (Мыдьра).

[36] Впрочем, вполне вероятно отражение здесь формы, зафиксированной греческим источником Δριστρα [10. С. 11. Примеч. 1].

[37] Впрочем, вариант Мудра (Мудъра, Мудьра), учитывая греческую форму топонима (см. ниже), тоже нельзя окончательно сбрасывать со счета.

[38] Ср. *греч.* Πλισκοβα (Анна Комнина, Кедрин, Зонара); Πλισκουβα (Лев Диакон, Кодин); Πλσκα (Чаталарская надпись хана Омуртага); Плиска (*слав.* перевод Хроники Симеона Логофета); Плюска (Болгарская апокрифическая летопись) [39. С. 140].

[39] Подробнее об этом инциденте и о переписке Льва и Симеона см.: [33. Ч. 2. С. 301–314; 43. С. 91–93].

[40] Комментарии к гл. 40. В.П Шушарина.

[41] Однако мнение румынских исследователей, относящих островной комплекс к числу византийских построек XI в., не представляется убедительным (критику см.: [39. С. 146, 152]).

[42] XII в. датируется древнейший дошедший список двойного чуда Николы и Георгия (РНБ. F.п. I. 46), исключенного из цикла. Однако есть основания считать, что само исключение повести из цикла чудес вмч. Георгия и перенесение ее в чудеса Николы связаны с ростом популярности культа мирликийского святителя после перенесения его мощей в конце XI в. в Бари [2. С. 89–90]. Само же появление текста на Руси относится, несомненно, к более раннему времени.

В древнерусском языке смешения носовых с редуцированными не наблюдается, поэтому на Руси подобная замена произойти не могла, ее нельзя объяснить даже ошибками переписчиков. К Мѫдра (как результат замены носового чистым гласным) нетрудно было бы возвести вариант списка У (Мудра), но он стоит особняком среди остальных и может отражать влияние предлога (у Мудры – см. выше). У в целом отличает обилие индивидуальных непервоначальных чтений.

[43] Особенно показательна форма "Плиска" в Хронике Симеона Логофета [39. С. 140], где, казалось, следовало бы ожидать "Плискова".

[44] Византийский флот, осуществлявший переправу венгров через Дунай в его низовьях, судя по всему, не поднимался далеко вверх по реке [3. С. 256; 33. Ч. 2. С. 297–298; 43. С. 91].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ангелов Б.* Ст. Сказание за железния кръст // Старобългарска литература. С., 1970. Кн. 1. С. 136–155; То же // Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. С., 1978. С. 61–98 (ссылки даются на второе издание).

2. *Турилов А.А.* Византийский и славянский пласты в "Сказании инока Христодула" (к вопросу о происхождении памятника) // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и новое время. С. 81–99.

3. *Ангелов Д., Кашев С., Чолпанов Б.* Българска военна история: от античността до втора четвърт на X в. С., 1983.

4. *Ангелов Б.Ст.* Три страницы из историята на българска литература. II. Неизвестен старобългарски расказ "Чудото с българина Климент" // Литературна мисъл. 1970. № 3. С. 133–134; То же // Ангелов Б. Старобългарско книжовно наследство. С., 1983. Кн. 1. С. 158–160 (ссылки даются на 2-е изд.).

5. *Божилов И.* Към хронологията на българо-маджарската война при цар Симеон (894–896) // Военно-исторически сборник. С., 1971. Кн. 6. С. 20–33.

6. *Каймакамова М.* Българска средневековна историопис. С., 1990.

7. *Петканова Д.* Старобългарска литература. С., 1986. Ч. 1.

8. *Турилов А.А.* Данные "Сказания о железном кресте" о христианизации Болгарии // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси: Сб. тез. М., 1987. С. 53–54.

9. *Турилов А.А.* К изучению Сказания инока Христодула: датировка цикла и имя автора // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000. С. 412–427.

10. *Лопарев Х.М.* Чудо святого Георгия о болгарине: Памятник византийской переводной литературы. СПб., 1894 (ПДПИ. Вып. 100).

11. *Сергий* (*Спасский*), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1–3 (репринт: Владимир, 1901).

12. *Петров Н.П.* О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Киев, 1875.

13. Старобългарска литература: Енциклопедичен речник / Съст. Д. Петканова. С., 1992.

14. *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопр. языкознания. 1974. № 3. С. 62–66.

15. *Литаврин Г.Г.* Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII – начало XI в.) // Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М., 1985. С. 132–188.

16. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.

17. *Бычков А.Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1.

18. Русские путешественники по греческому миру (XII – первая половина XIX в.). М., 1995.

19. *Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

20. Описание Рукописного отделения БАН СССР. М.; Л., 1951. Т. 4, вып. 1 / Сост. А.П. Конусов, В.Ф. Покровская.

21. *Лукьянов В.В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958 (Краеведческие зап. Вып. 3).

22. *Папаскири А.З.* К вопросу о международной роли Грузии в XI – первой половине XII в. // Проблемы истории СССР. М., 1974. Вып. 5. С. 115–128.

23. *Острогорски Г.* Историја Византије. Београд, 1969.

24. *Коледаров П.* Историческата география на Северозападното Черноморие по данните на Константин Багрянородни // Исторически преглед. 1977. Кн. 3.

25. *Коледаров П.* Политическа география на средновековната Българска държава. С., 1979.

26. *Снегаров И.* Старобългарският расказ "Чудо на св. Георги с българина" като исторически извор // Годишник на Духовната академия "Св. Климент Охридски". С., 1954–1955. Т. 4 (30). С. 217–241.

27. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. 2-е изд. М., 1986.

28. *Турилов А.А.* Новосибирский список "Сказания инока Христодула" // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 220–222.

29. Житие и жизнь преподобного отца нашего Феодосия, иже в Тернове // ЧОИДР. 1860. Кн. 1. а-ві.

30. *Иречек К.* Пътуване по България. С., 1974.

31. *Теодосије Хиландарац.* Живот светога Саве. Београд, 1973 (репринт: Живот светога Саве: Написао Доментијан / Трудом Б. Даничића. У Биограду. 1860).

32. *Кодов Х.* Опис на славянските ръкописи в Библиотеката на БАН. С., 1969.

33. *Златарски В.Н.* История на Българската държава през средните векове. С., 1970–1971. Т. 1, ч. 1–2.

34. *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга. С., 1981.

35. *Жуковская Л.П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

36. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.): Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1988.

37. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

38. Новгородская харатейная летопись. М., 1964.

39. *Бешевлиев В.* Първобългарите: Бит и култура. С., 1981.

40. *Škorpil K.* Мадаро-Могилското плато // Byzantinoslavica. 1932. Т. VI. № 1.

41. *Дечев Д.* Мадара-Матора // Сборник в чест на Ат. Иширков. С., 1933. С. 181–188. (Изв. на Българско географско дружество. Кн. 1).

42. Кирило-Методиевска еницклопедия. С., 1995. Т. 2.

43. *Божилов И.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. С., 1983.

44. *Кузев А.* За имената на средневековната крепост на Дунавски остров Пъкуюл луй Соаре // Изв. на Народния музей. Варна, 1977. Кн. 13 (28). С. 57–69.

45. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей:Текст, перевод, комментарии / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.

46. *Златарски В.* Избрани произведения. С. 1972. Т. 1.

47. *Палаузов С.Н.* Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852.

48. *Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881.

49. *Успенский Ф.И.* Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска. С., 1905 (Изв. РАИК. Т. 10).

50. *Цанкова-Петкова Г.* Първата война между България и Византия при цар Симеон и възстанавянето на българската търговия с Цариград // Изв. на Института за история. 1968. Кн. 20. С. 167–198.

51. *Diaconu P., Zah Em.* Les carrieres de pierre de Pacuiul lui Soare // Dacia. 1971. Vol. 15. P. 361–406.

52. *Diaconu P., Vîlceanu D.* Păcuiul lui Soare. Buc., 1972. Vol. I.

53. *Diaconu P.* Pacuiul lui Soare – Vicina // Βυζαντινα, 1976. P. 409–447.

54. *Смядовски С.* Българска кирилска епиграфика IX–XV вв. С., 1993.

А.П. Новосельцев

ХАЗАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ

Можно считать доказанным, что Хазарская держава была первым в истории Восточной Европы раннего средневековья крупным политическим объединением, сыгравшим большую роль в прошлом многих стран и этносов не только этого региона, но и ряда смежных стран громадного Евразийского континента. Лишь с конца IX в. Хазария стала уступать эту роль возникшему тогда Древнерусскому государству, или Киевской Руси.

Со времен Букстorфа (XVII в.) хазары и их история всегда интересовали европейскую науку. С XVIII в. хазарскими проблемами стала заниматься и российская историография (В.Н. Татищев и др.), преимущественно, однако, в связи с прошлым России. Позже произошло как бы раздвоение хазарской проблемы, когда чисто хазарскими сюжетами стали заниматься в основном ученые-ориенталисты, а вопросами хазаро-славянских связей – слависты. В XX столетии с развитием археологических изысканий древностям Хазарии много внимания уделяли археологи. Такое разделение сохраняется по сути дела без существенных изменений и по сей день.

Поскольку основную массу письменных известий о хазарах и их государстве содержат восточные источники (древнееврейские, армянские, арабские, персидские и др.), лучшие труды по истории хазар написаны все-таки востоковедами или учеными, пользовавшимися их консультациями (например, М.И. Артамонов).

Историография Хазарии в настоящее время очень велика, но наиболее фундаментальные и заслуживающие внимания труды созданы за последние полстолетия (А. Поляка, Д. Данлопа, М.И. Артамонова, П. Голдена, Д. Людвига[1] и др.). Особо следует отметить публикации и исследования источников на древнееврейском языке, происходящих из самой Хазарии (П.К. Коковцова, Н. Глоба и О. Прицака[2]). Нельзя забывать новейшие публикации древнеармянских памятников (в первую очередь труда Мовсеса Каланкатваци), византийских источников (особенно Феофана[3] и Константина Багрянородного[4]), исследования арабско-персидской литературы (В.Ф. Минорского[5] и др.).

В общем в изучении хазарской проблемы в XX в. наблюдался значительный прогресс, в немалой степени обусловленный тем, что ею занимаются ученые многих стран и разных специальностей. Есть, конечно, и отдельные негативные результаты, к сожалению, чаще всего проявляющиеся в работах историков и археологов русистов (например, Б.А. Рыбакова), когда хазарская история или искажается, или тенденциозно замалчивается.

Между тем, хотя тезис, существующий в литературе со времен Данлопа, о спасении хазарами европейской цивилизации от арабов вызывает серьезные сомнения, мало кто отрицает историческое значение Хазарского государства, которое в течение почти трех веков сдерживало новый приток кочевников в Европу и тем самым способствовало созданию благоприятных условий для возникновения, например Древнерусского государства.

В настоящем сообщении я в самых общих чертах коснусь нескольких важнейших проблем, а именно: происхождения хазар и формирования хазарского этноса; сложения Хазарского государства, его территории и населения; эволюции государственного строя и идеологии (религии) Хазарии; эволюции хазаро-восточнославянских отношений и их роли в истории Хазарии и Древней Руси.

Итак, первая проблема – происхождение хазар и формирование хазарского этноса. Суждений о ней в литературе много, перечислять их в данном случае вряд ли целесообразно, а потому отсылаю всех интересующихся к литературе, прежде всего к трудам названных мною ученых.

Из источников, особенно арабско-персидских, ясно, что хазары говорили на одном из так называемых прототюркских языков (единственный современный потомок которых – чувашский, в свою очередь представляющий современную стадию развития наречия волжских булгар). В I тыс. языков этой группы было, по-видимому, гораздо больше, однако в последующем их вытеснили языки других тюркских групп – кыпчакской и огузской.

Для арабских авторов X в. (так называемой классической школы арабской географии), хорошо знавших современные им тюркские народы и племена, хазары и их язык были тем не менее не во всем ясны. Признавая их, как правило, тюрками, арабские писатели в то же время отмечали довольно резкие отличия хазарского языка от распространенных в ту пору и наиболее известных в странах халифата тюркских наречий (огузских и кимако-кыпчакских). Именно этим можно объяснить противоречивость сведений о хазарском языке таких географов, как ал-Истахри, Ибн Хаукаль или сообщение ал-Мукаддаси, писавшего, что язык хазар непонятен[6]. Замечу сразу, что, по моему мнению, для определения этноса наиболее важны два признака: язык и этническое самосознание. А поскольку о последнем для хазар судить довольно трудно, главная роль должна отводиться именно языку.

Никаких памятников хазарской литературы, как известно, на хазарском языке не сохранилось. Упоминаемые царем Иосифом какие-то хазарские книги (сфарим), скорее всего, были написаны на древнееврейском языке, которым пользовался и этот хазарский владыка, отвечая своему испанскому корреспонденту Хасдаю ибн Шафруту. В то же время бóльшая часть хазарских личных имен, сохраненных источниками (Булан, Чичек и др.), явно тюркские. Хазарская титулатура и социальная терминология или тюркская, или заимствована тюрками у иранцев (например, бек), или очевидная передача ее терминологией Библии и

талмудической литературы (речь идет о документах на древнееврейском языке).

Следовательно, сомневаться в том, что хазары говорили на тюркском языке, отличном от наиболее распространенных в ту пору тюркских наречий, оснований нет.

В наше время горячо дискутируется проблема появления тюрок в западной Азии и Восточной Европе. Если отвлечься от явно несерьезных попыток ряда азербайджанских и среднеазиатских историков и лингвистов обнаружить здесь тюрок еще до н.э., то наиболее рельефно встает вопрос этнической принадлежности племен Гуннского союза, по крайней мере их части. Кажется, ныне значительное число специалистов склоняется к признанию большей части этих племен прототюркскими, хотя и допускают наличие среди (особенно европейских гуннов) угров и даже племен маньчжурского происхождения. Однако новейшие исследования остатков гуннского (европейского) языка это не очень подтверждают, хотя полностью и не отрицают. Как выясняется, даже имя Аттила происходит из языка германцев готов, а "гуннские" слова Приска имеют или славянские или общеиндоевропейские корни. Мне представляется правомерной следующая теория этнических передвижений с востока на запад в период античности и раннего средневековья. Поначалу преобладали иранцы (скифы, сарматы и др.). Следующей волной были, скорее всего, угры, к которым относились не только предки мадьяр, но и родственные им племена юга Сибири, Урала и современного Казахстана. Известно, что население современной Башкирии еще в XIII в. говорило на наречии, понятном венграм. Чем дальше в древность, тем таких угров было в этих областях больше. Думается, что упоминаемые для VI–IX вв. в районе нижней Волги уйгуры, скорее всего, также угры.

Однако нельзя отрицать, что уже с гуннами на запад двигались и прототюрки, но их роль стала доминирующей не ранее VI в., с возникновением Тюркского каганата. И если угры (а с запада славяне) ассимилировали часть иранцев Восточной Европы, то еще в большей мере это относится к тюркам, которые гораздо интенсивнее поглощали (в этническом плане) иранцев Средней Азии, Закавказья и юга Восточной Европы.

Таким образом на протяжении I тыс. на просторах Восточной Европы (особенно ее юга и юго-востока) шли процессы этнического синтеза, в результате которого этническая карта региона постепенно резко изменилась. В то время как в лесостепной полосе активную роль играли славяне, ассимилировавшие часть иранцев, балтов и угро-финнов, в степных районах эту же роль играли сначала угры, а затем в гораздо большей степени прототюрки (затем тюрки огузской и кыпчакской групп). При такой постановке проблемы практически снимается ставший давно болезненно спорным вопрос происхождения таких народов, как татары, азербайджанцы, казахи и другие, поскольку они предстают как сложный продукт слияния и взаимодействия разных этносов, – в итоге, однако, победили те или иные тюркские языки. Сходное на-

блюдается и с происхождением венгерского народа, так как в венгерском языке обнаруживаются мощные иранские, тюркские, славянские и иные пласты, что свидетельствует об участии в его формировании многих этносов.

Изучение происхождения славян также приводит к сходным выводам. При этом для восточных славян наиболее важной представляется роль в их формировании иранцев юга нашей страны. Это особенно относится к той части восточных славян, которая является предками украинцев.

Но вернемся к происхождению хазар. Некоторые источники (например, "отец армянской истории" Мовсес Хоренаци) упоминают хазар в связи с легендарными событиями армянской истории античной поры. Такого рода известия не заслуживают доверия и на то есть свои причины, о которых здесь говорить нет возможности. Скорее всего, первым реальным известием о хазарах где-то в районе восточного Кавказа является сообщение неизвестного сирийского автора, обычно именуемого Псевдозахарией. Относится оно к середине VI в. или даже более позднему времени.

А что мы знаем об этносах Северного Кавказа до этого? Кроме адыгских племен на Западном Кавказе и алан преимущественно на Центральном Кавказе, здесь, в основном в районе Азовского моря, фиксируются для V–VI вв. ряд племен – осколков Гуннского союза – кутургуры, утургуры, булгары. Любопытно, что во всех этих названиях присутствует в той или иной форме термин угры. Например, название булгары кажется лучше всего расшифровывается как "смешанные угры". Но в источниках для VI в. фигурируют и иные этносы, из которых наиболее интересны савиры, или сабиры. Они пришли явно с востока, скорее всего из южной Сибири, и, возможно, сам термин Сибирь связан с этим этносом. Однако савиры-сабиры в VI в. чаще всего упоминаются в районах Восточного Предкавказья. Он них довольно много написал Прокопий Кесарийский, из чего можно сделать вывод, что наивысший пик их бытия на Кавказе приходился именно на 20–50-е годы VI в. Я не касаюсь здесь проблемы суваров в среднем Поволжье, хотя и она, очевидно, связана с савирами.

Из источников возникает представление, что савиры на Кавказе существовали лишь в VI и, возможно, в VII в., после чего это название фигурирует лишь как этнос, о котором помнили в той или иной культурной среде (например, у того же царя Иосифа). Куда же делись северокавказские савиры? На этот вопрос, мне думается, дают ответ два источника. Один из них – крупнейший арабский энциклопедист классической поры ал-Масуди (ум. 956 г.). В своем последнем труде "Китаб аттанбих" он отметил, что турки называют хазар сабирами, а иранцы – хазарами[7], т.е. прямо указал на определенную преемственность между хазарами и сабирами.

Византийский современник ал-Масуди, писатель и император Константин Багрянородный, повествуя о происхождении венгров, которых он именовал турками, считал, что предков этого народа называли сава-

ртами "аспалой"[8], что, мне кажется, правильнее переводить как белые савиры. Далее Константин пишет, что часть этих "савартай аспалой" ушла в пределы Персии, где этим названием известна и в его время. И действительно, согласно арабским и армянским источникам в IX–X вв., в Закавказье жили савиры (савары), которые позже слились с местным населением. Это, кажется, дает основание утверждать, что савиры – первоначальные угры, а наименование хазар в каких-то тюркских языках сабирами – доказательство того, что по крайней мере часть хазар – тюркизированные угры.

Но поскольку хазары являлись тюркоязычным этносом, то, очевидно, у них были и тюркские предки, давшие хазарам язык. И здесь, пожалуй, единственным ценным свидетельством является показание китайских источников о народе коса, в котором склонны видеть именно хазар. Вероятно, это и были те проторюрки, которые дали хазарам язык и название.

Однако тюркско-угрским синтезом проблема происхождения хазар не может быть ограничена. И угры и прототюрки застали на Северном Кавказе более старое местное население. На равнинах это были преимущественно иранцы: собственно аланы, маскуты (массагеты), родственные аланам, и, наконец, барсилы, в которых также есть все основания видеть иранский этнос. С аланами хазары изначально поддерживали хорошие и союзнические отношения, сыгравшие большую роль в установлении хазарской гегемонии на Северном Кавказе в VII в. Маскуты в раннее средневековье занимали значительную территорию, преимущественно прибрежной полосы современных Дагестана и Азербайджана. Позже маскуты и их страна (Маскат) выглядела как урезанная по сравнению с прежней территория к югу от Дербента. Маскуты, жившие севернее, очевидно, слились с хазарами. Наконец, барсилы и их страна, с которой связывают хазар византийские источники (Феофан, Никифор), Михаил Сириец, Армянская география VII в. Барсилы обитали где-то между северным Дагестаном и устьем Волги и очень рано слились с хазарами. Следы иранского влияния видны во многом. Прежде всего в сохранившейся хазарской лексике. Пример – наименование хазарской крепости Саркел (хазарское Шаркил – Белая крепость, ибо *гил* в иранских наречиях – *дом, крепость*). Не случайно восточные славяне называли Саркел-Шаргил Белая Вежа, где второе слово иранское. Название города Самандар также иранского корня (Белый город). Интереснейшее описание хазар Мовсесом Каланкатваци (VII в.) дает основание считать, что хазары поклонялись иранским богам Аспандиату и Куару, причем первый носил и тюркское имя Тангри-хан.

Таким образом, есть все основания полагать, что хазарский этнос сформировался в результате слияния трех этнических групп (прототюркской, угорской и иранской). Произошло это в VI–VII вв. в пределах северо-восточного Кавказа, который и стал исходным пунктом Хазарской державы.

Первоначально бóльшая часть хазар вела кочевой или скорее полукочевой образ жизни, как и их предшественники. Вряд ли хазарский на-

род был велик. А позже, после образования огромного государства, хазарские правители переселяли хазар на правах военных поселенцев в разные стратегически важные, часто окраинные районы державы. Из них наиболее известен Крым, а также Подонье, где хазарские поселения были, очевидно, наиболее компактны.

Первоначально Хазарское политическое объединение было небольшим, в пределах современного Северного (равнинного) Дагестана. Вероятно, во второй половине VI в. оно зависело от Тюркского каганата, а затем от Булгарского объединения в Прикубанье. О борьбе хазар с народом внтр (булгарами) на основании преданий красочно повествует царь Иосиф. В этой борьбе хазары в конечном счете победили и прогнали булгар на запад до Дуная. Более подробные и в определенном плане реальные сведения находим у византийских писателей (Феофана и Никифора), которые также пишут о победе хазар, но отмечают, что на запад ушла лишь часть булгар, а другая их часть осталась в Прикубанье и Подонье. Это так называемые черные булгары, хорошо известные для X в. из византийских, арабских и древнерусских источников. Современные историки порой без оснований смешивают их с волжскими булгарами.

Однако есть основания считать, что период булгарской гегемонии на Кавказе был недолгим. Более длительным было господство Тюркского, сначала единого, затем западнотюркского каганата. Центр последнего был в Приалтайских районах. В середине VI в. тюрки сокрушили эфталитов, соперников Сасанидов в Средней Азии. Но, заняв Среднюю Азию, тюрки унаследовали и вражду побежденных ими эфталитов к Ирану, союзником которого они первоначально являлись. Области к западу от Волги подчинялись тюркским хаканам, скорее всего, номинально, и там их главной опорой стали хазары. Именно как номинальные подданные Тюркского каганата хазары воевали в 20-х годах VII в. в Закавказье в качестве союзников императора Ираклия. Красочное описание этих войн есть у Мовсеса Каланкатваци, в грузинских летописях и других источниках. Но затем, в конце 20-х – начале 30-х годов, в западнотюркском государстве происходили смуты. Согласно Никифору, дочь Ираклия Евдокия в 628–629 гг. отправилась во владения хакана тюрков, с которым была обручена, но, узнав, что "турок" погиб в сражении, вернулась обратно. А через несколько лет, по данным того же историка, булгарский хан Куврат восстал против хакана авар и изгнал последних. Думается, что речь следует вести не об аварах, которые в ту пору жили далеко на западе, в Паннонии, а о тюрках и их хакане. Так начался период булгарской гегемонии на Северном Кавказе, завершившийся в конце 70-х – начале 80-х годов, отмеченным поражением булгар и уходом какой-то их части на запад. В 30-х годах от власти (пусть номинальной) тюрок освободился и владыка хазар. Можно предполагать, что он, используя свои родственные связи с хаканами тюрок, именно в 30–40-е годы VII в. принял высший в кочевой иерархии титул хакана, который приравнивался к императорскому и который до того у авар и тюрок известен не был (правитель булгар Куврат его не имел).

В 40–50-х годах VII в. произошли первые столкновения хазар с арабами, когда последние в правление "праведных халифов" Омара и Османа вышли через Армению и Азербайджан к Дербенту. Последовавшие затем смуты в Халифате, связанные с утверждением династии Омейадов, на несколько десятилетий отвлекли арабов от кавказских дел. Хазары использовали это и в 70–80-х годах, кажется, временно оккупировали Закавказье. Очевидно, параллельно шел процесс складывания Хазарской державы в пределах Восточной Европы. Он нам известен плохо, так как источников для ранней поры почти нет.

Однако мы точно знаем, какое значение для Хазарии имели Крым, Керченский пролив, а также торговый путь из Азовского моря по Дону по Переволоки и далее на Волгу и Каспий. Правда, транзитные дороги с Каспия по водным восточноевропейским путям в Европу по-настоящему обрели свое значение не ранее второй половины VIII в. Но начало их функционирования, очевидно, следует отнести к более ранним временам. Зная, что тот же Крым, по византийским источникам, был подчинен хазарам уже в конце VII – начале VIII в., и сравнивая эти сведения с хазарскими преданиями об установлении власти хазар на западе после ухода орды Аспаруха до Дуная, можно предположить, что и власть Хазарии над нижним и средним Поволжьем была установлена уже в первой половине VIII в., а перенесение хазарской столицы в устье Волги после арабо-хазарской войны 30-х годов VIII в. можно рассматривать уже в связи с утвердившейся ранее хазарской гегемонией в Поволжье.

Сложнее обстоит дело с вопросом хазаро-славянских отношений. Из древнерусских летописей известно, что хазарам какое-то время подчинялись поляне, а северяне и радимичи освободились от хазарской зависимости по летописной хронологии лишь в 80-х годах IX в. Самое же восточнославянское "племя" – вятичи платили дань Хазарии до 60-х годов X в.

К сожалению, в свое время советские историки отказались от некоторых весьма важных и правильных выводов дореволюционной историографии. Например, В.О. Ключевский уделял огромное внимание роли географической среды, особенно водных путей, в истории восточных славян и Руси. И это, несомненно, справедливо для той эпохи. Чрезмерное же внимание к собственно экономическим процессам у восточных славян, явное преувеличение их роли в становлении Киевского государства привело к игнорированию важнейших особенностей той эпохи. Нельзя забывать, что Европа I тыс. вовсе не являлась передовой частью тогдашнего культурного мира. Таковыми были Византия и особенно мусульманский Восток. Развитие же торговых контактов между поднимавшейся из руин Европой и Востоком привело в действие торговые пути, значительная часть которых проходила по водным артериям Восточной Европы. По данным арабского географа Ибн Хордадбеха (IX в.), ведущую роль в этой транзитной торговле играли еврейские купцы, так называемые ра/х/даниты (персидское "знающие дороги"). Эти предприимчивые торговцы знали многие языки и основывали свои

фактории в разных странах и прежде всего в пределах Хазарии, особенно в ее крымских владениях и в Нижнем Поволжье. В значительной мере с этим связано и принятие иудаизма в качестве государственной религии Хазарии, хотя для этого были и другие причины, о которых будет сказано ниже.

Следует согласиться с давно высказанным мнением, что историческое значение Хазарского государства для Восточной Европы состояло прежде всего в том, что хазары почти на три столетия перекрыли путь в Европу новым кочевникам из-за Волги. Сама же Хазария, как сложный политический конгломерат разных стран и этносов, своим могуществом была обязана не только военным успехам хаканов, но и – прежде всего – наличию на ее территории ряда транзитных центров международной торговли. Примечательно, что сами хазары торговлей не занимались, поначалу она находилась в руках упомянутых еврейских купцов, а затем (уже с IX в.) постепенно стала переходить к мусульманским торговцам, селившимся в городах Хазарии, где, по данным ал-Масуди, для них существовали весьма благоприятные условия.

Поскольку наша основная информация исходит из арабских источников IX–X вв., лучше всего известны события на арабско-хазарской границе, которая проходила в районе центрального Кавказа (Дербент, другие горные проходы через главный Кавказский хребет, в первую очередь Дар-е алан – Дарьяльское ущелье). Именно Дербент (Баб ва-л-абваб) и Дарьял были, как правило, опорными пунктами арабов, хотя случалось, что они временно переходили и во власть хазар.

Однако прежде чем характеризовать арабо-хазарские отношения, целесообразно дать оценку общественного и политического строя раннего Хазарского государства (VII – первая половина VIII в.). Верховный правитель Хазарии имел упомянутый титул хакан, который арабский энциклопедист ал – Хваризми объяснял как хан ханов, т.е. верховный хан[9]. Уже это обстоятельство говорит о том, что хакану подчинялись разного ранга и типа местные правители. Одни из них (например, правитель Волжской Булгарии) носили титул, передававшийся через арабское слово малик (царь). В других областях сидели прямые наместники хакана – тудуны. Наконец, имелись районы, весьма важные в экономическом плане (например, область буртасов), где, вероятно, был и тудун, который непосредственно управлял системой местных общин, главы которых чаще всего назывались арабским термином шейх. Очень трудно сказать, как управлялись славянские территории, подвластные хазарам. Русская летопись, говоря о полянах, отмечает, что у них после легендарного Кия правили его потомки, но затем поляне стали платить дань хазарам, от чего их, согласно той же летописи, освободили варяги Аскольд и Дир. По-видимому, у подвластных хазарам славян своих князей не было, почему их и не называет "Повесть временных лет", фиксирующая своих князей в других восточнославянских землях (у древлян, полочан и прочих).

После хакана вторым лицом в раннехазарской иерархии был шад. Это не потомок Ансы, как считают многие, а титул второго лица дер-

жавы, которое командовало войском и, очевидно, имело и иные важные прерогативы. Значение шада возрастало, пока он при благоприятных условиях не стал оттеснять на второй план хакана. Этот шад, по крайней мере в IX–X вв., носил и титул бак (пах Константина Багрянородного). Этот титул явно иранского происхождения (к его прототипу восходит и наше слово *бог*). Вероятно, титул бак был хазарским эквивалентом древнееврейского *мелех* и арабского *малик*, как именовали его источники на древнееврейском и арабском языках. В персидских памятниках он чаще всего называется падшах.

Крупнейшими поступлениями в государственную казну Хазарии были торговые пошлины, а также дань с подчиненных территорий, которая чаще всего взималась в форме ценной пушнины или работ, но иногда и в деньгах. Известно, что подчиненные хазарам славяне платили в шалагах (дирхемах) дань с рала, т.е. сохи.

Но основной центр хазарской политики в первые полтора века Хазарского государства располагался на Кавказе. Арабо-хазарские войны начались по сути дела в конце VII – начале VIII в., после того как окрепший халифат Омеайдов подчинил себе страны Закавказья. Произошло это не сразу, и весь этот процесс был неразрывно связан и с хазаро-византийскими и с арабо-византийскими отношениями. Читая источники, можно легко уловить такую связь. Почти всегда конфликты на Кавказе совпадали с военными действиями в Малой Азии. В этот период Хазария и Византия стали естественными союзниками в борьбе с арабами. Есть немало фактов, это подтверждающих: это и приключения безносого Юстиниана II в Крыму, и женитьба византийского василевса на хазарской принцессе Чичек, принявшей имя Ирина, и указанное совпадение военных действий.

Местные же кавказские политические силы занимали в этой борьбе разную позицию. Аланы, кажется, достаточно твердо придерживались хазарской ориентации, тогда как мелкие владетели Дагестана нередко ее меняли на проарабскую.

Крупнейшая закавказская страна Армения была покорена арабами в первые годы VIII в. Чтобы запугать и ослабить армянскую знать, арабский наместник в 705 г. сжег семьи армянских князей в церквах Нахчавана и Храми. В это же время был лишен власти и увезен в Дамаск ишхан Албании Шеро. Арабо-хазарские войны довольно долго шли с переменным успехом, хотя в них определенно можно уследить преобладание арабов. Однако существующая точка зрения о спасении Восточной Европы хазарами от арабов, думается, неверна. Изучая арабо-хазарские войны, легко можно заметить, что арабы, даже одержав серьезные победы, не пытались закрепиться к северу от Кавказского хребта. Несомненно, в Дамаске понимали, что для подобных попыток у Халифата не было ни сил, ни перспектив и что такая естественная граница как Большой Кавказский хребет наиболее разумна и обеспечена.

В некотором плане исключением можно было бы считать арабо-хазарскую войну 737 г. Незадолго до этого наместником Закавказья был назначен Омейад Марван ибн Мухаммед, который по иронии судьбы за-

тем стал последним халифом этой династии в Дамаске. Марван был опытным полководцем, поднаторевшим в войнах и с хазарами, и с греками. Правда, он был уже в солидном возрасте, но годы сказались на его деятельности позже. В 30-е же годы это был умудренный жизнью человек, который поставил ясную задачу: окончательно разгромить хазар и освободить владения халифата от угрозы с их стороны.

Заручившись поддержкой армянских князей, которым он выплатил деньги за поставленную ему знаменитую армянскую конницу, Марван огнем и мечом прошел Грузию, покорив и ее западную часть. За свои деяния Марван в памяти грузин остался как "круг" (глухой – к жалобам, страданиям). Только после этого арабский наместник начал войну с хазарами, усыпив предварительно их бдительность разного рода уловками.

Арабские войска шли на владения хакана двумя дорогами: через Дербент, через Дарьял. Где-то в районе современных северного Дагестана или Чечено-Ингушении хазарские войска были разгромлены. Хазарская столица Самандар была взята, а хакан бежал на север, очевидно в сторону Дона, который в источниках именуется Славянской рекой. Это и был самый северный предел арабских походов. Побежденный хакан запросил мира и, по уверению некоторых источников, даже обещал принять ислам.

По-видимому, Марван этим удовлетворился, вернулся в Дагестан, где несколько лет усмирял местных владетелей.

В этих событиях хазары уже не фигурируют, а между тем в их государстве происходили серьезные изменения. Ислама хакан, очевидно, не принял, но при дворе усилилась оппозиция, которую возглавил упомянутый выше шад. В условиях, когда по соседству с коренной Хазарией активно действовали арабы, столица была перенесена в устье Волги, где возник г. Атиль.

Значительнее были изменения во внутренней жизни государства. Именно со второй половины VIII в. начинается знаменитое двоевластие у хазар, о котором столько писалось со времен В. Григорьева. Вопрос этот актуален и сейчас. Ясно одно: шад, стремясь ограничить власть хакана, опирался прежде всего на еврейских купцов державы, а также на ту часть хазарской знати, что была с ними тесно связана. Очевидно, борьба эта растянулась на довольно длительное время и приняла явственные формы в области религии, т.е. идеологии хазар. Хазары были язычники, хотя во второй половине VII в. один из их князей (Алп-Илутвер) принял христианство. Но в стране, кроме иудеев, было много мусульман, а также христиан (особенно в Крыму). Шад, борясь за власть, в конечном счете принял со своим окружением иудаизм, заставив это сделать потом и хакана, еще долгое время остававшегося номинальным символом верховной власти. Произошло это, очевидно, где-то в последней четверти VIII в. Точная дата неизвестна, единственное реальное свидетельство ал-Масуди относит принятие иудаизма ко времени аббасидского халифа Харун ар-Рашида (786–809)[10]. На такой поворот событий повлияли и иные причины, среди которых, пожалуй, на первое ме-

сто следует поставить ухудшение отношения хазар с Византией. В 70-е годы VIII в. с помощью хазар освободилось от имперской власти Абхазское княжество. В этих условиях хазарские христиане не могли оказать сильного воздействия на ход государственных дел. Ислам же был религией Халифата, который оставался главным врагом Хазарии (известны хазарские походы в Закавказье в 70-е годы VIII в. и в 799–800 гг.).

Тем не менее нет оснований утверждать, что иудаизм приняла бóльшая или даже основная часть хазар. Арабские писатели X в. прямо указывают, что иудеями были род царя и часть прочей знати хазар. Более того, в IX в. в Крыму продолжали укреплять свои позиции христиане, а в центре Хазарии – Атиле – мусульмане, из которых в X в. формировалась гвардия царя (из хорезмийских выходцев).

В целом можно утверждать, что принятие иудаизма в качестве государственной религии привело не к усилению Хазарии, а к ее изоляции и ослаблению. Сведения о каких-то смутах в Хазарии в 30-х годах IX в. это в определенной мере подтверждают.

С ослаблением в свою очередь Халифата в IX в. эпицентр хазарской политики постепенно переместился в северные и северо-западные области государства. А там, в областях восточного славянства, с одной стороны, возникали политические объединения, стремившиеся освободиться от хазарского государства. В этих условиях хазары пропустили в 30-х годах IX в. на запад венгерских кочевников, а на Дону, как это доказано, против русов опять-таки с помощью Византии была построена крепость Саркел. С другой стороны, именно в IX в. в Восточной Европе появились отряды скандинавов (норманнов). Их предводители заключали договора с местной славянской знатью и нередко становились правителями славянских земель. Думается, что одна из причин этого явления – именно стремление освободиться от хазарской зависимости, которая была гораздо реальнее, чем подчинение на основе ряда-пакта (договора) варяжским конунгам, не имевшим в землях славян иной опоры, кроме пришедшей с ними дружины, к тому же быстро ославянившейся.

Именно так, мне думается, надо понимать летописный рассказ об Аскольде и Дире, освободивших полян от хазар, равно как и рассказ об Олеге, захватившем Киев, но сделавшем этот город своей столицей. Именно с Олегом летопись связывает освобождение от хазар земель северян и радимичей.

Это было время, когда на запад, уже против воли хазар, прорвались печенеги, вытеснившие затем венгров в Паннонию. Как раз в начале печенежско-венгерской борьбы и произошло утверждение Олега в Киеве и отнятие им у хазар упомянутых славянских земель.

Итак, в конце IX в. южнорусские степи оказались занятыми не союзниками хазар венграми, а печенегами – врагами тех и других. Последние, во-видимому, первоначально контактировали с Киевом, в пользу чего говорит отсутствие в летописи упоминаний о конфликтах с печенегами при Олеге. В этой ситуации государственный строй Хазарии развивался в определенном направлении. Если в начале X в. хакан еще выглядел как “соучастник” двоевластия в этом государстве, то позже,

по данным ал-Масуди, некогда полновластный господин державы превратился в затворника, которого в годы бедствий приносили в жертву народу. А последний (или предпоследний?) шад-бак – царь Хазарии Иосиф в своем письме к Хасдаю ибн Шафруту хакана прямо даже не упоминает. Двоевластие в Хазарии кончилось, вероятно в первой четверти X в.

Но и для царя времена были не лучшие. Он находился в зависимости от мусульманской гвардии (царь – иудей!) и, когда в 909 г. (эта дата представляется наиболее верной) русские отряды, пропущенные хазарами на Каспий, после многомесячной войны с вассалами халифа в Прикаспии измотанные потерями и болезнями, возвращались на родину, царь вынужден был под напором гвардии нарушить свой договор с русами и позволить мусульманам устроить засаду в устье Атиля, где большая часть русов погибла.

Хазария неуклонно шла к своему закату. При описании похода русов в Закавказье 944–945 гг. о позиции хазар даже не упоминается; очевидно, царь уже не мог воспрепятствовать проходу русов на Каспийское море, хотя позже царь Иосиф уверял, что русов он туда не пускает.

Примечательно, что в знаменитом трактате Константина Багрянородного "Об управлении империей" хазарам как политической силе внимания уделено мало, гораздо меньше, чем печенегам, русам и венграм. Если вспомнить, для какой цели этот трактат был создан, такое невнимание к еще недавно могущественнейшему в Восточной Европе государству понятно. К середине X в. роль Хазарии в этом регионе успешно оспаривали Русь и печенеги. В их соперничество, естественно, вмешалась Византия со своей традиционной политикой натравливания одного государства на другое.

О внешней политике Святослава написано много, но, как кажется, его восточная политика оставляется как-то в тени. Между тем Святослав, как только отстранил Ольгу от власти, направил свои интересы на восток. По летописи он в 965 г. разгромил хазар и взял их град Белую Вежу, а затем завоевал касогов и ясов. Касоги обитали в Прикубанье, а часть ясов жила на Дону. Очевидно, именно тогда русы закрепились в Тмутаракани. Затем последовала ликвидация зависимости от хазар вятичей. А далее политика Святослава резко изменилась. Князь-воитель, поддавшись на просьбы Византии, подкрепленные материально, ушел воевать на Балканы. И пока он вынашивал план создания державы с центром на Дунае, Киев осадили подкупленные греками печенеги. Не исключено, что к антирусской коалиции подключились и хазары. Поэтому неудивительно, что в то время, когда сам Святослав пребывал в Киеве подле больной матери (он спешно пришел с Дуная по ее мольбе и прогнал печенегов), русские дружины, по свидетельству современника событий Ибн Хаукаля, появились на нижней Волге и в пределах старого центра Хазарии – северном Дагестане. Были разрушены Атиль и Самандар[11], а их жители в панике бежали во владения мусульман. Туда же (скорее всего, в Хорезм) уехал и хазарский царь.

Существующее мнение относительно погрома Святославом Волжской Булгарии при внимательном изучении арабских источников не подтверждается. Булгары, о которых упоминается, очевидно дунайские. К тому же Волжская Булгария, пытавшаяся за полвека до этого сбросить хазарское иго с помощью халифа, вряд ли была заинтересована в борьбе на стороне хазар. Наоборот, крушение Хазарского государства вполне отвечало ее интересам.

Возникает интересный и важный вопрос: погибло ли Хазарское государство в результате походов русов при Святославе? Обычно историки отвечают на этот вопрос положительно, хотя уже давно существовала и иная точка зрения (например, в работе Поляка). Анализ скудных сохранившихся материалов позволяет вновь вернуться к этому сюжету.

Дело в том, что есть отдельные известия, позволяющие в какой-то мере реконструировать события 70–80-х годов X в. на Нижней Волге и в Дагестане. Во-первых, об отдельных столкновениях с хазарами князя Владимира упоминает Иаков Мних, а таковые могли произойти только в 80-е годы. Во-вторых, восточные источники, и хотя и крайне туманно, сообщают о вмешательстве в хазарские дела ширван-шаха и Хорезма, и эти события нельзя датировать временем позже начала 90-х годов X в. Из этих сообщений можно сделать вывод, что с помощью Хорезма или Ширвана царь Хазарии примерно в конце 80-х – начале 90-х годов вернулся в Атиль. В качестве платы за помощь со стороны мусульман он принял ислам. Так что можно говорить о восстановлении примерно в 80-х годах Хазарского государства, правда в крайне урезанном виде. Смутные известия о хазарах содержат дербентские хроники, остатки которых уцелели в изложении турецкого энциклопедиста XVII в. Мюнаджим-баши. В них под 1064 г. отмечено переселение остатков хазар из какого-то района севернее Дербента. Отрывок трудно комментируем, но наводит на некоторые размышления. За 10 лет до этого в Европу прорвалась кыпчакская (половецкая) орда, сменив в южных степях печенегов. Вероятно, половцы и завершили уничтожение Хазарского государства. Впрочем, его остатки в низовьях Волги существовали вплоть до монгольского нашествия. Речь идет о г. Саксине, где, по данным ал-Гарнати, жили хазары, хотя Саксин подчинялся Булгару[12]. Следовательно, в XII в. практически на весь Волжский путь распространилась гегемония Булгара. Последний конкурировал с русскими княжествами, прежде всего с Владимиро-Суздальским. Не случайно конец XII и особенно первая четверть XIII в. ознаменованы борьбой Булгара и Владимира. Успех на севере больше сопутствовал Владимиру и его апогеем было основание в 1221 г. Нижнего Новгорода. Вскоре началось монгольское нашествие. Прежде всего (в конце 20-х годов XIII в.) оно коснулось Саксина, а первый поход Батыя в Восточную Европу начался с погрома Волжской Булгарии. Саксин, очевидно, был разрушен раньше.

Какова же судьба хазар как народа? Этот вопрос давно волнует историков. Чаще всего потомков хазар находят в лице караимов, горских евреев Дагестана, иногда тюрок северного Кавказа. Есть и более оригинальные суждения. Донской историк эмигрант Ис. Быкадоров, разви-

вая теорию самостийности донских казаков, предположил, что в числе их предков были хазары. Как это ни странно, такую же мысль высказал и Л.Н. Гумилев.

К сожалению, археологически хазарские древности пока известны плохо. Атиль археологами до сих пор не найден. Среди множества городищ Северного Кавказа трудно выделить идентичные хазарским столицам Баланджару и Самандару. А между тем именно от археологии мы теперь можем ожидать новых материалов. Надежд на значительное пополнение письменных источников нет.

[1] *Поляк А.Н.* Казария: Исследование еврейского государства в Европе, Тель-Авив, 1944 (на иврите): *Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. New Jersey, 1954; *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962; *Golden P.B.* Khazars Studies. Bp., 1980. Vol. 1; *Ludwig D.* Struktur und Geselschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Münster, 1982.

[2] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932; *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. 1982.

[3] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980.

[4] Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio. Wash., 1962. Vol. I; L., 1967. Vol. II; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.

[5] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963.

[6] *ал-Макуддаси.* Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим. Лейден, 1877. С. 368 (на араб. яз.).

[7] *ал-Мас'уди.* Китаб ат-танбих. Лейден, 1894. С. 83 (на араб. яз.).

[8] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 158–159.

[9] *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4.

[10] *Минорский В.Ф.* Указ. соч. С. 193.

[11] *Калинина Т.М.* Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.

[12] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М., 1971. С. 27.

В.Я. Петрухин

К ВОПРОСУ О САКРАЛЬНОМ СТАТУСЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНА: ТРАДИЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

В современной историографии сложились две тенденции, по-разному интерпретирующие известия источников о номинальной – сакральной – власти кагана: согласно распространенной (со времен В.В. Григорьева) точке зрения, эти известия отражают традиционное для тюркских государств " двоевластие" священного царя – кагана и реального правителя бека (шада и т.п.), командующего войсками и даже решающего судьбу самого кагана; согласно другой трактовке, "двоевластие" в Хазарии сформировалось в результате конкретных исторических событий в каганате, где реальным правителем сначала был каган, оттесненный беком после переворота, как правило, увязываемого с принятием хазарами иудаизма. С этой позиции наиболее последовательно источники проанализировал А.П. Новосельцев[1]. Он обратил особое внимание на то, что русские князья начали претендовать на титул в 30-х годах IX в. (в соответствии известиям Бертинских анналов) – стало быть, в это время власть кагана была реальной, а не символической; тогда, по М.И. Артамонову[2], в Хазарии разразилась "гражданская война", противники иудаизации кавары[3] откочевали с мадьярами в земли печенегов, а к власти пришел упоминаемый Константином Багрянородным бек (пех), который наряду с каганом отправил послов в Византию с просьбой построить крепость Саркел. Власть бека-иудея с тех пор настолько укрепилась, что в 60-х годах X в., когда царь (евр. *мелек*) Иосиф писал своему корреспонденту Хасдаю Ибн Шапруту в Испанию о государственном устройстве Хазарии, он даже не упоминал о кагане.

Выстраиваемые таким образом исторические реалии, как кажется, совершенно разрушают схему тюркского традиционного "двоевластия", тем более что и в плане универсалий – сакрального царства – эта схема подверглась уничижительной критике: фрэзеровский сюжет "Золотой ветви" – убийство священного правителя – в большей части традиций оказался мифоэпическим, а не "историческим", относящимся к фольклору, а не к реальности. Однако именно этот сюжет и оказался "центральным" в источниках, описывающих власть хазарского кагана, и эта его центральная позиция заставляет обратить внимание на два связанных с ней парадокса.

Первый касается привлекательности титула *каган* для русских князей, претендующих на реальную власть над Восточной Европой. Ибн Фадлан, описывавший в начале 920-х годов быт царя (араб. *малик*) русов, явно уподоблял этот быт и социальное устройство Руси хазарским

"реалиям". Царь русов бездеятелен и проводит время с наложницами и ближайшей дружиной в своем замке: "И он не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками], пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных"[4]. Здесь же арабский дипломат описывает и сходный быт хакана, или "большого хакана", который является на глаза подданным лишь раз в четыре месяца и обитает во дворце со своими наложницами, доступ в который открыт лишь для его заместителя (*халифа*), именуемого *хакан-бех*: он "предводительствует войсками... управляет делами государства", ему подчиняются вассальные "цари" соседних государств и т.д.

Наконец, этот восточный автор – один из немногих, кто действительно общался с "информаторами", а не черпал знания из книг – сообщает: «Продолжительность [правления] царя – сорок лет. Если он переживет их [хотя бы] на один день, то подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: "У этого ум уже уменьшился и его суждение [стало] путаным"». Можно представить себе (даже из позднейшего летописного сюжета о выборе веры Владимиром и его пресловутом женолюбии), какими именно сторонами привлекал "царя русов" этот быт, но едва ли описываемый статус кагана был оптимальным для претензий русских князей на реальную власть. И хотя летописные известия о смерти русских князей, особенно Олега и Игоря, вписываются в "мифоритуальный" контекст и даже трактуются[5] как жертвоприношение, они свидетельствуют не о пассивном сакральном статусе, а об "активном" конфликте русских князей с подвластными славянскими племенами. Очевидно, претензии первых князей на престижный титул *каган* были связаны прежде всего с их политическими амбициями, направленными "вовне" и демонстрируемыми при дворах византийского и франкского императоров (ср. известие о "хакане росов" в Бертинских анналах), а рассказы о церемониальном быте "царя русов", предназначенные для "внешнего" наблюдателя (Ибн Фадлан), нельзя напрямую увязывать с реалиями этого быта[6].

Но это – меньший из парадоксов, связанных с сакральным статусом кагана. Больший парадокс заключается в том, что восточные авторы начиная с Ибн Русте[7] утверждают, что и каган, и его заместитель, и знать исповедуют иудаизм (в то время как бóльшая часть хазар придерживается традиционных тюркских верований), и при этом описывают ритуал жертвоприношения сакрального царя, никак не совместимый с иудаизмом. Наиболее обстоятельно этот ритуал описан ал-Масуди в середине X в.[8] Масуди изображает хакана хазар пребывающем безвыездно в замке под властью реального правителя – царя (*малик*). «Когда Хазарское государство постигнет голод или другое какое-нибудь бедствие, или когда против него начнется война с другим народом [...] знатные люди и простой народ идут толпой к царю и говорят: "Мы рассмотрели приметы этого хакана и дней его и считаем их зловещими. Так убей же его или передай нам, чтобы мы его убили". Иногда он выдает им хакана, и они убивают его; иногда он убивает его сам...». Масуди признает-

ся, что не знает, насколько древен этот обычай, но предполагает его глубокую древность, так как власть хакана издревле принадлежит одной семье.

Глубокая древность этого обычая подтверждается иными источниками. В версии ал-Истахри – Ибн Хаукаля[9], вступающего на престол хакана приводят к царю, душат шелковым шнуром, пока тот не начинает задыхаться, и тогда спрашивают, сколько лет он желает царствовать. Хакан не может царствовать дольше указанного им в полубеспамятстве срока – его умерщвляют. Этому обычаю, когда (по выражению А.П. Новосельцева) хакан превращается "в священное жертвенное животное", не могли следовать иудеи, зато он хорошо известен собственно тюркской традиции. Это тем более существенно, что хазарские каганы, очевидно, возводили свой род к правящему тюркскому роду Ашина[10].

По данным китайских источников (Чжоу шу)[11], обычай интронизации у тюрков (тукю) в VII в. таков: «Их государя (*чжу*) перед возведением на престол его близкие помощники и важные сановники сперва усаживали на войлок и несли девять кругов по солнцу. При прохождении каждого круга все сановники и подданные кланялись. Кончив поклонение, помогали ему сесть на коня и затем шелковой тканью сдавливали ему горло так, чтобы только не удушить его, затем ослабляли [петлю] и быстро спрашивали: "Сколько лет ты можешь быть каганом?" Их государь, поскольку самочувствие его было плохое, не мог точно сказать, сколько [лет он собирается царствовать]. Сановники и подданные, следуя его словам, свидетельствовали короткий срок». Е.И. Кычанов усматривает в этом ритуале отголоски былой выборности кагана, скорее, речь может идти не о выборности, а об избранности – сходный ритуал существовал при инициации тюркских шаманов[12]. Шаман как посредник между людьми (родом) и небесными духами и каган, воплощавший космическую связь между землей (страной, народом) и небом (богами, Тенгри), были причастны иному миру (оказывались как бы на том свете в момент инициации – интронизации).

Уже для китайского источника очевидно, что традиционный ритуал не препятствовал, а способствовал политическим интригам вокруг священного правителя: его окружение по-своему истолковывало слова задыхающегося кагана. Политическая история Тюркского (равно как и Хазарского) каганата также свидетельствует, скорее, о социальных коллизиях, чем о ритуальной смене правителей: во всяком случае та же китайская хроника Чжоу шу ничего не сообщает о ритуальной смерти кагана Исиги, но рассказывает о том, что ему наследовал младший брат Муюй, а не сын. Условием существования каганата и народа в орхонских надписях считалась верность кагану "беков и народа"[13]: традиция "священного царства", однако, давала им повод для неверности и избрания "молодого" претендента – ср. претензии "знатных людей и народа" к хазарскому кагану в описании Масуди. Та же традиция приводила к тому, что "священный царь" мог быть лишь номинальным правителем,

сама неподвижность которого (постоянное пребывание в резиденции и т.п.) гарантировала незыблемость воплощаемых им социальных и космических устоев.

И обожествление правителя, и человеческие жертвоприношения были в равной мере противны иудаизму, победившему в Хазарии. Недаром первым актом благочестивого царя (*мелек*) хазар Булана, согласно еврейско-хазарской переписке, было изгнание гадателей и идолопоклонников[14] – функцией "гадателей", в частности, было и определение сроков правления. В пространной редакции письма царя Иосифа ангел является к царю Булану, побуждая принять его истинную веру, и тот умолил ангела, чтобы Божий посланник явился и к некоему "главному князю" (или "великому главе" – *сар ха-гадол*)[15], дабы убедить народ принять иудаизм. После этого "царь собрал всех князей (*сарим* – глав) и рабов своих и весь народ свой", и те "приняли веру". Со времен А.Я. Гаркави этот фрагмент считают свидетельством "двоевластия" у хазар, но трудно сказать, кого в еврейском тексте следует считать каганом – царя или князя (главу); сама структура текста – перечисление "царь–князья–рабы–весь народ" – напоминает собственно тюркскую "триаду": каган–беки–народ, но не менее очевидны и библейские реминисценции (ср. о завете, данном Аврааму: Быт. 17: 23–27 и т.п.). Во всяком случае, в другом еврейском документе, так называемом Кембриджском, близком по времени и содержанию переписке царя Иосифа[16], говорится, что по обращении в иудаизм хазары избрали себе из числа еврейских мудрецов судью (*шофет*), которого именовали по-хазарски *каганом*, удачливого же военачальника, способствовавшего обращению, сделали царем. При этом в сохранившемся частично зачине Кембриджского документа рассказывается о бегстве евреев, спасавшихся от идолопоклонников, из Армении в Хазарию: здесь опять-таки нельзя не вспомнить о библейской традиции – вслед за исходом из Египта и обретением земли обетованной наступает эпоха Судей, и судья Самуил помазает на царство Саула, первого правителя[17]. Таким образом, составитель Кембриджского документа – как бы в ответ на вопрос, поставленный Хасдаем Ибн Шапрутом царю Иосифу, назначает ли он судей или судит свой народ сам[18], – "исторически" (опираясь на библейскую историю) объясняет происхождение двоевластия у хазар.

Из данных еврейско-хазарской переписки можно заключить, что "двоевластие" возникло не в результате иудаизации хазар: напротив, новая религия требовала преодоления старой "языческой" традиции. О ее популярности и в X в. свидетельствуют данные "внешних" восточных источников, соединяющих известия об иудаизме у хазар с рассказами о древних обычаях, почерпнутых из среды "язычников" или тюркской мифоэпической (мифоритуальной) традиции. Если каган и был номинальным правителем при царе-беке, то не потому, что последний имел иудейское происхождение[19]: как раз цари, согласно письму Иосифа, возводили свой род к собственно хазарам, потомкам Тогармы, сына Иафета, т.е. не считали себя "семитами". Будучи иудеями по вероисповеданию, они не могли приносить "священного царя" в жертву: новая

религия не только запрещала жертвы, но и десакрализовала статус земного правителя – он становился воплощением Закона, но не Божества[20]. Можно согласиться с тем, что при Иосифе в 960-е годы возобладала тенденция единовластия[21], но царь в своем письме уже выдавал желаемое за действительное: Хазарский каганат, остававшийся по преимуществу языческим разноплеменным образованием, распадался.

Зато Русь действительно унаследовала у каганата те традиции государственности, которые во многом повлияли на ее собственное государственное строительство. Это относится и к восприятию титула *каган* при Владимире Святославиче и Ярославе Мудром: этот титул был уже символом единовластия и легитимной власти над разными народами Восточной Европы.

[1] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 134 и след.

[2] *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 324–335.

[3] Ср. справедливые возражения против этих построений у П. Голдена (*Голден П.Б.* Государство и государственность у хазар: Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. М., 1993. С. 226–227): Константин Багрянородный ничего не сообщает о причинах восстания каваров, но атрибутируемые им уникальные археологические комплексы на Дунае (в Воеводине – см.: *Эрдели И.* Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Сов. археология. 1983. № 4. С. 174–181) свидетельствуют о том, что, оказавшись в христианском окружении, эти степняки стали хоронить умерших с иудейскими символами – изображениями меноры, пальмовых ветвей и т.п., процарапанными на кирпичах.

[4] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 146.

[5] Ср.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. М.; СПб., 1995. С. 55, 290 и след.

[6] Ср.: *Бейлис В.И.* Ибн Фадлан о двоевластии у русов в 20-е годы X в. // Образование древнерусского государства: Спорные проблемы. Тез. докл. М., 1992. С. 3–5.

[7] Ср.: *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. С. 146 и след.; *Голден П.Б.* Указ. соч. С. 220 и след.

[8] Ср.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 192 и след.; *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 141–142.

[9] Ср.: *Заходер Б.Н.* Указ. соч. С. 210 и след.; *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 141–142; *Голден П.Б.* Указ. соч. С. 222 и след.

[10] *Голден П.Б.* Указ. соч. С. 223.

[11] См.: *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 99; ср.: *Артомонов М.И.* Указ. соч. С. 410; *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1. С. 229.

[12] Ср.: *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск, 1999. С. 92 и след., *Голден П.Б.* С. 227 и след.

[13] *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 65.

[14] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 75, 93.

[15] Ср.: Там же. С. 76; *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 136.

[16] Ср.: *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесл. и коммент. В.Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. С. 140.

[17] Мотив "двоевластия" известен собственно библейской традиции, уже Книге Бытия: узнав о грядущих бедствиях, фараон передает Иосифу власть над страной. «И сказал фараон Иосифу: "Я фараон; без тебя никто не двинет ни руки своей, ни ноги во всей земле Египетской"» (Быт. 41:44). Можно представить себе, как описал бы систему власти в Египте иудей, почитающий Пятикнижие.

[18] *Коковцов П.К.* Указ. соч. С. 69.

[19] См.: *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и великая степь. М., 1989. С. 135.

[20] Интересны варианты воинского ритуала, которые разнятся в описании Ибн Русте и Гардизи: у первого (самого раннего автора) говорится о том, что царя (иша) сопровождает перед войском всадник, который держит солнцевидный диск в форме барабана – символ царской власти. В более позднем описании Гардизи говорится уже об авангарде, который едет перед войском со свечами и светильниками (*Голден П.Б.* Указ. соч. С. 220). Это напоминает о предании, которое передает царь Иосиф в еврейско-хазарской переписке: ангел является во сне хазарскому предводителю Булану, повелевая воздвигнуть храм, и тот, завоевав золото и серебро, сооружает скинию, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды (*Коковцов П.К.* Указ. соч. С. 94). Булан прямо следует деяниям Моисея и Иисуса Навина, когда евреи следовали за скинией (и покрывавшим ее облаком – воплощением славы Божией) в период Исхода и обретения земли обетованной. Каноничность такого ритуального поведения может вызвать сомнения с точки зрения ортодоксального иудаизма, зато сам ритуал находит параллель в действиях иного исторического персонажа, так же обратившегося к новой религии: Константин Великий "по примеру пророка Божьего" установил палатку вне войскового лагеря, где поместил крест и возносил молитвы (*Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1962.2.12).

[21] *Заходер Б.Н.* Указ. соч. С. 211; *Новосельцев А.П.* Указ. соч. С. 136.

А.Н. Поляк

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА IX–X ВЕКОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВОСТОКА

"КАСПИЙСКИЙ СВОД"

Настоящая статья написана как замечания и дополнения к посмертно изданному труду Б.Н. Заходера "Каспийский свод сведений о Восточной Европе" (1962). Ее цель состоит главным образом в том, чтобы внести добавочные материалы, не вдаваясь в разбор источников, которые Б.Н. Заходер уже систематически и вдумчиво рассмотрел в своей работе.

Б.Н. Заходер назвал "Каспийским сводом" основной фонд сведений у географов IX–X вв., писавших по-арабски и по-персидски. Как наименование "Каспийский", так и подзаголовок "Горган и Поволжье" выражают мнение автора, что эти сведения были добыты главным образом путем корабельных сношений иранской области Горган (на юго-востоке Каспия) с Поволжьем. Тот факт, что автор вскрыл и настоятельно подчеркнул важность этих сношений, является крупной его заслугой. Однако чрезмерное преувеличение этой важности вплоть до утверждения, что "сухопутные караванные связи... носили, как правило, случайный характер", может представляться весьма спорным[1]. Упомянем находку Хорезмской экспедицией Академии наук СССР караван-сараев и колодцев вдоль трассы из Хорезма по направлению к Волге, отнесенных к X–XI вв.[2] Упомянем также и затруднение навигации на северном Каспии из-за поздне-осенних бурь и зимних замерзаний прибрежных вод. Обычно это совпадало с тем временем, когда кочевники и полукочевники сосредоточивались на зимовках (в отношении хазар этот факт отмечен арабскими источниками и еврейским "письмом царя Иосифа"), и это облегчало сухопутную торговлю с ними.

Однако такая критика взгляда, высказанного Б.Н. Заходером, отнюдь не била бы в цель. Именно Б.Н. Заходеру и именно в данном труде принадлежит заслуга такого краткого изложения "Каспийского свода", которое выявляет как стержень этого "Свода" описание караванных путей, и именно из Хорезма. И если, с одной стороны, несмотря на все известное ему, он все же высказал упомянутый выше взгляд, это случилось потому, что наиболее подробные и достоверные сведения "Свода" относятся к хазарскому Прикаспию и Нижнему Поволжью, в то время как, с другой стороны, "Свод" отличался "малой осведомленностью о странах на запад от Волги"[3]. Объяснение, предложенное Б.Н. Заходером, является единственно возможным, если вообще считать "Свод" сколько-нибудь объективным отражением имевшихся к тому времени сведений о Восточной Европе.

Мы считаем, что "Свод" таким отражением не является. Иначе нельзя объяснить следующее: если, по "Своду", существовали регулярные сношения с хазарским центром на Нижнем Поволжье и мусульмане составляли там "одну из главных опор центральной власти"[4], то почему нельзя было получить через хазар сведения о странах к западу от Волги, по крайней мере о находившихся под властью или влиянием хазар?

Далее. Среди описанных "Сводом" торговых путей отсутствует тот, который быстрее всего развивался; был связан с наибольшими возможностями обогащения, оставил наибольшие материальные свидетельства, указывающие на особенно интенсивные экономические связи со странами ислама. Путь из Поволжья на Балтику известен по находкам мусульманских монет – дирхемов. Монеты, найденные на о-ве Готланд, главным балтийском центре этой торговли, датируются временем с начала VIII в. до начала XI в.; их ввоз принял значительные размеры с середины IX в. и достиг апогея в 955–970 гг.[5], т.е. как раз в период расцвета мусульманской географической литературы.

Далее. Путь из Хорезма на Волгу был дублирован недалеко от Средней Азии путем от северного побережья Аральского моря к Волге. Однако наличие этого пути было засекречено неверными литературными сообщениями о реках, соединяющих Аральское море с Волгой и Каспием, и это засекречивание сохранялось веками. Информация Мас'уди о большом товарообмене между Хорезмом и волжским бассейном посредством такой реки, которой он дал имя Бурта̄с, при помощи переноса на нее буртасов ("между страною Хорезм и государством хазар")[6], смущала исследователей до Б.Н. Заходера включительно[7]. Мы можем уточнить локализацию этой реки, руководствуясь подробным пособием для чертежников карт мира – сочинением, составленным Сухра̄бом[8], о личности которого мы ничего не знаем. Его географические представления и номенклатура указывают на период после появления карт Идрисӣ в XII в., в частности, напоминают многим (как, конечно, напоминает и его литературная форма) описание карты мира у Ибн Халдуна[9], но тот писал не так сухо и без таких подробных указаний широт и долгот. Данная река у Сухраба начинается с источника... протекает близ [стольного] города Хазар и близ моря, потом – между морем и Хорезмом, затем течет и впадает в озеро (*батӣха*) реки Балха (т.е. Аму-Дарьи)"[10]. Эта река здесь называется "река хазар" (у Мас'ӯдӣ так называется Волга у Итиля, в которую впадает "река Бурта̄с"), а также река Тавил* (отголосок слухов о Тоболе?): نهر طويل و حو نهر الخزر .

Далее Б.Н. Заходер отвечает на вопрос, что означали арабские и персидские термины ландшафта в приложении к Восточной Европе? Но сам "Свод", как и арабо- и персоязычные географы тех времен в целом, не давал читателям возможности уяснить, что там эти термины означают не то же самое, что на безводном Среднем Востоке, и что в этих

---

* Вряд ли в значении "длинная" (*т̣авӣл*) река. Ср. отсутствие артикля *ал-*.

странах значительно больше пресной воды, леса и трав. Они сообщали читателям только то, что там "всё хуже", особенно в смысле климата, и что цивилизованное существование там невозможно. Терминология была тайнописью. Арабское слово صحارى *сахāрā* означало в описаниях Восточной Европы "степь, пространство, заросшее травой", но для обычного восточного читателя оно имеет значение – ландшафт пустыни Сахары: слово غياض *гīйīд* означало в этих описаниях "обильно снабженные водою, покрытые лесными зарослями пространства", а для восточного читателя – тот скромный тип растительности, который определялся позже арабской лексикографией как характерный для луж[11].

"Свод" сообщал только то, что засекречиванию не поддавалось, и только так, чтобы создалась картина бедных и варварских стран. Таково было давление на географов купечества и государства.

Нельзя сказать, что средневековое мусульманское купечество было всегда и везде склонно к засекречиванию своих географических знаний. Но в данное время официальной экономической доктриной халифата (и выраставших в результате его распада государств) была полная свобода торговой конкуренции и спекуляции. Считалось, что бог решает, как должны изменяться цены, и государство не имеет права в это вмешиваться[12]. Поэт Фирдаусӣ так резюмировал (в форме старого "пророчества") эту атмосферу: "Всюду обман, погоня за деньгами отделит отцов от детей; каждый будет искать наживу за счет другого"[13]. Купцы-монополисты были вольны закреплять свои позиции во внешней торговле такими средствами, которые не могли применять, скажем, связанные с Каиром купцы позднего средневековья. Действовавшие часто как агенты и арендаторы государственных монополий (а то и в составе посольств) они сами находились под контролем регуляции цен (*мас'ӣр*), хотя последняя, в свою очередь, часто осуществлялась в интересах правящих феодальных кругов.

Халифат унаследовал от Рима–Византии и сасанидского Ирана идею мирового царства. "Свод" отражает время, когда завоевательный порыв 634–732 гг. уже угас, географы уже описывали Исламское государство" (*мамлакат ал-ислāм*) как определенную часть мира с относительно устойчивыми границами[14], а фактически и оно распадалось.

Из соображений внутренней политики и престижа власти продолжали цепляться не только за фикцию его единства, не только за утверждение, что оно представляет единственно законное мировое царство, но и за то мнение, что оно и фактически руководит если не всем миром, то за его наиболее цивилизованной частью, которой навсегда обеспечено положение ведущего ядра. Это позволяло истолковывать вынужденный отказ от завоеваний как добровольный. Отсюда стремление "научно" доказать, что незавоеванные края – неисправимо бедные отсталые и варварские[15]. Поскольку "Исламское государство" простиралось в основном с востока на запад, требовалось "принизить" главным образом север и юг, особенно север, где было встречено наиболее сильное сопротивление, где наме-

чалось более быстрое развитие, и особенно Восточную Европу из-за ее относительной близости к ведущим центрам "Исламского государства" на Среднем Востоке. Вдобавок под влиянием ученых-персов географы и историки "государства" усвоили взгляд, согласно которому мировое царство древнего Ирана простиралось и на Восточную Европу, что тем или иным образом "страны тюрок и хазар" составляли особую сферу этого царства[16] или что провинция Северного Ирана простиралась на север, включая и "хазар, алан, славян и авар (абар)", или же (под влиянием преданий о "тюркютской" державе) существовало представление, что мировое царство Ирана разделилось на три, одно из которых – тюрко-хазаро-китайское[17]. Этот взгляд понуждал мотивировать отказ "Исламского государства" от Восточной Европы.

Считалось, что превосходство "Исламского государства" над севером и югом гарантировано навеки самим его срединным положением, которое предоставляет людям и всей природе наилучшие возможности для развития, а также подставляет его под более "благотворное влияние звезд". Для пропаганды этого взгляда было использовано и усвоенное от греков и сирийцев деление ойкумены на семь "климатов"-поясов – с востока на запад. Однако для нужд данного периода это деление не вполне подходило: оно позволяло говорить об ухудшении всего по мере удаления от середины на север и на юг, но оно заставляло считать это ухудшение постепенным и равным в обоих направлениях, а не внезапным. Характерно, что Ибн Руста, тщательнее других занимавшийся тогда этим вопросом, предпочел не рассуждать по поводу влияния географического положения и звезд на каждый "климат" в отдельности[18].

И другие авторы, писавшие о "семи климатах", тоже обходили этот вопрос. Зато есть текст[19] о разделе ойкумены на три пояса (между тремя сыновьями Ноя): средний – наилучший; южный – несколько хуже и северный – очень плохой. На севере "земля пустая", "холода сильные", люди "страдают от чумы", и "небеса над ними пустые, без планет"; внешний вид их – "краснота" (т.е. розовая кожа, рыжие волосы) и "блондинность". Текст, очевидно, взят из письменного сочинения, отличавшегося сильнейшим влиянием еврейского языка – вплоть до употребления слов *сафон* (север) и *даром* (юг), правильно написанных арабскими буквами. Однако основная идея взята не из еврейской литературы. Это сочинение было составлено после провала больших наступлений халифата на севере (т.е. после 732 г.) и до установления религиозной связи хазар с иудейством (т.е. до 740 г.). Те же компиляторы приводят еще один отрывок[20] из арабо-еврейской версии, согласно которому хазары узнают о библейском Аврааме не от евреев (см. ниже). Оба отрывка отличаются не только трудностями понимания для читателей, чуждых еврейскому языку, но и тем, что приводятся без указания на литературный источник, среди сообщений, приписанных устным традициям правоверных мусульман-арабов. Причиной этого могла быть связь источника, который назовем (за неимением другого) "Арабо-еврейской космографией", с Омейядами, свергнутыми и уничтоженными на Среднем Востоке в 750 г. будто бы из-за измены истинному исламу.

ХАЗАРЫ В "СВОДЕ"

"Свод" особенно занимается хазарами, но его "хазары" – это только часть населения, фигурирующего под этим наименованием в средневековых источниках. Более того, и в этих рамках "Свод" применяет термин "хазары" то в более узком, то в более широком смысле. В одном случае – это только полукочевая орда близ устья Волги, где находится царь, составляющая его двор и войско. (Мы применяем слово "орда" именно в таком тюрко-монгольском понимании.) Иной раз под "хазарами" подразумеваются и соседние вассальные орды, до подходов к Дербенту, где проходила тогда граница с мусульманами. А иногда этот термин включает и определенное население за этой границей, все же тем или иным образом связанное с упомянутыми "хазарами". Но в последнем случае авторы иногда идут на разные языковые уловки для разъяснения, каких "хазар" они имеют в виду.

Начнем с последнего. Б.Н. Заходер[21] счел случайной ошибкой различие между хазарами и хазаранами в тексте X в. Действительно, *хазарāн* (или, как предпочитают персидские лексикографы, *ẋазрāн*) – иранская форма наименования хазар. Однако, когда авторы хотели отличить полукочевые орды между Волгой и дербентской границей (к которым мусульмане ехали через ираноязычные страны) от горных хазар к югу от Дербента, они называли первых "хаз(а)ранами", а вторых – "хазарами". Так и в арабо- и персоязычных сочинениях. Низами в *Искандарнāме* описывает "хазар" как миролюбивых земледельцев нагорий, ограждавших себя от набегов кочевников-кыпчаков дербентскими укреплениями мусульманского государя, запиравшими кыпчакам путь, а воинственные "хаз(а)раны" воюют против этого государя[22]. (По современным автору условиям они воевали в составе коалиции, возглавленной русами.)

Это был неуклюжий способ отличать полукочевых хазар от других. Позднее, когда прикаспийская Хазария превратилась в особую часть Золотой Орды и значительно опустела, персоязычная письменность стала называть ее "Хазарская степь" (Дашт-и Ẋазар или Дашт-и Ẋаз(а)рāн)[23]. Это название было перенесено и в прошлое, так что прежний хазарский царь стал "падишахом Хазарской степи"[24], а еще позже позднейшие (и последние) из этих хазар звались *ẋазара* الخزرة. Арабский лексикограф Мухаммад-Муртадā ал-Хусайнī (Каир, 1183/1769 г.) еще помнил это, когда отмечал: "Хазары, которых зовут также ẋазара"[25]. Территория этих хазар между тем сокращалась. При господстве Золотой Орды они были оттеснены от Волги, где появились центры новой власти, а затем, в период ее распада и анархии в степях, были вытеснены из открытых степей к тем кавказским предгорьям, которыми прежде часть из них пользовалась для летних кочевок и охраны перевалов. В географической коллекции Ватиканского музея (библиотечный коридор) есть глобус, показывающий состояние мира к 1595 г.: там отмечена именно эта, традиционно хазарская, часть Дагестана как Gazara (Хазара).

Обозначение полукочевых хазарских орд "хазранами" повлекло за собой применение названия "Дарбанд-и Ḫаз(а)рān" (Хазранский Укрепленный Проход, Хазранские Ворота) к узкому коридору между Каспием и горами у Дербента, служившему подходом к "хазранам", а также и к самому Дербенту как к господствующему пункту и ключевой позиции этого прохода. Название "Дарбанд-и Ḫаз(а)рān" иногда включало и северное продолжение этого коридора, до нынешней Махачкалы, которое находилось под хазранским управлением. Определение "Баланджар – город в Дарбанд-и Ḫаз(а)рān по ту сторону Дарбанда" (ал-Бāб ва-л-Абвāб)[26] представляет интересный пример применения, с одной стороны, этого названия исключительно к проходу (а не к Дербенту), с другой стороны, одновременно включения северного продолжения прохода. Персидское название "Дарбанд-и Ḫаз(а)рān" применялось и в арабских текстах, но имело редкую арабизированную форму: Дарб Ḫаз(а)рān "Путь к хазранам"[27].

Как сказано, понятия "хазары" и "хазраны" имели расширенное толкование. Часто эти наименования применялись исключительно к царской орде у устья Волги, пока она существовала и пока царь там находился. Хазарская "страна" тогда тоже сводилась к территории одного полукочевого "города": "Хазары – это название такой категории (*джинс*) людей. [Их] местожительство (*балад*) – город (*миср*), называемый Итилем… Этот город не имеет ни много связанных с ним сел, ни широкого владения"[28]. Это же словоупотребление находим в еврейском письме, приписанном хазарскому царю Иосифу[29]. Слова "хазары", "мы" применяются там только в связи с этой ордой, одним полукочевым "городом". Только территория, контролируемая этой ордой и служащая для ее кочеваний, сознается как "моя страна, земля (*эрец*)", где я проживаю». Основная часть "страны" находится в пользовании "города".

Я не считаю "письмо царя Иосифа" подлинным. Каспий здесь ошибочно находится не на юге, а на востоке от Нижней Волги, и соответственно этому автор (в пространной версии письма) разместил и все другие границы "страны" в неверных направлениях: на "юг" – это запад, "запад" – север, а "север" – восток. С учетом этого загадочная река Бузан на "севере" и "западе" превращается в тот волжский проток, что и теперь зовется Бузаном. Такие подробности характеризуют "письмо" как компиляцию, сохранившую материалы из источников, которые до нас не дошли.

Хазары (как в расширенном, так и в узком смысле этого слова) никогда народностью (этническим понятием) не были и не стали. Они всегда включали разные этнические элементы. Лексикограф ал-Хусайнӣ писал: "Хазары, которых зовут также хазара, – название группировки (*джӣл*) неверных тюрок, а [другие] говорят – иранцев (*ал-ʿаджам*), а [иные] говорят – татар, а [еще] говорят – курдов… а еще говорится, что они славяне"[30]. Это было написано о позднейшем периоде, когда старые орды (точнее, их остатки) были принуждены к объединению в результате вытеснения их на небольшую общую территорию, где создалось равновесие между элементами, входившими в понятие "хазары".

Во времена "Свода" положение было иным: можно установить многочисленные элементы в разных ордах, но они были несхожи; можно установить и элементы наиболее близкие к царской власти, но они были меньшинством даже в царской орде.

Наиболее значительный элемент в этой орде составляли сабиры (савиры). Это подтверждается и сообщением "Армянской географии" VII в. о населении к северу от Дербента, где савиры показаны у Итиля (Волги)[31], и сообщениями Мас'ӯдӣ[32] (те хазары, царь которых правил и другими тюрками, "зовутся по-тюркски *сабир* и по-персидски *ḫаз(а)рāн*"), и еврейского путешественника Вениамина из Туделы (в Северной Испании), побывавшего на Востоке около 1160–1172 гг. "Страна Сибирия" (или Себирия) упоминается у него после кавказской Албании и перед "всеми тогармцами" (=тюрками) в списке стран, где разбросаны евреи, подчиненные багдадскому центру[33]. "Свод" и "письмо царя Иосифа" упоминают евреев, проживавших у зимовки именно царской орды.

Многочисленность сабиров в царской орде особенно различала этнический состав этой орды и той, что охраняла границу близ Дербента. По "Армянской географии", "на север [от Дербента], близ моря, царство [орды] гуннов... к востоку [от него] проживают савиры до [реки] Итиля (=Волги)"[34]. В арабских источниках мы находим вместо гуннов в дохазарские времена "*умма* (=население, имеющее свою государственность) по имени Баланджар"[35], а в хазарские времена Баланджар становится хазарским полукочевым "городом", ордой. Его название действительно было взято от той народности, которую именовали, особенно византийцы, "гуннами" и которая оставалась здесь в хазарские времена наиболее многочисленной: булгар (балкар) в сочетании с именем оногур (~ унгар)[36]. Одно из обычных арабских названий булгар – *бурджāн* употреблялось и как синоним Баланджара. "Бурджāн – населенное место (*балад*) в хазарских краях... и мусульмане нападали на него в дни [халифа] Османа" – так говорится об известных нападениях на Баланджар[37]. Баланджар соперничал с Итилем за главенство: здесь проживал хазарский царь до того времени, когда мусульманские нападения вызвали его переход в Итиль, а при Золотой Орде опять появились сообщения, что "Баланджар – столица хазар"[38]. Итиль исчез так бесследно, что между египто-сирийскими географами даже возник спор о том, где он находился, и его отождествляли то с Баланджаром, то (из-за отдаленности Баланджара от реки Итиля) с Сараем[39].

Официальная теория царской власти времен "Свода" предполагала, что великое государство тюрок (тюркютов) VI в. продолжает существовать под главенством хазарских царей и что эти цари и есть законные наследники Вавилона, древнего средоточия всемирной власти, который при этом, как это часто упоминалось в письменных памятниках Среднего Востока, считался иранским центром и связывался с парфяно-сасанидской столицей на Тигре Ктесифоном (определение этой столицы как "Вавилон" восходит к предшествовавшему ей соседнему эллинистическому центру Селевкин, при основании которой туда были переселе-

ны вавилоняне)[40]. Эти два положения были явно связаны с идеей династического союза тюркского государства с домусульманским Ираном (и Вавилоном), которую мы также находим в мусульманских источниках. У хазар идея династической связи могла, конечно, в подробностях отличаться от представлений Ибн Ḫордāдбеха, Табарӣ или Фирдаусӣ. Из теории наследования тюркского и вавилоно-иранского государств вытекало особое положение для представителей тюркменских племен в окружении хазарских царей (они считались на прежнем тюркютском западе "наиболее тюркскими тюрками"), а также для иранцев.

Представление о сохранении "тюркютского" государства под хазарским руководством отражается, в частности, у Масʿӯдӣ при перечислении государств света: "Пятая [мировая] *умма* состоит из тюркских народов, как карлики, гузы, кимаки, тогузгузы и хазары"[41]. Затем идет описание специально хазар, царской "сабирской" орды, где говорится, что хазары и прочие имеют "один язык и одного царя" (вариант: "и у них одно царство"). Эти представления отражаются и в латиноязычной литературе Запада: тюрки, называвшиеся в старое время гуннами и включавшие на западе авар и угров, имеют центр за Каспийскими Воротами (= Дербентом и его проходом), и оттуда они выходят на все свои завоевания[42]. Эта фикция отражается и в "письме царя Иосифа": хазарская страна этого царя – только район волжской дельты, но он правит многими землями и народами как "царь Тогармы (= тюрок)". Для проистекающего отсюда положения туркмен среди хазар характерно сохраненное Ибн Ḫалдӯном свидетельство ближневосточного еврейского лидера Сa'адия (Сa'ида) Гаона ал-Файйӯмӣ (892–942), что "Тогарма – это хазары, а они туркмены"[43] (читай: потомство библейского Тогармы, считающегося эпонимом тюрок, – это прежде всего хазары, а среди них первое место принадлежит входящим в их состав туркменам).

Связь хазар с Вавилоном породила представление, что между Хорезмом и славянами находится "вавилонская долина"[44], где протекает река "Тигр" (= Волга)[45], и что хазары – "халдеи", а Дербент (Хазранский) – это "Ур Халдейский", город библейского Авраама[46]. Оно породило и своеобразный хазарский мессианизм. В X в. арабоязычный еврей-караим Йефет (Хасан) ибн ʿАлӣ из Басры нашел в библейских пророчествах указания, что халифат "заберет у царя севера Ирак и Хорасанскую землю и [другие места вплоть] до границы Бāб ал-Абвāба (= Дербента)", но будет время, когда "царь севера придет из мест близких к Бāб ал-Абвāбу", снова покорит Ирак, а потом и Сирию, Палестину и Египет[47]. Йефет писал не раз о библейских свидетельствах грядущего хазарского похода через Дербент[48] и взятия Багдада. Но его личное отношение к этим событиям менялось – оно было то восторженным, то (как в приведенном тексте) резко отрицательным (в зависимости от сложных отношений евреев Среднего Востока с хазарами), что показывает, насколько им полностью усвоена прочная и чужая (хазарская) картина самих событий. Судя по данному тексту, к X в. хазары считали, что их династическое единение с Ираном сохранялось до сасанидских времен и отвергали идею раннего отделения их династии[49].

Хазарские центры на север от Дербента являли характерную картину сочетания зимовки полукочевой орды (в основном – огражденное пространство для кибиток) с постоянным поселением, где не только останавливались и проживали иноземные купцы, сосредоточивались склады товаров, но также должны были находиться и включенные в организацию орды полезные ей оседлые элементы. Можно заранее сказать, что "хазары"-персы находились именно в таких поселениях, что и подтверждается сказаниями о "постройке" хазарских "городов" персом – сасанидским царем Хусравом I Ануширваном (531–578)[50]. "Хазары"-курды, наоборот, увязываются с существованием хазарских полукочевых орд и с уводами населения из Курдистана во время хазарских походов. О массовых уводах населения сообщается в связи с хазаро-халифатской войной 799–800 гг., когда хазарская конница прошла весь Курдистан, дойдя до окрестностей Хамадина, Мосула и Насибина[51].

Эти примеры достаточно указывают на пестроту состава хазар даже в ограниченных рамках их волго-каспийской (хазранской) территории. Конечно, там происходили и объединительные процессы. В частности, "гунно"-тюркская речь (близкая к чувашскому языку?) уступала место более "обычным" тюркским говорам. Если дохазарские сабиры представлялись византийцам "гуннским" народом, то в X в. по свидетельству, приведенному Мас'удй, уже считалось, что сабиры-хазары не отличаются по языку от других тюрок. В XI в. филолог Махмӯд Кашгарский уже определял "долину (*вадӣ*) Итиля" в качестве одной из стран, где говорят "наиболее правильным" тюркским языком. Он специально так называет Нижнее Поволжье в отличие как от северных соседей булгар и области г. Сувāр (причислявшейся географами то к булгарам, то к буртасам), так и от Дарбанд-и Ҳаз(а)рāн[52].

Однако объединительные процессы сталкивались со стремлением верхушки сохранить для волго-каспийских хазар (хазранов) связующую роль в союзе, разбросанном вдоль торговых путей в Европу и Азию и основанном не на этнических принципах, а на экономических интересах, уже переросших политические границы хазарской державы. С этой точки зрения пестрота состава "хазранов" была даже положительным явлением: она облегчала сношения с другими частями хазарской "ганзы".

Мы поймем эту "ганзу" лучше, если сначала уточним положение "хазранов", рассмотрев непосредственных соседей царской орды, причем тех, которые, помимо всех хазарских дел, заслуживают самого пристального внимания. Речь идет о древней славяно-русской земле на Дону и Волге, опустошенной потом половцами, но игравшей очень важную роль во времена "Свода".

РУСЫ В "СВОДЕ"

Вслед за сообщением о том, что местожительство (*балад*) хазар является только один "город" царской орды, мы находим у арабских географов указание, что этот "*балад*" находится между Хазарским (= Каспийским) морем, Сарӣром, русами и гузами"[53]. Сарӣр здесь проблемати-

чен: это дагестанское княжество, соседство которого с царской ордой должно означать получение им от хазар лена на севере или, наоборот, что в засушливые годы царская орда пользовалась пастбищами дагестанских предгорий.

В списке соседнего с ромеями населения[54] мы находим возле хазар также и русов: "Сарӣр, хазары, русы, булгары, славяне...".

В начале еврейского сочинения Йосиппон[55] из Италии, отражающего условия X в., помещен список народов данного региона. Этот источник сообщает, что "русы живут на реке Бира, впадающей в Горганское (= Каспийское) море". Ясно, что в нем говорится о Нижней Волге, часто именуемой в арабских источниках "рекой хазар". Здесь она обозначена параллельным наименованием: Сабӣрā – "река сабиров" (с утратой одной еврейской буквы в тексте). В Йосиппоне отсутствует точная локализация самих хазар: они показаны во главе группировки – народов Тогармы, средоточием которой служат "реки Итиль", т.е. "Итилак" (с угро-тюркским окончанием множественного). В мусульманских источниках Итил и т.п. (= река) – это Кама–Волга; в мадьярских источниках Etul – это Дон, а в Йосиппоне это название относится к обеим рекам. Там "унгары" причисляются к Тогарме, которая включает "унгар, болгар и печенегов на большой реке, называемой Дунаем". В раннем арабском тексте, сохраненном компилятором XIII–XIV вв.[56], «русия – это *умма* тюрок (здесь обозначает "северян", "степняков"), соседствующих на востоке с гузами». Резюмируя все это, можно прийти к выводу, что русы были соседями царской хазарской орды на западе и севере и что их территория выходила к Волге на севере орды, гранича с гузами.

Это подтверждается и сообщением, сохраненным энциклопедистом Нувайрӣ (ум. в 1332 г.) и относящимся ко временам "Свода"[57]. По его данным, *нахр* (река, водный путь) Итиль, подойдя к земле хазар, "делится на две части: одна направляется к городу Итиль, делит его на две половины и течет [дальше], пока не впадает в Хазарское (= Каспийское море). А другая [часть] течет так, что проходит через местожительство (*балад*) русов до тех [мест], пока впадает в их море". Здесь Нувайрӣ счел нужным прибавить пояснение: "а это Судакское море" (так называлось в его время Азовское море с той частью Черного, где находился крымский порт Судак). Представление, что волго-донской волок превращает обе реки в один *нахр* – водный путь, который можно назвать "Итилем", удерживалось и в мусульманских сочинениях позднего средневековья, когда этот путь был уже хорошо известен. Посольство хана Золотой Орды Берке в Египет выехало "из Саксӣна, города Берке, по реке Итиль до Судакского моря"[58] (здесь золотоордынская столица Сарай Берке, получившая это название по имени хана Берке, еще зовется по-старому – Саксии; она стояла на волжском рукаве Ахтубе). Память о Подонье – ниже волока – как о русской земле сохранена и географом Димашкӣ (или Димишкӣ, 1256–1327), но только у него Дон обозначен как "река славян и русов"[59].

Это русское Подонье смыкалось с днепровской Русью, судя по традиции, которую долго сохраняли западные (и особенно итальянские)

чертежники географических карт. Металлическая карта мира начала XV в. указывает на "Русию" (Rusla) как на город к востоку от Днепра. Навигационная карта 1528 г. Джироламо Вераццано (Verazzano) обозначает "Руссию" (Russia) как степь между Доном и Днепром. (Обе карты есть в географической коллекции Ватиканского музея). Эти материалы подтверждают также раннюю значимость Чернигова и Переяславля, один из которых (судя по металлической карте) когда-то считался иноземцами средоточием Руси. В половецкие времена они превратились в окраинные центры близ опустошенных степей. В мусульманских же источниках мы таких материалов не находим по простой причине: соответственно общему своему отношению к Восточной Европе "Свод" (и все те авторы, на которых его традиция влияла) занимался не русами вообще, а ближайшими из них, затрагивая других лишь по мере крайней необходимости. Нельзя было игнорировать факт, что люди (из стран ислама) доезжают по торговым делам до Киева[60], но это не влекло за собой описания пути на Киев, не говоря о путях, скрещивавшихся в Киеве. Русы в "Своде" – прежде всего ближайшие, волго-донские русы.

Можно еще точнее указать их место, если обратить внимание на характер тех караванных маршрутов, которые дает "Свод". Когда там говорится о пути к разным народам Восточной Европы, речь идет не об их границах, а о факториях ("погостах" или стоянках для связей с ними), т.е. о тех пунктах, где (в рамках описываемого "Сводом" восточноевропейского пространства) были главные контакты мусульманских караванов с ними. Поэтому по "Своду" выходит так, что между смежными народами как бы пустое место: "столько-то дней пути", но в сущности наименование народа применяется для обозначения фактории или караванной стоянки. Это не влияет на то, что "Свод" иногда пытается дать понятие о размере площади, занимаемой тем или иным народом или населением: в таких случаях одна и та же цифра дней пути фигурирует для длины и ширины в отличие от конкретных и реальных цифр расстояний между "народами"-факториями[61]. Цифры размеров площади даются только для того, чтобы указать примерное соотношение между территориями, занимаемыми разным населением.

Перечень основных маршрутов был составлен, когда печенеги еще проживали между Яиком и Волгой, где они были позже заменены гузами, т.е., вероятно, не позже начала IX в. По данным "Свода", выезжающие из хорезмского города Гургандж (Ургенч) на семнадцатый день прибывают к печенегам; от печенегов они могут по степям и лесам доехать через десять дней до хазар, а могут проехать и лесами к славянам, куда тоже десять дней пути[62]. Русы – одна из ветвей славян – к востоку от них[63], между ними и печенегами, число дней пути к ним не указывается, что объяснимо, если связи с ними обслуживались той же факторией или стоянкой.

Сравнение описания русов и других славян[64] показывает, что русы отличаются гораздо более развитой экономикой (торговля, включая дальние поездки), военным превосходством и склонностью к городской жизни. В былинном языке слово "Русь" наряду с обычным этническим

понятием обозначает еще и "главари, начальство, старшие". В былине "Соломан и Иван Микульевич" посол, привезший дань царю и не заставший его, указывает, что можно ее передать и начальству – заместителям: "еще Русь замен царя принимает же всё"[65] (речь идет о нерусских людях). Это, очевидно, арабское слово رؤوس *ру'ӯс* или رؤساء *ру'са'* (главари), усвоенное через мусульманских купцов. Нужно полагать, что оно было воспринято прежде всего русским юго-востоком, волго-донскими славянами и что под его влиянием распространение среди них имени "Русь" связалось с переходом их к высшим формам хозяйства и организации, а также с ростом их самосознания.

В былине "Соловей Будимирович" Киев оказывается у "Турецкого моря", в которое впадает Волга и куда могут входить и корабли из венецианских владений[66]. В былине "Богатыри на Заставе" Киев находится к югу от Саратовских гор и от Куликова поля[67]. Естественно, что и русская традиция отражает память о волго-донских русах. Упоминание здесь Киева не должно удивлять. Это название пишется в "Своде" Кӯйӑба, т.е. близ Каспия его пытались истолковать как тюрко-иранское имя для "речного поселения" (тюрк. *кой* – поселение + иран. *āб* – вода, река). И, наоборот, фольклору о Киеве легко было впитывать воспоминания о "речных поселениях" края, где русы соседствовали с тюрко-иранским населением и где топонимика была смешанная. Для нас здесь особенно интересна память о том, что русы находились у соединения Каспийского моря со Средиземным (через Черное). Ибн ал-Факӣх изображал это так, что Средиземное море "уклоняется на запад и выходит" оттуда за Дербентом, "со стороны хазар"[68]. Фактически таким соединением являлся волго-донской волок, но долго существовало поверье, что моря там соединяются также непосредственно под землей[69]. В IX–X вв. существовало мнение, что приписываемое Кораном (сура XVIII) Моисею путешествие к далекой "встрече двух морей" (*маджма' ал-бахрайн*) было именно туда, и потому события, имевшие место во время этого путешествия, относились к разным местам Прикаспия[70].

Все это необходимо принять во внимание и при оценке сообщения, что "Русия находится на *джазӣра*"[71] – арабское слово, означавшее не только "остров", но и "полуостров" (как Аравия), "междуречье" (как между Евфратом и Тигром, Белым Нилом и Голубым Нилом) и вообще "пространство, ограниченное хотя бы с двух сторон водами, морскими или речными или обеими" (закавказская Албания была подобной *джазӣра* между Каспием и Араксом)[72]. "Вокруг" (*хавӑлӣ*) *джазӣра* русов было "озеро" (*бухайра*); наш осведомитель не считает нужным сообщить его название или объяснить характер. Мусульманские географы тогда знали на юго-востоке Европы только одно "озеро", оно же и "море" – Каспий, и именовалось оно по разным странам и местам на его берегах по-разному, не имея постоянного обозначения. Если здесь говорится о водах, считавшихся его продолжением, у фантастической "встречи двух морей" (о которой географы предпочитали говорить в общих выражениях), то неуточненное упоминание "озера" понятно.

Слово *хавāлӣ* "вокруг" не означает специально "полное окружение" (для которого в арабском языке есть особый термин – *мухӣт*), а имеет и такие значения, как "в разных направлениях от", "около" и т.п. Иными словами, все указывает на то, что и данное сообщение относится к тем русам, которые особенно занимали "Свод" вследствие их близости к хорошо известным (в странах ислама) караванным дорогам. Наш перевод "Русия находится на суше у вод" устраняет затруднения, вытекающие из прежнего, – "русы проживают на острове", который очень изменяет текст. Это изменение отражало мнение (норманистское), что русы появились сначала на северо-западе Руси, где много озер и островов, и были так малочисленны, что могли все жить на одном острове. "Русия" иноземцев была обычно только центром или наиболее известной им частью Руси, или особо важным центром связей с иноземцами.

Данный текст (в нашем переводе) отнюдь не сталкивается с другим сообщением "Свода"[73]: русы делятся на кӯйāба (Киевскую Русь), салāвййа (предположительно новгородских словен) и арсāнййа. Но если наше мнение, что "Свод" рассматривает русов определенного пункта (у их волго-донской части), приложимо и к этому тексту, то: а) эти три ветви перечисляются в определенном географическом порядке: запад, северо-запад, север (или северо-восток). Действительно, "Свод" отмечает[74] появление русов на Верхнем Итиле (Каме) выше Булгара. Он сообщает также, что арсāнййа "спускаются вниз по реке для торговли"[75], б) территория арсāнййа должна была быть пространной; поскольку волго-донские русы не исключены из тройного деления, следует считать, что они смыкались с арсāнййа и их принимали за продолжение последних.

Для проверки этих априорных положений у нас имеются следующие материалы.

РУСЫ – АРСАНИЙА

1. Одна из еврейских версий повести об Александре, восходящая к латинской версии X в. через утерянную арабскую, приписывается (сомнительно) Самуилу ибн Тиббону, жившему приблизительно в 1150–1230 гг.*. В этой версии имеется страна "Артāнйя" вместо "Гиркании" латинского текста. В латинской версии Александр подчиняет "Гирканию" по дороге из Персии к "англам", т.е. где-то на севере. В данной еврейской версии "англы" превращаются в *м.клāны* (а в другой еврейской версии, использовавшей тот же арабский источник, – в *м.клāнēц*)[76], т.е. "англы" истолкованы не как жители Англии, а как варяги славянской земли, набранные среди "англосаксонских" наемников Византии. Варяжское название Константинополя и Византии было Miklagar; отсюда и встречающееся здесь славянское прозвище таких наемников "микланцы".

---

* Потомки Ибн Тиббона, жившие на юге Франции, из поколения в поколение были наследственными учеными – переводчиками с арабского языка.

2. На карте венецианца Марино Сануто, или Санудо (1320 г.), "Гиркания" (Yrcania) простирается у южного подножия воображаемых гор, которые служат водоразделом и северной границей каспийского и черноморского бассейнов и из которых вытекают Волга и Дон[77]. Представление об этих "рипейских" или "рифейских" горах, заимствованное из классической географии, удержалось на западе до начала нового времени. Бывало, однако, что латиноязычный источник помещал "Гирканию" в северные края (или доходящей до них), при этом ничего не говоря о горах. Венгерский историк Симон Кезаи писал между 1282–1285 гг. о реке "Тогора" (фантастическое отражение Волги), которая в "Гиркании" (Yrcania) впадает в "Северное море" (доходящее у Кезаи до Суздальской Руси и печенежско-половецких степей)[78]. Это влияние старого представления о Волге как проливе между Каспием и океаном.

3. Одно из наименований этих гор у арабских географов – "горы Арсāнā" (Арсāнā ~ Арсāнййа, ср. русы – Rutheni). Они тянутся с "востока на запад", соединяются на востоке с Уральскими, а с них "текут две большие реки (Кама и Верхняя Волга?) в реку (Нижний) Итиль"[79]. Две реки с них текут и в воображаемую реку, соединяющую хазар с Аралом[80].

Резюмируем. Арсāнййа (Артāнйя, Арсāнā) – это видоизменение термина "Гиркания" (Иркания, Аркания) в приложении к малоизвестным краям вверх по Каме, Волге и Дону. Это видоизменение было придумано, чтобы придать смысл старому и непонятному термину, связать его с распространением там русов. Книжное, надуманное название не отражает местную топонимику, но могло на нее повлиять, и в этом смысле связь Арсāнййа (или, скорее, Арсāнā) с Рязанью возможна.

Но термин "Гиркания" применялся в средние века не только к тем северным краям, но и к громадному тогда лесному массиву восточнокавказских гор[81], а также и к волго-каспийской Хазарии[82]. И поскольку Арсāнййа продолжала быть связанной с Гирканией, она в свою очередь соединяла северных русов с волго-донскими.

ХАЗАРЫ И РУСЬ

Структура хазарских орд, как и небольшой (относительно) размер орды, находившейся в непосредственном распоряжении царской власти, указывает, что одним из ее средств влияния на соседние народности было вовлечение их ведущих элементов в хазарскую военно-политическую организацию. Мас'ӯдӣ отмечает важную роль русских и славянских воинов в царской орде[83], а Хусаинӣ еще помнит славян как один из основных этнических элементов среди хазар. Но надо считать, что часть приближенных к хазарской царской власти славяно-русов оставалась на своих местах в качестве представителей этой власти. По Лаврентьевской летописи (под 862 г.), жители Киева сообщили Аскольду и Диру: были три брата – Кий, Шек и Хорив, – которые построили этот городок и сгинули, "и мы съедим платяче дань родом ихъ козаром"[84]. Если бы хазары были народностью, этот текст был бы явно нелепым и

нуждался в исправлении, но если хазары – военно-политическая организация, втягивавшая в себя в таких местах, как Ки́ев, верхушку местного населения, родовую знать, то ничто не может быть естественнее именно такого сообщения.

Хазарская военная организация была основана на коннице. *Шāх-нāме* сочетает выпад против хазарских политических притязаний с похвалой хазарской кавалерии[85]. Хазарский эпоним Ҳазарвāн не царь, а военачальник на службе у династии тюрко-монгольских хаканов, и не он, а она происходит от древнеиранских царей, но он смелый командир войск, отличающихся быстротой и подвижностью. Они вооружены мечами, кинжалами и копьями, и *Шāх-нāме* подчеркивает еще тяжелые палицы как специальное оружие хазар и тюркского запада. (Стрелы и броня отличают у Мас'ӯдӣ вспомогательное мусульманское войско *ларисийа*.) Однако эта конница была больше приспособлена к степям и горам, чем к лесам (включая и лесостепь), а главное, в IX в. она оказалась ослабленной феодализацией. Компиляторы "Свода" продолжали копировать сведения о железной дисциплине хазарских войск и их безоговорочном повиновении царской воле. Но действительное положение дел отражается сказанием[86] (не важно, верно ли оно само по себе) о том, как Константин-Философ по дороге к хакану (около 861 г.) уговорил хазарского воеводу снять осаду с христианского города; воевода не стал мучеником за это, и не говорится даже о выговоре ему или Константину. В сообщениях "Повести временных лет" о падении хазарской власти над полянами, северянами и радимичами (отнесенном к 864–885 гг.) не упоминается о каком-либо военном столкновении с внешней хазарской силой. Это могло быть в основном падение хазар "внутренних", т.е. верхушки, оторвавшейся от масс общинников и надеявшейся закрепить свое положение связями с хазарской военно-политической организацией.

Пока хазарская власть существовала в русских землях, была и проблема опорных пунктов для возможного появления хазарской кавалерии. Это приводит к вопросу о Саркеле.

САРКЕЛ

На упомянутой выше металлической карте мира первой половины XV в. (в коллекции Ватикана) отмечен город Серклия (Serchlia) между изгибами Дона и Волги, ближе к Волге. Верхняя часть первой буквы повреждена рисунком города.

На карте-фреске Московии (во дворе синьории Флоренции – Палаццо Веккьо) этот город также показан, но его название имеет сокращенную форму с неясным начертанием первой буквы *Chia* или *Thia*. Зато ясно, что он на Дону.

На глобусе, отражающем географические знания к 1595 г. (в коллекции Ватикана), этот город расположен между сгибами рек и зовется T.ia. Вторая буква (обозначенная нами здесь точкой) неясная: может читаться и как *и* (*у*).

Картограф Гондиус (Hondius) в начале XVII в. ясно отмечает на карте России город Tuia между этими сгибами, ближе к Дону[87].

Напрашиваются выводы: к началу XV в. Запад был информирован о городе Саркел на Волго-Донском волоке. Опустение степей в период владычества и упадка Золотой Орды превратило его в город-призрак. Картографы продолжали копировать его упоминание из прежних карт. В этих условиях техническая необходимость сократить название, стертая буква или описка сбивали дальнейших копировщиков с толку и вели к прогрессирующим искажениям. Неясность, где именно на Волго-Донском волоке стоял Саркел, может отражать либо недостаточную осведомленность, либо полукочевой характер орды-гарнизона.

Вопрос о местонахождении Саркела вызывал интерес к городищу укрепленного поселения на левом берегу Дона, которое контролировало важную переправу, именовавшуюся в новое время по правобережной станице Цимлянской. Это городище было раскопано Волго-Донской археологической экспедицией 1949–1951 гг., перед затоплением водами Цимлянского водохранилища. На карте Гондиуса ему соответствует город Набарс (Nabars). Гондиус был связан с процветавшим в XVI–XVII вв. амстердамским центром печатания карт и усвоил его традицию использования средневековых данных о поселениях, многие из которых уже не существовали. Название "Набарс" – несомненно лишь сокращение от "Танабарс", которое у географа Абӯ-л-Фидā' (1273–1331) обозначает донской водный путь (*нахр*). Этот путь начинается "к востоку" от г. Саксин, проходит вблизи него и выходит (через Волго-Донской волок и по Дону) в "озеро, называемое по городу Тума" = Тамань), на юг от которого – Черное море[88].

Теперь, когда мы знаем что Саксин – старое название Сарай Берке, мы можем отбросить попытки истолковать Танабарс как Днепр[89]. Можем понять и указание Абӯ-л-Фидā'[90], что в Саксине "теперь потомство Берке, царя мусульманских татар", и увязать с его описанием указания географа Димашкӣ, что "река славян и русов" (Нижний Дон) "выходит от гор Саксӣна'"[91] (= возвышенностей на волоке) и что Судакское море (о нем см. выше) было "морем = морским выходом для Судака, Саксӣна и кыпчаков". Согласно местным колебаниям выговора, такие чередования, как Тӯмā ~ Тāмā, Кӯмāнӣйа ~ Кāмāнӣйа[92] (= земля куманов, половцев), а также Тӯмā ~ Турмā طرحى (у Идрӣсӣ- и Ибн Халдӯна) и Сӯдāк ~ Сурдак (Сугдея), – довольно обычное явление. Тамань (Тāмāн) – по-видимому, множественное от Тāмā (вслед за византийским обычаем понимать как множественную форму прежнее название этого города – Таматарха, часто отделяя *та*). Окончание *āн* – иранского происхождения, оно вошло в средние века во многие неиранские географические наименования Восточной Европы.

Танабарс сочетает собственное имя Дона (Тана) с эпитетом "барс", применявшимся также в общем значении "храбрец" и входившим в личные имена (ср. мамлюкские султаны, уроженцы Восточной Европы, Байбарс I, II и Барсбāй). На Западе название Дона производилось от ми-

фического царя Тана (Thana), но имя Танабарс скорее напоминает именно русскую традицию отношения к Дону как к живому существу. "Дону Ивановичу". Мы считаем Танабарс вольным переводом такого русского выражения, как "Дон великий" (не раз в "Слове о полку Игореве") или "славный Дон" (как в песнях), сделанным с учетом именно этого отношения к Дону как к живому "атаману"[93] и появившимся в связи с вытеснением русов с Дона кыпчаками.

В свете приведенных выше материалов не следует ли считать, что два мнения, имеющихся в русской и советской науке, о местоположении Саркела (на Дону, у волока, и на Дону, у Цимлянской) скорее дополняют друг друга, нежели противоречат одно другому? Город Саркел был на волоке. Если выстроенная хазарами в IX в. (с византийской технической помощью) крепость входила в состав Саркелской земли (или охраняла подступы к городу Саркелу), то ее могли называть по имени Саркела (а тем более за рубежами, в Византии) с не меньшим правом, чем позже, в период возвышения города Саксина говорили о Саксинских "горах" и "море". Она должна была иметь и свое особое название, хотя бы менее известное тогда за пределами данных земель.

ГОРОДА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Описания Восточной Европы в "Своде" создают впечатление, что городская жизнь была там мало развита, особенно вне хазарского Прикаспия и Нижнего Поволжья. Это повлияло на научную мысль XIX–XX вв. – вызвало склонность рассматривать городские названия в "Своде" и других источниках как относящиеся к одному-двум городам и к их частям. Для подробных объяснений таких идентификаций, как Итиль-Саркел-Белая Вежа = ал-Байда', = Сарг. ш = Саксӣн = Ҳамлӣдж (Ҳамлӣх) = Ҳан[94]-балык – западный (правый) край хазарской столицы или Ҳазаран = Ҳамлӣдж (Ҳамлӣх̯ = Ҳан-балык – ее восточный (левый) край, или Самандар = Баланджар ≡ Варачан = Ҳамлӣдж (Ҳамлӣх̯) – прикаспийский город, отсылаем к "Своду"[95]. Разные филологические и другие соображения, высказанные в связи с этими идентификациями, ценны сами по себе. Но общая тенденция, создавшаяся под прямым влиянием "Свода", иллюстрирует его необъективность.

Фактически развитие городов в Восточной Европе толкало сам Итиль на то, чтобы сгруппировать вокруг себя не только орды, но и города, и именно как таковые не только на территории, контролируемой хазарскими ордами. Мукаддасӣ[96] в перечне тех областей известного ему мира, где образовались группировки городов вокруг важнейших из них, пишет: "А к Итилю [причисляются города]: Булгар, Самандар, Сувар, Брнд[97], Кӣшӯ[р]а[98], ал-Байда', Ҳамлӣдж, Баланджар". Этот оставленный без внимания исследователями текст явно противоречит некоторым упомянутым выше идентификациям, как и мысли о слабом развитии городской жизни.

Действительно, феодализация хазарской державы и резкое уменьшение принудительной власти ее царей толкали Итиль на перестройку

отношений с теми, кем он хотел руководить. В IX в. дальние походы царской конницы, "до Хамадана и Мосула" (по старой формуле)[99], окончательно стали лишь воспоминанием прошлого, а торговля, проходившая через Итиль, продолжала расти.

Однако создание чисто городской "ганзы" было невозможно. Восточноевропейские города большей частью возвышались благодаря своему положению племенных центров или по крайней мере территориальных центров для крестьян-общинников. С одной стороны, отрыв городской знати от общинников был еще обречен на провал (см. выше о Киеве). С другой стороны, хазарские орды с самого начала отличались от обычных тюрко-монгольских орд особым интересом к торговым путям, к расположению на них, к доходам от их контроля и охраны, да и к самой торговле. Уже в VII в. царские требования при капитуляции противников гласили: "Пусть уступят города, крепости и торговлю войскам моим"[100]. Но именно этот смешанный характер экономики орд затруднял окончательный переход к оседлой городской жизни, отказ от прав и возможностей, связанных с кочеваниями, тем более что последние облегчали тренировку конницы для охраны путей.

ХАЗАРСКАЯ "ГАНЗА"

Фактически постепенно сложилась "ганза", связывавшая Итиль и соседние орды с разными народами, разбросанными на торговых путях, сходившихся на северо-западном Прикаспии, народами, заинтересованными в поддержании и охране этих путей. Имя "хазары" стало обозначать народы, входившие в эту "ганзу", и территории этих народов стали "хазариями". В некоторых случаях первоначальным ядром таких "хазар" могли стать прежние потомственные воины хазарской державы (в период ее господства там). Но появление "хазар" на таких территориях, где это господство никогда не имело места, можно понять, только имея в виду сказанное выше. Эти расширенные "хазары", конечно, опять-таки не составляли вместе этнического единства, хотя их отдельные концентрации иногда бывали гораздо менее пестрыми этнически, чем итильская и соседние орды. И, конечно, все эти "хазары" имели и другие названия. Письменные памятники разных народов (и даже отдельные авторы) решали по-разному вопрос, называть ли то или иное население "хазарами" или иначе. При этом была тенденция избегать недоразумений путем применения наименования "хазар" только к какому-либо определенному населению (или только к некоторым народам). С X в. Запад очень интересовался волго-каспийскими хазарами, но называл их многими другими именами, а названия "Хазария" (Gazaria, Gasaria, Gassaria) и "хазары" (gazari и т.д.) обозначали на Западе Хазарию и хазар Причерноморья.

Мы можем дать здесь только отдельные примеры применения имени "хазар" к разным разбросанным этническим группам.

I. О "хазарах" восточнокавказских нагорий (в отличие от "хазранов") говорилось выше.

II. В Причерноморье понятия "Хазария" и "хазары" держались веками после отрыва от хазарской державы, до конца средневековья и даже позже, и притом как живые, эволюционировавшие понятия – с переменами географического и демографического объема, с вовлечением мест, которые прежде не были под хазарской властью (как Херсонес), и т.п. Ко времени монгольского завоевания в XIII в. эта "Хазария" состояла в основном из юго-восточного крымского побережья с Таманским полуостровом (Рубрук[101], 1253 г.). Но "хазары" проживали и в других местах, иногда группами, изолированными от соседей, а иногда сливаясь с окружающими христианами, как, например, у устья Дона (Плано Карпини о завоевании[102]).

III. О закарпатских хазарах, по обе стороны нынешней румыно-венгерской границы, процитируем анонимного "нотариуса (венгерского) короля Белы III" (XII в.). "Ту землю, что между [рекой] Тиса [на западе] и лесом Игфон [на востоке] ... [и] от реки Марош [на юге] вплоть до реки Самош [на севере]... землю эту населяли племена, что звались козарами" (gentes qui dicuntur Cozar[103]). Аноним описывал эпоху переселения мадьяр (IX в.), широко применяя позднейшие географические понятия.

IV. Как вассалы Византии хазары имелись и в Малой Азии. Кудāма (X в.) сообщает, что Пафлагония (побережье напротив Крыма) "граничит с землей хазар" (*билāд ал-ḫазар*)[104]. Византийцы назвали "Халдеей" свою фему на юго-восток от Черного моря (см. выше о "халдеях" как синониме хазар. Ср. "хазарские" войска на византийской службе).

V. Хазары имелись и по другую сторону византийской границы, на востоке. Ибн Ḫалдȳн[105] сообщает, что османы (и их орда) были такими же хазарами, использовавшими "упадок арабов и армян" для занятия земель на Верхнем Евфрате, и что оттуда они продвинулись на запад (и усилились, будучи сельджукидскими и монгольскими вассалами). Ибн Ḫалдȳн настаивает в данном случае на идентичности понятий "хазары" и "туркмены"[106]. Официальная османская историография предпочла версию о позднем приходе османов из Средней Азии (в XIII в.), согласно которой их вассальство было очень кратким и служило лишь переходной ступенью к быстрому возвышению.

Сообщения о наличии хазар по обе стороны границ (мусульманско-хазарской на Кавказе и мусульманско-византийской) указывают на проводимую властями политику замирения участков границ для облегчения торговых сношений. На кавказской границе имело место легальное переселение групп хазар на другую сторону[107].

VI. Мнение, что хазары были народностью и имели одну сплошную территорию, заставило в 1954 г. автора, наткнувшегося на сообщение о наличии хазар у Герата, объявить его "явно абсурдным", из тех, которые не стоит обсуждать[108]. Между тем афганские хазары имели как раз особенную известность. У Фирдаусȳ[109] хазарский эпоним Ḫазарвāн является завоевателем именно в Афганистане, что, конечно, надо связать еще и с тем фактом, что Фирдаусȳ писал для султана Маḥмȳда из Газны (в Афганистане), особенно интересовавшегося соседними землями и народами. Фирдаусȳ дает здесь историческое обоснование притязаниям

Маḫмӯда на сюзеренитет над хазарами (прежде всего – афганскими): Ḫазарвāн, мол, был верным полководцем правителей Турана, происходивших от древнеиранских царей мира, от которых династия Маḫмӯда, в свою очередь, выводила собственную генеалогию. Локализация афганских хазар у Герата верна: еврейский автор Вениамин из Туделы (XII в.) сообщает о "вольных племенах Израиля" в "горах Нижапура" (Нейшабура)[110], а эти горы на северо-востоке Ирана продолжены хребтом Сафед-кох близ Герата.

С ослаблением волго-каспийских хазар весь касающийся их литературный "фольклор" был перенесен на афганских хазар: происхождение от утерянных десяти колен библейского Израиля, идентичность с "Гогом и Магогом", соседство с царем-пресвитером Иоанном (а иногда – представление о нем как о главе той их части, что верна христианству) и т.п. Б.Н. Заходер обратил внимание на сообщение Исаака Акриша (1577 г.) о еврейском царстве на высоких горах в Индии[111]. Это сообщение тоже относится к афганским хазарам. Оно соответствует более подробным и ясным данным у еврейского географа Авраама Фариссоля (Феррара, Италия, 1524 г.)[112]. Выражение "евреи запертые", применявшееся к волго-каспийским хазарам (которые считались окруженными "Каспийскими горами"), перенесено у Фариссоля в "Верхнюю Индию". Оттуда – истоки индийских рек и караванные связи с Индией (Каликут) и Средним Востоком (Мекка, Дамаск). Фариссоль относил к "Верхней Индии" и страну пресвитера Иоанна, подчеркивая традицию о ее соседстве с "еврейской". Обозначение волго-каспийских хазар как "Гог и Магог" вошло в обиход на западных картах с X в. (англосаксонская карта мира[113]) и позже было перенесено на афганские (как на генуэзской карте 1447 г.[114]).

У Фирдаусӣ[115], согласно его общему подходу, Хазарвāн приходит в Афганистан во главе "храбрых тюрок" из туранского "запада" – "Армении" – через Среднюю Азию (волго-каспийскую Хазарию нередко называли "Арменией"[116], поскольку среди тех хазар имелись и армяне, а иногда всех тех хазар принимали за армян[117]). Переселения играли роль в распространении хазарской "ганзы", но основным фактором следует считать присоединение местных элементов.

VII. Особенно яркий пример этому мы находим на севере от волго-каспийских хазар. В IX–X вв. считалось, что "за хазарами два государственных образования (*умма*), одно из которых зовется Маншак или Māшак"[118]. Еврейская письменная традиция употребляет для него библейское имя Мешех (Бытие: X, 2). Эта группировка, разросшаяся к XII в. до семи феодальных княжеств[119], звалась "саксинцами"; ее центр – город Саксӣн (Саḫсӣн) был предшественником Сарая. Сначала она резко отличалась от хазар: и в арабских памятниках письменности, и в еврейских[120] хазары и саксинцы упоминаются вместе, но как отдельные группировки с разными библейскими генеалогиями. Мешех-саксинцы даже не причисляются там к союзу народов "Тогарма", возглавляемому хазарами. Однако позже саксинцы все же становятся "хазарами" и причисляются к волго-каспийской "Хазарии"[121], хотя как особая группировка, которая часто упоминается отдельно[122].

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ПРИ РАЗВИТИИ "ГАНЗЫ"

Части "ганзы" были связаны прежде всего общими интересами в торговых путях. Но были и стремления закрепить эту связь другими средствами: в частности, каганы пытались создать и возглавить священный центр для сторонников разных религий. В славянском житии Константина-Философа каган (пригласивший его около 860 г. для религиозных диспутов) отнюдь не разочарован в своей исконной вере, а, наоборот, представляет ее как богоданную в "книгах". Но она объявлена исконно монотеистической, хотя ее "книги" не дают полного вероучения согласно свойствам самих хазар ("мы есмы некнижьна чедь") и каган как глава веры разрешает желающим дополнять ее принятием утвержденного им иноземного вероучения (в данном случае – крещением). Ту же картину, но с иудейской точки зрения, дает "письмо царя Иосифа": хазарский царь установил единобожие как исконную "религию Авраама" (от которого генеалоги выводили хазар, тюрок и др.); он объявил себя пророком и отцом династии, поставленной на тысячу поколений или (по другой версии письма) навечно; эта вера была дополнена иудейством.

При шаманизме хазарский царь считался живым богом, как это видно из описаний его культа в "Своде". Сохранившийся отрывок "Арабо-еврейской космографии"[123] (см. выше) указывает, что первой религиозной реформой было превращение царя в живого библейского Авраама. Поводом для этого было то, что хазары узнали от каких-то хорасанских племен об Аврааме как об обладателе волшебных знаний, средством же была магия слова: применение к царю относящегося к Аврааму титула *ẋāqān*, т.е., очевидно, истолкование этого старого титула как еврейский *ẋaẋám* "мудрец, раввин", предполагало, что так звался Авраам. Отрывок начинается с сообщения (взятого из еврейского фольклора), что Авраам научил свое потомство от Кетуры (Хеттуры переводов) чудотворному божьему имени: «Пользовались им, когда молились о дождях и о победе [на войне]. Были среди них такие, что поселились в Хорасане. Пришли к ним хазары и сказали: "Такой, что научил вас этому, заслуживает быть наилучшим из земных жителей или царем Земли (*малик ал-арḍ*)". Потому [хазары и] назвали своих царей *ẋākānами*».

Возможно, здесь влияние "живых будд", но не непременно: поверья в переселение душ отмечены в мусульманском сектантстве, иудейском мистицизме и т.п. С большей уверенностью можно говорить о манихейском влиянии на зарождение религиозных реформ хазарского центра: через посредство хазар-армян и обострившейся армянской ереси павликиан, а может быть, и через Хорасан. Эфиопский взгляд на хазар как на бунтарей "в Армении" против ромеев и их христианства смыкается с воззрениями Димашḳӣ, который определяет хазар как армян и прибавляет, что они христиане, а ниже говорит о них как о мусульманах и иудеях, уже не указывая этнического происхождения и тем явно подразумевая отход хазар-армян от христианства. Сообщение Масʿӯдӣ[124] о сов-

ременных ему хаканах указывает на усиление манихейской веры в мощь нечистой силы на этом свете: хазары тогда считали, что магическая власть хаканов над подданными часто превращается в творящую зло, несущую им несчастья, и такого хакана лучше умертвить, т.е. спасти хакана и народ от захвативших его темных сил. Причерноморская Хазария стала проводником манихейских ересей на Запад, где таких еретиков (особенно в Италии) звали "хазарами" – Gazari (ср. немецкое Ketzer).

Но если манихейство ускорило распад шаманизма среди хазар и повлияло на их религиозные воззрения, то выбор новых официальных вероисповеданий был связан с интересами их центра и "ганзы" с положением между миром ислама и христианства и с внедрением "ганзы" в оба эти мира. Требовался гибкий нейтралитет между Византией и "Исламским государством". Надо было считаться и с международным правом ислама, разрешавшим сношения только с приверженцами религий, признанных Кораном неязыческими. Это правило часто обходили в других местах фиктивной принадлежностью к почти исчезнувшим религиям, в частности к маджусам[125]. Русы-язычники тоже считались маджусами. Но сношения "ганзы" с миром ислама были слишком обширны, и ее центр был там слишком известен. Все это вело к официальным выражениям благорасположения то к христианским, то к мусульманским миссионерам, то к тем и другим. Это же возбуждало интерес и к иудейству как к нейтральной (в то время) религии, не принуждавшей выбирать между Византией и странами ислама и не обладавшей собственной государственностью.

Однако стремление не только использовать (политически) новые религии, но и видоизменить их (священной ролью хазарских царей) вело к конфликтам с их иноземным руководством. Как ни превозносит "житие" успехи Константина-Философа среди хазар и как ни подчеркивает Мас'ӯдӣ престиж, достигнутый там мусульманами, их отношение к хазарской власти явно критическое. В иудейских источниках отношение к хазарам неровное, а к саксинским феодалам, усвоившим сходную религиозную политику, – отрицательное[126], часто наблюдается склонность игнорировать царскую власть и рассматривать хазарское общество как племенное. Характерны для этого отношения сказания странника Эльдада Данита (IX в.)[127]. Приуральские и прикавказские башкиро-мадьярские племена, среди которых временно распространялось номинальное иудейство, расхваливаются там больше хазар: "Называемые м.к.ри (= Mogeri ~ Magyari) – это потомки Ионадава, сына Рехава, и некоторые колена [древнего Израиля] живут вместе [с ними] за Горами мрака", где находится "страна служителей Бога", "междуводья, где живут божьи святые и потомство Его раба Авраама"[128].

В религиозных переменах в Восточной Европе важную роль играло давление народных масс, мечтавших обеспечить этим путем социальную справедливость, мир и счастливую жизнь. Описания жизни легендарного племени нанӯс у Эльдада[129] перекликаются содержанием (да

и именем!) с посланиями царя-пресвитера Иоанна (популярными в XII–XV вв. и позже), которые, в свою очередь, напоминают "город счастливых" у Низāмī. Здесь явно влияние народного творчества и его идей.

ИМЕНА ХАЗАР. БЕЛОЕ ЦАРСТВО

Если хазары не были этническим понятием, то и наименование их не было этническим. Путешественник Рубрук (1253 г.) и ученый Роджер Бэкон (около 1267 г.) сообщают, что термин "Хазария" означает "Кесария", "кесарская страна"[130]. Действительно, двойной титул хазарских царей первоначальной династии (*ẋазар-ẋāқāн*) в "Своде"[131] соответствует указанию Ибн Хордāдбеха[132], что титулы тюркских царей состоят из двух почетных званий, второе из которых всегда *ẋāқāн*. Ибн Ẋордāдбех дает шесть примеров этому правилу. В отличие от титула *ẋāқāн* титул *ẋазар* не включался ни в звания царских заместителей, ни в титулы менее священных царей, к которым перешла власть[133]. Это тоже указывает на то, что *ẋазар* было особенно почетным царским званием (а не власть над "хазарами"). Восточный и степной обычай применять почетные звания как личные имена[134] привел к тому, что печенежский князь XI в. звался Казар[135]. Слово *хазар*, *казар* дошло до монголов как *касар*; они его приняли и как личное имя (Касар, брат Чингиз-голна) и в общем значении "грозный, яростный, хищный" (командир, зверь и т.п.)[136].

Вероятная эволюция титула "хазар" в Восточной Европе такова.

1. Употребление применительно к византийскому кесарю.

2. Обозначение "хазарами" местных "союзников" кесаря – федератов [среди которых Прокопий (VI в.) особенно отмечает ветви сабиров и других "гуннов". Ср. "хасар" среди кочевников в "гуннских пределах" за Каспийскими Воротами (Захарий Ритор, VI в.)].

3. Превращение хазар в ядро местных орд тюркских завоевателей и соответственное распространение их наименования.

4. Принятие титула хазарским государем в связи с его военной помощью Византии в 626–628 гг.: именно с тех пор началось "массовое" и регулярное применение хазарского имени источниками. Целью принятия этого титула должна была стать демонстрация того, что царь наследовал кесарю (во власти над "хазарами") и стал ему равным вообще.

5. Резкое отклонение Византией равенства. Именно после войны император окончательно превратил себя из кесаря в василевса (хотя греки так звали разбитого врага, царя Персии).

Среди синонимов хазарских владений следует отметить один западный: "Албания". Он был связан не с Албанией Закавказья, а с царской ставкой "Белая" (ал-Байдā арабских источников, латинское Alba). "Белая" была передвижной ставкой, как на это указывают ее обозначения на картах. Золотая Орда позже тоже имела и постоянную столицу (Сарай) и подвижную ставку (передвижения которой описаны путешественником XIV в. Ибн Баттӯтой). Название "Албания" прилагалось осо-

бенно к районам распространения христианства, и Alba упоминалось как христианский центр, в очевидной связи с тем, что, во-первых, (волго-каспийские) хазары-иудеи звались на Западе "рыжими евреями" и, во-вторых, с сокращением района царской власти ставка (передвигавшаяся вдаль) должна была сохранить воспоминание о старых временах – временах особого распространения христианства. Превращение Руси в христианскую державу Восточной Европы вызвало склонность отмечать "Албанию" и далеко на севере, а также соединять ее на картах с "Гирканией", так что "Албания" оказывалась севернее. Вероятно, эта эволюция и привела к титулу "белого царя".

Из-за недостатка места приведем лишь примеры. На "англосаксонской" карте мира X в. Albanorum Regio (т.е. царство, область людей "Белой") отмечено между "Гогом и Магогом" (нехристианские прикаспийские хазары) и Азовским морем. На карте собора английского города Хирфорд (около 1280 г.), где Волга – пролив между Каспием и Северным океаном, Албания – у океана, к западу от пролива. На карте мира Марино Сануто (Санудо) (1320 г.) Гиркания – к югу от Рипейских гор, а Албания – на север от них. Но в энциклопедии Винцентия из Бовэ (XIII в.) Албания – еще к северу от восточнокавказских гор. В "Послании пресвитера Иоанна в 1442 г. римскому папе" (составленном в Италии и сохранившемся только в еврейском переводе) он сообщает, что охраняет горные проходы (Кавказа) против нехристианского царя, имеет там непокоримый город-крепость "Ронда" (= Дербент) и соседствует на той границе с "землями великого царя Иерусалима" (= номинальное королевство Иерусалима, Кипра и Армении, от которого фактически остался только Кипр). Эта грамота "дана в нашем дворе, в наших землях Индии Великой, в городе Алба"[137].

[1] *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. С. 8, 13–24, 36–37. (Далее: Свод).

[2] *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 263–265.

[3] Свод. С. 27, 30, 33 (темы 15, 59, 101); изложение в целом: С. 26–36.

[4] Там же. С. 154–161.

[5] *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stokholm, 1958. Bd. I. S. 248–249, 251–252.

[6] *Мас'ӯдӣ.* Китāб ат-танбӣх ва-'л-ишрāф // BGA. VIII. С. 62, 65.

[7] Свод. С. 234–235.

[8] *Suhrāb.* Das kitāb 'aǧā' ib al-aḳālīm as-sab'a / hrsg. H. von Mžik // Bibliothek arabischer Historiker und Geographen. Leipzig, 1926. Bd. I.

[9] Ибн Ҳалдӯн. Китāб ал-'ибар, Каир–Булак, 1284 г.х. С. 36–69.

[10] *Suhrāb.* Op. cit. S. 146.

[11] Свод. С. 96–97, 108–114.

[12] *Абӯ Йӯсуф.* Китāб ал-ҳарāдж. Каир, 1319/1901. С. 57–58.

[13] Ср. пер.: *Firdousi.* Le livre des rois / Trad. J. Mohl. P., 1878. T. VII. P. 355–356.

[14] *Мукаддасӣ* // BGA. III. S. 9, 62–66; *Кудāма* // BGA. VI. S. 234–252 и др.

[15] Ср. фальсификацию, цитируемую Ибн ан-Факӣхом (BGA. V) на С. 330: "Платон не признает у тюрок верности… и у хазар стыдливости… и у славян храбрости".

[16] *Кудāма*. Op. cit; фр. пер.: P. 173 (соответствующий арабский текст (P. 230) урезан и не включает это сообщение).

[17] *Ибн Хардāдбех* // BGA. VI. S. 119; см. также: S. 15: "Тюрки и Китай"; *Табарī*. Та'рīх // Annales... / Ed. de Goeje. Ser. 1. T. I. P. 147; То же. С. 149: "Край тюрок и хазар и Китая" – конечно, это одна из центральных идей *Шāх-нāме*.

[18] Ибн Руста // BGA. VII. S. 96–103.

[19] *Ибн Са'д*. Табақāт. I, I. С. 19–20; *Ṭабарī*. Та'рīх. I, I. С. 144. О распространении такого взгляда свидетельствует усвоение этого тройного деления скандинавами в эпоху викингов, причем с подчеркиванием превосходства середины (Midgård) над холодным севером и жгучим югом.

[20] *Ибн Са'д*. Указ. соч. I, I. С. 22; *Ṭабарī*. Указ. соч. I, I. С. 348.

[21] *Заходер Б.Н*. Указ. соч. С. 133. Примеч. 102.

[22] *Низами*. Искендер-наме / Пер. К. Липскерова. М., 1953. С. 261, 365.

[23] В обоих случаях пишется и как одно слово: Ḫамдаллāх Казвīнī: Та'рīх-и гузīде / Ed. E.G. Browne. Leyden; L., 1910. Vol. I. P. 181, 575; دشتخزر. С. 10: دشتخزران.

[24] Ibid. P. 120: с орфографией Дашт-и Ḫазар, как два слова.

[25] Тāдж ал-'арӯс. Каир, 1306 г.х. III. С. 173.

[26] Абӯ-л-фидā'. Тақвīм ал-булдāн // Géographie d'Aboulféda / Texte arabe, par... Reinaud et... Slane. P., 1840. P. 218–219; *ал-Қалқашандī*. Субḫ ал-а'шā. Каир, 1332/1914. С. 459.

[27] *Мукаддасī*. Указ. соч. С. 46.

[28] Истаḫрī // BGA. I. S. 10 и след.

[29] Ср.: *Коковцов П.К*. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

[30] Тāдж ал-'арӯс. III. С. 173.

[31] Ср. источник: Géographie de Moïse de Corène d'apres Ptolémée / Texte arménien, traduit en français par A. Soukry. Venise, 1881. P. 27; пер. К. Патканова: Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Март. С. 30 (англ. пер. отрывка: Hudud al-'Alam / Transl. and expl. by V. Minorsky. L., 1937. P. 401).

[32] *Мас'ӯдī*. Указ. соч. С. 83.

[33] Еврейский текст / Aufl. L. Grünhut. Frankfurt. M., 1901. S. 58.

[34] Géographie de Moïse de Corène... P. 27.

[35] *Табарī*. Указ. соч. I, II. С. 895–896.

[36] Окончание *ар* было принято за тюркское множественное, и потому *балгар* + *унгар* упрощено в *бал(г)* + *анг.* + *ар*. Та же идея превратила булгар (бургар) в бурган (бурджан), с заменой "тюркского множественного" иранским, нормальным в мусульманской географической терминологии для Восточной Европы. Мы не можем здесь заниматься эволюцией термина *оногур* (= десять племен), интересного не только для истории булгар и венгров, но и в связи с представлением, что хазары – это десять утерянных колен библейского Израиля. Оно встречается и в западной и в еврейской письменности.

[37] *Йāқӯт*. Му'джам ал-булдāн / Aufl. F. Wüstenfeld. Leipzig, 1866. Bd. I. S. 548. ст. "Бурджāн".

[38] Абӯ-л-Фидā'. Указ. соч. С. 218–219.

[39] Там же. Идентификация с Сараем – личный взгляд Абӯ-л-Фидā'.

[40] Ср.: *Ранович А.Б*. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 99.

[41] *Мас'ӯдī*. Указ. соч. С. 83. В другом сочинении он отражает встречные притязания царей карлуков на руководство всеми тюрками (Les prairies d'or. P., 1861. T. I. P. 288–289).

[42] *Ottonis Episcopi Frisingensis.* Chronica sive historia duabus civitatibus. Lib. V. 3.25 / Ed. alt. A. Hofmeister // Scriptores rerum Germanicum. 1912. S. 233, 253, 477.

[43] *Ибн Халдӯн.* Указ. соч. С. 561.

[44] *Низами.* Указ. соч. С. 358.

[45] *Marco Polo.* Opisanie swiata / A.L. Czerny, M. Lewicki. W-wa, 1954. S. 98, 560 и др. Ср.: "Торора" у венгерского историка Симона Кезаи. (Scriptores rerum Hungaricarum. 1937. T. I. P. 145).

[46] Ср. сказания еврейского странника IX в. (*Eldad ha-Dani* / Hrgs. A. Epstein. Pressburg., 1891): "халдеи" (S. 25, 45) = "хазары" (S. 52); ср. также: самаритянская книга Асатир / Hrgs. M. Gaster, 1927; Тарбӣц, 1943–1944).

[47] *Jephet ibn Ali* commentary on the book of Daniel / Ed. D.S. Margoliouth // Anecdota Oxontensia. Semitic ser. Oxford, 1889. Vol. I, pt. III (текст: P. 133–136; пер.: P. 71–73).

[48] Этот хазарский мессианизм был широко использован антихазарской пропагандой на Западе и (меньше) на Востоке для идентификации хазар с апокалиптическими "Гогом и Магогом".

[49] Иранская генеалогия делала ее конкурентной Саманидам, Караханидам и Газневидам (две последние династии выводили себя от иранских царей тоже через Туран).

[50] Так и у Б.Н. Заходера (см. Свод. С. 119, 179 и след.).

[51] Ср. взгляд, согласно которому хазары наряду с персами и курдами – вообще "дети Ирана" [*Ибн Халдӯн.* Указ. соч. II. С. 7 (вслед за Ибн Са'ӣдом)]; ср. IV. С. 417.

[52] Маḥмӯд ал-Кāшгарӣ. Дӣвāн луғāт ат-турк, I. Стамбул, 1333 г.х. С. 30, 32–33 (карта).

[53] Истаḫрӣ. Указ. соч. С. 10.

[54] Там же. С. 5.

[55] См., например, изд.: Прага, 5544/1774. Л. la.; Иерусалим, 1956. С. 1 (текст и др.). В худших изданиях слово Итил-ак часто теряет окончание.

[56] Абу-л-Фидā'. Указ. соч. С. 207: الروسيه .

[57] Нихāйат ал-'араб. I. Каир, 1342/1923. С. 273–274.

[58] *Мӯсā ал-Йӯнӣнӣ.* Зайл. I. Хайдарабад, 1374/1954. С. 534.

[59] Нуḫбат ад-дахр (Cosmographie... Dimichqui / Text, pub. par A.F. Mehren. SPb., 1866. P. 106.

[60] Ср.: *Истаḫрӣ.* Указ. соч. С. 226.

[61] Свод. С. 26–28, 30, 33 (темы 2, 22, 40, 51, 88, 101); С. 27–31 (темы 27, 50, 60, 67).

[62] Там же. С. 30 (тема 59); С. 33 (темы 88, 101).

[63] Там же. С. 31 (тема 70); С. 32 (тема 86).

[64] Там же. С. 31–33 (особенно темы 68–73).

[65] Былины: В 2 т. М., 1958. Т. II. С. 69.

[66] Там же. С. 172. В былинах, как и в приключенских рассказах нового времени, наличествует сочетание приключенской фантастики с распространенными географическими понятиями.

[67] Там же. Т. I. С. 204, 206.

[68] Ибн ал-Фақӣх. Указ. соч. С. 145. Этот первоначальный уклон – поворот на запад (перед соединением) – виден на карте мира (BGA. II. Ed. 2. P. 8–9).

[69] Ср.: '*Умар ибн ал-Вардӣ. Ҳарӣдат ал-'аджā'иб.* Каир, 1358/1939. С. 96. Это отводило сомнения *Мас'ӯдӣ* о соединении морей (Les prairies d'or. I. P. 244).

[70] См., например: *Муқаддасӣ.* Указ. соч. С. 46.

[71] Переводим اما الر وسية فانها فى جزيرة (*Ибн Руста*. Указ. соч. С. 145).

[72] *Муқаддасӣ*. Указ. соч. С. 374.

[73] Ср.: Свод. С. 32 (тема 83); Истаҳрӣ. Указ. соч. С. 225–226.

[74] Истаҳрӣ. Указ. соч. С. 222.

[75] Ср.: Свод. С. 32 (тема 83).

[76] Ковец 'ал-йад // Sammelband kleiner Beiträge aus Handschrirfen. B., 1886. Bd. II.

[77] Ср.: *Vivien de Saint Martin*. Histoire de la Géographie (Atlas) . P., 1874. Pl. VI. N 3.

[78] *Kezai S.de*. Gesta Hungarum // Scriptores rerum Hungaricarum. Bp., 1937. Vol. 1. Cap. 6. P. 146.

[79] *Абӯ-л-Фидā'*. Указ. соч. С. 205 (араб. текст).

[80] *Сухрāб*. Указ. соч. С. 146. Возможно, это вариант прежнего сообщения.

[81] Например: Specu i majoris Vencentii Bel(lo) vacensis. Veneciis, 1590. T. 1, lib. XXXII. Cap. VII, fol. 411-в. Ср. арабское сообщение об этом "божьем лесе": *Ибн ал-Факих*. Указ. соч. С. 297.

[82] Например: *Ottonis Episcopi Frisingensis*. Op. cit. Lib. II, XXII. На карте (около 1280 г.) собора английского города Хирфорд (Герефорд) Гиркания расширена и на юг.

[83] Les prairies d'or. T. II. P. 11–12.

[84] Ср.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. I. С. 18/215; Т. II. С. 184. Примеч. 58.

[85] *Firdousi*. Op. cit. P. 311. 329. Хазарвāн – форма множественного числа от ҳазар, употребляемая и в значениях "Хазария" (прикаспийская) и "Хазарское (Каспийское) море" (ср.: *Vallers J.A.* Lexicon persico-latinum etimologicum. Bonn, 1855. Vol. I. P. 688).

[86] Славянское житие. Гл. VIII. Ср.: *Dümmler E., Miklosch E.* Die Legende vom heiligen Cyrillus. Wien, 1870; *Dvornik Fr.* Les légende de Constantin et de Méthode vues de Bizance. Pr., 1933.

[87] Ср.: *Purchas S.* Das Pilgrims. X. Glasgow, 1906 (Map. P. 608).

[88] *Абу-л-Фида'*. Указ. соч. С. 203–205.

[89] О путанице, внесенной этими толкованиями, см.: *Büchner V.E.* Saḳsin // Enzuklopaedie des Islam. Bd. IV.

[90] *Абу-л-Фида'*. Указ. соч. С. 205.

[91] Изд. A.F. Mehren. С. 106, 146.

[92] Например: *Абу-л-Фида'*. Указ. соч. С. 205.

[93] Ср. прекрасное выражение этого отношения еще в "Повести об Азовском сидении" XVII в. ("государь наш Тихой Дон Иванович, атаман наш"), отражающее эту давнюю традицию.

[94] Это чтение представляется неприемлемым, поскольку тексты о хазарах вообще не указывают на употребление ими титула "хан".

[95] Свод. С. 170–203.

[96] *Муқаддасӣ*. Указ. соч. С. 51.

[97] Сокращенный Берм-кенд, тюрк. "поселение, город Перми (Биармии)"? Араб. звук *r* близок и к *р* и к *г*.

[98] Вероятно, Печора (центр народности или речного бассейна), с опиской ق к вместо ف *ф* (за неимением у арабов *п*). Рукописные начертания: قيشوى и قشورة

[99] *Йāкӯт*. Op. cit. I. S. 439. ст. ≪ Бāб ал-Абвāб.

[100] История агван, Моисея Каганкатваци, писателя X в. / Пер. К. Патканяна. СПб., 1861. С. 121.

[101] Ср. латинский оригинал: The texts and versions of John de Plano Carpini and William Rubruquis / Ed. C.R. Beazley. L., 1903. P. 144–145.

[102] Ibid. P. 60 (Carpini. Chap. 5).

[103] Scriptores rerum Hungaricarum. T. I (Аноним. Chap. II. P. 49).

[104] *Ḳудāма* Указ. соч. С. 255.

[105] *Ибн Ḫалдӯн*. Указ. соч. С. 561.

[106] Там же. Строки 27–28. Ср.: I. С. 63; II. С. 89, 233; III. С. 83. Но (С. 39): "за Ираком не арабы, а турки, казары и другие".

[107] *Мунаджжим-бāшӣ* (*Minorsky V.* A history of Sharvān and Darband. Cambridge, 1958) сообщает, что в 456/1064 г. перешли на мусульманскую сторону "остальные хазары" – переселенцы (так следует читать вместо "остатки хазар", см. С. 51, перевод).

[108] *Dunlop D.M.* The history of the Jewish Khazars. Princeton, 1954. P. 15.

[109] *Firdousi*. Op. cit. T. I. P. 329.

[110] Ср. изд. L. Grünhut. С. 76 евр. текста.

[111] Свод. С. 122.

[112] *Фарӣçōл* (*Фариссоль*). Послание о мировых путях (Иггерет ореḫōт ʻēлам). Гл. 2, 8, 24 (во всех изданиях).

[113] Ср.: *Vivien de Saint Martin*. Op. cit. Pl. VI. N 2.

[114] Ср.: *Joachim Lewel*. Géographia du Moyen Age (Epilogue). Bruxelle, 1857. App.

[115] *Firdousi*. Op. cit. T. I. P. 311, 329 (переводчик не понял "Армению" и перевел (P. 329): "le pays d'Arman", т.е. с орфографией оригинала).

[116] Согласно эфиопской книге "Кебра нагаст" (Слава царей. Гл. 116–117): "Иудейское царство в Армении бунтарское против ромеев, законных ее владетелей и будет ими ликвидировано с помощью эфиопов".

[117] И в армянской литературе (Себеос. VII в.) и в мусульманской (например, Димашḳӣ / Изд. A.F. Mehren. S. 273: "хазары – из армян, христианской веры").

[118] *Ибн ал-Факӣх*. Указ. соч. С. 3.

[119] Еврейский автор Петахия из Регенсбурга (около 1175 г.). Изд. L. Grünhut. Иерусалим, 1904. С. 25.

[120] Йосиппон, начало: Сефер ха-йашар (Sepher ha jaschar. Das Heldenbuch / Hrsg. L. Goldschmidt. B., 1923). S. 32; ср.: S. 20; *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах. СПб., 1874. С. 57, 73, 75.

[121] *Абӯ Ḫāмид ал-Андалусӣ ал-Гарнāṭӣ*. Туḥфас ал-албāб / Ed. G. Ferrand // Journal Asiatique. 1925. P. 87: Саḫсин в стране хазар и тюрок, ал-Бакӯ'и. Талḫис / Пер. C. D'Ohsson. Histoire des Mongols. La Haye; Amsterdam, 1834. T. I. P. 346. Not. 1: "в стране хазар".

[122] По монгольской теории, Чингиз-хан стал царем и над народами Хазарии, Саксина, Булгара и др. [*Хамдаллāх Казвӣнӣ*. Та'рӣḫ-и гузиде. Текст, 1910 г. I. С. 572; II (краткий англ. пер. 1913 г.). С. 140]. При нем монгольское вторжение через Дербент в земли хазар, алан, русов, Сиксина и др. – в этом порядке (*Йāкут*. Op. cit. S. 255).

[123] *Ибн Сa'д*. Указ. соч. I, I. С. 22; *Ṭабарӣ*. Указ. соч. I, I. С. 348.

[124] Les prairies d'or. II. P. 13–14.

[125] Материалы, собранные Ибн Халдӯном, причисляют к маджусам тюркских (I. С. 55) и татаро-монгольских (III. С. 282) шаманистов, остатки язычников в Ливане (IV. С. 97) и Марокко (IV. С. 12) во времена ислама и римских язычников (II. С. 210).

[126] Сефер ха-йашар (изд. 1923 г.). С. 20: "потомки Мешеха – Радон (угнетение) и Задон (злоумышление) и саксинцы"; Петахия из Регенсбурга (изд. Grünhut). С. 25.

[127] *Eldad ha-Dani*. Op. cit. S. 52.

[128] *Йосиппон*. Гл. 10. Ионадав – библейский предок богобоязненных кочевников (Иеремия. Гл. XXXV); "Горы мрака" в хазарские времена – предполагаемое горное окружение Нижнего Поволжья (Урал, Кавказ, воображаемые Рипейские горы); "Междуводье", евр. *'и* = араб. *джазӣра* [ср.: Петахия. С. 25: "Мешехская земля доходит до Гор марка (здесь Урала), за которыми потомки Ионадава"].

[129] *Eldad ha-Dani*. Op. cit. S. 49–50. Ср.: S. 5–6, 24, 27.

[130] The text and versions of... Rubruquis. P. 144: "hoc est Caeseria"; *Purchas S.* Op. cit. XI. P. 152: "id est Caisaria".

[131] Ср.: Свод. С. 204–208.

[132] *Ибн Хордадбез* // BGA. VI. С. 40 (ср. о титулах. С. 15–18).

[133] Ср.: Свод. С. 204–214.

[134] Хазарский царь в 910 г. носил имя Ширвāншāх (*Browne E.G.* Ibn Isfanijar's history of Tabaristan. L., 1905. P. 199).

[135] Scriptores rerum Hungaricarum. I. Cap. VI. P. 371; II. Cap. III. P. 157.

[136] Histoire des campagnes de Gengis Khan (Cheng-Wou ts in-tcheng lou) / Trad. et annote par P. Pelliot, L. Hambis. Leiden, 1951. Vol. 1. P. 171–175.

[137] Ковец 'ал-йад (Sammelband kleiner Beiträge aus Handschriften. 1888. Bd. IV. S. 64–69. "Индия" у мусульманских географов иногда простирается вдоль северной границы ислама (*Истахрӣ*. Указ. соч. С. 6). В былинах царство Индейское граничит с Киевом (Волх Всеславьевич) и Галич помещается иногда в "Индии богатой" (Дюк). В посланиях Иоанна он царь над тремя Индиями: Индия "Великая" – это та, где он находится.

И.Г. Коновалова

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЗАИМСТВОВАНИЯ ТИТУЛА "КАГАН" В ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Употребление тюркского титула "каган" применительно к древнерусским князьям давно вызывает закономерный интерес у историков. К настоящему времени выявлен следующий круг источников, упоминающих о кагане русов: это сообщение Бертинских анналов под 839 г.; письмо Людовика II Немецкого (855–875) византийскому императору Василию I (867–886) от 871 г.; сочинения арабских и персидских авторов X–XII вв.; древнерусские памятники, где некоторые русские князья XI–XII вв. названы каганами, – "Слово о законе и благодати" и "Исповедание веры" митрополита киевского Илариона, "Слово о полку Игореве", а также граффито второй половины XI в. на стене собора Св. Софии в Киеве.

Несмотря на обилие мнений, высказанных в историографии по поводу этого древнейшего титула русских князей, собственно термину "каган", его происхождению и значению в разные эпохи у разных народов посвящена только статья А.П. Новосельцева[1], в остальных же работах данный титул рассматривается в контексте более общих проблем истории Дневнерусского государства, касающихся географических, политических и этнокультурных условий его становления и развития. При этом наибольшее внимание в историографии уделяется причинам и обстоятельствам принятия данного титула, возможным источникам его заимствования, особенностям функционирования титула в различные периоды истории Древнерусского государства, а также его соотношению с другими титулами правителей Древней Руси – "князь", "великий князь", "царь" (цесарь).

Поскольку сам титул "каган"[2] имеет восточное происхождение[3], то наличие его в титулатуре древнерусских князей истолковывается в историографии как свидетельство восточного влияния на древнерусскую государственность. В качестве проводников такого влияния большинство исследователей называет хазар, от которых, как принято считать, и был усвоен древнерусской элитой данный титул в первой половине IX в.[4] Что касается причин и обстоятельств этого заимствования, то на сей счет высказываются разные соображения, суть которых можно свести к двум прямо противоположным позициям.

Одни авторы полагают, что в конце VIII – первой трети IX в. у русов[5] произошли качественные изменения в политическом устройстве

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 99-01-00216а).

общества, приведшие к появлению такого высшего должностного лица, объем и характер полномочий которого не мог быть адекватно выражен в терминах родного языка, в связи с чем для наименования главы древнерусского государства был позаимствован титул из соседней Хазарии – престижный титул владыки самого в то время могущественного государства Восточной Европы, означавший верховного сюзерена, претендовавшего на господство в регионе. Принимая титул кагана, правитель русов тем самым декларировал не только свою независимость от Хазарии, которой в IX в. подчинялся ряд восточнославянских племен, но и заявлял о своем равноправном положении с хазарским каганом, получая тем самым возможность достойным образом вписаться в существующую систему международных отношений[6].

Согласно иной точке зрения, принятие титула "каган" древнерусскими правителями истолковывается как получение этого титула от хазарского владыки в знак признания ими своего вассального по отношению к нему положения. Ее сторонники исходят из того, что просто так "позаимствовать" титул было невозможно; чтобы стать легитимным носителем титула "каган", претенденту надлежало отвечать определенным критериям – либо находиться в тесной связи с харизматическим правящим родом Хазарии (через династический брак, например), либо быть вассалом хазарского кагана[7]. Таким образом, в принятии титула "каган" правителем русов предлагается видеть «не главенство над самостоятельным "Русским каганатом", а включенность в тюрко-хазарскую иерархию»[8].

Помимо хазар, в качестве народов-посредников при заимствовании древнерусскими правителями титула "каган" назывались также гунны и авары, но эти предположения не получили развития в историографии. Что касается гуннов, то соображения выдвинувшего эту точку зрения А.З.В. Тогана[9] не только не подкреплены материалом источников, но и вообще основаны на недоразумении, ибо гуннский глава никогда не носил данного титула. Именование же вождя гуннов каганом, встречающееся у отдельных средневековых латинских авторов, связано с тем, что это слово часто воспринималось ими не как титул, а как имя собственное[10]; кроме того, они – что было привычно для латинской литературы того времени – отождествляли гуннов и аваров, правитель которых действительно титуловался каганом[11]. В этом смысле не лишено оснований предположение Г. Ловмяньского о возможном аварском влиянии на принятие титула кагана древнерусскими владыками[12]. Сам Г. Ловмяньский, правда, высказал эту мысль в довольно осторожной форме, ограничившись лишь общеисторическими соображениями в ее поддержку.

Еще одной проблемой, имеющей отношение к восточной титулатуре древнерусских князей, являются особенности функционирования титула "каган" на Руси в IX–XII вв. Если не считать тех авторов, которые в упоминаемом Бертинскими анналами кагане видят хазарского кагана[13] или скандинавского владыку[14], то для IX–X вв. принадлежность термина "каган" к официальной титулатуре древнерусских князей не вызывает больших сомнений в историографии[15].

Что касается XI–XII вв., когда титул "каган" появляется в собственно древнерусских источниках, то некоторые исследователи расценивают титулование древнерусских князей каганами в этот период как простой анахронизм, отражающий исторические реалии более раннего времени (т.е. хазарское влияние) и уже не имеющий никакого отношения к международной дипломатической практике XI–XII вв.[16] Согласно иной точке зрения, титул "каган ' сохранялся в качестве официального титула киевских князей, по крайней мере, до середины XI в. В первой половине XI в. он был "символом единовластия и легитимного правления в Восточной Европе"[17], а также мог подчеркивать независимость Киева от Византии[18], признававшей претензии древнерусских князей на земли, ранее подвластные хазарам[19]. В XII в. титул совершенно вышел из обращения, о чем свидетельствует вытеснение его из центра Древнерусского государства на периферию, где он сохранялся за черниговской ветвью русских князей[20].

Наконец, высказывалось мнение, что термин "каган" вообще никогда не использовался в качестве официального титула древнерусских князей. В его появлении на Руси в XI в. А. Поппэ видит результат влияния греческой литературной традиции на творчество Илариона[21]. И.Г. Добродомов трактует относимый к древнерусским князьям XI в. титул "каган" не как светский, а как сакральный титул духовных владык, обожествляемых по хазарскому образцу, и считает ненадежными все данные иностранных источников IX–X вв. о принадлежности титула кагана русским правителям[22].

Нет единства мнений и в отношении того, какое место принадлежало термину "каган" в титулатуре древнерусских правителей IX–XII вв. Титул "каган" обычно рассматривается в качестве синонима древнерусского "кънязь", однако остается неясным, как они соотносились между собой на практике – употреблялись ли параллельно[23] или же термин "каган" был вытеснен позднейшим титулом "князь", заимствованным, как полагает А.С. Львов, не ранее XI в.[24] Исходя из употребления титула "каган" на Востоке, обозначавшего там правителя верховного ранга, А.П. Новосельцев настаивает на том, что в Древней Руси данный титул соответствовал и исторически предшествовал термину "великий князь"[25], использование которого в официальной титулатуре русских князей многие исследователи относят к сравнительно позднему времени – XII–XIII вв.[26] А.А. Горский, напротив, считает, что титул "каган", появившийся, по его мнению, на Руси позже титулов "князь" и "великий князь", был вызван к жизни "необходимостью отличить киевского князя от правителей зависимых от него восточнославянских союзов племенных княжеств"[27].

Таким образом, на сегодняшний день многие вопросы, связанные с причинами и обстоятельствами принятия титула "каган" древнерусскими правителями, с особенностями его употребления внутри страны и в международной дипломатической практике все еще недостаточно выяснены. Само по себе признание того, что титул "каган" был заимствован от хазар (неважно, как – под хазарским ли влиянием или, наоборот, в

пику хазарам), оставляет в тени куда более важную проблему: а что реально означал этот титул для древнерусской правящей элиты в IX–XII вв.? Поздние (сравнительно с другими памятниками) упоминания в собственно древнерусских источниках о князьях-каганах диктуют нам дифференцированный подход к определению содержания термина "каган" применительно к правителям Руси в источниках IX–X вв., с одной стороны, и XI–XII вв. – с другой.

Для первого периода не совсем понятно, что такое *chacanus* народа *Rhos* Бертинских анналов, *chacanus Nortmannorum* в письме Людовика Немецкого и *хакан рус* арабо-персидских источников – самоназвание, вошедшее в международную практику, или же международная практика, сложившаяся вне всякой связи с самосознанием формирующейся древнерусской политической элиты. Если в источниках IX–X вв. перед нами самоназвание, то тогда следует установить, что именно за ним скрывается – формальная самоидентификация, ограниченная сферой официальной титулатуры, или вполне осознанное обретение нового института власти, вместе с которым появляется и соответствующий ему титул. Что касается источника заимствования титула "каган", то очевидно, что от Хазарии, крупнейшего восточноевропейского государства в VIII–IX вв. и ближайшей соседки Руси, абстрагироваться нельзя, но в каком смысле можно (и можно ли вообще) говорить о ее влиянии на становление древнерусской государственности? Чем было обусловлено принятие русским правителем титула "каган" – давлением внешних обстоятельств или собственными политическими амбициями? Прямого ответа на все эти вопросы источники не дают. К сожалению, и для анализа реального содержания титула "каган" на Руси в период XI–XII вв. также очень мало материала, главным образом ввиду отсутствия развитой титулатуры княжеской власти в Древней Руси.

Разумеется, рассмотреть все эти вопросы в рамках одной статьи невозможно, поэтому выделим те, которые представляются наиболее существенными: принятие титула "каган" на Руси в IX в.; место титула "каган" в титулатуре русских правителей на международной арене в IX–X вв.; пути проникновения термина "каган" на Русь.

Впервые о кагане (хакане)[28] русов упоминается под 839 г. в Бертинских анналах в связи с описанием приема византийского посольства при дворе франкского императора Людовика Благочестивого (814–840). По сообщению Пруденция, официального летописца Франкской империи, 18 мая 839 г. в Ингельхайме Людовик Благочестивый принял посланников византийского императора Феофила (829–842), а также прибывших вместе с ними из Константинополя представителей дотоле неизвестного при дворе франкского императора народа "рос". Из письма Феофила и беседы с самими русскими послами стало известно, что русское посольство первоначально направлялось в Константинополь и по завершении своего визита в столицу Византии собиралось вернуться домой, однако не смогло это сделать, так как путь, которым русы приехали в Константинополь, был весьма небезопасным. Поэтому Феофил отправил русских послов вместе со своим посольством ко двору Людови-

ка Благочестивого и в сопроводительном письме просил франкского императора посодействовать их благополучному возвращению на родину. Людовик же, расспросив пришельцев и услышав от них, что они по происхождению являются шведами (*eos gentis esse Sueonum*), заподозрил, что русские послы и в Константинополь, и к нему прибыли с разведывательными целями, и задержал их у себя для выяснения всех обстоятельств дела[29]. О дальнейшей судьбе русского посольства в источнике ничего не сказано.

Это сообщение Бертинских анналов давно рассматривается в исторической литературе, но преимущественно в связи с норманнской проблемой[30]. Оставляя в стороне вопрос о происхождении народа, наименование которого Пруденций передает в форме *Rhos*, обратим внимание на те сведения источника, которые представляют интерес для нашей темы.

Судя по сообщению о приеме византийских и русских послов Людовиком Благочестивым, анналисту были доступны следующие источники информации о "росах": во-первых, письмо императора Феофила; во-вторых, устные сведения, которые могли быть получены от посланников византийского императора; в-третьих – рассказы самих русских послов. Однако повествование Пруденция об этом событии составлено таким образом, что точно установить, к какому из этих источников восходит та или иная деталь его рассказа, далеко не всегда возможно.

Это, в частности, касается и принципиально важного для нас сообщения о правителе, которого представляли в Ингельхайме послы народа "рос". Изложив суть переговоров франкского императора с греками, доставившими ему письмо Феофила и "достойные дары", Пруденций далее пишет, что Феофил "послал также с ними (византийскими послами. – *И.К.*) неких людей, которые утверждали, что они, т.е. их народ, зовутся Рос, [и] которых их король, именуемый хаканом, направил к нему (Феофилу. – *И.К.*), как они заявляли, ради дружбы; [Феофил, как мы уже сказали, послал их], прося в упомянутом письме, чтобы, насколько можно, они, по милости императора, получили бы [его] разрешение и помощь для безопасного возвращения [к себе домой] через его державу, так как пути, которыми они прибыли в Константинополь, они проделали через [земли] варварских, ужаснейших в своей безмерной дикости народов, и он не хотел бы, чтобы они возвращались теми же [путями], дабы не подвергли себя случайной опасности"[31].

Как видно, ключевая фраза этого отрывка ("послал… неких людей, которые утверждали, что они, т.е. их народ, зовутся Рос, [и] которых их король, именуемый хаканом, направил к нему, как они заявляли, ради дружбы") не дает однозначного ответа на вопрос, откуда Пруденций получил эти сведения – из письма Феофила, непосредственно от русских послов или же из обоих источников вместе, – ибо по форме изложения трудно уловить, что в данном случае перед нами: собственные впечатления анналиста или добросовестный пересказ императорского послания. Наверняка можно утверждать только то, что в письме Феофила излагались причины, по которым он просил Людовика обеспечить рус-

ским послам безопасный проезд в их края, но что именно византийский император счел нужным рассказать в своем письме об этих послах и их правителе, нам доподлинно не известно; в частности, мы не знаем, кто же называл русского правителя каганом – его послы или чиновники византийской канцелярии. Конечно, можно предполагать, что и название народа "рос", и титул его правителя, скорее всего, содержались в письме Феофила в качестве необходимой преамбулы к его просьбе позаботиться о благополучном возвращении русских послов на родину.

Некоторый материал для предположений по этому поводу могли бы дать латинские формы передачи Пруденцием терминов – этнонима "рос" и титула "каган". В литературе уже обращалось внимание на вероятность соответствия *Rhos* Бертинских анналов ср. греч. Ῥῶς, встречающемуся в византийских источниках с IX в.[32]. Правда, высказываются мнения, что с таким же успехом лат. *Rhos* могло быть как прямым отражением др.-герм. **rōđs-* (гипотетического самоназвания скандинавов, прибывавших на земли финнов)[33], так и обычной для латинских источников VIII–X вв. формой написания имени собственного, когда между буквой *r* и последующей гласной ставилось *h*[34]. Что касается титула "каган", то латинская форма его передачи в Бертинских анналах не соответствует ни ср. греч. "хаган" (χαγάνος), ни др.-рус. "каганъ" (коганъ). Однако поскольку сам по себе этот титул был, скорее всего, знаком Пруденцию, ибо нередко употреблялся латинскими авторами, причем в различных вариантах (*chacanus, chaganus, caganus, cacanus, gaganus* и др.), то анналист мог использовать его в наиболее привычной для себя форме.

Один из дискуссионных вопросов, связанных с известием Бертинских анналов, касается определения того, правителем какого народа является упоминаемый источником каган – главой народа "рос" (т.е. правителем русов), хазарским каганом или же каким-то скандинавским правителем. Формальный повод для сомнений на этот счет дает то, что в записи Пруденция прямо не говорится, что каган является правителем народа "рос", сказано лишь, что шведов, представших перед Людовиком Благочестивым, направил в Константинополь "их король, именуемый хаканом". Отсюда, по мнению отдельных исследователей, можно заключить, что оказавшиеся в Ингельхайме этнические шведы, известные местному восточноевропейскому населению как народ "рос", который в первой половине IX в. находился в политической зависимости от Хазарии, были наняты хазарским каганом для выполнения некоего дипломатического поручения в столице Византии[35]. Другие же авторы, ссылаясь на шведское происхождение послов, настаивают на том, что они выступали от имени владыки какого-то норманнского политического образования (находившегося или в самой Скандинавии, или на Севере Восточной Европы, например в Старой Ладоге, на Верхней Волге)[36].

Хотя большинство ученых считает, что в Бертинских анналах речь идет о кагане "росов"[37], существование в историографии иных точек зрения делает необходимым анализ аргументов их сторонников. Что касается версии о прибытии послов из Скандинавии или из северных

районов Восточной Европы, которая опирается, в сущности, только на указание нашего источника на их этническую принадлежность, то она уже неоднократно подвергалась критике в литературе[38]. Использование послов-иноземцев в дипломатических миссиях было весьма распространенным явлением в средние века, в связи с чем шведское происхождение послов народа "рос" само по себе не может служить доказательством того, что они представляли какого-нибудь правителя из Скандинавии. Следует учитывать и то, что ни для самой Скандинавии, ни для северной части Восточной Европы не зафиксирована традиция употребления термина "каган" в титулатуре местных правителей. Наконец, не в пользу версии о приходе послов из Скандинавии, с которой как раз в 20–30-х годах IX в. Франкская империя находилась в постоянном контакте[39], свидетельствует полнейшая неосведомленность Людовика Благочестивого и его приближенных о народе "рос".

В поддержку мнения, что в Бертинских анналах говорится о хазарском кагане, выдвигают два основных аргумента: во-первых, несомненная принадлежность этого титула правителю Хазарии и, во-вторых, приходящееся на 30-е годы IX в. оживление хазарско-византийских отношений в связи с постройкой Саркела и вызванная этим событием интенсификация дипломатических контактов между двумя государствами. Некоторые уязвимые стороны этой точки зрения уже отмечались в литературе. Так, справедливо указывалось на три детали: 1) чтобы благополучно вернуться из Константинополя в Хазарию, послам кагана было гораздо удобнее ехать через Крым, а не кружным путем через Западную Европу[40]; 2) если бы речь шла о хорошо знакомой византийцам Хазарии и ее кагане, то об этом, скорее всего, было бы прямо сказано в письме Феофила[41]; 3) нет никаких сведений о практике использования хазарами норманнов в качестве своих посланников с поручениями дипломатического свойства[42].

К этим соображениям можно добавить следующее: трудно представить себе политический, экономический или какой-то иной интерес, который мог бы побудить хазарского кагана отправить посольство в далекий Ингельхайм. Дипломатические отношения с Франкской империей Хазария, насколько известно, никогда не поддерживала. Об отсутствии непосредственных связей между Хазарским каганатом и странами Западной и Центральной Европы красноречиво свидетельствуют многочисленные трудности, с которыми столкнулся в X в. испанский сановник Хасдай ибн Шапрут, пытавшийся переправить свое письмо из Кордовы ко двору хазарского правителя[43]. Хазария получала большие доходы от международной транзитной торговли, но при этом собственного купечества, интересы которого надо было бы отстаивать на государственном уровне, не имела[44]. Так же вряд ли можно допустить, что послы хазарского кагана отправились в Ингельхайм по инициативе византийской стороны, целью которой было найти на Западе союзников для войны против арабов.

В отличие от хазар, не имевших в конце 30-х годов IX в. никаких видимых причин для посещения Франкской империи, древнерусские пра-

вители, напротив, могли быть заинтересованы в такой поездке, поскольку с IX в. началось проникновение русских купцов в земли Немецкого Подунавья[45]. Можно предположить, что в этих обстоятельствах миссия ко двору Людовика Благочестивого под покровительством византийского посольства и с рекомендательным письмом византийского императора была бы весьма заманчивой. Поэтому присутствие в Ингельхайме послов не хазарского, а русского правителя кажется более вероятным и естественным.

Таким образом, на основании Бертинских анналов можно утверждать, что в 839 г. русский правитель носил титул "каган", который признавался на международной арене в качестве официального. Это заключение с очевидностью подтверждают сразу несколько источников различного происхождения второй половины IX – начала X в.

Один из них также принадлежит к сфере европейской дипломатии IX в. Это уже упомянутое письмо внука Людовика Благочестивого, франкского императора и итальянского короля Людовика II Немецкого византийскому императору Василию I, дошедшее до нас в составе Салернской хроники (вторая половина X в.) и датированное 871 г. Этот документ, несмотря на его важное значение для исследования вопроса о титулатуре древнерусских князей не всегда используется в историографии, на что недавно обратил внимание А.В. Назаренко[46].

Письмо Людовика II является ответом на несохранившееся послание Василия I, в котором речь шла о титулах, употреблявшихся византийской императорской канцелярией для правителей различных стран и народов. Выражая удивление по поводу некоторых титулов, принятых в Византии, Людовик, в частности, замечает, что в латинских кодексах "хаганом именуется глава авар, а не хазар или норманнов, а [правитель] болгар называется не государем, а царем или господином"[47]. Из-за того, что греческий оригинал письма Василия I утрачен, мы не знаем, какой именно термин стоял там на месте латинского *Nortmanni*. Однако благодаря другим источникам X – начала XI в. (Лиудпранд, Иоанн Диакон) хорошо известно, что латинские авторы имели обыкновение передавать греческое обозначение руси ρούσιος словом "норманны"[48]. Поэтому из письма Людовика II можно заключить, что в византийской императорской канцелярции титул "каган" (χαγάνος) применялся не только к аварам, как это практиковалось при дворе франкского императора, но также к хазарам и норманнам-руси, причем к обоим народам одновременно.

Правда, в дошедших до нас византийских источниках и сделанных с них древнерусских переводах термин "каган" в титуловании правителей Древней Руси не встречается. Он не фигурирует в договорах Руси с Византией X в.[49], но это может быть связано с тем, что мы имеем дело с включенными в летопись поздними переводами, авторы которых оперировали актуальной для их времени политической терминологией. В сочинениях Константина Багрянородного (середина X в.) древнерусские князья именуются архонтами (ἄρχων) наряду с правителями славян, венгров, печенегов и кавказскими владыками[50]. Такое широкое

употребление титула "архонт" заставляет подозревать, как много нюансов в титулатуре могло покрывать одно это слово. Собственно, тому есть подтверждение у самого Константина: титул "каган", употребляемый по отношению к хазарскому правителю, он неоднократно объясняет при помощи титула "архонт": "хаган, архонт Хазарии (χαγάνος ἄρχων Χαζαρίας)"[51]. Другой византийский автор, патриарх Никифор (первая треть IX в.), хотя и знал, что хазарские правители называли себя каганами, применял иные термины для обозначения владыки Хазарии – "архонт" (ἄρχων), "вождь" (ἡγεμών), "предводитель" (ἡγούμενος), "государь" (κύριος)[52]. Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал византийских источников вряд ли можно считать показательным относительно того, использовался ли в византийской канцелярии титул "каган" при обращении к правителям Руси.

По сравнению с греческими и латинскими источниками более разнообразную информацию дают арабо-персидские памятники IX–XII вв.

Сочинение арабского автора IX в. Ибн Хордадбеха "Китаб ал-масалик ва-л-мамалик" (Книга путей и стран), содержит не только первое в арабской литературе упоминание о русах, но и специальный раздел, посвященный титулам владык разных стран и народов. Ибн Хордадбех, будучи начальником почты (*сахиб ал-барид*) в одной из областей Северо-Западного Ирана и по долгу службы хорошо осведомленный в вопросах титулования правителей различных государств и к тому же имевший, как полагают, возможность пользоваться государственными архивами в Багдаде, называет каганами правителей тюрок, Тибета и хазар: "Цари (*мулук*) тюрок, Тибета и хазар – все они хаканы, за исключением царя карлуков, которого называют йабгу (*джабгуйа*)"[53]. Это известие должно относиться ко времени до 840 г., поскольку правитель тюркского народа карлуков, названный у Ибн Хордадбеха титулом "йабгу", после падения Уйгурского каганата в 840 г. стал претендовать на титул кагана[54]. Если действительно перечень владык, носивших титул кагана, был составлен Ибн Хордадбехом до 840 г. или около того, то отсутствие в данном списке правителя русов объяснимо: географ мог и не обладать соответствующей информацией, поскольку неизвестно, чтобы титул "каган" вошел в употребление на Руси ранее 839 г.

О том, что в распоряждении Ибн Хордадбеха не было детальных сведений о русах, можно судить по составу его сочинения, в котором они упоминаются лишь однажды (в широком известном отрывке о путях купцов-русов в Багдад[55]), а данные о других восточноевропейских народах чрезвычайно скудны. Кроме хазар, из жителей Восточной Европы в "Книге путей и стран" названы лишь славяне (*ас-сакалиба*), сувары и некоторые северо-кавказские народности – аланы, лакзы, сариры и др.[56] Из всех этих народов в разделе о титулах владык Земли наряду с хазарами фигурируют также славяне. Правитель (*малик*) славян, согласно Ибн Хордадбеху, носил титул, читаемый в рукописях как *к.нан* (قنان) или *к.бад* (قباد), т.е. "князь"[57]. При описании путей русских купцов в Багдад Ибн Хордадбех замечает, что русы являются "видом

(*джинс*) славян"[58]. С формальной точки зрения это представление о русах как о части славянской этнической общности позволяет распространять славянский титул "князь" также и на правителей русов, однако мы не знаем, сколь представительны были те источники, на которые опирался Ибн Хордадбех, сообщая о славянских князьях, в частности – включали ли они информацию о титуле владыки русов или он остался неизвестен арабскому географу.

Впрочем, интерпретация сообщений Ибн Хордадбеха о русах может быть только предположительной. Дело в том, что полная редакция сочинения географа (известная по ссылкам на нее в позднейшей арабской литературе) до наших дней не дошла, а именно ее считают одним из основных источников так называемой Анонимной записки – не сохранившегося в оригинале описания народов Восточной Европы и других северных областей Земли[59]. Восходящий к тексту "Анонимной записки" рассказ об "острове русов" является первым в средневековой арабо-персидской литературе связным описанием места обитания, занятий и обычаев русов, а также их контактов со славянами и другими народами Восточной Европы. Различные версии этого рассказа дошли до нас в составе сочинений ряда арабских, персидских и турецких авторов X–XVII вв.

Наш интерес к тому кругу авторов, которые опирались на данные "Анонимной записки", вызван тем, что *все* сообщения о кагане русов, имеющиеся в арабо-персидских источниках, так или иначе с нею связаны. Эти сообщения содержатся в книге арабского географа Ибн Русте "Ал-А'лак ан-нафиса" (Дорогие ценности, начало X в.), в анонимном персоязычном трактате "Худуд ал-'алам" (Пределы мира, 982 г.), в труде персидского историка Гардизи "Зайн ал-ахбар" (Краса повествований, середина XI в.), в анонимном персоязычном произведении "Муджмал ат-таварих" (Собрание историй, 1126 г.). За исключением последнего сочинения, где данные о титулах правителей различных стран и народов помещены в специальном разделе, в остальных источниках о кагане русов упоминается по ходу повествования об "острове русов", что существенно облегчает датировку этих сведений, позволяя связать их с предполагаемым временем составления "Анонимной записки", т.е. со второй половиной (точнее, с последней четвертью) IX в.

Не отвлекаясь на многочисленные вопросы, связанные с исследованием различных версий рассказа об "острове русов"[60], приведем данные этой группы источников относительно организации верховной власти у русов. Согласно Ибн Русте, "у русов есть царь (*малик*), именуемый хакан-рус". В его руках находится судебная власть: "И если один из них (русов. – *И.К.*) возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым они и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается мечами, и чей из мечей острее, тот и побеждает". Власть кагана в какой-то мере ограничена влиянием жречества: "Есть у них знахари (*табиб*)*, из которых

---

* Буквальный перевод с араб. – *врачи*.

иные повелевают царем как будто бы они их (русов. – *И.К.*) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно"[61]. Сведения из книги Ибн Русте, почти в точности повторяет Гардизи, одновременно приводя некоторые новые детали: «И есть у них царь (*падшах*), называемый хакан-е рус... Если возникает между ними спор, они идут к хакану и разрешают спор по его решению, или же он приказывает, чтобы решали спор мечом, кто победит, тот и выигрывает. Есть у них знахари, власть которых распространяется и на их царей. И если знахарь возьмет мужчину или женщину, накинет им на шею веревку и повесит, пока те не погибнут, и говорит: "это указ царя", – то никто не говорит ему ни слова и не выражает недовольства. И царь их взимает с торговли десятину»[62].

Информация "Худуд ал-'алам" весьма краткая, но в целом сходная с данными процитированных выше источников: "Царя (*падшах*) их зовут рус-хакан... Знахари у них в почете. Ежегодно они (русы. – *И.К.*) платят одну десятую добычи и торговой прибыли государю"[63].

Как мы уже говорили, в "Муджмал ат-таварих" о кагане русов сообщается не в связи с рассказом об "острове русов", а отдельно от него; там сказано, что титул "каган" носят падишахи русов, хазар, токуз-огузов и Тибета[64]. Очевидно, что этот перечень никак не может относиться ко времени написания сочинения (1126 г.): если не считать фигурирующих в нем русов, перечень практически идентичен списку правителей-каганов у Ибн Хордадбеха. Упоминание хазарского кагана позволяет уверенно отнести это известие к периоду ранее 965 г., когда Хазарское государство прекратило существование. Однако учитывая, что среди источников персидского Анонима о народах Восточной Европы (и в частности, о хазарах, славянах, русах) явно есть данные, восходящие к "Анонимной записке"[65], сообщение "Муджмал ат-таварих" о кагане русов также можно датировать второй половиной IX в. и анализировать в одном ряду с известиями Ибн Русте, Гардизи и "Худуд ал-'алам".

Таким образом, из арабо-персидских источников мы узнаем, что во второй половине IX в. правитель русов носил титул кагана. Этот титул встречается не только в рассказах арабо-персидских авторов о русах, но и в составлявшихся ими специальных перечнях титулов владык стран и народов мира, что может рассматриваться как свидетельство его признания в качестве официального титула в международном общении. В этом смысле данные восточных источников подкрепляют сведения, известные нам по латиноязычным памятникам IX в. Отметим, что Людовик Немецкий (и, надо полагать, его адресат Василий I) и все арабо-персидские авторы упоминают русского и хазарского каганов одновременно.

В восточных источниках, отражающих данные X–XII вв., титул "каган" по отношению к русским правителям уже не встречается. К примеру, Ибн Фадлан, посетивший в 922 г. Волжскую Булгарию и собравший там много сведений о русах, называет правителя русов царем (*малик*)[66].

Если учесть, что Ибн Фадлан лично побывал в Восточной Европе, видел русов своими глазами и даже разговаривал с одним из них, его свидетельству придают особую ценность и на этом основании полагают, что в первой четверти X в. титул "каган" среди русов уже вышел из употребления[67]. В необычайно популярном в арабо-персидской литературе X–XII вв. рассказе о трех "группах" русов – Куйабе, Славийи и Арсе – правитель каждой "группы" также именуется царем (араб. *малик*, перс. *падшах*)[68].

Еще одно известие о титулатуре древнерусских князей X в. имеет некоторое отношение к сфере дипломатии. Это сообщение арабского библиографа конца X в. ан-Надима, в котором правитель русов также назван царем: "Мне сообщил один [человек], на рассказ которого я полагаюсь, что один из царей горы ал-Кабк[69] отправил его к царю (*малик*) русов; он утверждал, что у них есть письмена, вырезываемые на дереве; он показал мне кусок белого дерева с изображениями; я не знаю, были ли это слова или отдельные буквы, подобно этому"[1*,70]. В составленном среднеазиатским энциклопедистом XI в. ал-Бируни перечне "Разряды царей и прозвища царей этих разрядов" каганами названы "цари тюрков [из] хазар и тугузгузов", русы не упомянуты вообще, но сказано, что "цари славян" титулуются князьями (*кназ*)[71].

Таким образом, с X в. в восточных источниках применительно к главе русов господствует титул "малик". Однако, на наш взгляд, самого по себе этого факта еще недостаточно для безоговорочного утверждения, что титул русского правителя "каган" более не употреблялся ни в сфере международных отношений, ни в обществе самих русов. Дело в том, что арабский термин "малик" (от глагола *малака* – быть собственником, управлять, иметь право) слишком универсален и в силу этого может быть в принципе использован для обозначения правителя любого ранга. Не случайно и Ибн Русте, и Гардизи, и оба персидских Анонима называют русского правителя царем (араб. *малик*, перс. *падшах*), а слово "каган" (*хакан*) в их изложении имеет характер уточняющего определения, указывающего на особый политический статус владыки.

Если сопоставить сведения из разных групп источников о титулатуре русских правителей IX–X вв., то получится следующая картина. Для IX в. термины "каган" (лат. *chacanus, chaganus*, араб. *хакан*) и "царь", "король" (лат. *rex, praelatus*, араб. *малик*, перс. *падшах*) используются параллельно: *"rex illorum chacanus vocabulo"*; *"chaganum vero nos prelatum Avarum, non Gazanorum aut Nortmannorum nuncupari repperimus"*; "царь (*малик*), именуемый хакан-рус"; "царя (*падшах*) их зовут *рус-хакан*". В источниках X в. для правителя русов титул "каган" не встречается (сохраняясь лишь для обозначения тюркских владык) и фиксируются только термины самого общего характера – ср.-греч. ἄρχων, лат. *rex*[72], араб. *малик*, перс. *падшах*; при этом титул "каган" поясняется через более универсальный: χαγάνος ἄρχων Χαζαρίας. Таким образом,

---

[1*] Далее в источнике помещены знаки, не поддающиеся расшифровке.

термины ἀρχων, *rex, малик, падшах* в силу их универсальности могли употребляться и сами по себе, в то время как титул "каган" во всех рассмотренных нами случаях его использования применительно к правителю русов *неизменно* сопровождается термином более общего характера, конкретный политический смысл которого слово "каган" призвано детализировать.

К сожалению, указанные особенности параллельного использования титулатуры нельзя проиллюстрировать собственно древнерусскими материалами того же периода, поскольку русские письменные источники IX–X вв. отсутствуют. В более поздних древнерусских материалах есть свидетельство параллельного употребления терминов "каган" и "князь", правда, по отношению к хазарскому, а не к русскому правителю. В летописной статье 6473 (965) г. говорится: "Пошел Святослав на хазар; услышав же, хазары вышли навстречу во главе с князем своим Каганом (съ княземъ своимъ каганомъ)"[73]. Это единственное летописное упоминание о хазарском кагане вызывает некоторые сомнения по поводу того, как понимался данный термин составителями летописных сводов – как титул или как имя собственное. Издатели Лаврентьевского и Ипатьевского летописных сводов рассматривают слово "каган" в данном контексте как имя собственное[74]; такой же точки зрения придерживается и автор перевода Повести временных лет на современный русский язык Д.С. Лихачев[75]. В то же время, как нам представляется, ничто не мешает видеть в термине "каган" не имя, а титул, поскольку словосочетание "съ княземъ своимъ каганомъ" по своему построению очень сходно с выражениями, используемыми как в латинских (*rex illorum chacanus vocabulo*), так и в восточных (царь, именуемый хакан-рус) источниках.

В древнерусских письменных и эпиграфических памятниках XI в. некоторые князья именуются каганами (Владимир Святославич и Святослав Ярославич), а Ярослав Владимирович – еще и ц(ес)арем[76]. В XII в., судя по летописи, господствовал титул "князь", а титул "каган" по отношению к русским правителям перестал употребляться; он появляется лишь один раз, да и то в поэтическом произведении, применительно к Олегу Святославичу, политическая деятельность которого протекала на рубеже XI–XII в.[77] Создающееся на основе этих данных впечатление о смене титулатуры верховной власти на Руси позволило выдвинуть предположение о том, что в Древней Руси титулы "каган" и "князь" употреблялись последовательно: сначала – "каган" и только затем – "князь", усвоенный восточными славянами, по мнению А.С. Львова, в конце XI в.[78]

Располагая лишь сравнительно поздними древнерусскими источниками для реконструкции событий IX–X вв., разумеется, трудно утверждать что-нибудь определенное о времени появления и особенностях бытования термина "князь" в Древней Руси. В этой связи хотелось бы привлечь внимание к цитированному выше сообщению Ибн Хордадбеха, который, с одной стороны, воспринимал титул "князь" (*кназ*) как общеславянский, а с другой – рассматривал русов как часть славян. Пред-

ставление о принадлежности русов к общности славянских народов, по-видимому, разделяли и другие арабские авторы IX – начала X в. Так, арабский географ Ибн ал-Факих, включивший в свое сочинение "Китаб ал-булдан" (Книга стран, ок. 903 г.) восходящее к данным Ибн Хордадбеха сообщение о путях купцов-русов на Восток, называет последних не русами, а торговцами-славянами[79]. Еще одно сообщение, которое может быть связано с русами, содержится в историческом сочинении арабского историка и географа IX в. ал-Йа'куби. Описывая военные действия арабов в Закавказье в начале 50-х годов IX в., он упоминает о кавказских горцах, обратившихся за помощью к трем правителям – византийскому императору, владыке Хазарии и некоему правителю славян (*сахиб ас-сакалиба*)[80]. В последнем не без оснований усматривают русского князя[81]. Все эти данные, как нам кажется, позволяют предположить, что титул "князь" мог быть усвоен восточными славянами не в конце XI в., а значительно ранее – уже в IX в.

Другой вопрос – почему не общеславянское слово "князь", а тюркский термин "каган" стал использоваться (по крайней мере, в международном общении) в качестве древнейшего титула русского правителя. Чтобы разобраться в том, откуда и почему титул "каган" был заимствован древними русами, эту проблему следует прежде всего вывести за рамки русско-хазарских отношений и рассматривать на фоне тех процессов, которые протекали в VI–IX вв. в славянском мире в целом.

Титул "каган" в принципе мог получить известность в Восточной Европе не только благодаря хазарам, но и через посредство Византии, западных и южных славян и народов Западной Европы, знакомство которых с этим титулом независимо от Хазарии и относится к более раннему периоду, когда Хазарского государства еще не существовало. Этот титул стал известен в Европе и Византии в связи с вторжением аваров в Центральную Европу во второй половине VI в., когда в 562 г. аварский каган Баян обратился к византийскому императору Юстиниану с просьбой предоставить ему земли в Подунавье. С этого времени титул "каган" начинает употребляться в византийских[82] и латинских[83] источниках.

Славянские народы познакомились с титулом "каган" прежде всего благодаря аварам. Аваро-славянские отношения насчитывали не один век и касались самых разных сфер жизни – от экономики до совместных военных акций. Во взглядах на аваро-славянскую проблематику старые представления, согласно которым отношения между этими народами трактовались как отношения славянского покоренного этноса и аварского правящего слоя, постепенно преодолеваются. На самом деле, по словам А. Авенариуса, "аваро-славянские отношения изменялись в зависимости от конкретных исторических и географических условий, развивались и принимали разные формы"[84]. Для наиболее отдаленных от центра Аварской державы племен отношения между аварами и славянами сводились к военно-политическому сотрудничеству, не связанному с признанием верховной власти кагана. Ближайшие соседи Аварского каганата, союзниками которых в их борьбе с Византией являлись ава-

ры, более или менее постоянно сотрудничали с аварами на военно-политическом поприще, признавая свою зависимость от них. Наконец, на территории самого каганата – в Паннонии и отчасти в Моравии – отношения между аварами и славянами принимали характер прямого господства-подчинения[85].

Современные исследователи пишут о наличии на территории Паннонии и в Словакии "глубокого этнического симбиоза" аваров со славянами, о "взаимной аккультурации" двух народов[86]. Окруженный славянскими этносами Аварский каганат был сильно славянизирован[87]. Этнические наименования аваров и славян могли использоваться как синонимы[88].

Длительное общение с аварами оставило следы в фольклоре и летописании славянских народов, в том числе у восточных славян. В частности, племенное предание славян-дулебов о притеснениях, чинимых по отношению к ним аварами (обрами) было включено во вводную часть Повести временных лет[89]. На важность славяно-аварских контактов для исторического сознания восточного славянства указывает то, что в недатированной части Повести летописец уделил аварам не меньше внимания, чем хазарам. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что пути и способы знакомства восточных славян с титулом "каган" далеко не исчерпывались славяно-хазарскими отношениями. Как нам представляется, разносторонние контакты восточных славян с теми областями Центральной Европы, которые в наибольшей мере испытали на себе воздействие авар, могли способствовать знакомству восточных славян с титулом "каган", принятым у авар.

Что касается вопроса о том, из какого языка титул "каган" был усвоен на Руси, то по сохранившимся источникам установить это с достаточной определенностью довольно проблематично. В отличие от латинских памятников, для которых характерна множественность вариантов написания титула "каган" (что делает бессмысленным сопоставление с ними древнерусской формы термина), в греческих источниках зафиксирована устойчивая форма с начальным *х* – χαγάνος. Поскольку в древнерусских источниках XI–XII вв. господствуют формы, начинающиеся с *к* (каганъ/коганъ), следует признать, что титул "каган" не мог быть заимствован восточными славянами от Византии. Языки западных и южных славян знают лишь стяженную форму этого титула – "хан", заимствование которой лингвисты относят уже к монгольскому времени[90]. Остается предположить, что термин "каган" вошел в древнерусский язык в результате непосредственных контактов восточных славян с аварами или хазарами. А.П. Новосельцев считает, что следует учитывать и возможность заимствования через булгарскую среду[91]. И хотя ни аварская, ни булгарская, ни хазарская формы титула нам неизвестны, в пользу того, что именно тюркские языки должны были послужить источником заимствования, говорит соответствие древнерусского термина "каган" написанию этого титула, встречающемуся у древних тюрок – в орхоно-енисейских надписях и в древнеуйгурских рунических текстах (*qaγan*).

Если пути знакомства Восточной Европы с титулом "каган" далеко не исчерпывались хазарским влиянием, то формирование Древнерусского государства и принятие его правителем данного титула протекали при таких внешнеполитических условиях, в которых Хазарии, безусловно, принадлежала важная роль. На 30-е – начало 40-х годов IX в. приходится ряд событий, тем или иным образом связанных со становлением Древнерусского государства. С одной стороны, из сообщений греческих и арабских источников очевидно стремление русов на юг, к богатым византийским городам (посольство в Константинополь и нападение на Амастриду) и крупным торговым центрам Арабского халифата, что не могло не задевать интересы Византии и Хазарского каганата[92]. С другой стороны, столь же очевидны попытки как Хазарии, так и Византии если не помешать продвижению русов, то, как минимум, упорядочить отношения с ними. Для этого хазары с помощью византийцев укрепили северо-западную границу каганата, в частности возвели Саркел[93], а Византия приняла серьезные меры, дабы упрочить свою власть в Крыму[94]. К этому же времени относится установление союзнических отношений Хазарии с венгерским вождем Леведией, при поддержке которого хазары рассчитывали осуществлять контроль над обширными пространствами Северного Причерноморья[95].

О том, что формирование Древнерусского государства сопровождалось столкновениями с Хазарией, свидетельствует сообщение персидского источника "Муджмал ат-таварих", где собраны этногенетические легенды о народах Восточной Европы: "Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался"[96]. Похожие сведения приводит еще один персидский автор – Мирхонд (XV в.), утверждающий, что свой "остров" Рус получил в подарок от Хазара[97]. В этих сообщениях можно усмотреть отражение существовавших русско-хазарских противоречий, а также попыток их преодоления. Характерно, что и древнерусская летопись представляет первоначальные отношения варягов с хазарами как некий договор о разделе сфер влияния: "В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма"[98].

Даннические отношения отдельных восточнославянских племен с Хазарией, насколько можно судить по сохранившимся источникам, ни в коей мере не затрагивали внутреннюю структуру славянских политических образований. Последними управляли собственные князья, а не хазарские наместники[99]. Попытки рассматривать Киев как пограничный хазарский город, опираясь на так называемое Киевское письмо X в.[100], не имеют под собой серьезных аргументов, поскольку из этого документа следует не то, что в Киеве пребывали хазарские чиновники,

а лишь то, что там в X в. существовала иудейская община – явление вполне заурядное для многих крупных средневековых городов Европы и Азии. К примеру, в хазарском Итиле X в. имелись колонии иудеев, мусульман, христиан и язычников (славян и русов), пользовавшиеся особыми привилегиями и судебным иммунитетом[101]. Этимологизация же топонима "Киев" от известного нам в арабской передаче ал-Мас'уди имени хазарского вазира Куйа (كويه)[102] при нынешнем состоянии источников не может быть подкреплена никакими реальными данными. О конкретной деятельности этого вазира, которого О. Прицак считает основателем Киева, ал-Мас'уди ничего не сообщает; известно только одно: вазиры из данного рода являлись выборными предводителями мусульманской гвардии, комплектовавшейся из хорезмийцев и находившейся в распоряжении правителей Хазарии. Этих сведений все-таки явно недостаточно для категоричного утверждения, что "хорезмиец *Киуа*, министр вооруженных сил Хазарии, послуживший прототипом Кия летописей, и был основателем (или строителем) Киевской крепости"[103]. Особенно шаткой хорезмийская этимология наименования "Киев" выглядит на фоне широкой распространенности аналогичной топонимики (Киев, Киевец, Киево и т.п.) в славянском мире, причем не только у восточных славян, но и у западных и южных[104], где о каком-либо влиянии Хазарии вообще не приходится говорить.

Черты государственно-политического устройства, которые для Древней Руси приписываются исключительно влиянию хазар[105], на самом деле видны и в других славянских государствах, никак с Хазарским каганатом не связанных. Это, прежде всего, должность воеводы при князе, которую сопоставляют с дуалистической структурой власти в степных государственных образованиях. Так, Великоморавское государство восприняло должность княжеского наместника-воеводы от авар, равно как и некоторые аварские обычаи, долго сохранявшиеся при дворе[106]. О том, что славянские вожди могли получать высокие тюркские титулы, можно судить по наличию славянских имен в "Именнике болгарских ханов"[107]. Использование тюркских терминов для обозначения высших слоев знати наблюдалось не только на Руси, где был усвоен термин "боярин"[108], но и в других славянских странах. В частности, распространенный у южных славян титул "жупан" имеет аварское происхождение[109]. Все это свидетельствует о том, что источники восточных заимствований на Руси IX в. далеко выходили за рамки русско-хазарских отношений и были связаны с этнополитическими процессами, протекавшими в славянском мире в целом.

Разумеется, мы не ставим под сомнение существование двусторонних экономических, политических, культурных контактов восточных славян и хазар, данные о которых сохранились во многих письменных источниках и археологических памятниках[110]. Однако представляется не вполне корректным, как это обычно делается в историографии, рассматривать заимствование титула "каган" в качестве одного из проявлений этнокультурных контактов Руси и Хазарии. Принятие титулату-

ры – сугубо политическое мероприятие, не связанное (по крайней мере, непосредственно) с этнокультурным взаимодействием.

Это хорошо видно на примере судьбы термина "каган" у западных и южных славян, с одной стороны, и восточных – с другой. Несмотря на то что западно- и южнославянские народы в течение длительного времени находились в орбите влияния Аварской державы, термин "каган" не только не вошел в титулатуру их правителей, но даже не сохранился ни в одном из славянских языков Центральной и Юго-Восточной Европы. Дело в том, что становление государственности у славянских народов, чьи земли были в той или иной мере подвластны аварам, происходило уже после падения Аварского каганата. Его разгром Карлом Великим в конце VIII в. высвободил инициативу славян для создания собственных государств. Титул "каган", единственными носителями которого в Центральной и Западной Европе были авары, после гибели Аварской державы не мог конкурировать с укорененной в Европе титулатурой, опиравшейся на давние политические традиции Римской империи. Характерно, что осевшие в Паннонии венгры, правитель которых в IX в. получил от владыки Хазарии высокий титул "кенде" (*kündü*), в конце концов были вынуждены отказаться от него в пользу местного титула "король"[111].

Иное положение сложилось в Восточной Европе, где в период формирования Древнерусского государства единственным значимым титулом в регионе был титул "каган", дававший его обладателю международное признание. Поэтому в принятии правителем русов этого восточного титула следует видеть не столько следствие хазарского влияния, сколько формальную самоидентификацию, предопределенную внешними обстоятельствами. Принятие титула не сопровождалось заимствованием каких-либо элементов государственно-административной системы Хазарии. Более того, реальный статус хазарского кагана, который, согласно тюркским обычаям, мог стать объектом жертвоприношения, вряд ли воспринимался первыми правителями русов как привлекательная модель организации верховной власти[112]. О претензиях русских князей на "хазарское наследство" можно говорить только в смысле территориальном – как об этом сказано в Повести временных лет: "Владеют русские князья хазарами и по нынешний день"[113]. В то же время нет никаких свидетельств того, что правители Руси ощущали себя наследниками политических традиций Хазарского каганата или – шире – носителями тюркской имперской идеи. В этом смысле весьма показательно, что в древнерусских источниках титул "каган" совершенно не употребляется применительно к победителю хазар Святославу Игоревичу, а напротив, появляется в связи с внутриполитическими потребностями государства, когда в XI в. перед правящими верхами Руси встала проблема создания сеньората[114]. Впрочем, последнее утверждение нуждается в самостоятельном исследовании.

[1] *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150–159.

[2] В форме "каган" (*qaγan*) этот алтайский титул, символизировавший верховную власть у древних тюрок, встречается в орхоно-енисейских надписях (с конца VII в.) и в древнеуйгурских рунических текстах (с VIII в.). В согдийских документах с горы Муг первой половины VIII в. зафиксированы формы "хаган" и "гаган". Применительно к правителям Восточной и Центральной Европы – гуннам, аварам, хазарам, болгарам, русам – рассматриваемый титул в источниках VI–XII вв. принимает различные формы: "каган" или "хаган (отсутствие в рукописях точки при букве ך делает возможным оба варианта чтения) в древнееврейских памятниках; "хаган" (χαγάνος) – в греческих; "хакан" (*chacanus*), "хаган" (*chaganus*), "каган" (*caganus*), "какан" (*cacanus*), "гаган" (*gaganus*) и др. – в латиноязычных; "хакан" (خاقان) – в арабо-персидских; "хакан" – в древнеармянских; "хакани" – в древнегрузинских источниках; в Древней Руси употреблялись формы "каганъ" и "коганъ" (а также "хаганъ" в источниках XVI в.), прочие же славянские языки знают лишь сокращенную форму этого титула – "хан", относящуюся уже к послемонгольскому времени. Сводку данных с указанием на источники см.: *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I. С. 1171; *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908–1913. S. 468; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. B., 1958. Bd. 2. S. 332–334; *Виноградова В.Л.* Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". М.; Л., 1967. Вып. 2. С. 196–198; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 155; *Немет Ю.* К вопросу об аварах // Turcologica. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 299; *Менгес К.Г.* Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979. С. 107–111; *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 151–152.

[3] Происхождение титула пока недостаточно ясно. Предполагается, что он был заимствован древними тюрками из языка жуань-жуаней (жужаней), в подчинении которых тюрки находились некоторое время (*Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1967. Bd. III. S. 141–183; *Boyle J.A.* Khagan // EI^2. 1977. Vol. IV. P. 915). Существует также точка зрения, согласно которой титул "каган" представляет собой общее заимствование тюрками и жуань-жуанями из китайского языка через посредство сюнну: *Шервашидзе И.Н.* Фрагмент древнетюркской лексики: Титулатура // ВЯ. 1990. № 3. С. 83–84, 86, 90.

[4] Обзоры историографии см.: *Сахаров А.Н.* Русское посольство в Византию, 838–839 гг. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 250–254; *Шаскольский И.П.* Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // ЛХ, 1980. М., 1981. С. 43–54; *Golden P.B.* The Question of the Rus' Qağanate // AEMA. 1982. T. II. P. 77–97; *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 150–159; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 37–46. Отметим также следующие работы, посвященные данной теме: *Nastase D.* "La succession khazare" dans l'idéologie souveraine des princes de Kiev // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow: Proceedings of the international congress on the millenium of the conversion of Rus' to christianity. Thessaloniki 26–28 November 1988 / Ed. A.-E.N. Tachiaos. Thessaloniki, 1992. P. 359–364; *Stang H.* The Naming of Russia. Oslo, 1996. P. 230–231, 234.

[5] Мы намеренно оставляем в стороне дискуссионный вопрос о локализации "Русского каганата" IX в., ибо он, во-первых, заслуживает самостоятельного изучения и, во-вторых, является не столь существенным для задач настоящего исследования. Кроме того, современное состояние как этой проблемы, так и других, связанных с исследованием сообщения Бертинских анналов, совсем недавно было рассмотрено Г.Г. Литавриным (*Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 37–46).

[6] Историографию см.: *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 250–254; *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 43–54; см. также: *Флоря Б.Н.* Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 102; *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 157–159; *Он же.* Древнерусско-хазарские отношения и формирование территории Древнерусского государства // Феодализм в России. М., 1987. С. 194; *Он же.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. 1991. № 2–3. С. 9; *Горский А.А.* Об эволюции титулатуры верховного правителя в Древней Руси (домонгольский период) // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований "От Рима к Третьему Риму". Москва, 29–31 мая 1989 г. М., 1995. С. 97–102.

[7] *Васильевский В.Г* Труды. Пг., 1915. Т. III. С. CXVII; *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Cambridge (Mass.), 1981. Vol. I. P. 28–29; *Golden P.B.* The Question of the Rus' Qağanate. P. 86–88; *Иеромонах Никон.* Начало христианства на Руси // ВИ. 1990. № 6. С. 52–53. В последней работе без всякой ссылки на О. Прицака излагается в сущности его идея объединения династии Рюриковичей с неким хазарским каганом, бежавшим за пределы Хазарии в ходе разразившейся там "гражданской войны" в первой трети IX в. Разница лишь в том, что Прицак отправляет этого неизвестного нам по каким-либо источникам кагана-эмигранта на север Восточноевропейской равнины, в Приладожье и на Верхнюю Волгу, а иеромонах Никон – на юг, в Приазовье.

[8] *Трепавлов В.В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 51–52.

[9] *Togan A.Z.V.* Die Schwerter der Germanen nach arabichen Berichten // ZDMG. 1936. Bd. 90. S. 32.

[10] Стоит заметить, что эта культурная традиция не угасла и поныне. Толкование титула как имени собственного применительно к сообщению Бертинских анналов о росах было впервые высказано А.-Л. Шлёцером, впоследствии разделялось многими историками XIX в. – Н.М. Карамзиным, М.П. Погодиным, А.А. Куником, В. Томсеном (историографию см.: *Сахаров А Н.* Указ. соч. С. 248) и встречается даже в современных работах (см., например: *Александров А.А.* О руссах на Западе и на Востоке: от Ингельхайма до Могилевского клада // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1997. № 12. С. 17).

[11] Например, Григорий Турский (VI в.), повествуя о вторжении аваров в Галлию при короле Сигиберте, называет их "гуннами", а об их предводителе замечает следующее: "А самого короля гуннов называли Гаган. Ведь этим именем называли всех королей этого народа" (*Григорий Турский.* История франков / Изд. подг. В.Д. Саблукова. М., 1987. С. 97; см. также Примеч. 76, 94–96 на С. 381–383). Отождествление гуннов и аваров характерно и для так называемой "Хроники Фредегара" (VII в.) и других латинских источников. Подробнее см.: Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1995. Т. II (VII–IX вв.). С. 366–367, 370–371, 380. Примеч. 8–9.

[12] *Ловмяньский Г.* Происхождение славянских государств // ВИ. 1977. № 12. С. 190–191.

[13] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. I. С. 91 (К.Н. Бестужев-Рюмин говорил не о самом хазарском кагане, а о его наместнике в Киеве); *Laehr G.* Die Anfänge des russischen Reiches. B., 1930. S. 16, 122; *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 63; *Arrignon J.-P.* Remarques sur le titre de kagan attribué aux princes russes d'après les sources occidentales et russes des IXe–XIe s. // ЗРВИ. 1984. Т. 23. С. 68–71. Компромиссную позицию занимал В.Г. Васильевский, считавший, что под каганом Бертинских анналов может иметься в виду как хазарский каган, так и русский князь, находившийся в зависимости от Хазарии (*Васильевский В.Г.* Труды. Т. III. С. CXVII).

[14] Этой точки зрения придерживались многие историки, начиная с А.-Л. Шлёцера (литературу см.: *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 248–249). В историографии последнего времени она отражена в работах Т. Лунгиса, Ф. Тиннефельда и др. (подробнее см.: *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 38).

[15] Историографию см.: *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 250–254, 259; *Schramm G.* "Gentem suam Rhos vocari dicebant": Hintergründe der ältesten Erwähung von Russen (a. 839) // Ostmitteleuropa: Berichte und Forschungen. Stuttgart. 1981. S. 1–10. Из более поздних работ назовем следующие: *Golden P.B.* The Question of the Rus' Qağanate. P. 77–97; *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 157–159; *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ, 1991. М., 1994. С. 12–13; *Он же.* Порядок престолонаследия на Руси XI–XII вв.: Наследственные разделы и попытки десигнации // Римско-Константинопольское наследие на Руси. С. 94; *Горский А.А.* Об эволюции титулатуры. С. 99.

[16] *Golden P.B.* The Question of the Rus' Qağanate. P. 97; *Idem.* Imperial Ideology and the Sources of political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // AEMA. 1982. T. II. P. 38; *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 52; *Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси. С. 94; *Stang H.* Op. cit. P. 231.

[17] *Петрухин В.Я.* К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: Традиция и реальность // Славяне и кочевой мир: Средние века – раннее новое время. Сб. тез. 17 конф. памяти В.Д. Королюка. М., 1998. С. 114; см. также: *Горский А.А* Киевская Русь – империя Рюриковичей // Славяне и их соседи: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Сб. тез. 14 конф. памяти В.Д. Королюка. М., 1995. С. 42–43; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 108.

[18] *Львов А.С.* Лексика "Повести временных лет". М., 1975. С. 197–207; *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 159; *Arrignon J.-P.* Op. cit. C. 68–71.

[19] *Василевски Т.* Обращенная в христианство Русь в византийской семье правителей и народов // XVIII Международный конгресс византинистов: Пленарные докл. М., 1991. С. 14–16, 18.

[20] *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 159; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 193–194.

[21] *Poppe A.* Das Reich der Rus' im 10. und 11. Jahrhundert: Wandel der Ideenwelt // JbbGO. 1980. Bd. 28. S. 339.

[22] *Добродомов И.Г.* Этимология, контекст, значение // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 274–284; *Он же. Каган*: титул или сравнение? // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. Тез. докл. М., 1995. С. 16–17.

[23] *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 123.

[24] *Львов А.С.* Лексика "Повести временных лет". С. 198–200; см. также: *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 269.

[25] *Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов. С. 157.

[26] По мнению А. Поппэ, в конце XII в. (*Poppe A.* O tytułe wielkoksiążęcym na Rusi // PH. 1984. T. LXXV. Cz. 3. S. 423–439; *Idem.* Words that serve the authority: On the title of "Grand Prince" In Kievan Rus // APH. 1989. T. 60. P. 159–184), а с точки зрения В. Водова – лишь на рубеже XIII–XIV вв. (*Vodoff W.* La titulature princière en Russie du XIe au début du XVIe siècle // JbbGO. 1987. Bd. 35. H. 1. P. 1–35). Прочую литературу, касающуюся происхождения и значения титула "великий князь", см.: ПВЛ. С. 603–604.

[27] *Горский А.А.* Киевская Русь – империя Рюриковичей. С. 42; *Он же.* Об эволюции титулатуры верховного правителя. С. 98–99.

[28] Здесь и далее при изложении сообщений источников термин "каган" мы передаем в его древнерусской форме, указывая в скобках его написание в том или ином источнике.

[29] Annales de Saint-Bertin / Ed. F. Grat, J. Veillard, S. Clémencet. P., 1964. P. 30–31.

[30] Историографию см.: *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 247–261; *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 43–54; *Schramm G.* Op. cit. S. 1–10; Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, IX – первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 11–15; *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 37–46.

[31] "Misit etiam cum eis quondam qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum chacanus vocabulo ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum tuto habere possent, quoniam itinera per quae illi Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes inmanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit" (Annales de Saint-Bertin. P. 30–31).

[32] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. L., 1962. Vol. II. P. 20; *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 49; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, пер., коммент. / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 293–294; *Назаренко А.В.* О языке восточноевропейских варягов IX–X вв. [*RŌĐ(S?) – РУСЬ – ʽΡΩΣ – RUZZI] // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998 г. Материалы конф. М., 1998. С. 77–78.

[33] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 295.

[34] Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 13.

[35] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 91; *Laehr G.* Op. cit. S. 16, 122; *Dvornik F.* Op. cit. P. 63; *Arrignon J.-P.* Op. cit. P. 68–71; *Васильевский В.Г.* Труды. Т. III. С. CXVII.

[36] *Stender-Petersen A.* Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen // Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Firenze, 1955. Vol. III. S. 165–188; *Lounghis T.C.* Les ambassades byzantines en Occident depuis la fondation des états barbares jusq'aux Croisades (407–1096). Athènes, 1980. P. 167–168; *Tinnefeld F.* "Der furchtbare Blitzschlag aus dem fersten Norden". Der Angriff der Rhos auf Konstantinopel im Jahr 860. Das Ereignis, seine Vorgeschichte und seine historische Bedeutung // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981. S. 243–250; *Петрухин В.Я.* Варяги и хазары в истории Руси // ЭО. 1993. № 3. С. 68–83; *Он же.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 89; *Shepard J.* The

Rhos guests of Lois the Pious: whence and wherefore? // Early Medieval Europe. 1995. № 4. P. 41–60; *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. 750–1200. L.; N.Y., 1996. P. 80, 84, 117.

[37] Обзор современной литературы вопроса см.: *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 37–46.

[38] Подробно на этом вопросе остановился А.В. Рязановский: *Riasanovsky A.V* The Embassy of the 838 Revisited: Some Comments in Connection with a "Normanist" Source on Early Russian History // JbbGO. 1962. Bd. 10. H. 1. P. 2–4. Обзор прочей литературы см.: *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 258–259; *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 37–46.

[39] В царствование Людовика Благочестивого эти контакты были весьма многосторонними и охватывали самые разные сферы – дипломатическую (обмен посольствами), военную (в 834–838 гг. викинги подвергли жестокому разорению прибрежные районы Фрисландии), религиозную (проповеднические миссии Эбона и Ансгария в Данию и Швецию) [*Vogel W.* Die Normannen und das fränkische Reich bis zur Gründung der Normandie (799 bis 911). Heidelberg, 1906. S. 168–177; Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы / Отв. ред. и сост. А.А. Сванидзе. М., 1999. С. 21–55].

[40] *Riasanovsky A.V.* Op. cit. P. 10–11; *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 258; *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 39, 41, 43.

[41] *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 48.

[42] *Łowmiański H.* Początki Polski. W-wa, 1973. T. 5. S. 132.

[43] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 61–66.

[44] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 116.

[45] Большой материал о торговых и этнокультурных связях древнерусских земель с областями Немецкого Подунавья в IX в. (а также и для более позднего времени) собран А.В. Назаренко: *Назаренко А.В.* Имя "Русь" и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.) // ДГ. 1982. М., 1984. С. 86–129; *Он же.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993; *Он же.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 20–61; *Он же.* Происхождение древнерусского денежно-весового счета // ДГ, 1994. М., 1996. С. 5–79.

[46] *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 12; *Он же.* Порядок престолонаследия на Руси. С. 94. Примеч. 25.

[47] "Chaganum vero nos prelatum Avarum, non Gazanorum aut Nortmannorum nuncupari repperimus, neque principem Vulgarum, sed regem vel dominum Vulgarum" (Chronicon Salernitanum / Ed. U. Westerbergh. Stockholm, 1956. P. 111). А.В. Назаренко (*Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 19. Примеч. 29) указал на распространенное в историографии неверное толкование данного фрагмента хроники, вызванного ошибочной конъектурой Г. Пертца в старом издании хроники (MGH SS. 1839. T. 3. P. 523).

[48] Liudprandi episcopi Cremonensis Antapodosis // Die Werke Liudprands von Cremona / J. Becker. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1915. P. 137–138; Ioannis Diaconi Chronicon Venetum: La cronaca veneziana del diacono Giovanni // Cronache veneziane anticvissime / G. Monticolo. Roma, 1890. T. 1. P. 116–117.

[49] ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 32–37, 46–53, 72–73; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 23–28, 35–42, 60–61. О языке, на котором первоначально существовали включенные в летопись тексты договоров, см.: ПВЛ. С. 420–421, 601–602. Примеч. 1.

[50] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 50/51. Ср.: С. 44/45, 114–117, 130–139, 142–155, 158–169, 176–183, 238/239, 291 (коммент. 10), 312 (коммент. 10); *Constantine Porphyrogenitus.* De ceremoniis aulae byzantinae libri II / I.I. Reiskii. Bonnae, 1829. P. 690–691. На отсутствие титула "каган" для правителя русов в книге "О церемониях византийского двора" особое внимание обращает К. Цукерман: *Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient: Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. par M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. P., 2000. P. 99.

[51] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 158–161.

[52] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора / Тексты, пер., коммент. М., 1980. С. 155, 157 (греч. текст), 163, 165, 166. О титулах, применявшихся в Византии по отношению к русским князьям, см. также: *Arrignon J.-P.* Op. cit. C. 70.

[53] BGA. T. VI. P. 16 (араб. яз.); *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 60.

[54] На это обстоятельство обратил внимание П. Голден (*Golden P.B.* The Question of the Rus' Qağanate. P. 83). К сожалению, вопросы, касающиеся хронологии того или иного сообщения Ибн Хордадбеха, решаются лишь гипотетически, так как результаты исследования обеих сохранившихся рукописей "Книги путей и стран" не позволяют датировать время работы над сочинением точнее 40–80-х годов IX в.

[55] BGA. T. VI. P. 154; *Ибн Хордадбех.* Указ. соч. С. 124.

[56] BGA. T. VI. P. 124; *Ибн Хордадбех.* Указ. соч. С. 109.

[57] BGA. T. VI. P. 17; *Ибн Хордадбех.* Указ. соч. С. 61. Поскольку графическая обоснованность предложенной издателем сочинения М.Я. де Гуе конъектуры **кназ* (* قناز – BGA. T. VI. P. 17, n. *c*) возражений не вызывает, можно заключить, что слово "князь" Ибн Хордадбех приводит в неискаженном виде, т.е. в том, в котором информаторы географа узнали его непосредственно от славян. По предположению В.М. Бейлиса, этот титул Ибн Хордадбех мог слышать от упоминаемых им самим (при описании путей купцов-русов) слуг славянского происхождения, служивших переводчиками для прибывавших в Багдад русских купцов (*Бейлис В.М.* Арабские авторы IX – первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // ДГ. 1985. М., 1986. С. 141).

[58] Араб. *джинс* – "сорт", "класс", "разновидность", "род", "племя" (BGA. T. VI. P. 154; *Ибн Хордадбех.* Указ. соч. С. 124).

[59] Об "Анонимной записке" см.: *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław et al., 1977. T. II. Cz. 2. S. 11–17 (там же приведена литература вопроса).

[60] Разбору сообщений об "острове русов" посвящена обильная историография. Библиографию и переводы фрагментов см.: *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 372–383, 392–408; *Golden P.B.* The Question of the Rus' Qağanate. P. 89–96; *Коновалова И.Г.* Состав рассказа об "острове русов" в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // ДГ, 1999 (в печати).

[61] BGA. 1892. T. VII. P. 145–147 (араб. яз.); рус. пер. цит. по: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 397–398.

[62] *Бартольд В.В.* ⟨Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар⟩ Приложение к "Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью, 1893–1894 гг." // Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 39 (перс. яз.), 60 (частичный пер. на рус. яз.); рус. пер. цит. по: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 399–400.

[63] Худуд ал-'алам: Рукопись Туманского / Введ. и указ. В.В. Бартольда. Л., 1930. Л. 37б–38а (перс. яз.); Hudud al-'Alam: "The regions of the World". A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the Preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. L., 1937. P. 159; рус. пер. цит. по: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 399.

[64] Муджмал ат-таварих ва-л-кисас / Изд. М. Бехар. Тегеран, 1318/1939. С. 421 (перс. яз.).

[65] См., например, рассказ об "острове русов" и о славянах (Там же. С. 101–102, 203–204; пер. на рус. яз.: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 391, 401).

[66] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 141 и след.

[67] *Golden P.B.* The Question of the Rus'Qağanate. P. 87.

[68] Переводы фрагментов и библиографию см.: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 411–414.

[69] Ал-Кабк – название Кавказского хребта в арабо-персидской литературе.

[70] Перевод с арабского наш (Kitab al-Fihrist... / Hrsg. von G. Flügel. Leipzig, 1871. Bd. I. S. 20); см. также пер. А.Я. Гаркави: Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века) до конца X века, по Р.Х.) / Собрал, пер. и объяснил А.Я. Гаркави. СПб., 1870. С. 240.

[71] Написание титула *кназ* в рукописи четкое, хотя проставлены не все диакритические знаки: قنار . См.: Chronologie orientalischer Völker von Alberuni / Hrsg. von C.E. Sachau. Leipzig, 1878. S. 111 (араб. яз.); *Ал-Бируни.* Памятники минувших поколений // Ал-Бируни. Избр. произведения. Ташкент, 1957. Т. 1. С. 111–112, 437.

[72] *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники. С. 106, 149–150. Примеч. 20; *Soloviev A.V.* "Reges" et "Regnum Russiae" au Moyen Age // Byzantion. 1966. T. 36. P. 143–173.

[73] ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. II. Стб. 53 (др.-рус. текст); ПВЛ. С. 168 (пер. на совр. рус. яз.).

[74] Слово "каган" помещено в Именной указатель: "Каган, князь Козарский" (ПСРЛ. Т. I. С. 549; Т. II. С. XVII).

[75] См. примеч. 74.

[76] *Молдован А.М.* "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984. С. 78, 91–92, 99; Идейно-философское наследие Илариона Киевского / Публ. Т.А. Сумниковой. М., 1986. Ч. 1. С. 41, 171; *Высоцкий С.А.* Древнерусские граффити Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. I. С. 49–52; *Он же.* Киевские граффити и "Слово о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве" и его время. М., 1985. С. 208–209.

[77] Слово о полку Игореве / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 30.

[78] Литературу см. в примеч. 24.

[79] BGA. 1885. T. V. P. 270–271 (араб. яз.); *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 385.

[80] Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja 'qubi historiae / M.Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883. T. II. С. 598–599 (араб. яз.). Араб. *сахиб* имеет весьма общее значение –

"хозяин", "владелец", "господин". Этот термин ал-Йа'куби прилагает не только к правителю славян, но также к византийскому императору и хазарскому кагану.

[81] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 200; *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 372; *Бейлис В.М.* Указ. соч. С. 141.

[82] Библиографию см.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 332–334; *Szádeczky-Kardoss S.* Avarica: Uber die Awarengeschichte und ihre Quellen. Szeged, 1986. S. 12–24, 28–31, 127–128.

[83] Библиографию см.: *Szádeczky-Kardoss S.* Avarica. S. 34–47.

[84] *Авенариус А.* Авары и славяне. "Держава Само" // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 26.

[85] *Олайош Т.* Замечания по поводу положения протоболгар и славян в аварском каганате // Симпозиум "Славяни и прабългари". Доклади. С., 1982. С. 62; *Авенариус А.* Указ. соч. С. 28–29.

[86] *Авенариус А.* Указ. соч. С. 26, 29.

[87] *Zástěrová B.* Avaři a Slované (K současnému stavu bádáni o starším období avarských dějin a vztahů avarsko-slovanských) // Vznik a počátky Slovanů. Pr., 1958. T. 2. S. 35–36; *Олайош Т.* Указ. соч. С. 61–65; *Авенариус А.* Указ. соч. С. 34; *Тржештик Д.* Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности. С. 69; *Эйснер Я* Авары и Великая Моравия // Изследвания в памет на Карел Шкорпил. С., 1961. С. 87.

[88] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 110/111; Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. Т. I(I–VI вв.). С. 284/285; *Szádeczky-Kardoss S.* Op. cit. S. 72–73; *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 103; *Pohl W.* Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. 567–822 n. Chr. München, 1988. S. 78–79.

[89] ПСРЛ. Т. I. Стб. 11–12; Т. II. Стб. 9; ПВЛ. С. 146. Фрагмент летописи, посвященный аварам, был подробно рассмотрен В.Д. Королюком, который выделил два источника летописного рассказа. По его мнению, ими являются византийская хроника, повествующая о событиях аваро-византийских войн 617–629 гг., а также западнославянский народный рассказ о насилиях, творимых аварами над славянами-дулебами, ставший известным на Руси благодаря контактам с Польшей и Чехией (*Королюк В.Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи // АЕ, 1962. М., 1963. С. 24–31). Д.С. Лихачев, комментируя летописное сообщение, отстаивает его русское, а не западнославянское происхождение (ПВЛ. С. 391). Е.А. Мельникова полагает, что летописное предание об аварах "составляло часть устной традиции тех славянских племен (включая дулебов), которые мигрировали из Нижнего Подунавья на восток" (*Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 155).

[90] *Менгес К.Г.* Указ. соч. С. 110–111.

[91] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 167. Примеч. 483.

[92] Современное состояние исследований на эти темы см.: *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 21–46; *Коновалова И.Г.* Древняя Русь, Хазария и мусульманские страны в IX–XIII вв. // Древняя Русь в системе средневековых государств (в печати).

[93] Истории возведения Саркела посвящено множество работ; литературу вопроса и итоги последних исследований см.: *Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 15–27; *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 43–44.

[94] *Zuckerman C.* Two notes on the early history of the *thema* of Cherson // BMGS. 1997. T. 21. P. 210–222 (там же библиография).

[95] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 158–161, 391–392.

[96] Муджмал ат-таварих. С. 101; рус. пер. цит. по: *Новосельцев А.П.* Восточные источники. С. 401.

[97] *Hammer J.* Sur les origines russes. SPb., 1825. P. 114 (перс. яз.), 55 (франц. пер.).

[98] ПСРЛ. Т. I. Стб. 19; Т. II. Стб. 13–14; ПВЛ. С. 149.

[99] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство. С. 143; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 234; *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 18–21.

[100] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Научн. ред. послесл. и коммент. В.Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. С. 36, 64, 66–80 (см. также коммент. В.Я. Петрухина на С. 201–202, 207, 210–213).

[101] *Maçoudi.* Les prairies d'or / Texte et trad. C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. T. II. P. 11.

[102] Ibid. P. 10.

[103] *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 77. Впоследствии точку зрения О. Прицака поддержал В.Н. Топоров: *Топоров В.Н.* Еврейский элемент в Киевской Руси // Славяне и их соседи: Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Средние века – начало нового времени. Сб. тез. XII чтений памяти В.Д. Королюка. М., 1993. С. 35–36. Библиографию новейших работ по этимологии топонима "Киев" см.: ПВЛ. С. 590.

[104] Многочисленные примеры таких топонимов собраны и проанализированы В.Б. Перхавко: *Коновалова И Г., Перхавко В.Б* Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 20–38.

[105] *Golden P.B.* Imperial Ideology. P. 38–39; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 83–115; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки. С. 235.

[106] *Ловмяньский Г.* Происхождение славянских государств. С. 192; *Бейлис В.М.* Указ. соч. С. 143–144.

[107] Именник на българските ханове. С., 1981. С. 11–12; *Тыпкова-Заимова В.* Южные славяне, протоболгары и Византия: Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII–IX вв. // Раннефеодальные государства и народности. С. 44.

[108] О термине "боярин" см.: *Завадская С.В.* "Болярин" – "боярин" в древнерусских письменных источниках // ДГ, 1985. С. 89–94 (там же литература вопроса). Ср.: *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 110.

[109] Библиографию см.: *Королюк В.Д., Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н.* Древняя славянская этническая общность // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 20, 30–31. Примеч. 17; *Горский А.А.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 184–194.

[110] Богатый материал на этот счет собран В.Я. Петрухиным: *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 83–115; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки. С. 233–235, 272–301.

[111] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 158–161; см. также: *Ратобыльская А.В.* Имперская идея на венгерской почве (X–XII в.) // Славяне и их соседи: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Тез. XIV конф. М., 1995. С. 22–24.

[112] *Петрухин В.Я.* К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана. С. 109–114.

[113] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17; Т. II. Стб. 12; ПВЛ. С. 148; см. также под 884, 885, 964, 965 гг.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 24, 64–65; Т. II. Стб. 17, 52–53; ПВЛ. С. 150, 168.

[114] О престолонаследии в Древней Руси см.: *Назаренко А.В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // ДГ, 1985. С. 149–157; *Он же* Порядок престолонаследия на Руси. С. 83–96; *Он же.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: Наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 500–519.

СОКРАЩЕНИЯ

АЕ	Археографический ежегодник. Москва
ВИ	Вопросы истории. Москва
ВЯ	Вопросы языкознания. Москва
ДГ	Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г. – Древнейшие государства на территории СССР): Материалы и исследования. Москва
ЗРВИ	Зборник радова Византолошког Института. Београд.
ЛХ	Летописи и хроники. Москва
ПВЛ	Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1996.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
СВ	Средние века. Москва
ЭО	Этнографическое обозрение. Москва
AEMA	Archivum Eurasiae medii aevi. Wiesbaden
APH	Acta Poloniae historica. Warszawa
BGA	Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum
BMGS	Byzantine Modern Greek Studies
EI^2	The Encyclopaedia of Islam. 2 ed. Leiden – London
JbbGO	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden
MGH SS	Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannover
PH	Przegląd historyczny. Warszawa
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig

Д.Е. Мишин

НЕМЦЫ, САКСЫ И САКАЛИБА у АЛ-МАС'УДИ

Известия мусульманских писателей о славянах и соседних с ними народах уже давно стали объектом самого пристального внимания исследователей – как востоковедов, так и специалистов по европейской истории. Изучение сведений, содержащихся в рассказах восточных авторов, ведется уже не первый год и даже не первое столетие. По ряду вопросов мы имеем ныне относительную ясность или, во всяком случае, некоторый консенсус в ученом мире. Вместе с тем многие сообщения все еще остаются объектом полемики.

Разногласия в трактовке известий восточных авторов связаны прежде всего с проблемой идентификации, иными словами, с определением того, к кому относятся те или иные сведения. Иногда подходящей аналогии подобрать не удается; в других случаях возможных идентификаций, наоборот, слишком много, и тогда перед исследователем встает проблема выбора. В таких ситуациях мало знать соответствующие европейские реалии; необходимо понять, какое место занимает изучаемый фрагмент в композиции соответствующего произведения, что могло явиться его источником, и каким образом информация была переработана автором в соответствии с его целями, эрудицией, законами жанра и т.д. Такая метода предполагает, что исследователь должен идти дальше простого подбора аналогий и всякий раз задаваться вопросом, насколько предлагаемая идентификация реальна, применима к данному произведению или его источнику. Поступая так, исследователь, как представляется, получит более вероятную и, что самое главное, реалистичную трактовку тех или иных сведений, что, собственно говоря, и является задачей его работы.

Высказанные выше общие соображения хотелось бы проиллюстрировать одним частным примером из практики анализа данных восточных источников о европейских народах. Среди восточных авторов, писавших о народах Европы, особое место занимает Абу-л-Хасан 'Али Ибн ал-Хусайн ал-Мас'уди (ум. 956/7). К анализу его сообщений обращались многие исследователи[1], и этот интерес, думается, вряд ли ослабеет в дальнейшем: так велика ценность содержащихся в них сведений.

Рассказ ал-Мас'уди о *сакалиба* в трактате "Промывальни золота и рудники драгоценных камней" (*Мурудж аз-Захаб ва Ма'адин ал-Джаухар*, сост. в 947/8)[2], являющийся предметом рассмотрения в настоящей работе, представляет собой компиляцию, состоящую из трех частей. Одна из них – рассказ о древнем царе Мадж.ке, другая – перечень племен *сакалиба*. Третья – рассказ о трех правителях *сакалиба*. Она не связана с первыми двумя и определенно является сделанной ал-Мас'уди

вставкой, так как в предыдущей части. т.е. в перечне племен *сакалиба,* указываются совсем другие правители.

Для анализа рассказа ал-Мас'уди о *сакалиба* следует прежде всего упомянуть, какое место он занимает в композиции произведения. Рассказ о *сакалиба* – часть небольшого свода описаний европейских народов. Кроме него в свод входят рассказы о франках, галисийцах и лангобардах. Речь, следовательно, идет в основном о странах и народах Западной Европы, и логично предполагать, что материалы свода происходят скорее из западной части мира ислама, по всей вероятности, из мусульманской Испании. Показателен в этом отношении фрагмент из рассказа о лангобардах, в котором автор говорит, что из франков, *сакалиба*, галисийцев и лангобардов почти все воюют с Андалусией[3]. Первые две части сообщения о *сакалиба*, таким образом, созданы на основе андалусских источников. Это наводит на мысль о том, что *сакалиба* следует искать в Западной и Центральной Европе.

В тексте сообщения ал-Мас'уди наиболее интересен для нас перечень племен *сакалиба.*

"За этим народом[4] следует народ из *сакалиба*, именуемый '. с.т.б.рана[5]; нынешний правитель его именуется *Б.с.к.лаб.дж* (*Б.с.к.лай.дж*).

[Другой] народ – *Дулана,* его правитель именуется *Ван.дж С.лаф.*

[Другой] народ – *Нам.джин*; его правитель именуется *Г.рана.* Этот народ – храбрейший из народов *сакалиба* и лучший в верховой езде.

[Другой] народ – *Ма'ин* (в другом написании – *М.наб.н.* – *Д.М.*); его правитель именуется *Р.и.б.и.р.*

Затем [следует] народ, называемый *С.р.б.и.н.* и уважаемый у *сакалиба* по причинам, о которых долго рассказывать, из-за качеств, о которых надо много рассказывать, и их неподчиненности никакому народу (*ва та'арри-хим мин милла йанкадуна илай-ха*)[6].

Затем [следует] народ, именуемый *М.рава.*

Затем [следует] народ, именуемый *Х.р.ватин.*

Затем [следует] народ, именуемый *Сасин.*

Затем [следует] народ, именуемый *Х.шанин.*

Затем [следует] народ, именуемый *Б.ран.дж.лин.*

Имена некоторых из правителей этих народов, упомянутые нами, – известные имена их правителей.

В народе *С.р.б.и.н.,* который мы назвали, люди сжигают себя, если умирает верховный правитель. Жгут они и своих тягловых животных, поступая так, как индийцы".

Некоторые из упомянутых в тексте названий распознать довольно легко. *Дулана,* очевидно, – неправильное написание *Дулаба*, т.е. чехи (дулебы). Их правитель *Ван.дж С.лаф* – чешский король Вацлав I (Венцеслав, 921–935). *М.рава* следует идентифицировать с моравanами, *С.р.би.н.* – с сорбами, *Х.р.в.а.ти.н.* – с хорватами; речь, видимо, идет скорее о чешских хорватах. Идентифицировать остальные народы сложнее. '. *с.т.б.ра.н.а.* обычно отождествляют со славянскими племенами стодоран[7] или ободритов[8]. Первая идентификация кажется мне более приемлемой, ибо обитавшие по реке Хавель стодоране жили на-

много ближе к перечисленным выше народам, чем ободриты, поселения которых находились в низовьях Лабы (северные ободриты) или на Дунае (подунайские ободриты). *Алиф*, с которого в тексте начинается слово *'.с.т.б.ра.н.а.* – видимо, приставной *алиф*, появляющийся в арабских текстах там, где заимствованное слово начинается с труднопроизносимой группы согласных[9]. Для *Ма'ин* удовлетворительной идентификации долгое время не существовало[10]; в начале 60-х годов довольно правдоподобную гипотезу предложил Т. Левицкий, отождествивший этот народ со славянами, жившими по Майну – *Moinzwinidi*[11]. Имя их правителя *Р.и.б.и.р* лучше всего интерпретируется как *Р.тиб.р.*, Ратибор. Наименее ясные имена *Х.шанин* и *Б.ран.дж.лин*. В отношении *Х.шанин* некоторые ученые полагали, что речь идет о кашубах[12]. Й. Маркварт справедливо отметил, что поселения кашубов располагались слишком далеко от мест, о которых сообщает источник ал-Мас'уди, но его собственная идентификация с кучанами (*Guduscani*)[13] не представляется удачной[14]. Еще менее вероятно, что имеются в виду хижане, как предполагал Ю. Видаевич[15]. Думается, что речь скорее идет о дошанах, северных соседях стодоран, или, может быть, о дечанах, живших к востоку от сорбов. С графической точки зрения *Х.шанин* вполне может быть искаженным *Душанин* (дошане) или *Даджанин* (дечане).

Идентификация *Б.р.а.м.дж.лин* достаточно сложна. Обычно в них видят браничевцев, жителей Браничева в Сербии[16], но с точки зрения графики возможна и идентификация с брежанами (графическая конъектура – *Б.раджанин*). Брежане, западные соседи дошан, жили ближе к перечисленным выше народам, чем обитатели Браничева; отсюда вероятность, что речь идет о них, больше.

Наряду с перечисленными источник ал-Мас'уди упоминает еще два народа, идентификация которых крайне важна – *Нам.джин* и *Сасин*. Уже М. Шармуа высказал предположение, что слово *Нам.джин* происходит от славянского **нѣмьць**[17]; впоследствии эта трактовка была принята почти всеми учеными[18]. Единственная альтернативная идентификация *Бам.джин*[19], т.е. богемцы, чехи, должна быть отвергнута по причине звукового несходства, а также потому, что о чехах автор рассказывает, упоминая чешских дулебов. Отождествление с немцами не противоречит другим сведениям ал-Мас'уди о *Нам.джин*. Говоря о том, что *Нам.джин* самые храбрые из *сакалиба* и самые привычные к верховой езде, автор, очевидно, имеет в виду рыцарскую конницу, составлявшую ударную силу германских войск. Что касается *Г.рана*, который в описании ал-Мас'уди именуется правителем *Нам.джин*, то именно в германской истории находим мы нескольких человек, о которых может идти речь. Это Конрад I (911–918)[20], Генрих Птицелов (919–936)[21] и "железный маркграф" Герон[22]. Возможно, что автор имел в виду слово *граф*, чешское *hrabě*, латинское *gravio*, немецкое *Graf*[23]. Как правитель марки граф вполне мог считаться правителем немцев.

Германцы скрываются и под названием *Сасин*[24]. Мы видим, таким образом, что в рассказе ал-Мас'уди под именем *сакалиба* фактически

фигурируют не только славянские народы, но и германцы, называемые *Нам.джин* и *Сасин*. Констатация этого факта свидетельствует, на первый взгляд, что для ал-Мас'уди немцы и славяне представляли собой один и тот же народ. Но торопиться с выводами не стоит. В восточной литературе можно найти несколько примеров употребления заимствованного слова *немец* для обозначения германцев[25]. Глядя на них, нельзя не отметить, что, с одной стороны, слово *немцы* употребляется в арабской литературе крайне редко, с другой – всегда передается в разных формах. То же самое можно сказать и об употреблении в восточной литературе слова *саксы*. Ал-Мас'уди пишет *Сасин*, неизвестный андалусский источник X в., процитированный у Ибн Хаййана (987/8–1076), – *аш-Шахшунш*[26], Ибрахим Ибн Йа'куб (середина X в.) – *С.к.с.н.*[27] Представляется, что слова *немцы* и *саксы* так и не вошли в восточную географию. Каждый автор как бы заново их заимствовал, передавая их звучание по-своему. То же самое сделал и ал-Мас'уди. Естественно полагать, что он при этом следовал за своим источником. Но что могло быть этим источником? В *Мурудж аз-Захаб* четких указаний на этот счет нет, однако довольно интересные сведения обнаруживаются в другом, более позднем сочинении ал-Мас'уди, написанном им незадолго до смерти, – "Книге замечаний и пересмотра" (*Китаб ат-Танбих ва-л-Ишраф*, 956/7). Во фрагменте, посвященном рекам, впадающим в Черное море, ал-Мас'уди упоминает реку *Д.н.б.х.*, на которой, по его словам, живут *Нам.джин* и *М.рава* из *сакалиба*, а также принявшие Христианство болгары. Река эта, согласно ал-Мас'уди, называется на языке *сакалиба М.лава*[28]. Употребление одних и тех же названий – *Нам.джин* и *М.рава*, показывает, что фрагмент в *Китаб ат-Танбих ва-л-Ишраф* – по всей вероятности, другая часть сообщения, приводимого в *Мурудж аз-Захаб*. Рассказ, легший в основу этого сообщения, был, как представляется, не перечнем племен, а общегеографическим описанием региона с указанием населявших его народов, протекавших по нему рек и т.д. При этом автор рассказа был явно славянином – в противном случае мы вряд ли встретили бы такие названия, как немцы, сасы, дулебы или Морава. Но славянин, причем хорошо осведомленный о народах региона, был, разумеется, в состоянии отличить соплеменников от германцев. Отсюда его рассказ, частью которого является приводимый ал-Мас'уди перечень племен *сакалиба*, – описание не славян, а славяно-германского региона в целом. Но арабы, которым сообщил свои сведения славянский информатор, записали, что речь идет о славянах, и перевели: *сакалиба*. В таком виде рассказ, очевидно, и дошел до ал-Мас'уди. Ал-Мас'уди, в свою очередь, переписал его, определив как известие о *сакалиба*. Он, разумеется, видел в тексте слова *Нам.джин* и *Сасин*, но много ли говорили ему эти названия? До ал-Мас'уди они в восточной географии не употреблялись совершенно. Ал-Мас'уди столкнулся с новым для него понятием, проверить смысл которого не имел никакой возможности, ибо сам он в славяно-германском регионе никогда не бывал, а в других географических произведениях того времени сведений о *Нам.джин* и *Сасин*, во всяком случае, насколько нам известно, нет. По-

хоже, ал-Мас'уди зачислил *Нам.джин* и *Сасин* в *сакалиба* не потому, что считал немцев и славян одним и тем же народом, а потому, что, встретив в описании славяно-германского региона, среди названий славянских племен, искаженные славянским произношением, а затем и арабской графикой имена двух германских народов, принял их за названия славянских племен. Конечно, это ошибка, но ошибка, сделанная бессознательно в результате механического копирования. Она ни в коем случае не может рассматриваться как аргумент в пользу того, что для мусульманских географов немцы и славяне были одним и тем же народом.

Рассмотренный нами случай свидетельствует, кажется, о том, что, имея дело с сообщениями восточных источников о европейских народах, мы должны всякий раз пытаться понять, каким образом появилось то или иное известие, что стало его источником, и каким образом оригинальная информация была использована позднейшими писателями. Предпринимая более глубокий анализ источника, мы, как я надеялся показать на приведенном примере, сможем прийти к более вероятной и логичной интерпретации его данных. Учитывая, насколько велика возможность ошибки при анализе рассказов восточных авторов о дальних странах, только логичные, хорошо обоснованные трактовки могут быть использованы в медиевистике.

[1] Среди работ, посвященных анализу сведений ал-Мас'уди о европейских народах, наиболее значительные следующие: *Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным ал-Мас'уди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 62–79; *Крюков В Г.* Сведения ал-Мас'уди о народе ал-Ифранджа // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования, 1978–79. М., 1987. С. 64–81. Большое внимание интересующей нас проблеме уделяется и в некоторых работах более общего характера, прежде всего: *Charmoy M.* Relation de Mas'oûdy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. P., 1832–33; *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; *Вестберг Ф.* Комментарий на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903; *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903; *Miquel H.* La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XI siècle. P.; La Haye, 1975.

[2] В отношении текста сообщения см.: *Maçoudi.* Les prairies d'or / Texte et trad. C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1864. T. 3. P. 61–65. (Далее: Мурудж аз-Захаб (Барбье де Мейнар)); *ал-Мас'уди*, Китаб Мурудж аз-Захаб ва Ма'адин ал-Джаухар фи-т-Тарих. Каир, 1346 г.х. Т. 1. С. 253–254. (Далее: Мурудж аз-Захаб (Каир)). Текст приводится также в: *Charmoy M.* Op. cit. P. 308–311; *Marquart J.* Op. cit. S. 96–101.

[3] Мурудж аз-Захаб (Барбье де Мейнар). P. 77; Мурудж аз-Захаб (Каир). С. 258.

[4] Имеется в виду мифический народ *В.линана,* от которого, согласно ал-Мас'уди, пошли остальные народы *сакалиба. В.линана,* как я постарался показать в одной своей работе, следует, скорее всего, отождествить с венетами (*Мишин Д.Е.* Правители славян в описании ал-Мас'уди // Арабский мир в конце XX века. М., 1996. С. 69–77), которых ал-Мас'уди, по-видимому знал из каких-то арабских, скорее всего андалусских, переложений западноевропейских источников. Наиболее приемлемой графической конъектурой кажется *Винаta.*

[5] Здесь и далее будет даваться лишь то чтение каждого имени, которое является наиболее вероятным и поддается идентификации.

[6] Последняя фраза пишется в источниках по-разному. В тексте каирского издания – *ва нафрати-хим мин милла йанкадуна илай-ха,* Мурудж аз-Захаб (Каир). С. 254, т.е. "и ненависти их к народу, которому они подчиняются". У Шармуа мы встречаем *ва би курби-хим мамлака йанкадуна илай-ха,* что он переводит как *Elle est voisine d'un royaume auquel les Slaves sont soumis* (*Charmoy M.* Op. cit. P. 309, 313). Надо, впрочем, заметить, что и Шармуа видит возможность чтения *нафрати-хим...* и, оставляя *мамлака* вместо *милла,* переводит *... et de leur aversion pour un royaume auquel ils sont soumis* (P. 309. Примеч. *r*). Прочие издатели предпочитают чтение *ма'арри-хим мин мамлака/милла йанкадуна илай-ха,* хотя интерпретируется это везде по-разному. Барбье де Мейнар читает *мамлака* и переводит *elle ne reconnaît, d'ailleurs, la suzeraineté d'aucun autre peuple,* Мурудж аз-Захаб (Барбье де Мейнар). P. 63. Маркварт читает *милла,* интерпретирует это понятие как "религиозный закон" и переводит *... weil sie jeder Religion, der sie sich fügen würden, bar sind* (*Marquart J.* Op. cit. S. 98, 102; в Примеч. 13 на С. 98 указаны остальные варианты прочтения). То же самое в русском переводе Гаркави: "по неподчинению их никакому народу", "в их близи государство, которому они подчиняются", "и по отсутствию у них закона, которому они бы повиновались" (*Гаркави А.Я.* Указ. соч. С. 136 и Примеч. 12). Для предпочтения какого-либо из приведенных вариантов особую роль играет контекст. *С.р.бин* вряд ли могли бы завоевать себе уважение в среде *сакалиба* отсутствием религиозных норм или простой ненавистью к подчинившему их народу или государству. Скорее, здесь следует видеть указание на их независимость и готовность сражаться за свою свободу.

[7] *Marquart J.* Op. cit. S. 104; *Miquel H.* Op. cit. P. 314.

[8] *Вестберг Ф.* Указ. соч. С. 47. И. Лелевель считал, что речь идет об ободритах, живших на Дунае: *Lelewel J.* La géographie du Moyen Age. Bruxelles, 1852. Vol. 3. P. 48.

[9] Использование приставного *алифа* было широко распространено и в средние века. Приведем несколько примеров слов, заимствованных в то время: *Ифлатун* – Платон, *Ифранджа* и позднее *Ифранса* – Франция, *Икритиш* – Крит.

[10] Лелевель предлагал чтение *К.нали,* т.е. каналиты Константина Багрянородного (*Lelewel J.* Op. cit. P. 49). Такое отождествление встречает, однако, то возражение, что автор говорит отнюдь не о Балканах. Маркварт предлагал читать *Алмас,* интерпретируя это как "гломачи" (*Marquart J.* Op. cit. S. 113–114), но и графическая конъектура, и ее интерпретация представляются абсолютно неправдоподобными.

[11] *Левицкий Т.* Малоизвестный западно-славянский народ по описаниям Аль-Масуди // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 28–33. Об этом народе нам известно по упоминанию в дипломатических формулах Людовика Благочестивого (Monumenta Germaniae Historica. Leges. T. 5. P. 318). Левицкий восстанавливает славянское имя этого народа *магоняне* и предлагает читать *М.наб.н.* как *М.ган.н.* Гипотезу Левицкого поддерживают и чешские издатели источников по Великой Моравии: Magnae Moraviae Fontes Historici: Brno; Pr., 1969. T. 3. S. 406. (Далее: MMFH).

[12] *Вестберг Ф.* Указ. соч. С. 60.

[13] *Marquart J.* Op. cit. S. 140–141. Следует заметить, что идея отождествления *Х. шанин* ал-Мас'уди была впервые предложена Лелевелем (*Lelewel J.* Op. cit. P. 48).

[14] Кучане жили в Сербии, южнее Браничева, но, как представляется, автор говорит здесь не о южных славянах.

[15] *Widajewicz J.* Studia nad relacja o słowianach Ibrāhīma Ibn Ja'ḳūba. Kraków, 1946. S. 17.

[16] *Lelewel J.* Op. cit. P. 40; *Marquart J.* Op. cit. S. 139–141; MMFH. S. 407.

[17] *Charmoy M.* Op. cit. P. 313.

[18] *Lelewel J.* Op. cit. P. 50; *Вестберг Ф.* Указ. соч. С. 58–59; *Marquart J.* Op. cit. S. 105; *Левицкий Т.* Указ. соч. С. 31; MMFH. S. 406.

[19] *Гаркави А Я.* Указ. соч. С. 105.

[20] *Charmoy M.* Op. cit. P. 96. Гипотеза Шармуа встретила возражения Вестберга (Указ. соч. С. 61) и Маркварта (Op. cit. S. 105); первый из них указал на то, что Конрад не был современником чешского короля Вацлава, о котором речь идет выше, второй сомневался в возможности нахождения удовлетворительной конъектуры. Возражения Вестберга и Маркварта принимаются не всеми учеными, и идентификацию *Г.рана* с Конрадом еще можно встретить в литературе (см., напр.: MMFH. S. 406).

[21] *Вестберг Ф.* Указ. соч. С. 61.

[22] *Marquart J.* Op. cit. S. 106. Свое предположение Маркварт аргументирует тем, что после убийства в 939 г. тридцати славянских князей Герон приобрел широкую известность в славяно-германском регионе, о котором рассказывает автор.

[23] Ibid. S. 105.

[24] Производная от слова *Сасы*, которым славяне называли саксов, см.: *Lelewel J.* Op. cit. P. 49; *Вестберг Ф.* Указ. соч. С. 60–63; *Левицкий Т.* Указ. соч. С. 31.

[31] Альтернативная теория Маркварта, согласно которой речь идет о чехах (*Сахин*) (Op. cit. S. 122), плоха на том основании, что о чехах автор уже упоминает, говоря о дулебах. Еще более неудачным представляется предположение Гаркави относительно того, что автор говорит о городе Саксин (Указ. соч. С. 166). Заслуживает внимание поддержанное Левицким замечание Вестберга, что *Нам.джин* в этом рассказе – южные немцы, *Сасин*, т.е. саксы, – северные.

[25] *Ибн Хаукал.* Китаб Сурат ал-Ард. Бейрут, 1979. Карта между С. 61–62 – *Намис*; Абу Хамид ал-Гарнати (середина XII в.) в: *Dubler C.* Abū Ḥāmid el Granadino y su Relación de viaje por tierras eurasiáticas. Madrid, 1953. P. 27 – *Намиш*; ал-'Умари (1301–1349) в: Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-Abṣār fī Mamālik al-Amṣār / Hrsg. von K. Lech. Wiesbaden, 1968. S. 80 – *Намадж*; в передаче ал-Калкашанди (1355–1418) – *Бамах, ал-Калкашанди*, Субх ал-А'ша фи Сина'ат ал-Инша' / Изд. А.К. Заки. Каир, 1913. Т. 5. С. 461. То же слово в форме *Намишлар* фигурирует, как мне кажется, у Рашид ад-Дина, в его рассказе о нашествии монголов на Европу в 1241–1242 гг.: *Mishin D.* Information on the Vlachs in Medieval Islamic Literature (Arabic and Persian) // Romanian Civilization. 1997. Vol. VI. 2. P. 46–47.

[26] *Ibn Ḥayyān, al-Muqtabas V.* Ed. por P. Chalmeta, F. Corriente, M. Subh. Madrid, 1979. P. 482.

[27] В передаче ал-Бакри (ум. 1094): *ал-Бакри*, ал-Масалик ва-л-Мамалик Изд. A. Van Leuwen, A. Ferré. Тунис, 1992. С. 331. В двух последних случаях арабские слова представляют собой производные не от славянского, а от германского названия *Sachsen*.

[28] Kitâb at-Tanbîh wa'l-Ischrâf auctore *al-Masûdî* / Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 67 (Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VIII). Под *М.лавой*, как представляется, разумеется приток Дуная Морава, который, судя по

приводимым названиям народов, следует отождествлять скорее с Моравой в Чехии и Словакии (левый приток Дуная), чем с Моравой в Сербии (правый приток). В данном случае мы имеем дело с довольно типичным для раннесредневековой географии случаем, когда приток реки принимали за саму реку. Впрочем, в другом фрагменте, связанном с процитированным, ал-Мас'уди, вновь говоря о Дунае, сообщает, что на языке *сакалиба* он называется *Д.наби* (P. 183). *Д. наби* следует, по всей вероятности, читать как *Дунаби*, что явно представляет собой производную от славянского **Доунавъ**.

Е.Е. Русина

ЯГОЛДАЙ, ЯГОЛДАЕВИЧИ, ЯГОЛДАЕВА "ТЬМА"

Личность татарского князя Яголдая Сараевича, как и находившаяся в его владении "тьма", до сих пор почти не привлекали внимания историков. Как результат единственным монографическим исследованием данной проблематики поныне остается небольшая работа польского медиевиста Ст. Кучиньского "Яголдай и Яголдаевичи северские", опубликованная в 1934 г., а три десятилетия спустя переизданная в расширенном варианте под названием "Яголдай и Яголдаевичи, ленные татарские княжата Литвы"[1].

Неудивительно, что, обращаясь к этому сюжету, современные исследователи либо полностью полагаются на выводы, сформулированные Ст. Кучиньским[2], либо интерпретируют их самым причудливым образом – как, например, Н.Н. Коринный, утверждающий, что после монгольского нашествия "Переяславская земля, покоренная ордами кочевников, прекратила свое существование как самостоятельная административно-политическая единица Древней Руси", составив вместе с половецкими землями один из крупнейших золотоордынских улусов – "Сарайскую тьму, упоминаемую в ярлыке Менгли-Гирея" Сигизмунду I[3].

На самом деле в этом ярлыке (которым великому князю литовскому были пожалованы Киев и "многие места") говорится о "Сараева сына Егалтаевой тьме", в нем нет и намека на то, что данная "тьма", в соответствии с мнением того же исследователя, "включала в свои пределы междуречье Волги–Днепра"[4]. Очевидно, что подобная "вольность" трактовки документального текста напрямую связана с наблюдаемым в литературе послевоенных десятилетий ослаблением научного интереса к указанному ярлыку – вернее, к ряду татарских ярлыков-пожалований правителям Литвы, названных некогда Ф. Конечным "настоящим прииском для исследователей исторической географии"[5]. Не случайно они даже не упоминаются в монографии В. Егорова "Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв." (М., 1985). Не менее симптоматично и репродуцирование в новейших научных работах[6] анахроничных представлений об этой группе памятников, господствовавших в историографии до начала XX в., когда внимание акцентировалось лишь на их "нелепой притязательности"[7].

Неудивительно, что они не привлекли внимания Ю. Вольфа, первым систематизировавшего данные источников о князьях Яголдаях – вернее, об одном из представителей этого рода, упоминаемом в пожалованиях Казимира Ягеллончика середины – второй половины XV в.[8], ко-

торого он считал предком смольнян Ингильдеевых, известных по документам XVII в.[9] Предложенная Вольфом идентификация стала исходным моментом для подготовки названной выше статьи Ст. Кучиньского (1934 г.), который полностью отверг эту генеалогическую конструкцию: "Яголдай и Ингильдеевы не имеют ничего общего. Объединяет их лишь ошибка Вольфа... Яголдай владел удельным княжеством на южной окраине Северщины и там же жили его потомки"[10].

Выяснить это позволил исследователю документ от 19 марта 1497 г., опубликованный вскоре после выхода в свет книги Ю. Вольфа в сборнике "Акты Литовской Метрики"[11]. Он представляет собой ответ великого князя литовского Александра на "челобитье" киевских бояр Дебра Калениковича, Михаила Гагина, Федька Голенчича и Кунцы Сеньковича, которые "поведали, штож дядько жон их, князь Роман Яголдаевич, одну дочку в себе мел, и тая его дочка была за князем Юрьем Борисовичом Вяземским, и князь Роман записал был той дочце своей именья свои отчинные": в Путивльском повете – Мужеч, Милолюбль, Оскол, в Киевском – Ядреевцы и Берково. После перехода Юрия Вяземского на службу к великому князю московскому (около 1494 г.)[12] "имения" его супруги "спали" на Александра, к которому и обратились упомянутые бояре, "абыхмо тые именья дядька жон их, князя Романовы, им дали по близкости жон их". Ст. Кучиньский сопоставил эти данные с ярлыком Менгли-Гирея, в котором Милолюбль, Мужеч и Оскол непосредственно соседствуют с "тьмой" Егалтая (= Яголдая) Сараевича[13], и предположил, что перечисленными пунктами детально очерчивается положение Яголдаевой "тьмы", возникновение которой он отнес к середине XV в.

В последующих работах исследователя эта гипотеза была изложена пространнее. По мнению Ст. Кучиньского, формирование Яголдаевой "тьмы" (аналогом которой он считал Касимовское царство на московских землях) связано с ситуацией в клонившейся к упадку Золотой Орде, где боролись за власть соперничавшие группировки, возглавляемые соответственно Кичи-Махметом и Улу-Махметом. Последний в 1438 г. совершил поход через Белев на Нижний Новгород и Казань. При этом, полагал ученый, часть сопровождавших Улу-Махмета татарских вельмож могла оставить его и осесть на территории Литовского государства. Исследователь обратил внимание на то, что в окружении Улу-Махмета, по данным русских летописей, был некий князь Усейн (= Гусейн) Сараев[14], вероятным отцом которого он считал известного по летописному упоминанию 1408 г. Сарая, Урусахова сына[15]. Братом Усейна Сараевича и мог быть Яголдай, получивший, как предположил Ст. Кучиньский, около 1440 г. обширный феод на юго-восточной окраине Великого княжества Литовского, защиту которой от внешних вторжений он призван был обеспечить[16].

Выводы исследователя поддержал Б. Шпулер[17], а, в свою очередь, его мнение разделили Б. Греков и А. Якубовский, отметившие в своей работе о Золотой Орде, что ее распад выразился, в частности, "в появлении специальных татарских вассальных княжеств на территории Ру-

си и подвластных Литве русских землях", одним из которых и было достаточно эфемерное "маленькое княжество Jagoldai, расположенное в Курской области, вассальное Литве и образованное около 1438 г."[18]

Однако вопреки своей стройности единодушно принятая учеными схема Кучиньского достаточно уязвима – прежде всего, в ее "ярлыковой" части: автор проигнорировал специфику Менгли-Гиреевого ярлыка, восходящего, как показали исследования, к протографу конца XIV в. – ярлыку, выданному Тохтамышем Витовту в канун битвы на Ворскле (1399 г.)[19]. Хронологическую стратификацию ярлыка 1507 г. еще в 20-х годах осуществил Ф. Петрунь, отделив его первоначальное ядро от наслоений XV в. (интерполяций, связанных с изменением восточных границ Литовского государства на рубеже 1420–1430-х годов, а также с внешнеполитическими претензиями Казимира Ягеллончика в 1460–1470 гг.)[20].

Согласно наблюдениям Ф. Петруня, упоминание о Яголдаевой "тьме" содержалось в первоначальной, времен Тохтамыша, редакции ярлыков, т.е. сама она существовала уже в конце XIV в. Исследователь справедливо отметил, что "в ярлыках это – единственный случай, когда они называют не города, не земли, а владельца тьмы"[21]; очевидно, простейшее объяснение этого факта заключается в том, что данное территориальное образование не опиралось на историческую традицию, а было в значительной мере детищем самого Яголдая. Правда, все тот же Ф. Петрунь предположил, что соседствующая в ярлыках с Яголдаевой Курская "тьма" выступала синонимом первой[22]; однако уже А. Насонов справедливо возразил, что сами ярлыки "не дают оснований для отождествления Курской тьмы с тьмою Еголдая, ибо в тексте они обозначены как две разные тьмы"[23]. Равным образом и в составленном в начале 30-х годов XV в. "списке городов Свидригайла" (имеющем немало параллелей с ярлыками)* "Курск со многими местами" отделен от Яголдаевой "тьмы", существование которой угадывается в перечне "Оскол, Милолюбль, Мужеч со многими местами"[24].

Последний факт, кстати, был проигнорирован Ст. Кучиньским так же, как и проанализированная Ф. Петрунем "техника составления ярлыков", хотя в комплексе они как минимум вдвое увеличивают срок существования Яголдаевой "тьмы". Несомненно, что на позицию исследователя существенно повлияло двукратное упоминание имени Яголдая в Литовской Метрике, в диапазоне от 1440 до 1486 г. – однако показательно, что, исходя из соображений хронологии (ведь в середине – второй половине XV в. сменили друг друга три поколения владельцев Яголдаевой "тьмы"), он и сам со временем был вынужден предположить, что второе, позднейшее, упоминание о Яголдае относится собственно к Роману Яголдаевичу ("раз Монивидовича звали Монивидом, то Яголдаевич мог называться Яголдаем")[25]. Соответственно, если патроним "Яголдай" мог выступать как родовое прозвище, нет необходимости

---

* Работа с их анализом подготовлена к публикации в "Записках Наукового товариства ім. Шевченка".

отождествлять и Яголдая 1440–1455 гг. с Яголдаем Сараевичем татарских ярлыков.

Впрочем, возможно и иное объяснение указанного факта, предложенное С. Кричиньским, считавшим Яголдая 1440–1486 гг. внуком Яголдая Сараевича, носившим то же имя, что и дед. Последнего он отождествлял с беком Ягалтаем, находившимся при золотоордынском дворе при заключении договоров с Венецией в 1347 и 1358 гг.[26] Очевидно, что бурные события последующих лет (т.е. вспыхнувшая в 1359 г. в Орде "великая замятня", растянувшаяся на два десятилетия) могли заставить Яголдая покинуть неспокойную столицу и поискать прибежище на Севрщине.

Не исключены, однако, и другие варианты идентификации Яголдая Сараевича – ведь имя Яголдай, как и Сарай, было достаточно распространенным в татарской среде. Можно, например, связать его с татарским "старейшиной" Сарайкой из окружения Мамая, о котором упоминают русские летописи под 1374–1375 гг.[27] Но совершенно очевидно, что это предположение, как и все прочие, при нынешнем состоянии документальной базы – всего лишь гипотеза.

Более продуктивным мне представляется обращение к вопросу о потомках Яголдая Сараевича, из которых в литературе фигурирует лишь Роман[28]. Как уже отмечалось, он имел дочь, вышедшую замуж за князя Юрия Вяземского, и параллельно четырех племянниц, а значит, – брата или сестру, ушедших из жизни, как и сам Роман Яголдаевич, до 1497 г. Возможно ли установить его (ее) имя? По-видимому, да. В подтвердительной грамоте Сигизмунда I на разнообразные "данины" киевскому Выдубецкому монастырю упоминается Зеновьевая Еголдаевая (Еголдановна) Яцковича Ельцевича, "придавшая" монастырю селище Игнатово на р. Стугне[29]. П. Клепатский идентифицировал эту дарительницу как Зиновию Ельцовую, супругу Яголдая Сараевича и мать Романа Яголдаевича[30], Н. Яковенко – как неизвестную по имени дочь Романа Яголдаевича, бывшую замужем за Зиновием Яцковичем Ельцом[31]. Думается, что и в первом, и во втором случае прочтение имени было ошибочным: на самом деле речь шла о дочери Зиновия Яголдаевича, выданной за Яцка Ельцевича; при этом Зиновий был, очевидно, братом Романа Яголдаевича. Хронологически это вполне допустимо: Яцко Ельцевич упоминается в Метрике с 1511 г.[32] Однако его имя отсутствует в акте 1497 г., где, как уже отмечалось, мужьями племянниц Романа Яголдаевича названы Дебр Каленикович, Михаил Гагин, Федько Голенчич и Кунца Сенькович; остается только предположить, что одна из княжен Яголдаевых была замужем за Яцком вторым браком.

К сожалению, мы не имеем сведений о том, как сложилась после 1497 г. судьба Кунцы Сеньковича и Федька Голенчича (Голенки)[33]. Дебр Каленикович потерял жену, которая после захвата Путивля московскими войсками (1500 г.) оказалась за пределами Литовского государства[34]. Гораздо больше известий о Михаиле Гагине – мозырском наместнике[35], утратившем в 1500 г., как и прочие зятья Зиновия Яголдаевича, свою часть прежней Яголдаевщины. Эту потерю Гагиным "име-

ней его, которые ему по жоне его достались в Путивли", Александр и Сигизмунд компенсировали земельными "данинами" в Жолудском повете, которыми он мог распоряжаться до "очищенья" Путивльщины от неприятеля[36]. Гагин, однако, предпочел иную судьбу: в 1507 г. он вместе с Михаилом Глинским эмигрировал в Москву, и находившиеся в его владении земли "спали" на Сигизмунда, пополнив фонд великокняжеских пожалований[37]. Характерно, что принадлежавшее некогда Гагину с. Левковичи было передано Яцку Ельцовичу[38]. Если предположить, что Гагин бежал к Василию III один, без супруги[39], то это событие могло стать неким связующим звеном между Яцком Ельцом и дочерью Зиновия Яголдаевича[40]. Разумеется, это только гипотеза, и утверждать можно лишь то, что наряду с Романом Яголдаевичем во второй половине XV в. существовал и другой представитель рода Яголдаев – Зиновий.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос локализации Яголдаевой "тьмы", разрешимый при помощи документальных материалов XVI–XVII вв.: хотя сама Яголдаевщина была расчленена в 1497 г.[41], составлявшие ее пункты просуществовали еще несколько столетий. В литературе давно уже было замечено упоминание о Яголдаевом городище в "росписи польским дорогам" конца XVI в.[42], позволяющее отождествить Оскол Яголдаевой "тьмы" с современным Старым Осколом (Белгородской обл.). Что касается Мужеча и Милолюбля, то до сих пор первый помещали на притоке Сейма Мужице, а второй – в районе Фатежа Курской обл.[43] Между тем это противоречит данным позднейших источников: по свидетельству оброчной книги Путивльского уезда 1628–1629 гг., Милолюбльская волость находилась где-то на Северском Донце[44], а Мужецкая располагалась в бассейне рек Псла, Псельца, Обояни, Соловы, Ивницы, Пены, Бобровицы, Ворожбы, Белицы, Рыбницы, Каменки, т.е. охватывала территорию между современными Суджей и Обоянью (Курской обл.)[45]; собственно Мужеч и Милолюбль в это время, по-видимому, также представляли собой городища.

Труднее найти ответ на вопрос, каков был механизм формирования Яголдаевой "тьмы". Ф. Петрунь, усматривая в ней аналог известной Глинщины, характеризовал ее как своеобразный татарский феод, со временем инкорпорированный в состав Литовского государства, правители которого "постепенно переводили тюркских династов на положение обычных землевладельцев"[46]. Мнение исследователя не нашло поддержки у его современников. А. Насонов, в целом достаточно скептически воспринимавший выводы Ф. Петруня[47], отверг возможность "оседания землевладельцев-феодалов из татар по порубежью не в порядке правительственной деятельности" великих литовских князей, "помимо политики" Литовского государства[48]; категоричное по форме, это утверждение не было должным образом аргументировано, и вопрос, по сути, остался открытым. Спустя полвека к этой проблематике (анализируя вопрос о тюркских элементах в составе киево-брацлавской шляхты) обратилась Н. Яковенко, полностью солидаризировавшись с Ф. Петрунем[49]. Однако, поскольку доводы остались прежними, сохранился и элемент гипотетичности, присущий построениям Ф. Петруня. Соответ-

ственно в настоящее время, как и во времена Насонова[50], ученым остается только гадать, "существовал ли Еголдай в эпоху литовского владычества, был ли он выходцем из Золотой Орды, посаженным Литвою на землю", или же в упоминании о Яголдаевой "тьме" "отразились отношения древнего (долитовского) времени".

[1] *Kuczyński S.M.* Jahołdaj i Jahołdajewicze siewierscy // Miesięcznik heraldyczny. 1934. N 3. S. 33–35; *Idem.* Jahołdaj i Jahołdajewicze, lenni książęta tatarscy Litwy // Kuczyński S.M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w. W-wa, 1965. S. 221–226; см. также: *Idem.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. W-wa, 1936. S. 77–80, 184–185, 251, 376.

[2] *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce: Studia z dziejów XIII–XVIII w. W-wa, 1989. S. 130, 161.

[3] *Коринный Н.Н.* Переяславская земля: X – первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 68, 131. Очевидно, что исследователь видит в данной "тьме" административно-территориальный эквивалент Сарайской епархии, основанной в 1261 г., к составу которой относили и Переяслав.

[4] См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 2. № 6. С. 5. (Далее: Акты ЗР). Данный ярлык, датированный издателями Актов... 1506–1507 г., заимствован ими из 7-й книги записей Литовской Метрики. См. также новейшую публикацию его дубликата из 8-й книги записей (с уточненной датировкой 2 июля 1507 г.): Lietuvos Metrika. Knyga N 8. Vilnius, 1995. N 47. P. 83–84. (Далее: LM).

[5] *Koneczny F.* Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej // Ateneum Wileńskie. Wilno, 1925/1926. S. 203. Pr. 1.

[6] См., например: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 49.

[7] *Соловьев С.М.* Соч. М., 1989. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 5. С. 222; *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 68. Примеч. 236; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссею для разбора древних актов. Киев, 1886. Ч. VII, т. 1. С. 59. (Далее: Архив ЮЗР). *Он же.* Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.) // Там же. Киев, 1890. Ч. VII, т. 2. С. 13.

[8] Русская историческая библиотека, издаваемая имп. Археографическою комиссиею. СПб., 1910. Т. 27. (Далее: РИБ). Стб. 42: "Князю Еголдаю в Рославли Свеслав"; Стб. 197: "Князю Яголдаю 10 коп грошей з мыта путивльского". Оба пожалования дошли до нас в составе Литовской Метрики; второе датируется 1486 г., а первое, недатированное, сохранилось в древнейшей части Метрики – так называемой книге данин Казимира за 1440–1455 гг. (подробнее о ней см.: *Бережков Н.Г.* Литовская Метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. Ч. I: О первоначальном составе книг Литовской Метрики под 1552 год. С. 57, 71–77, 116).

[9] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca 14 wieku. W-wa, 1895. S. 150–151.

[10] *Kuczyński S.M.* Jahołdaj i Jahołdajewicze siewierscy. S. 34. Несмотря на доказательность аргументации Ст. Кучиньского, выводы Ю. Вольфа до сих пор репродуцируются в специальной литературе – см., например: *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 330.

[11] Акты Литовской Метрики. Варшава, 1896. Т. 1, вып. 1. № 339. С. 131–132. (Далее: Акты ЛМ). Недостатком данного издания является то, что в нем воспроизведены не оригинальные акты Метрики, а их польские копии конца XVIII в.; соответственно текст документов был дважды транслитерирован и пестрит многочисленными ошибками. Чтобы избежать их, цитирую оригинал: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 138 об.–139.

[12] См.: Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 35. С. 154. (Далее: Сб. РИО).

[13] "Дали... Курскую тьму з выходы и даньми, и з землями, и водами; Сараева сына Егалтаеву тьму, Милолюб, з выходы и даньми, и з землями, и водами; Мужеч, Оскол; Стародуб и Брянеск со всеми их выходы и даньми, и з землями, и водами..." (Акты ЗР. Т. 2. № 6. С. 4–5).

[14] Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 260. (Далее: ПСРЛ).

[15] Там же. С. 238.

[16] *Kuczyński S.M.* Ziemie... S. 184–185; *Idem.* Jahołdaj i Jahołdajewicze, lenni książęta... S. 223.

[17] *Spuler B.* Die Goldene Horde. Leipzig, 1943. S. 160–161.

[18] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 418.

[19] Первыми к этому выводу независимо друг от друга пришли М. Грушевский и А. Прохаска: *Грушевський М.* Історія України–Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4: XIV–XVI віки – відносини політичні. С. 457–462; *Prochaska A.* Z Witoldowych dziejów: Układ Witolda z Tochtamyszem 1397 r. // Przegląd historyczny. 1912. T. 15. S. 259–264.

[20] *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі: (До питання про татарську Україну) // Східний світ. 1928. № 2. С. 170–187; *Он же.* Східня межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV ст. // Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського. Київ, 1928. Т. 1. С. 165–167; см. также: *Назаров В.Д.* Ярлык Хаджи-Герая Казимиру IV и русско-литовские отношения // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 57–60.

[21] Петрунь Ф. Ханські ярлики... С. 177. Не вдаваясь в генеалогический аспект данной проблемы, отмечу, что в этой работе Ф. Петрунь очертил пределы Яголдаевой "тьмы", причем точно так же, как это шестью годами позднее сделал Ст. Кучиньский. Последний, по-видимому, не был знаком с этой статьей, так как в своих публикациях он ссылается только на "Східню межу..." Ф. Петруня.

[22] *Петрунь Ф.* Ханські ярлики... С. 176–177, 186. Исследователь исходил из представления, что Курск был разрушен в 1278 г. и все позднейшие о нем упоминания "мемориальны" и не более, чем "синоним для тьмы Яголдая Сараевича, занявшей тут место прежнего славянского феода; в этом смысле Яголдай был в определенной мере продолжателем известного баскака XIII в. Ахмата".

[23] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 28. Примеч. 2.

[24] *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów. Wilno, 1860. T. 1. N 746. S. 331.

[25] *Kuczyński S.M.* Jahołdaj i Jahołdajewicze, Ienni książęta... S. 224.

[26] *Kryczyński S.* Początki rodu książąt Glińskich // Práce historyczne w 30-lecie działalności profesorskiej St. Zakrzewskiego. Lwów, 1934. S. 404–405. Исследователь предположил, что Яголдай перебрался в пределы Литовского государства либо вместе с предком Глинских Мансур-Киятом в 1380 г., либо с Тохтамышем в 1397 г.; неясно, почему с ним не полемизировал Ст. Кучиньский

(упомянув его работу в своей монографии (Ziemie... S. 195. Pr. 556), он лишь констатировал, что она не содержит ничего нового о происхождении Глинских).

[27] Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106, 108.

[28] Опускаю упоминание П. Клепатского о князе Борисе Яголдаевиче (*Клепатский П.Г.* Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. Т. 1: Литовский период. С. 293), представляющее собой опечатку или описку автора.

[29] Архив ЮЗР. Киев, 1883. Ч. I, т. 6. № 15. С. 31.

[30] *Клепатский П.Г.* Указ. соч. С. 293, 450.

[31] *Яковенко Н.М.* Вказ. праця. С. 330.

[32] LM. N 601. P. 440–441. Данный акт Сигизмунда I представляет собой "потверженье" прежних "данин" Яцку Ельцевичу, часть которых восходит ко временам его предшественника на престоле Александра (1492–1506).

[33] В сущности, акт 1497 г. замыкает цепь известий Метрики о сыне пана Митька Голенки Федьке, фигурирующем в 4-й книге записей как Голенка и Соленчич (искаженное при копировании Голенчич): РИБ. Т. 27. Стб. 197, 232, 315, 316 (1486, 1489 гг.).

[34] Ее судьба обсуждалась во время московско-литовских переговоров в 1511 г.: Сб. РИО. Т. 35. С. 495; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1915. Кн. 21. С. 100. № 143; С. 101–102. № 151.

[35] Акты ЛМ. Варшава, 1897. Т. 1, вып. 2. № 684. С. 143 (здесь из-за отмеченного выше смешения копиистом букв "с" и "г" Гагин назван Сасиным; верное прочтение: *Клепатский П.Г.* Указ. соч. С. 183); Архив ЮЗР. Ч. VII, т. 1. С. 625.

[36] LM. N 177. P. 175.

[37] Ibid. N 315. P. 257; N 379. P. 287.

[38] Ibid. N 601. P. 440–441. Нельзя согласиться с Н. Яковенко, утверждающей, что Левковичи были выслужены Ельцами у Олелька и Семена Олельковича (Указ. соч. С. 175); то же, кстати, относится и к Козаровичам и Ождилову, представлявших собой "данины" Александра Казимировича и Сигизмунда I.

[39] Отметим, что в России род Гагиных имел продолжение: известны сын Михаила Василий и его внук Юшко (*Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 64).

[40] Заслуживает внимания, что сам Гагин контактировал с Ельцами еще в конце 1480-х гг.: РИБ. Т. 27. Стб. 305 (Михаил Гагин назван здесь Сасиным).

[41] Впрочем, она продолжала существовать в "виртуальной реальности" татарских ярлыков XVI в.

[42] *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI–XVIII ст. Харьков, 1886. Т. 1. С. 2, 4.

[43] *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 247; *Клепатский П.Г.* Указ. соч. С. 293; *Петрунь Ф* Ханські ярлики... С. 178; *Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1928. Кн. XX. С. 127.

[44] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 368. Л. 537 об. Очевидно, что подобная локализация Милолюбля полностью исключает возможность соотнесения с ним летописного известия о том, что в 1405 г. "Витовт поиде к королю Ягайлу, а Ягайло поиде к Витовту, и снидостеся вкупе в граде Милолюбе; бе же ту с ними и Киприян

митрополит, и пребываша вкупе неделю и раззидошася разно" (Московский летописный свод конца XV века. С. 233), в котором П. Клепатский усматривал первое упоминание о данном пункте (Указ. соч. С. 292–293).

[45] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 368. Л. 125, 127 об., 128 об., 130, 131–131 об., 139, 140 об., 142, 156 об.

[46] *Петрунь Ф.* Ханські ярлики... С. 177.

[47] В частности, А. Насонов выступил против толкования Ф. Петрунем термина Яголдаева "тьма" (как территории, охватывавшей Мужеч, Милолюбль, Оскол), считая, что грамота Менгли-Гирея "ставит под сомнение", а грамота Сагиб-Гирея (1540 г.; опубл.: Акты ЗР. Т. 2. № 200. С. 363; РИБ. Юрьев, 1914. Т. 30. Стб. 78–79) "совершенно исключает" такое понимание текста ярлыка (*Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 28. – Примеч. 2). Между тем это прочтение подкреплено у Петруня "списком городов Свидригайла" и грамотой 1497 г. о разделе Яголдаевщины; что же касается собственно ярлыков, то не может не удивлять, что А. Насонов апеллировал к их позднейшей, полной искажений, версии.

[48] *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 28–29. Примеч. 2.

[49] *Яковенко Н.М.* Вказ. праця. С. 171–172.

[50] *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 28. Примеч. 2.

А.О. Ахмедова, С.И. Муртузалиев

МИГРАЦИИ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ (середина XIII – начало XVII века)

Гибель Второго Болгарского царства была обусловлена целым рядом факторов: феодальной раздробленностью, междоусобными войнами, внешнеполитическими осложнениями и т.д. Значительную роль в дестабилизации ситуации, в разорении, а затем и в разгроме Болгарского царства сыграли неоднократные вторжения тюркских кочевников, нашествия монгольских войск и сокрушительные удары османских завоевателей, сопровождавшиеся колонизацией болгарских земель татаро-юрюкскими племенами.

Наша статья посвящена некоторым аспектам военного "присутствия" на Балканах указанных выше этносов и их роли в истории Болгарии в период с середины XIII до начала XVII в.

В первое половине XIII в. монголо-татарское нашествие положило конец военно-политической активности половцев на Балканах, и уже в 1241 г. царю Ивану Асеню II (1218–1241) пришлось отражать первое монгольское вторжение в северо-восточные земли Второго Болгарского царства. После его смерти положение Болгарии стало ухудшаться[1].

При малолетнем наследнике Асеня II Коломане I (Калимане), которого в 1241–1246 гг. опекал регентский совет, царство не смогло противостоять новому вторжению монгольских войск, возвращавшихся после опустошительного похода в Европу (Польшу, Венгрию, Австрию, Хорватию и Сербию), и в 1242 г. Болгария превратилась в данницу империи Чингизидов. Тырновский владетель начал комплектовать из отрядов феодалов и наемников (в том числе наемной монголо-татарской конницы) войско. Разорение Болгарии монголами послужило поводом "к началу острой борьбы группировок господствующего класса. Болгария более чем на полстолетия стала ареной гражданских войн, во время которых на ее престоле сменилось восемь государей. В междоусобную борьбу активно вмешивались Византия, Венгрия, Латинская империя, монголо-татары". Раздробление страны привело к обострению междоусобной борьбы. Византийский василевс Михаил VIII Палеолог (1261–1282) заключил с монголо-татарами и венграми союз против Болгарии. С 1273 г. монголо-татары стали систематически разорять Болгарию опустошительными набегами[2].

К 1277 г. внутреннее положение Болгарского царства резко осложнилось из-за вспыхнувшего в северо-восточных районах (Добружда) ан-

тифеодального крестьянского восстания, которым руководил свинопас Ивайло по прозвищу Лахана (Капуста) или Бырдоква (Лук-Латук). В нескольких сражениях он в том же году наголову разбил "соседних ему татар, совершавших нападения всякий день (ежедневно. – *Авт.*)", и вынудил их уйти за Дунай. Летом 1278 г., когда татары попытались вернуться, Ивайло вновь отбросил их за Дунай. После гибели в битве с повстанцами царя Константина Тиха Асеня (1257–1277) Ивайло взял в союзники своего бывшего врага Касим-бека, лишенного Иваном Мицо (Асень III) титула протостратора (главнокомандующего). Объединенные силы Ивайло и бека весной 1279 г. разгромили войска Ивана Асеня III и подошли к Тырнову. Ивайло был провозглашен царем и принялся укреплять оборону страны.

В поисках союзников для борьбы с Иваном Асенем III, объединившимся с лидером столичного болярства Георгием Тертером (Асень выдал за него сестру, пожаловал титул деспота и отнятую у Касим-бека должность протостратора), Ивайло обратился за помощью к могущественному темнику Золотой Орды Ногаю, но во время пира в ставке темника был вместе с Касим-беком по приказу Ногая убит[3].

В период правления Георгия I Тертера (1280–1298), ставшего царем после бегства Асеня III в Месемврию, а затем в Константинополь, Тырновское царство и самостоятельные владетели Шишман, Дрман и Куделин попали в зависимость от Ногая. В 1282 г. Тертер принял участие в формировавшейся против Византийской империи коалиции, которая вскоре распалась, и вступивший на престол василевс Андроник II (1282–1338) направил союзных ему монголо-татар против Болгарии. В 1285 г. по вине болярской оппозиции царю страна подверглась особенно жестокому нашествию последних и вновь признала свою зависимость от Ногая, в ставку которого в качестве заложника отправился сын царя, а затем и его дочь, ставшая женой сына Ногая Чаки.

В 1292 г. Ногай изгнал Тертера с престола и возвел на него Смилеца (1292–1298). В 1299 г. Ногай погиб во время междоусобной борьбы со своим соперником ханом Токту (Токта). Доверие нового хана Золотой Орды завоевал Федор (Тодор) Святослав Тертер (1300–1321), который погубил сына Ногая Чаку, бежавшего в 1300 г. из Орды и менее чем на год захватившего тырновский престол. В знак признательности за устранение Чаки Токту вернул новому болгарскому царю задунайские земли до нижнего течения Днестра и ряд других территорий. Болгария освободилась от монголо-татарской зависимости.

Однако уже в первые десятилетия XIV в. на территории Балкан стали появляться тюркские отряды из Эгейских эмиратов. Вызвано это было тем, что в 40–60-е годы балканские государства вели почти непрерывные войны. В междоусобных распрях растрачивали силы и болгарские правители. В этих условиях началось вторжение на полуостров нового общего для южнославянских народов врага – турок-османов. Причем правители сами втягивали турецких эмиров в свои конфликты, разоряя с помощью их отрядов земли противников, подвергая местное население жестокому грабежу и насилиям.

Вначале турки переправлялись на Балканы эпизодически, но в 1352 г. сын османского бея Орхана (1324–1360/62) Сулейман-паша, прибыв с небольшим войском на европейский берег Дарданелл, обосновался около Галлиполи (Гелиболу). В 1354 г. он захватил эту и другие близлежащие византийские крепости и стал быстро расширять пределы этого первого турецкого плацдарма на Балканах. Так началась продлившаяся более столетия эпоха завоевания и колонизации Балканского полуострова турками-османами.

Военная организация переселявшихся из Анатолии племен облегчала колонизацию завоеванных болгарских земель. Самыми многочисленными из переселенцев-кочевников были татары и юрюки[4].

Начальный этап колонизации имел для османских властей прежде всего военно-стратегическое значение. Сведения об организованном переселении номадских масс из Малой Азии в Румелию относятся ко времени правления султана Мурада I (1360–1389)[5].

Процесс колонизации в первую очередь зависел от политической ситуации, местных условий и ряда других факторов. В самой Анатолии в начальный период завоевания Балканского полуострова султанам постоянно приходилось гасить очаги недовольства не слишком надежных и не всегда покорных кочевников. С одной стороны, посредством переселений султаны рассчитывали разредить скопившиеся в Малой Азии массы кочевников. С другой стороны, перемещая их на болгарские земли (т.е. в этнически чуждую и даже враждебную среду), султанское правительство надеялось добиться от бывших мятежников, которым отныне не приходилось ждать поддержки ни от кого, кроме центрального правительства, "вынужденной лояльности". Важно отметить, что значительную часть среди переселявшихся по инициативе центральных властей колонистов-мигрантов составляли стихийные переселенцы.

В дельту Дуная еще в первой половине XIV в. переселились татары из Кипчакского ханства. В конце XIV в. к северу от них поселились татарские племена, руководимые эмиром Актавом (Актау). По свидетельству византийского историка Лаоника Халкокондила, предводители этого "множества татар" обещали султану Баязиду I (1389–1403) не нападать на его балканские владения, но не сдержали обещания и начали военные действия против турок. Именно тогда, по мнению В. Гюзелева, в феврале 1399 г., Варна была разграблена "безбожными татарами", о чем сообщает Несебрская хроника. Халкокондил добавляет, что позднее Баязид собрал татарских предводителей в одно место и приказал их уничтожить. Однако татары не были изгнаны с Балкан. Более того, согласно сведениям арабских и турецких источников, "татары Актава" были поселены в окрестностях Адрианополя, в Восточной Фракии, а затем расселились в западном направлении[6].

Местные легенды XV в. упоминают татар, живших в Пазарджике и Родопах[7]. В турецких переписях (тахрир дефтерлери) 1465–1467 гг. говорится, что "татары Актава" жили в Нахие Провадия, в селе Кырк; в переписи 1543 г. сказано о 21 оджаке "татар Актава", которые распо-

лагались в районах Чирмен, Филибе (Пловдив) и Эски-Загора (Стара-Загора).

В 1400–1402 гг. в результате войны Тимура (1370–1405) с Баязидом I и разгрома последнего в битве при Анкаре (1402 г.) около 100 тыс. татар, туркмен, огузов и других тюркских кочевников мигрировали на уже завоеванные балканские земли[8].

Следующее значительное переселение татар на Балканы произошло в 1418 г. Предводительствуемые Минет-бегом, они были расселены в основном в районе Пловдива и в окрестностях крепости Конуш (Асеновград) и, судя по более поздним свидетельствам, жили здесь и позже. Известно, что сын татарского вождя Минета – Мехмед-бег построил в Конуше имарет (мусульманское благотворительное учреждение) и караван-сарай[9].

Согласно переписи 1543 г., кроме "татар Актава", на болгарских землях расселились еще три группы татар, из которых наиболее многочисленными были "ямболские татары"[10]. О 34 оджаках, разместившихся в районе Пловдива, а также в окрестностях Ямбола, Русокастро, Провадии, Варны и Мангалии, в переписи 1456–1457 гг. говорится, что они относятся к "новопришедшим по морю" татарам[11].

Четвертая волна татар прокатилась в 1515 г. через всю Северную Болгарию – от Черного моря до Видина. В местах их следования появляется новое мусульманское население, идет процесс обращения болгар в ислам[12].

О масштабах татарской колонизации на Балканах можно судить по общему числу поселенцев-татар. По данным Н. Тодорова, в XVI в. 88 татарских, равно как и юрюкских, оджаков размещались "преимущественно на болгарских землях". Только в окрестностях Пловдива, Ямбола, Стара-Загоры, Чирмена насчитывалось 45 татарских оджаков[13]. Однако татарская колонизация болгарских земель, в целом весьма значительная, намного уступала по численности юрюкской.

Одним из первых объектов юрюкской колонизации и исламизации стали Восточные Родопы. Но суровый климат и мало плодородные земли не привлекали сюда колонистов, они предпочитали селиться в низменных, природопских областях[14]. Гористый ландшафт Неврокопа, видимо, не способствовал колонизации и этого района. Кроме того, избежали колонизации Северо-Западная Болгария, долина реки Места и Западные Родопы. Здесь тюркский (османский) контингент, как правило, был представлен лишь государственными чиновниками и держателями тимаров, хотя возможно, что юрюки кочевали в этих районах со своими стадами в летние месяцы. Ограниченное число юрюков поселилось в смежных с Родопами Марицкой и Эгейской низменностях[15].

Значительной юрюкской колонизации подверглись и остальные районы Болгарии. В первой половине XVI в. на территории от Драмы до Кешана насчитывалось 158 юрюкских оджаков. Если предположить, что в среднем каждый оджак объединял 25–30 человек, то это составит примерно 4–5 тыс. человек.

Переселившиеся из Малой Азии юрюки являлись преобладающей частью мусульманского населения в Северной Фракии. В первой половине XVI в. в районах Стара-Загоры, Ямбола и Казанлыка насчитывался 91 юрюкский оджак, в районах Пловдива и Татарпазарджика – 65, Хасково – 3, Карнобата – 13[16].

Западные болгарские земли в первое время после завоевания тюркские кочевые и полукочевые племена осваивали сравнительно медленно.

Колонизация Северо-Восточной Болгарии, по данным болгарских ученых, особенно активно происходила не во второй половине XV и начале XVI в. (как считалось прежде), а в 30–40-х годах XVI в.: на этой территории обосновались 26 салоникских и 103 танрыдагских оджака юрюков, но это вместе с Добруджей. В итоге общее число юрюков в XVI в. в балканских владениях Османской империи превышало 40 тыс. семейств, т.е. примерно 230–250 тыс. человек. В XVI в. компактные массы мусульман проживали в междуречье Марицы и Вардара, а также в Причерноморье[17].

Но в конце XVI – начале XVII в. начался обратный процесс – возвращение части тюркского населения в Малую Азию и переселение его в другие районы Османской империи. Выяснение причин этого отлива выходит за рамки нашей темы. Отметим только, что одним из факторов (наряду с такими, как кризис тимарной системы, расширение Османской империи и проч.) мог быть "демографический взрыв": например, численность населения в ряде балканских владений Высокой Порты с 1520 по 1580 г. увеличилась на 71%. Бурный рост городского и сельского населения на Балканах в XVI в. начался раньше, чем в Анатолии, и мог вызвать обратную миграцию. Сокращению численности татарских и юрюкских оджаков, вероятно, способствовало и слияние этих племен с остальным мусульманским населением[18].

В самом начале XVII в. число оджаков налдекёнских юрюков в районе Стара-Загоры сократилось с 66 до 16, Пловдива – с 46 до 21, Татарпазарджика – с 19 до 9. В Никополе и Силистре число танрыдагских юрюков (их было почти в 2 раза больше, чем налдекёнских) сохранялось дольше. Вместе с юрюками в XVII в., по-видимому, выселялись и татары: находившийся в Визе оджак "татар Актава" упоминается в регистре 1642 г. в последний раз. Однако факты не подтверждают тезис ряда исследователей, что "массовая тюркская колонизация (на Балканах. – *Авт.*) иссякла... уже в XV в."[19] На наш взгляд, говорить о том, что массовая колонизация тюркскими племенами болгарских земель если и не прекратилась вовсе, то заметно сократилась, пошла на убыль, можно лишь применительно к концу XVI в.

На завоеванные османами болгарские земли переселялось и оседлое тюркское население. Этот второй, земледельческий тип колонизации отличался от экстенсивной кочевнической. Он сопровождался освоением заброшенной в период военных действий земли, изъятием участков у оставшегося местного населения, вытеснением какой-то его части в неплодородные районы, в горы. Это приводило, в частности, к

возрастанию роли животноводства в сельском хозяйстве местного населения. Например, в 1479 г. болгары были вынуждены покинуть с. Бранковцы в Северо-Западной Болгарии. О подобных же случаях свидетельствовал в 1553 г. посланник габсбургского двора де Бусбек[20].

Часть болгар сама уходила в горы, подальше от произвола турецких чиновников. Однако в отношении тех из них, кто самовольно покидал обрабатываемые земли, османские канун-наме (законодательные акты) предписывали следующее: "собирать райятов, разбежавшихся из тимаров"[21]. На наш взгляд, этот "закон" свидетельствует о том, что османские власти были заинтересованы в сохранении на обрабатываемых площадях основной массы местного населения и пытались регулировать освоением завоеванных земель. Кроме того, в каждой болгарской деревне предписывалось поселять двух-трех колонистов или уже обращенных в ислам болгар, так называемых сыновей Абдуллаха, создавая тем самым социальную и идеологическую опору султанской власти в деревне[22].

Цель земледельческой колонизации очевидна. Кочевническая колонизация сильно обезлюдевших областей не всегда давала ожидаемые результаты. Непривычные к оседлой жизни, юрюки не задерживались, например в Елховском крае, и плодородная тунджанская долина испытывала острую нехватку рабочих рук. Этим можно объяснить появление в турецких документах наряду со сведениями о юрюках и татарах приписок о поселении в ряде здешних сел "христиан из других мест"[23]. К сожалению, в этих документах не всегда указано, из каких именно "других мест", но можно предположить, что часть пришлого населения была из западных и юго-западных областей Болгарии.

Интересы казны, а также турецких феодалов требовали все большего числа зависимых крестьян. Незначительные размеры пожалованной тимариоту земли и ограниченность квоты его рентных сборов служили стимулом, не только толкавшим сипахи (держателей условного земельного пожалования) на участие в завоевательных походах, но и способствовавшим развитию и расширению колонизации.

В переписи мюльков и вакфов Северной Болгарии (середина XVI в.) в с. Излатар (Златар, Шуменский округ) упоминается такая категория населения, как "сюргун" (т.е. переселенец, сосланный, изгнанник)[24]. К этой категории относились, в частности, те люди, которые переселялись из Малой Азии во вновь завоеванные земли. Много таких "сюргун" было в санджаке Силистра XVI в., который еще в предшествующее столетие подвергся интенсивной тюркской колонизации и исламизации. В канун-наме этого санджака прямо говорится о таких принудительно поселенных властями лицах и указывается, что, если новые переселенцы "придут из Анатолии и застанут в упомянутой ливе (санджаке. – *Авт.*) сосланных родных", то пусть знают, что "они также из категории сосланных". Это наводит на мысль о том, что центральные органы власти пытались создать среди колонистов некую особую категорию, отличную по статусу от остальных райятов[25].

О заинтересованности властей в прикреплении колонистов к земле свидетельствует "Закон султана Мехмед-хана II" (1444–1446, 1451–1481), в котором говорится о татарах, державших "землю как реайя". В связи с переходом татар и юрюков к оседлому образу в "Законе о Визе" от 1539 г. даны специальные указания. Принимались и специальные законы о юрюках. В канун-наме султана Сулеймана I Кануни (1520–1566) речь идет о юрюках, которые стали оседлыми и обрабатывают землю, "зарегистрированную на их имя", а также о юрюках, которые "не имеют места для земледелия около своих жилищ, а обрабатывают чужие земли". Однако переход на оседлость не означал, что эти колонисты исключались из османской военной организации и переставали участвовать в турецких завоеваниях. В "Законе о юрюках" времен Сулеймана I Кануни записано: "... юрюки и татары разделены на группы, каждая из которых ... в случае военного похода..." выделяет и снаряжает определенное количество воинов. На основании доклада кадия из Стара-Загоры о большом числе умерших и в связи с этим о затруднениях "при сборе налога в пользу государства по 600 акче с каждого юрюкского оджака... велено провести новую перепись и пополнить личный состав юрюкских групп..." Особый интерес представляет "Закон о земле 1609 г.", который содержит ценную информацию о XVI в. В нем указывается, что если юрюки более десяти лет живут на одном месте, то "они перестают быть юрюками и остановятся реайей". Далее говорится о переходящих к земледелию юрюках. При этом в законе отмечается случай (со ссылкой на доклад к "подножию высочайшего трона" от 5 сентября 1576 г.), когда бей и черибаши (один из руководителей племени) юрюков явились в село, где осели юрюки, и стали требовать бесплатной еды себе и корма коням и нанесли ущерб владельцу села – сипахи. В законе 1609 г. говорилось, что юрюк, живущий в селе более десяти лет и записанный как реайя, платит дань сипахи, и предписывалось "впредь не допускать юрюкского бея (т.е. бывшего главу племени. – *Авт.*) притеснять подобных юрюков"[26].

Из этого документа следует, что государство защищало интересы сипахи и оседлых юрюков. Заинтересованные в увеличении доходов с тимаров, сипахи стремились заселить их максимальным числом крестьян и по этой причине являлись ярыми сторонниками продолжения политики колонизации и завоевания новых земель и народов. Известны случаи, когда сипахи отказывались от тимара, если не удавалось увеличить его население[27].

Говоря о заинтересованности государства в сохранении определенной части местных земледельцев, вряд ли следует искать здесь аналогии с завоеваниями раннефеодальных кочевых народов, которые сопровождались целенаправленным опустошением земледельческих стран: тогда кочевники создавали необходимые условия для скотоводства. У османов райяты (податное население) – это "казна падишаха", а не обеспеченный достаточной рабочей силой тимар, который стоил немного. И наконец, сама тимарная система не могла бы сложиться при условии тотального истребления земледельческого населения. Та-

ким образом, умышленный массовый сгон или постоянная "очистка" болгарских земель для заселения их колонистами мало вероятны, тем более что в ходе военных действий, а затем отдельных массовых депортаций и без того было разорено и опустошено значительное количество территорий, пригодных для обработки. Поэтому естественна заинтересованность государства в поселении новых людских масс на месте убывших.

О заинтересованности турецких властей в быстром хозяйственном оживлении своих европейских владений свидетельствует и распространение на Балканах института вакфов. Значение их в социально-экономической и политической истории Османской империи изучаемого периода несомненно и многогранно. В XV–XVI вв. роль вакфов в деле колонизации и исламизации значительно возрастала. Это объясняется, во-первых, ростом их экономической мощи; во-вторых, увеличением численности вакфов; в-третьих, использованием более совершенных, чем прежде, методов идеологической обработки как христианского, так и мусульманского населения.

В систему вакфа были включены и села, и города. Города подвергались более интенсивной, нежели села, колонизации, именно в них оседала первая волна переселенцев. Отмечая большое значение вакфов в развитии городов, В. Мутафчиева считает, что "о балканских городах под османской властью... можно сказать: города – это вакфы"[28]. В начале XVI в. доходы 9 из 177 балканских городов, находившихся на занятой турками территории, полностью поступали вакфам, в том числе Варны и Ихтимана. В XVI в. вакфу Яхъя-паши в Софии принадлежали 40 лавок, безистан (рынок), 8 постоялых дворов, 4 мельницы, караван-сарай и 2 жилых дома, в Никополе – 127 лавок, 52 постоялых двора, жилой дом, склад и караван-сарай[29].

Еще при Мураде II (1421–1444, 1446–1451) были созданы вакфы в окрестностях Стара-Загоры, Казанлыка, Нова-Загоры, Пловдива, Анхиало и др. В вакф Баязида II (1481–1512) были включены значительные территории под Кызылагачем, Пловдивом, Никополом, Ямболом и Чирменом. Сулейман I передал в вакф часть болгарских сел в районе Стара-Загоры, Пловдива, Кызылагача и Татарпазарджика. Как известно, весь доход султанских вакфов (до Селима II) расходовался на религиозные, благотворительные, образовательные и культурные нужды в общеимперском масштабе, а также на строительство соответствующих учреждений. Создание на болгарской территории имаретов, мечетей, караван-сараев и т.п. приводило к возникновению в каждом вакфе крепкого ядра из мусульман. Эти мусульманские комплексы служили надежной опорой и поддержкой для кочевых тюркских племен, для поселявшихся (оседавших) на земле вакфа мусульман, для исламского духовенства и т.п. Оценивая эту роль вакфов, В. Мутафчиева отмечает, что «в балканских вакфах мусульманское духовенство состояло не только из "колонизаторов", но и из "исламизаторов" (если принять по аналогии такой термин)». Основанием для такого вывода служат входившие в вакфную систему территории в Восточной Фракии, в Северо-

Восточной Болгарии, а также в Северных и Восточных Родопах, где турки "добились бóльших успехов в деле исламизации и ассимиляции болгар, чем в других областях"[30].

Таким образом, с XV по конец XVI в. механизм влияния Порты на демографическую картину в болгарских землях включал различные средства воздействия, которые в XVI в. привели к значительному увеличению численности тюркско-исламского элемента.

Восстановленная цепь событий позволяет выделить несколько этапов в динамике миграций тюркских кочевников в болгарские земли в период с середины XIII до начала XVII в.

Первый этап связан с действиями монголо-татарских орд и охватывает время с середины XIII в. до1300 г.

В рамках этого этапа можно выделить период эпизодических грабительских набегов (40–80-е годы XIII в.), как самостоятельных, так и по "приглашению" борющихся за власть правителей Болгарии, Византии и других государств.

Следующий период начинается с 90-х годов XIII в. Династические распри между болярами способствуют укреплению тюркских позиций в регионе. Болгарские владетели попадают в зависимость от монголо-татарских правителей, которые в значительной степени определяют их внутреннюю и внешнюю политику вплоть до 1300 г., когда по собственному волеизъявлению даруют болгарам свободу.

Второй этап связан с появлением на исторической арене турок-османов, которые от эпизодических грабительских набегов на болгарские земли переходят в середине XIV в. к колонизации завоевываемых земель.

В миграционные процессы, связанные с завоевательными походами, были вовлечены люди разного социального статуса. Перемещение значительных масс тюркского населения из Малой Азии в Румелию было характерной чертой османской политики, причем значительную часть мигрантов составляли стихийные переселенцы.

В конце XIV – начале XVI в. значительную часть колонистов в болгарских землях составляли татары: в XIV в. – "татары Актава", в 1402 г. – новая волна тюркских кочевников, в 1418 г. – третья волна татар-переселенцев, а 1515 г. – четвертая волна татар прокатилась через всю Северную Болгарию.

Однако татарская колонизация болгарских земель значительно уступала численности переселенных сюда юрюкских племен, миграция которых продолжалась до середины XVI в.

Третий этап – заключительный – связан с "отливом", т.е. с возвращением, части тюркского населения в Малую Азию и переселением его в другие районы Османской империи в конце XVI – начале XVII в.

Подводя итоги рассмотренного нами процесса, можем отметить справедливость суждения ряда исследователей относительно того, что поселение в болгарских землях кочевников из Малой Азии приносило османской феодальной верхушке явные "дивиденды": Малая Азия очищалась от нестабильных социальных элементов, и в то же время расши-

рялась опора турецкой власти на завоеванных болгарских землях. Поселение кочевников, которые вели экстенсивное скотоводческое хозяйство на разоренных землях, было наиболее эффективным способом их хозяйственного использования в тех реальных условиях.

Наряду с продолжавшимся в XV–XVI вв. заселением тюрок-кочевников производилось и систематическое поселение на болгарских землях носителей более совершенного типа хозяйства – оседлого земледельческого тюркско-исламского населения. Одновременно с крестьянами-колонистами в болгарских землях поселялись мусульманские ремесленники и торговцы, дервиши, османские феодальные элементы всех рангов (сипахи были одной из наиболее многочисленных групп), а также чиновничество и духовенство. Таким образом, сразу определились три направления турецкой колонизации – крестьянское, торгово-ремесленное и феодальное. О размерах колонизации в сельской местности свидетельствует тот факт, что она получила отражение и закрепление в государственных правовых установлениях: канун-наме Мехмеда II и ряде местных канун-наме, например Видина и Силистры. Мусульманское заселение городов велось несравненно активнее, чем сельской местности, и означало захват сети важных экономических и военно-политических центров и установление турецкого контроля над страной.

Важную роль в этой колонизации сыграла вводимая завоевателями "система вакфа". Вакф являлся не только социально-экономическим, но и идеологическим институтом. Султаны, передавая в распоряжение вакфов различные доходы с сельского населения, таможенные пошлины, сборы с городского имущества и т.д., превратили их в центры мусульманской пропаганды и распространения ислама и одновременно в опорные пункты для дальнейшей экспансии на Балканском полуострове.

Итак, колонизация болгарских земель, безусловно, позволила османам закрепиться и освоить новые земли. Высказанное турецким ученым О.Л. Барканом мнение, что османские власти не только руководили колонизацией на Балканах, но и придавали ей большое политическое значение, сомнения не вызывает. В то же время, и это показал Н. Тодоров, тюркские полукочевые племена не играли на Балканах той роли, какую они играли в Анатолии[31]. Поэтому утверждение О.Л. Баркана, что именно длительность колонизации, а также численное и потенциальное превосходство турок над завоеванными народами вынуждали последних принимать ислам и усваивать новый язык[32], представляется недостаточно обоснованным и убедительным.

[1] *Бибиков М.В.* Болгария, Русь, Византия, половцы в системе международных отношений в Юго-Восточной Европе XII – первой половины XIII в. // Русско-български връзки през вековете. С., 1986. С. 104–105.

[2] Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 142, см. также С. 136, 144.

[3] См.: Из "История" от Георга Пахимер // Христоматия по история на България С., 1983. С. 81–84.

[4] *Еремеев Д.Е.* Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969. С. 18. Юрюки на Балканах – это кочевые племена, составлявшие некое этническое целое, несколько родственных этнических групп, в том числе татар-ногайцев, которые переселялись на Балканы из Южнорусских степей и Крыма после распада Золотой Орды (начало XVI в.).

[5] *Желязкова А.* Разпространение на исляма в западнобалканските земи под османска власт (XV–XVIII вв.). С., 1990. С. 56.

[6] *Гюзелев В.* Средновековна България в светлина на нови извори. С., 1981. С. 209, 220–221.

[7] *Захариев Ст.* Географско-исторически статистически опис на Татар-Пазарджишката каза. Виена, 1870. С. 17.

[8] *Желязкова А.Л.* Етно-религиозни промени в част от Западнобалканските провинции на Османската империя през XV–XVIII век: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С., 1983.

[9] *Гюзелев В.* Указ. соч. С. 221–222.

[10] Названы по основному месту расселения (см.: *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков: Социально-экономическое и демократическое развитие. М., 1976. С. 60).

[11] *Gökbilgin M.T.* Rumeli'de yürükler, tatarlar ve Evlâd-i fatihan. Istanbul, 1953. S. 50, 70–71, 74.

[12] Турски извори за българската история. С., 1972. Т. 3: Серия XV–XVI вв. С. 371–372. (Далее: ТИБИ).

[13] *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков. С. 61; *Он же.* За демаграфското състояние на Балканския полуостров през XV–XVI в. // Годишник на Софийск. ун-т. Философско-ист. ф-т. 1959–1960. Т. 1–3, кн. 2. С. 219–220.

[14] *Gökbilgin M.T.* Rumelinde iskâninde ve türklešmesinde yürükler // III Türk tarih kongresi. Ankara, 1948. S. 653.

[15] *Димитров Ст.* Демографски отношения и проникване на исляма в Западните Родопи и долината на Места през XV–XVII век // Родопски сборник. С., 1965. Т. 1. С. 64–114; *Петров П.* Съдбоносни векове за българската народност: Края на XIV век – 1912 година. С., 1975. С. 174, 178, 195–197.

[16] *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков. С. 61–62.

[17] *Петров П.* Указ. соч. С. 239–246, 267; *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. М., 1971. С. 141.

[18] *Златев Л., Дмитров Ив.* Етно-демографско развитие на Русе и Русенско през османското иго (XV–XIX в.) // Исторически преглед. 1986. № 10. С. 61; *Мейер М.С.* Особенности демографических процессов в Османской империи XV–XVI вв. и их социально-экономические последствия // Демографические процессы на Балканах в средние века. Калинин, 1984. С. 16.

[19] *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков. С. 61; *Гюзелев В.* Указ. соч. С. 221; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 31.

[20] *Петров П.* Указ. соч. С. 290; Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV–XVI в. С., 1979. С. 217.

[21] Аграрный строй Османской империи XV–XVI вв.: Документы и материалы. М., 1963. С. 35.

[22] *Стоянов В.* Личните имена и прозвището "Абдуллах" в османотурските документи // Исторически преглед. 1986. № 1.

[23] *Гроздановa Е.* Промени в поселищната мрежа и демографския облик на Елховския край през XV–XVII в. // Там же. 1979. № 6. С. 112–119.

[24] ТИБИ. 1972. Т. 3. С. 463.

[25] *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков. С. 61–62; ТИБИ. 1964, Т. 1. С. 263; 1972. Т. 3. С. 463.

[26] ТИБИ. 1964. Т. 1. С. 23–25, 53, 155, 255–256, 306–307.

[27] ТИБИ. 1972. Т. 3. С. 20, 21, 25, 26, 464–465.

[28] *Мутафчиева В.* Основни проблеми в изучаването на вакъфа като част от социално-икономическата структура на Балканите под османска власт (XV–XIX в.) // Проблеми на балканската история и култура. С., 1979. С. 123.

[29] *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков. С. 85. *Мейер М.С.* Роль вакфов в развитии городов Османской империи в XV–XVI вв. // Общество и государство на Балканах в средние века. Калинин, 1989. С. 13.

[30] *Мутафчиева В.* Указ. соч. С. 107–108, 124.

[31] *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков. С. 34, 59–60.

[32] *Barkan O.L.* Osmanli imparatorluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak sürgünler // Iktisat fakültesi mecmuasi. Istanbul, 1949–1950. T. 2. S. 524–529.

С.Ф. Орешкова

ЮРЮКИ – МУСУЛЬМАНСКИЕ КОЧЕВНИКИ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (XV–XVII)

Термин "юрюк" происходит от общетюркского глагола *юрюмек*, означающего *ходить, двигаться, путешествовать, идти* походом и т.п. Следовательно, его буквальное значение – *идущий, переходящий с места на место, бродяга*, а возможно, и *кочевник – номад*. В этом последнем смысле он и употреблялся с османское время. Однако юрюками называли не всех кочевников (göçeve – *тур.*), а определенную их группу, кочевавшую на западе Анатолии и Балканах. Именно на Балканах юрюки были оформлены в особую корпорацию вспомогательного войска, выделены как некая социальная группа из всей массы тюрко-мусульманского населения этого района.

Термин "юрюк" (множ. "юрюки") впервые появляется в XV в.[1] Он используется в османских хрониках того времени, например у Оруджа и Ашикпашизаде[2]. Именно так назывались ими те тюркские племена, которые начали переселяться в Румелию (т.е. в европейскую часть завоевываемой османами территории) уже при Орхане (1324–1360/62). Тогда сыновья этого османского бея Сулейман и Мурад не только совершали набеги на византийскую территорию, но и впервые попытались создать там румелийское бейлербейство – объединенное военное управление вновь завоеванных земель. Так началась турецкая колонизация балканского региона, означавшая его хозяйственное освоение и административное подчинение. Это стало возможным не только благодаря завоеванию, но и в результате значительной миграции тюркского населения в этот регион, что сопровождалось ассимиляцией им отдельных групп местного населения и обращением части христиан в ислам. Однако массовая тюркизация и исламизация не были политикой Османского государства. Немусульмане объединялись в так называемые миллеты, т.е. религиозные общины, позволявшие им сохранять свою веру и культуру, проживая в условиях мусульманского государства и господства ислама как государственной религии. Охраняя этнорелигиозные особенности своих членов, миллетная система предписывала им, однако, уплату повышенных податей и некоторые ущемления в гражданских правах. Подобные же, хотя и в меньшей степени, ограничения в правах и особенности в налогообложении существовали и для отдельных групп мусульманского населения, что подтверждает пример юрюков.

В первые века османских завоеваний характерной чертой османской колонизационной политики было поощрение значительных масс

анатолийского населения к переселению на Балканы. Турецкие исследователи отмечают три организующих фактора в этих переселениях[3]: 1) предоставление земли и доли налоговых сборов с местного населения османским воинам, т.е. формирование так называемой тимарной системы; 2) создание в завоеванных районах мусульманских благотворительных и религиозных учреждений (вакфов) и, наконец, 3) насильственное переселение как местного населения, так и самих завоевателей, в том числе и кочевников, и их включение в новую османскую армейскую структуру. История юрюков связана с этим последним методом османской колонизации завоеванных земель.

Следует подчеркнуть, что именно в Румелии, обосновываясь среди населения, отличавшегося от завоевателей в этническом, религиозном, культурно-хозяйственном отношении, имевшего опыт самостоятельного государственного строительства, османы вырабатывают наиболее четкие формы собственных государственных и общественных институтов и начинают строго регламентировать права и обязанности всех членов складывавшегося османского общества. Известно, что регламентация поведения человека, его хозяйственной деятельности, отношений в быту, строгая включенность в те или иные общественные структуры и т.п. вообще характерны для любого исламского общества. Ислам, как последняя по времени возникновения мировая религия, был призван "подтянуть" к уровню мировой цивилизации огромную варварскую периферию. Для этой-то цели ему и нужны были эти регламентации. В Османской империи они внедрялись особенно последовательно и широко. Строя свое общество и государство в чуждой этнорелигиозной среде, опираясь на нее, используя ее достижения и во многом благодаря этому ускоряя свое собственное общественное развитие, османы регламентировали налоги, ренты, цены, правила землепользования и ремесленного производства, структуру религиозных общин, одежду, допустимую для тех или иных групп населения, и всевозможные церемониалы. Все это, в большом и малом, на первых порах способствовало ускоренному развитию османского общества, но постепенно стало превращаться в оковы, тормоз, порождая застой и кризис, осознаваемые османским обществом уже к концу XVI в.

Тем не менее именно благодаря румелийскому опыту были достигнуты многие успехи османского государственного строительства. Тимарная система, охватывавшая территориально-управленческую, земельную и военную сферы, стала опорой османской государственности, распространившись на всю Анатолию. Османское государство, являясь "единственной подлинно военной державой средневековья", в хозяйственном плане стало опираться на земледелие, транзитную торговлю и отчасти ремесленничество. В результате этого кочевое хозяйство и кочевники перестали быть столь значимы для государства, как в первый период его становления.

История юрюков показывает, что государство в новых исторических условиях уже не могло больше пользоваться старой тюркской практикой – сохранять кочевую вольницу, отправляя беспокойные племе-

на подвижных скотоводов все далее на запад. В XI–XV вв. тюркские правители этой практикой преследовали две цели: оградить города и села завоеванных земель, доставлявшие им основные доходы, от разбоя кочевых орд и использовать для новых завоеваний военные качества кочевников. Итогом такой политики явилось то, что лишь там, где миграционное движение кочевников наталкивалось на какое-то серьезное препятствие, произошло скопление крупных тюркских этнических масс. Потому-то тюркскими, как известно, стали Малая Азия и Азербайджан, области географически значительно удаленные от Средней Азии – истока тюрского движения[4].

Огузские племена, пришедшие в Малую Азию в XI–XIII вв., изменили этническую картину этого региона. Новое тюрко-мусульманское население создало здесь свое государство, и именно в нем начала формироваться та политическая, культурная и социальная среда, в которой в дальнейшем протекало складывание и развитие турецкой народности[5].

Позднее, в XIII в., в связи с большими этническими подвижками в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, вызванными монгольским завоеванием, в Малую Азию устремился новый миграционный поток. Появившиеся на западе Анатолии новые пришельцы являли собой в социальном, культурном, этническом и даже религиозном плане очень разнородную массу, многие в ней скорее были склонны к оседлой жизни, чем к продолжению кочевничества. Именно в монгольский и постмонгольский периоды намечается разрыв в уровне развития Восточной и Западной Анатолии. На востоке были сильнее кочевые традиции. Там сложились такие кочевнические государственные образования, как Кара Коюнлу и Ак Коюнлу.

К западу от Коньи во множестве бейликов, главенство среди которых постепенно захватывает Османский бейлик, несмотря на непрекращавшийся до XV в. приток переселенцев с востока[6], сильнее было стремление к оседлости, что поощрялось и правителями этих бейликов.

Первой попыткой помочь пришлому населению приспособиться к новой жизни и отказаться от вынужденного в период миграции кочевничества было создание полупрофессиональных воинских подразделений: пеших – яя и конных – мюселлем[7]. Включали в них лишь турок-мусульман. Запись осуществлялась кадиями (мусульманскими судьями). Вступить в ряды этого воинства считалось населением очень выгодным делом. Хроники сообщают, что опоздавшие к записи просили их записать запасными (ямаками) и даже пытались давать взятки кадиям, дабы их все-таки записали. Яя и мюселлем объявлялись "приближенными повелителя (хюнкары и хаслары)", что и отличало их от воинов племенного и бейского ополчения – акынджи и азапов. Именно они начали носить белые колпаки, принятые у османских воинов и в более позднее время. Их участие в военных действиях оплачивалось 1 акче в день. Для обеспечения жизни в мирное время они получали участок земли, который освобождался от уплаты налогов.

Популярность такого войска у османов и их соседей свидетельствует, во-первых, о том, что в западных бейликах было значительное ко-

личество людей, желавших "испоместиться" на землю и заняться крестьянским трудом; во-вторых, о том, что, создавая такие армейские подразделения и предоставляя их членам некоторые льготы (а именно налоговые и небольшой военный приработок), османские власти способствовали оседанию тюркского населения на землю и несколько облегчали ему этот процесс; в-третьих, наличие опоздавших, но стремившихся в такое войско означало, что приток нового тюрко-мусульманского населения в бейлик и вообще на запад Анатолии продолжался[8]. Однако войска яя и мюселлем, как подобные им пограничные службы воинов-крестьян в Византии (акриты), зачастую также состоявшие из тюрок[9], были эффективны лишь в обороне. Для наступательных войн они не подходили. В старых османских хрониках отмечается, что они становятся "непригодными" и заменяются новым войском (йени-чери – янычарами). Характерно, что османские султаны, убедившись в том, что тот или иной созданный ими социальный институт не отвечает поставленным целям, тем не менее не ликвидировали его, а лишь отдаляли от себя, переводя на более низкую социальную ступень в обществе. Воинов-крестьян (яя и мюселлем) постигла та же участь: их превратили в подразделения, несущие службу по очереди и выполняющие обслуживающие армию функции. Для нашей темы важно как то, что через эти институты значительные ранее подвижные массы тюркского населения приобщились к земледельческому труду, так и то, что в последующих источниках (главным образом XVII в.) военные подразделения яя, мюселлем, акынджи, цыгане, войнуки, джанбазы, гуреба упоминаются вместе с юрюками. Причем первые две категории по характеру службы и ее организации буквально одинаковы с юрюками. Все они в источниках названы племенами (таифе), которые делились на подразделения (оджаки)[10].

Юрюки – это те объединения племенного типа, которые в Западной Анатолии и в османский период сохранили скотоводческо-кочевое хозяйство и были отправлены как воины и как скотоводы для освоения балканских территорий. Их переселение освобождало земли бейлика для земледельческого населения и, казалось бы, вписывалось в уже упомянутую тюркскую традицию отправлять кочевников в пограничные районы для продолжения войн с неверными. Однако переселением юрюков преследовались в это время не завоевательные, а колонизационные цели. Им были строго предписаны те районы, где они должны были проживать[11]. В XV в. это Текирдаг, Коджакджик, Визе, Налдёкен (или Налдоган) и Акчаболу (или Офчаболу)[12]. С XVI до конца XVII в. к этим районам присоединились еще два – Янболу и Селяники[13].

Статус юрюков был определен еще в XV в.[14], есть его уточнение в кодексах законов Мехмеда II Завоевателя и Сулеймана I Кануни[15]. Первоначально за каждым оджаком юрюков были записаны 24 воина[16], с середины XVI в. их насчитывалось уже 30[17]. Им следовало выделять из своей среды пять человек – эшкинджи, отправляемых во время войн на армейскую службу. Остальные объявлялись ямаками, помощниками. Эшкинджи должен был быть вооружен и экипирован, снабжен про-

довольствием и всем необходимым на шесть месяцев. Осуществлялось это благодаря тому, что с каждого ямака взимали по 50 акче. Если первоначально эшкинджи были воинами, а все юрюки приписывались к военному сословию, то к XVII–XVIII вв. их стали использовать на подсобных работах – дорожных, на перевозках тяжестей, при ремонте крепостей, в приморских районах на верфях и даже как горнорабочих в рудниках[18].

Создавая строго регламентированную организацию кочевого населения, османские власти надеялись этим обуздать кочевую вольницу, поставив ее в определенные государством рамки. На первых порах это им удавалось. Племена юрюков находились на самообеспечении, имели кое-какие налоговые льготы, причем в сравнении не только с окружающим их земледельческим населением, но и с кочевниками Анатолии[19]. На Балканах они включали в свой состав некоторые другие этнические группы, сходные с юрюками по образу жизни (татар, отдельные подразделения влахов и т.д.)[20]. Тесно общаясь с христианским населением, они сыграли значительную роль в исламизации его части[21].

Вместе с тем, существуя как особая изолированная группа (даже отличившись в боях и получив тимар, юрюк не мог избавиться от статуса юрюка; беглых юрюков, как и податных крестьян, насильно возвращали в свое племя), находясь в полном подчинении у беев, юрюки постепенно теряли свою значимость для государства. После того как они выполнили ту миссию, которую предписывали власти в период турецкой колонизации Балкан, т.е. обжили и хозяйственно освоили выделенные им территории, юрюки уже не воспринимались ни как воины (не имели профессиональной подготовки), ни как особая, требующая государственной поддержки группа населения (типа тех, которые охраняли горные проходы, переправы и т.п. и потому имели в османском государстве некоторые налоговые льготы). Уже в XVII в. делались неоднократные попытки ввести юрюков в рамки обычного податного сословия (реайи)[22]. Это казалось властям логичным потому, что юрюки легче, чем другие кочевники, переходили к оседлости и начинали заниматься земледелием[23].

Показателем отношения к юрюкам в османском обществе может служить сообщение источника конца XVII в. о том, что материальное положение беев-юрюков не было тогда связано с численностью подчиненных им племен. Так, бей племенного объединения, проживавшего во второй половине XVII в. в районе Селяники и насчитывавшего 400 оджаков, имел от султана зеамет, дающий доход в 61 397 акче. Бей же второй по численности группы, проживавшей в районе Акчеболу (323 оджака), имел доход всего в 33 тыс. акче, что явно было несоизмеримо с числом его подчиненных. Следовательно, "кормление" бея определялось не значимостью и численностью племени, которое он возглавлял, а его личной заслугой или тем наследством, которое ему перешло от предков[24].

Наступление на права юрюков вызвало большое недовольство в их среде. Многие их племена в XVII–XVIII вв. вернулись в Анатолию. Ос-

тавшиеся были позднее объединены в особую военную организацию Эвляд- и Фатихан[25]. Не желая допустить оттока мусульманского населения с Балканского полуострова, османские власти, следовательно, не решились лишить потомков юрюков статуса военного сословия.

Племена юрюков до сих пор имеются в разных районах Западной и Южной Анатолии. Они выделяют себя из среды других кочевников, особенно тех, которые проживают на востоке страны и до сих пор называют себя туркменами, и даже из остального турецкого населения, говоря "я не турок, а юрюк". Тем не менее это явный компонент турецкой нации, имевший, однако, свою специфику в историческом развитии[26].

[1] *Refik A.* Anadolu 'da Türk Aşiretleri. Istanbul, 1930.

[2] *Aşıkpaşazade.* Tevarih-i Al-i Osman. Istanbul, 1913; Oruç bin Adil, Tevarih-i Al-i Osman. Hanover, 1925.

[3] *Barkan O.L.* Osmanlı Imparatorluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak Vakiflar ve Temlikler / Vakiflar Dergisi. Ankara, 1942. N 2; Osmanlı Imparatorluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak sürgünler // Inktisat Fakultesi Mecmuası. Istanbul, 1951; XI; 1953. XIII; 1955. XV; *Orhonlu C.* Osmanlı Imparatorluğunda Aşiretleri Iskân Teşebbüsü. Istanbul, 1963.

[4] Наиболее четко эта проблема сформулирована в неопубликованном черновом наброске работы В.В. Бартольда о восточных империях (Архив РАН. Ф. 68. Оп. 118. Л. 5а–6а). См. о ней: *Умняков И.И.* Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда. *Туманович Н.Н.* Описание архива академика В.В. Бартольда. М., 1976. С. 265–269.

[5] См.: *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. М., 1971. С. 45–124.

[6] *Köprülü M.F.* Les origines de l'Empire Ottoman. P., 1935.

[7] *Жуков К.А.* Османские хроники XV–XVII вв. о создании войск "яя и мюселлем". Turcologica. Л., 1986. С. 128–132.

[8] Подробнее об этом см.: *Орешкова С.Ф.* Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальных структур османского общества // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 7–10.

[9] *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XII вв. М., 1947. С. 236–255; *Oikonomides N.* L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux X–XI siècle et la Taktikon de l'Escorial. XIV-e Congrès intern. des ètudes byzantines. Rapports. Buc., 1971. II.

[10] См., например: Трактат Али Чауша из Софии о тимарной организации в Османской империи // Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв.: Документы и материалы. М., 1965. С. 102–103; *Хезарфен Х.* Телхис ал-бейан фи каваныни Ал-и Осман // Рукопись СПб., филиала ИВ РАН. Шифр 9–217. Л. 45а–49б и др.; см. также *Hezârfen Hüseyin efendi.* Telhîs ü'l-beyân fî kavânîn-i Al-i Osman. Ankara, 1998. S. 116–118 etc.

[11] *Halaçoğlu Y.* XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet Teşkilâtı ve Sosyal Yapı. Ankara, 1998. C. 111.

[12] *Uzunçaraşılı J.H.* Osmanlı tarihi. Ankara, 1947. T. 1. S. 561.

[13] Ibid. 1954. T. III. Pt. 2. S. 285.

[14] *Çetintürk S.* Osmanlı Imparatorluğunda yöruk sınıfının hukuki statüleri // Dil-Tarih-Cografiya Fakültesı dergisi. Ankara, 1943. N 11.

[15] См.: Аграрный строй Османской империи... С. 19, 21, 27, 37 и др.

[16] См.: *Gökbilgin M.T.* Rumeli `de Yürükler, Tatarlar ve Evlâd-i fatihan. Istanbul, 1957. S. 98.
[17] *Refik A.* Op. cit.
[18] *Halaçoglu Y.* XVIII Yüzyılda Osmanlı Imparatorluğunun iskân siyaseti ve aşiretlerin yerleştirilmesi. Ankara, 1988. S. 20.
[19] Ibid. S. 22–25.
[20] *Gökbilgin M.T.* Op. cit. S. 13–14.
[21] *Димитров Ст.* За юрушката организация и ролята й в етноасимилационните процеси // Векове. 1982. № 1/2.
[22] *Inalcık H.* Osmanlılarda raiyet rüsümü // Belleten. Ankara. 1959. XXII/92.
[23] *Halaçoğlu Y.* XVIII Yüzyılda Imparatorluğunun iskân siyaseti ve aşirelerin yerleştirilmesi. S. 21.
[24] *Hezârfen Hüseyin efendi.* Op. cit. S. 118.
[25] *Refik A.* Op. cit. S. 116–117.
[26] *Еремеев Д.Е.* Юрюки (Турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969.

Б.Н. Флоря

ОРДА И ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СЕРЕДИНЕ XV ВЕКА (1430–1460)

Изучение ордынской политики в Восточной Европе имеет свою историю, начало которой было, по существу, положено выходом в свет в 1940 г. замечательной работы А.Н. Насонова "Монголы и Русь". То принципиально новое в изучении темы, что принесла с собой эта работа, получило затем продолжение в ряде работ, посвященных как истории Древней Руси, так и истории Золотой Орды[1].

Все, что нам известно в настоящее время о политике Орды, позволяет утверждать, что она была весьма активной. В XIII–XIV вв. Орда постоянно вмешивалась в политическую жизнь региона, стремясь не допустить образования здесь крупных государств, которые поставили бы под угрозу ее господство над восточнославянскими землями. Эту политику Орда продолжала проводить и тогда, когда начался упадок ее политического могущества. XIV век, в особенности его вторая половина, был, как известно, временем, когда в Европе складывались крупные политические образования, то в форме неравноправной федерации, в которой объединялись литовский центр и подчиненные его политическому руководству земли, то в форме союза княжеств, подчиненных руководству Москвы в рамках Великого княжения Владимирского. Так как создание этих объединений сопровождалось острыми политическими конфликтами, столкновением центробежных и центростремительных сил, то политику Орды постоянно поддерживали те или иные местные политические силы, интересы которых объективно совпадали с ее интересами. Именно благодаря такому совпадению интересов вмешательство Орды в политическую жизнь региона неоднократно оказывалось успешным.

В целом вторая половина XIV–XV в. были временем постоянного ослабления Орды и, напротив, усиления противостоявших ей государств, прежде всего Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского. Но это не был прямолинейный процесс: периоды глубокого упадка Орды сменялись периодами ее повторного усиления, когда она снова становилась серьезной угрозой для своих соседей.

В истории взаимоотношений Орды с ее северными и западными соседями середина XV в. – период, историческое место которого остается во многом неясным. В работах отечественных исследователей, глубоко изучивших русско-ордынские отношения второй половины XIV – начала XV в. и второй половины XV в., этому этапу в истории ордынской политики в Восточной Европе, по существу, не уделялось серьезного внимания.

Объяснения следует искать в том, что основной массив сведений по истории Орды этого времени содержится в источниках не местного происхождения. Это прежде всего пласт важных сведений в "Анналах" польского хрониста второй половины XV в. Яна Длугоша и в ряде современных событиям польских документов. Другой важный пласт сведений содержат документы из архива Тевтонского ордена. Большое количество сведений, извлеченных из документов этого архива, было введено в научный оборот в написанной А. Коцебу биографии литовского великого князя Свидригайло. Использование этих сведений затруднялось тем, что их содержание было известно лишь по пересказам А. Коцебу. В последние десятилетия XIX в. значительная часть документов, о которых сообщал Коцебу, была опубликована в ряде томов многотомной публикации "Liv-Est und kurländisches Urkundenbuch". Так, появилась возможность использовать подлинные тексты документов и одновременно выявилась достаточная точность пересказов Коцебу, что позволило использовать эти пересказы в тех случаях, когда подлинный текст оставался недоступным. Эти документы привлекли к себе серьезное внимание исследователей политической истории Великого княжества Литовского середины XV в. и были широко использованы в работах таких историков конца XIX – первой половины XX в., как А. Левицкий, О. Халецкий, Л. Коланковский[2]. Особенно внимательно анализировал эти документы Л. Коланковский, установивший с их помощью ряд важных фактов из истории Орды этого времени. Однако главное внимание этих исследователей привлекло изучение внутренних конфликтов в Великом княжестве Литовском в 30–40-х годах XV в. Ордынская политика в Восточной Европе, ее мотивы и цели, оценка способностей Орды проводить ту или иную политику не были в центре интересов этих ученых. Отсутствовало в их работах и сопоставление сведений о политике Орды по отношению к Великому княжеству Литовскому и Польше со сведениями источников о политике Орды по отношению ко княжествам Северо-Восточной Руси.

Позднее, в 40-х годах, эти источники были широко использованы в работе немецкого исследователя Б. Шпулера, специально посвященной истории Золотой Орды[3]. Дав довольно аккуратную сводку фактов, извлеченных из польских и немецких источников, автор не сделал, однако, каких-либо определенных выводов о характере политики Орды в эти годы и ее изменениях с течением времени.

Хотя работа Б. Шпулера была известна отечественным исследователям истории Золотой Орды, включенные в нее материалы использованы были в очень незначительной степени и без непосредственного обращения к источникам. Неудивительно, что в этих работах нельзя найти сколько-нибудь развернутую характеристику политики Орды в Восточной Европе середины XV в.

Попытка дать такого рода характеристику была предпринята в начале 60-х годов И.Б. Грековым[4]. Исследователь справедливо подчеркивал, что и в середине XV в. наследники Золотой Орды продолжали активно участвовать в политической жизни Восточной Европы, добиваясь

достижения собственных целей. Однако, как представляется, он переоценил масштаб этой политики, размер вмешательства татарской знати в конфликты, вспыхивавшие на территории Восточной Европы. Вряд ли молчание источников о действиях татар в те или иные годы следует объяснять тем, что "Орда умела маскировать свою политику"[5]. Кроме того, следует отметить, что в данной части работы И.Б. Грекова мы имеем дело скорее с обобщением результатов предшествующих исследований, чем со специальным изучением источников, что, впрочем, не было в полной мере возможно в работе синтетического характера, охватывающей трехвековой период в истории Восточной Европы.

Для истории "улуса Джучи" второе и третье десятилетия XV в. стали временем беспрерывных смут. На ханском столе непрерывно сменяли друг друга различные претенденты. Орда фактически перестала существовать как единое государство, междоусобная борьба достигла такой степени остроты, что после нападения Едигея на Киев в 1416 г. мы не встречаем известий о каких-либо крупных акциях ордынской знати в отношении ее соседей по Восточной Европе. Престиж Орды в глазах этих соседей упал. Занявший ханский трон в 1411 г. старший сын Тохтамыша Джелаль-эд-дин оказался последним правителем Орды, к которому ездили на поклон русские князья.

Качественно новым явлением стало вмешательство соседей во внутреннюю жизнь Орды. Такое вмешательство в широких размерах практиковал наиболее могущественный правитель Восточной Европы того времени великий князь литовский Витовт, опиравшийся на поддержку своего сюзерена – польского короля Владислава-Ягайло. В конце XIV в. Витовт дал приют изгнанному из Орды Тохтамышу и его сыновьям. Во время начавшихся смут в Орде он поддерживал притязания сыновей Тохтамыша на власть. Первым ставленником Витовта, сумевшим на время захватить ханский трон, был уже упоминавшийся выше Джелаль-эд-дин. Выплаты "выхода" в Орду прекратились. Ставленники Витовта оказывали ему военную помощь: в 1414 г., а затем в 1422 г. ордынские войска участвовали в его походах против Тевтонского ордена.

Смуты в Орде (разжиганию которых он сам способствовал) Витовт использовал, чтобы расширить границы своего государства на юг и на восток. Границы Великого княжества Литовского достигли северного побережья Черного моря, где к началу 20-х годов XV в. появились литовские крепости. Под властью Витовта оказались и ордынские улусы, располагавшиеся на восточных границах Киевщины и Подолии (примером могут служить владения будущего рода Глинских). На этих землях Витовт селил ордынскую знать и рядовых татар, переселявшихся сюда, спасаясь от смут. Так в Великом княжестве Литовском образовался многочисленный слой "своих татар", которых Витовт использовал, чтобы помогать своим ставленникам против враждебных ему ханов Орды. Вероятно, поддержка со стороны Витовта дала возможность одному из его ставленников, Улу-Мухаммеду, к концу 20-х годов временно собрать под своей властью значительную часть территории

Орды – бассейн Волги от Булгара до Астрахани, Крым и восточноевропейскую степь между Волгой и Днепром. Улу-Мухаммед был признан как законный глава Орды и литовским двором, и князьями Северо-Восточной Руси.

Смерть Витовта явилась внешним толчком для ряда важных изменений в политической жизни Восточной Европы – изменений, наложивших отпечаток на политику Орды и ее судьбу. О том, как реагировала ордынская знать на смерть Витовта (1430 г.), узнаем из сообщений русских летописных сводов под 6939 г. (1430/1 г.). В этом году один из главных ордынских князей, Айдар, зять хана Улу-Мухаммеда, совершил набег на Литву, его войска заняли Мценск, где Айдар обманом захватил мценского наместника Григория Протасьева[6]. Согласно одной из летописных версий, татарские загоны находились недалеко от Киева[7]. Очевидно, первой реакцией ордынской знати стало желание разорвать мирные отношения с государством, небезуспешно пытавшимся установить свой патронат над Ордой.

Однако, по сообщению русских летописей, "царь" (т.е. хан Улу-Мухаммед) "поругася Айдару и не похвали его и почтив Григория и отпусти его". Правильность летописного сообщения подтверждается письмом литовского великого князя Свидригайло великому маршалку Тевтонского ордена от 9 мая 1431 г., в котором говорится, что хан приказал освободить не только Г. Протасьева, но и захваченный в набеге полон[8]. Такое решение, как выясняется из письма, было принято после того, как хана посетил посол нового литовского великого князя Петр Монтигирдович, наместник Новогрудка.

В письме сановнику Тевтонского ордена Свидригайло сообщал, что миссия его посла увенчалась полным успехом. Хан не только освободил пленных, но и выразил желание жить "в дружбе" с великим князем литовским и помогать ему против его врагов не только с помощью своих войск, но и личным участием. Хан, по словам Свидригайло, также выразил намерение заключить с новым великим князем литовским такой же договор, как с его предшественником Витовтом, и для окончательного "утверждения" соглашения выслал к литовскому правителю четырех своих "высших князей", один из которых – отец жены хана.

Хотя Свидригайло подчеркивал, что его договор о союзе с Ордой повторяет более раннее соглашение с Витовтом, заключен он был в иной политической ситуации и имел иные исторические последствия. Хорошо известно, что Свидригайло пришел к власти как ставленник знати Великого княжества Литовского, стремившейся сделать свое государство суверенным, независимым от Польши, и закрепить за собой территории, являвшиеся яблоком раздора между Литвой и Польшей, – Волынь и Подолию. Для достижения этой цели знать Великого княжества была готова пойти даже на риск вооруженного конфликта, в котором она рассчитывала противостоять Польше, опираясь на поддержку соседей. С этой целью 19 июня 1431 г. был заключен договор о союзе между Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом.

В подобной ситуации договор о "дружбе" между Свидригайло и Улу-Мухаммедом был договором о союзе между Великим княжеством Литовским и Ордой, направленном против Польши. Такой характер соглашения вел к существенным изменениям в положении сторон. Если предшествующий договор обеспечивал Витовту возможность вмешательства в политическую жизнь Орды, то договор со Свидригайло давал Орде возможность широкого воздействия на политическую жизнь Восточной Европы.

Хотя у нас нет сведений, заключили ли татарские князья окончательное соглашение о союзе, наблюдения за последующими событиями говорят о том, что это, скорее всего, имело место. Очевидно, следуя союзным обязательствам, Орда, когда в 1431 г. началась война между Великим княжеством Литовским и Польшей, выслала на помощь Свидригайло свои войска. В письме великому магистру польский король Владислав-Ягайло сообщал о гибели в неудачном для армии Свидригайло сражении на Волыни большого количества татар[9]. Татары как часть армии Свидригайло неоднократно упоминаются и в рассказе о войне польского хрониста Яна Длугоша. Он, в частности, сообщает, что татары уничтожили один из отрядов польской армии, ушедший слишком далеко от своего лагеря[10]. Позднее Свидригайло ставил себе в заслугу, что, заключив 1 сентября 1431 г. перемирие с поляками, он избавил польские земли от нападения татар[11]. Во время действия перемирия в ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. в Великом княжестве Литовском была предпринята попытка государственного переворота. Часть литовской знати, недовольная усилением позиций "русских" феодалов, выступила против Свидригайло и провозгласила великим князем его двоюродного брата Сигизмунда Кейстутовича, который поспешил возобновить союз между Великим княжеством и Польшей. Под властью Свидригайло остались только "русские" земли Великого княжества. Конфликт Польши и Литвы наложился на внутреннюю борьбу в Великом княжестве Литовском. Литовская знать стремилась сохранить за собой монополию на власть в этом государстве, опираясь на поддержку Польши, знать "русских" земель, выступая против этой монополии, искала помощи у других соседей Великого княжества. Однако и в этих условиях Орда не отказала Свидригайло в поддержке. Как сообщает Длугош, в битве под Ошмяной между войсками Свидригайло и Сигизмунда Кейстутовича 8 декабря 1432 г. в составе армий Свидригайло снова сражались татары. Сражались они тогда же и против польских войск в Подолии[12]. В следующем, 1433 г. на подмогу Свидригайло снова пришли татарские войска[13].

Более конкретное и детальное представление о характере отношений между Свидригайло и Ордой и размерах оказываемой ему Ордой помощи позволяют составить материалы, отложившиеся в архивах Тевтонского ордена. В этом конфликте орден выступал на стороне Свидригайло. Высшие чины ордена вели с великим князем обширную переписку, согласовывая планы военных действий. Представители ордена неоднократно посещали резиденцию великого князя, прямо оттуда сооб-

щая новости своим правителям. Неудивительно, что именно в материалах такого рода обнаруживаются разнообразные сведения на интересующую нас тему.

Так, 13 декабря 1432 г. ливонский магистр сообщал великому магистру на основании известий Свидригайло, что Улу-Мухаммед посылает на помощь великому князю своего зятя с 20-тысячным войском[14]. Особенно интересный материал содержат донесения Людовика фон Ланзее, находившегося в резиденции Свидригайло в самом конце 1432 – начале 1433 г.

Перед Рождеством (24 декабря) прибыли посланцы от князя Федька [Несвижского], воеводы Подолии, с сообщением, что с помощью татар и молдаван он нанес поражение польским войскам[15]. Так документально подтверждаются сообщения Длугоша о действиях татар в Подолии. Затем Людовик Ланзее сумел получить доступ к переписке Свидригайло с Ордой и переслал великому магистру перевод послания Улу-Мухаммеда, в котором тот сообщал о готовности сесть на коня, чтобы поддержать великого князя[16]. 14 февраля 1433 г. Ланзее мог увидеть новые письма хана, в которых сообщалось, что хан посылает на помощь великому князю пять уланов – "своих ближайших друзей" (nehesten frunde) с 10-тысячным войском[17].

Важные сведения о последующих событиях содержит письмо Свидригайло великому магистру от 3 мая 1433 г.[18] Свидригайло информировал союзника, что отправил к "царю Магмету" в начале 1433 г. своего "боярина" Михаила Арбанаса, а затем, весной, пана Ивашка Монивидовича – сына виленского воеводы, позднее подольского наместника Свидригайло[19] – с просьбой о помощи. Затем он подробно излагает ответ хана, который привез ему первый посол. Хан сообщал, что посланные зимой на помощь Свидригайло войска не могли подойти к Киеву из-за больших снегов. Но в настоящее время он посылает войско во главе со своим старшим сыном Мамутеком и двумя зятьями, Айдаром и Ельбердеем[20]. Хан выражал готовность в случае необходимости лично пойти на помощь великому князю. "Как есми, – передавал Свидригайло слова хана, – взял братство заодно стояти с тобою со своим братом, великим князем Швитригайлом, то так держу истинное євое слово, свое докончанье".

В том же письме упоминалось о действии князя Федька в Подолии, где "татар с ним досыть есть". 3 июня 1433 г. Л. Ланзее сообщал великому магистру, что Федко уже выступил в поход с 4-тысячным татарским отрядом, а главные силы Орды пойдут не в Подолию, а с войсками великого князя в Литву[21].

В документах переписки Свидригайло с осени 1433 г. упоминается уже иной хан – Сеид-Ахмед, свергший Улу-Мухаммеда. Это, однако, не привело к каким-либо переменам во взаимоотношениях между Свидригайло и Ордой.

В апреле 1434 г. великий князь мог сообщить властям ордена, что из Орды вернулся его посол Немиза (Немира), брянский воевода, с послами от хана Сеид-Ахмеда и ордынских князей. Послы сообщали о го-

товности хана выступить в поход на помощь Свидригайло, о том, что татарское войско уже находится на пути в Киевскую землю и Ивашко Монивидович послан его встречать[22]. К 1435 г. относится подробный рассказ неизвестного польского духовного лица о битве под Вилькомиром, где неоднократно отмечается участие в битве татарской конницы на стороне Свидригайло[23]. После этой битвы, в которой войска Свидригайло и его союзника Ливонского ордена понесли серьезное поражение, Свидригайло утратил Полоцк, Смоленск и Витебск и смог удержать под своей властью лишь Киевщину и Волынь. Но и после битвы под Вилькомиром Орда продолжала его поддерживать. В феврале 1436 г. Свидригайло сообщал великому магистру, что хан прибыл к нему на помощь и стоит лагерем около Киева[24]. В апреле ливонский магистр сообщал великому магистру, что по сведениям, полученным от его посланцев, побывавших у Свидригайло, войска последнего вместе с татарами нападали на польские земли, в частности разорили Подолию, взяв там большой полон[25]. Положение не изменилось и в следующем, 1437 г. В сентябре 1437 г. Свидригайло сообщал магистру, что киевский воевода Юрша с пришедшими на помощь Свидригайло татарами нанес поражение посланному занять Киев войску Сигизмунда Кейстутовича, захватив 7 знамен и 130 знатных людей[26].

Таким образом, на всем протяжении конфликта, в который на разных этапах были втянуты Польша, Великое княжество Литовское и орден, Орда оказывала вооруженную поддержку Свидригайло. Очевидно, что лица, стоявшие во главе Орды, считали поддержку этого правителя важнейшей задачей своей внешней политики.

Эта активность на западном направлении определенным образом контрастировала с политикой Орды по отношению к княжествам Северо-Восточной Руси. Здесь в 30-х годах XV в. сложилась ситуация в чем-то сходная с той, которая существовала в Великом княжестве Литовском. Здесь тоже все началось с дипломатической борьбы, перешедшей затем в военную между претендентами на великокняжеский трон. Столкнувшиеся между собой претенденты – Юрий Дмитриевич и его племянник Василий Васильевич – искали решения своего спора в Орде, где летом 1432 г. хан Улу-Мухаммед дал ярлык на великое княжение Василию Васильевичу, а Юрий Дмитриевич в дополнение к землям своего удела получил город Дмитров. Посол Улу-Мухаммеда Мансырь Улан 5 октября 1432 г. посадил Василия Васильевича на великое княжение[27].

Новый великий князь сразу же нарушил условия соглашения "и взя Дмитров на себя"[28]. В договоре, который заключили между собой в 1433 г. Василий Васильевич и Юрий Дмитриевич, было зафиксировано обязательство последнего отдать великому князю "царев ярлык на Дмитров"[29]. Однако никакой реакции Орды ни эти действия, ни попытки Юрия Дмитриевича захватить переданный ханом Василию Васильевичу великокняжеский трон не вызвали.

Вообще князья, боровшиеся в первой половине 30-х годов XV в. за великокняжеский трон, почти не пытались обращаться за поддержкой

в Орду. В источниках обнаруживаются лишь два упоминания о подобных попытках. Так, согласно сообщению Ермолинской летописи, потерпев в 1434 г. поражение в борьбе с Юрием Дмитриевичем, Василий Васильевич бежал в Нижний Новгород, "а оттоле въхоте поити в Орду"[30]. Замысел такой поездки появился у него потому, что он оказался в безнадежном положении ("не бе ему стати с кем противу его"). До поездки к хану, впрочем, дело не дошло.

В конце 1434 г. "побеже с Москвы в Орду" другой претендент на трон – старший сын Юрия Дмитриевича Василий[31]. По-видимому, он рассчитывал получить в Орде ярлык на великое княжение. Не случайно в договоре, который он заключил в следующем, 1435 г. со своим соперником Василием Васильевичем, есть такой текст: "А имут нас сваживати татарове, почнуть ти давати великое княжение, и тобе не взяти"[32]. Однако если поездка и состоялась[33], то никаких практических последствий она не имела. Борьба за великокняжеский трон в 1434–1435 гг. развертывалась без всякого участия татар.

Такая пассивность Орды резко контрастирует с ее активной политикой по отношению к Великому княжеству Литовскому в эти годы, и это заставляет думать, что в 30-х годах XV в. поддержка Свидригайло была не только важнейшей, но едва ли не главной задачей внешней политики Орды, на решение которой уходили ее основные силы. Мотивы, определявшие выбор приоритетов теми, кто возглавлял Орду, станут понятнее в свете оценки опыта предшествующего периода, когда литовский великий князь Витовт, опиравшийся на поддержку Польши, был главной фигурой политической жизни Восточной Европы первой трети XV в. Он неоднократно и успешно вмешивался во внутреннюю жизнь Орды, сажал ставленников на ханский трон (одним из них был хан Улу-Мухаммед). Ордынская знать, как представляется, стремилась избежать подобной ситуации, поддерживая Свидригайло, государственного деятеля, находившегося в состоянии острого конфликта с польскими феодалами. Уже сам этот конфликт резко ограничивал для Великого княжества Литовского и Польши возможности наступательной политики по отношению к Орде. Кроме того, возможная победа Свидригайло привела бы к разрыву связи между Великим княжеством Литовским и Польшей, а лишенное польской поддержки оно не представляло бы для Орды такой опасности, как во времена Витовта.

Княжества Северо-Восточной Руси явно не воспринимались в Орде как возможный источник столь же значительной опасности. Московские великие князья не пытались вмешиваться во внутренние конфликты в Орде, а междукняжеские конфликты 30-х годов XV в. не отражались на характере отношений русских княжеств с Ордой: выход в Орду исправно уплачивался независимо от перемен на княжеских столах[34]. Однако и в отношениях с русскими княжествами проявилась политика Орды, стремившейся препятствовать созданию крупных политических объединений на территории Восточной Европы. В подробном рассказе великокняжеского летописания о споре Юрия Дмитриевича и Василия Васильевича из-за великого княжения перед ханом Улу-Мухаммедом и

ордынской знатью сохранилось интересное сообщение, что представлявший в этом споре сторону Василия боярин И.Д. Всеволожский запугивал ордынских князей тем, что Юрий Дмитриевич – "побратим Свидригайло", и этот аргумент повлиял на позицию ордынской знати[35]. Сообщения И.Д. Всеволожского соответствовали действительности: Свидригайло и Юрий Дмитриевич были свояками (женатыми на дочерях смоленского князя Ивана Святославича)[36]. В 30-х годах между ними продолжали сохраняться дружеские отношения. Весной 1434 г., когда Юрий Дмитриевич во второй раз занял великокняжеский трон, Свидригайло сообщал великому магистру, что Юрий Дмитриевич, "с давнего времени искренний и верный наш друг", посылает ему на помощь сына с многочисленным войском[37]. Улу-Мухаммед в 1432 г. был союзником Свидригайло, еще в 1431 г. его войска помогали литовскому великому князю в войне с Польшей, но великое княжение хан передал Василию Васильевичу. Очевидно потому, что не был заинтересован в политическом сближении Великого княжества Литовского и Москвы.

То обстоятельство, что лица, стоявшие во главе Орды, сумели выбрать для себя цель первоочередной важности и в течение ряда лет упорно добивались ее достижения, говорит о том, что еще и в 30-х годах Орда являлась силой, способной проводить свою политику и оказывать серьезное влияние на политическую жизнь Восточной Европы. Для оценки возможностей Орды в этом отношении остановимся еще на двух вопросах. Как показала практика последующего времени, татары часто были весьма неудобным союзником: приходя на помощь, они часто грабили ту территорию, которую им следовало защищать (как это часто случалось, например, в годы действия союза между Крымом и Богданом Хмельницким). Подобные факты имели место и в 30-х годах XV в. Так, под 1433 г. в "Анналах" Яна Длугоша есть сообщение, что татарские войска, которые привел на помощь Свидригайло Ивашко Монивидович, вместо того чтобы принимать участие в сражениях, разорили Киевщину и Северскую землю[38]. Однако такие факты все же, по-видимому, не были правилом. Татарские войска приходили во владения Свидригайло практически ежегодно на протяжении пяти лет, и, если бы они постоянно вели себя таким образом, вряд ли население "русских" земель Великого княжества Литовского упорно поддерживало бы Свидригайло, терпеливо перенося тяготы длительной войны. Очевидно, что, преследуя достижение важных политических целей, лица, стоявшие во главе Орды, умели в те годы поддерживать дисциплину в своем войске.

Если во второй половине XV в. и в последующие столетия татарское войско занималось опустошительными набегами на земли соседей, избегая участия в каких-либо сражениях, то ордынское войско в 30-х годах наряду с захватом добычи, что, конечно, постоянно случалось, участвовало в войне. В столкновениях с польским войском на территории Подолии (о которых сохранилось больше сведений) татары неоднократно наносили ему поражение. Так, о военных действиях в Подолии в 1435 г. сохранилось письмо, написанное в мае этого года одним из слуг

плоцкого епископа[39]. Согласно его сообщению, когда татары вторглись на территорию Подолии, паны Малой Польши направили против них войско во главе с братом познанского епископа Чиолеком, которого автор письма аттестовал как лучшего воина в стране. В битве с татарами погибли Чиолек и "многие большие господа из Польши", а другие были уведены ими в плен. В 1438 г. при новом вторжении татар в Подолию войско, собранное панами Русского воеводства, также потерпело полное поражение, погиб и сам его предводитель – подольский староста М. Бучацкий[40].

Ряд указаний источников показывает, что в 30-х годах ордынская знать продолжала считать себя верховным сюзереном восточноевропейских государств, от воли которого зависит решение спорных вопросов между ними. По свидетельству Длугоша, во время военных действий на Волыни летом 1431 г. Свидригайло передал польскому королю и панам ярлык Улу-Мухаммеда, в котором им предписывалось прекратить войну с Литвой и передать Свидригайло объект спора – Подолию, так как хан пожаловал ее Свидригайло[41]. Сам хронист полагал, что текст ханского ярлыка был сфабрикован самим Свидригайло, но уже наиболее авторитетный исследователь политической истории Великого княжества Литовского 30-х годов XV в. А. Левицкий усомнился в правильности этого утверждения[42]. Действительно, в ярлыках крымских ханов великим князьям литовским (Хаджи Гирея 1461 г. и Менгли-Гирея 1472 и 1507 гг.)[43], восходивших к ярлыку Тохтамыша Витовту[44], как часть их владений постоянно упоминается "Подольская тьма". Можно не сомневаться, что подобный ярлык был выдан Улу-Мухаммедом Свидригайло, а затем хан мог потребовать от польского правительства передать его "пожалование" литовскому великому князю.

Польское государство могло пренебречь распоряжениями хана, как не посчитались с ними в конце концов сражавшиеся между собой московские князья, но, когда дело касалось более мелких политических образований, правители Орды еще распоряжались их судьбами. В апреле 1434 г., сообщая великому магистру о приходе к нему с войсками князей Одоевских, Свидригайло разъяснял, что хан отдал этих князей с их землями ему "во владение"[45]. Именно в позиции, занятой Ордой, следует видеть одну из причин того, почему московским великим князьям не удалось в то время восстановить свои позиции в Верховских княжествах, утраченные в последние годы правления Витовта.

Несмотря на постоянные значительные усилия, ордынской знати не удалось добиться своей цели: Свидригайло потерпел поражение в борьбе с противниками. И это еще одно свидетельство того, что Орда была не в состоянии направлять политическое развитие Восточной Европы в желательном для себя русле. Не последнюю роль сыграло при этом то обстоятельство, что свою политику правители Орды пытались проводить в условиях, когда в жизни кочевого мира продолжали проявляться центробежные тенденции. В рассказе великокняжеского летописания имеем важное указание, что летом 1432 г., когда Василий Васильевич и Юрий Дмитриевич находились у Улу-Мухаммеда, "пошел бяше на Мах-

мета Кичь Ахмет царь"[46]. Речь идет в этом известии о Кичи-Мухаммеде, внуке хана Тимур-Кутлука, который в 1430/1 г. был провозглашен правителем восточного улуса Золотой Орды[47]. Выступление Кичи-Мухаммеда увенчалось известным успехом, так как в 1433 г. на смену чеканившимся в Хаджи-Тархане (будущей Астрахани) монетам Улу-Мухаммеда пришли монеты этого правителя[48]. В том же году войска Кичи-Мухаммеда напали на Рязанскую землю[49]. Несомненно, борьба с претендентом на ханский трон должна была серьезно отвлекать Улу-Мухаммеда от сотрудничества со Свидригайло. Этим хлопоты правителя Орды не ограничивались. 14 августа 1432 г. один из чиновников Тевтонского ордена сообщал своим властям, что, одержав победу над врагом и захватив его в плен, хан отправил его к Свидригайло[50]. Таким врагом никак не мог быть Кичи-Мухаммед. Очевидно, помимо него, против Улу-Мухаммеда выступал в это время другой претендент на престол. Наблюдения над чеканкой монет в Среднем Поволжье дали ряд аргументов в пользу того, что в 30-х годах XV в. обособилась и Казань под властью местного хана Гияс-ад-дина[51]. Наконец, в 1433 г. начались усобицы в самой Орде. Приход к власти Сеид-Ахмеда был переворотом, в результате которого от власти были отстранены Улу-Мухаммед и связанная с ним часть ордынской знати. Однако Улу-Мухаммед не был вычеркнут из политической жизни и продолжал борьбу с соперником. В ноябре 1436 г. Свидригайло сообщал великому магистру, что Сеид-Ахмед наконец одержал победу над Улу-Мухаммедом и подчинил своей власти Орду[52]. Таким образом, для победы над соперником ему потребовалось около трех лет, и эта победа оказалась отнюдь не окончательной. Судя по сообщениям Иоасафата Барбаро, находившегося летом 1438 г. в Азове, в это время орда Улу-Мухаммеда продолжала еще кочевать на юге восточноевропейских степей. Лишь измена и переход на сторону Кичи-Мухаммеда, правившего на Волге, одного из его главных эмиров, Науруза, сына Едигея, привели к тому, что орда Улу-Мухаммеда, оставив свои кочевья, бежала на север[53] и пыталась "зимовать" в районе города Белева[54].

Очевидно, что в обстановке постоянных усобиц Большая Орда, которую возглавлял сначала Улу-Мухаммед, а затем Сеид-Ахмед, не могла направить все свои силы на поддержку Свидригайло, что и было одной из причин его поражения в борьбе с противниками. Неудивительно, что политические противники Орды стремились использовать эти центробежные тенденции в своих интересах. Ряд данных указывает на то, что противник Свидригайло и его татарских союзников Сигизмунд Кейстутович попытался посадить своего ставленника на ханский трон. Этим ставленником оказался будущий основатель Крымского ханства Хаджи-Гирей. По свидетельству одной из ранних редакций русских родословных книг, его отец, сын Тохтамыша Дулатберды улан, "жил в Литве у Витофта"[55]. В середине XVI в. здесь помнили, что Хаджи-Гирей родился "близ Трок"[56]. В дипломатической переписке с Крымом первых десятилетий XVI в. имеется официальное сообщение литовской стороны о том, что находившегося в Литве Хаджи-Гирея Сигизмунд

Кейстутович "в Орде перекопской вспоможением своим, накладом и выправою на царство посадил"[57]. В ярлыке, который в 1461 г. Хаджи-Гирей дал великому князю литовскому Казимиру Ягеллончику[58], исследователи отметили наличие выражения, свидетельствующего о том, что при его составлении был использован документ, выданный ранее Сигизмунду Кейстутовичу[59]. Очевидно, выступив как претендент на власть над Ордой, Хаджи-Гирей поспешил ярлыком подтвердить законность власти покровителя над "русскими" землями Великого княжества Литовского.

Есть основания полагать, что и сам союзник Орды – Свидригайло использовал в своих интересах ее внутреннюю неустойчивость.

10 ноября 1433 г., предлагая Ягайло заключить перемирие, Свидригайло упоминал о помощи, которую ему готов оказать "сын татарского императора Сеид-Ахмед, которого он недавно возвел на отцовский трон"[60]. Как человека, "возведенного нами на престол", характеризовал Свидригайло Сеид-Ахмеда и в письме великому магистру от 11 апреля 1434 г.[61] Польский исследователь Л. Коланковский обратил внимание на одну деталь, которая заставляет отнестись к этим утверждениям со всей серьезностью[62]. В письме от 3 сентября 1432 г., сообщая великому магистру о нападении на него сторонников Сигизмунда Кейстутовича и о своем бегстве в Полоцк, Свидригайло отметил, что в этом бегстве его сопровождал татарский царевич "Sydachmatch Bexubowitz"[63]. Хана, пришедшего к власти после пребывания в ставке Свидригайло, великий князь мог с известным основанием рассматривать как своего ставленника.

Разумеется, нет оснований рассматривать Сеид-Ахмеда как простую марионетку Свидригайло. Ясно также, что Сеид-Ахмед мог захватить ханский трон и удержаться на нем потому, что значительная часть ордынской знати по каким-то причинам была недовольна Улу-Мухаммедом (как, по-видимому, и Свидригайло), но сама неустойчивость внутреннего положения в Орде открывала возможности для вмешательства тех соседей, которые имели в этой среде связи и контакты.

И все же, сопоставляя положение в 30-х годах с ситуацией, характерной для предшествующих десятилетий, следует сказать, что в это время процесс распада Орды заметно замедлился. Несмотря на внутренние конфликты и отделение ряда областей на периферии, основное ядро Орды сохранило единство и оказалось способным предпринимать в течение ряда лет активные внешнеполитические акции. Вероятно, ежегодные набеги на белорусские и украинские земли, когда при содействии местных сил Орда постоянно получала добычу и пленных, содействовали ее временному укреплению.

После того как Великое княжество Литовское с возведением на великокняжеский трон королевича Казимира (1440 г.) фактически снова превратилось в самостоятельное государство, наметился спад напряженности в отношениях Орды с Великим княжеством Литовским и Польшей.

Еще О. Халецкий обнаружил в описи польского государственного архива, составленной в начале 70-х годов XVI в. Я. Замойским, регесты

документов, содержащих сведения о заключении мира между Польшей и Ордой. К "татарскому императору" ездил "de pace perpetua" польский посол Теодор Бучацкий, за этим последовала поездка татарского посла в Буду, где находился в то время король Владислав III. В сентябре–октябре 1442 г. Т. Бучацкий, занявший к этому времени важный пост старосты Подолии, получил от короля деньги на выплату "упоминков" и дары хану и четырем "верховным" князьям[64].

Вероятно, тогда же был заключен и мирный договор между Великим княжеством Литовским и Ордой, по которому Орде также обеспечивалось получение выхода с части территории этого государства. Хорошо известно, что в конце XV в. крымский хан Менгли-Гирей добивался восстановления порядков, существовавших "при Седехмате при царе", когда в пользу Орды поступал "ясак" с территории Киевской земли, а сбором его занимались татарские дараги, сидевшие в таких городах, как Канев, Черкасы, Путивль и ряд других[65].

Литовская рада, фактически правившая в то время Великим княжеством Литовским, в начале 40-х годов XV в. вела осторожную политику, стремясь избегать конфликтов с Ордой. В договоре 1442 г. о союзе между Великим княжеством Литовским и Молдавией из числа "неприятелей", против которых стороны обязывались оказывать друг другу помощь, был исключен "царь татарский" (с пояснением "занеж цар есть волный"). В случае осложнений литовская рада обещала помогать господарю только "прозбою и послы"[66].

Мирный характер носили, судя по всему, в первой половине 40-х годов XV в. и отношения княжеств Северо-Восточной Руси с татарскими ханствами. Уже само отсутствие в летописных сводах сведений о татарских набегах в эти годы показательно[67]. В договоре Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой, заключенном в начале 40-х годов XV в., говорится о необходимости для удельного князя внести свою долю "в выходы и в ордынские проторы и што есмы посылал киличеев своих ко царем к Кичь-Махметю и к Сиди-Ахметю"[68]. Из этого текста следует, что великий князь московский поддерживал дипломатические отношения и с Ордой Кичи-Мухаммеда, и с Ордой Сеид-Ахмеда. Текст, однако, не дает оснований полагать, что упомянутый в докончании выход платился одновременно в обе Орды и что они обе выступали в качестве сюзерена русских земель.

Скудные данные источников, приведенные выше, указывают на то, что орда Кичи-Мухаммеда кочевала на Нижней Волге и Северном Кавказе, на большом удалении от русских земель. Упоминания о ней стали появляться в русских источниках лишь начиная с 1460 г. Характерно, что Кичи-Мухаммеда вовсе не упоминает и Длугош при описании событий 30–40-х годов XV в., а, говоря о победе над ним Хаджи-Гирея в 1465 г., отмечает, что владения этого "императора татар" находятся "за Волгой"[69]. Послание собора русского духовенства 1447 г. Шемяке дает, напротив, позитивные доказательства того, что именно Сеид-Ахмеда в Москве воспринимали как преемника Улу-Мухаммеда в качестве главы Орды[70]. Очевидно, что в 40-х годах XV в. орда Сеид-Ахмеда

занимала главное место в отношениях восточноевропейских государств с кочевым миром.

Большая, сложная и острая проблема возникла перед правящими кругами Великого княжества Московского, когда орда Улу-Мухаммеда пришла на земли Среднего Поволжья и объединилась с силами местной татарской и нетатарской знати.

В исторической литературе, как представляется, недостаточно принимается во внимание, что присоединение Нижнего Новгорода к Московскому княжеству вызвало особо отрицательную реакцию у соседних ордынских улусов Среднего Поволжья. Хорошо известно, что великому князю Василию Дмитриевичу удалось в начале 90-х годов XIV в. получить ярлык на Нижний Новгород от хана Тохтамыша[71]. Несмотря на это, уже в 1394 г. на Нижний Новгород напал его "вотчич" князь Семен Дмитриевич с большим отрядом татар. Откуда пришли эти татары, позволяет установить реакция Москвы на их действия. Князь Юрий Дмитриевич с московской ратью "взя град Болгары Великие, град Жукотин и град Казань"[72]. Позднее, когда нижегородским "вотчичам" удалось захватить в 1410 г. Нижний Новгород, они выступали против московской рати "з болгарскыми князми и с жукотынскими и с мордовскими"[73].

С приходом на север орды Улу-Мухаммеда появились новые возможности для борьбы за Нижний Новгород. Так, уже в 1442 г. князь Даниил Борисович нижегородский "вышол на свою отчину от Махметя царя в другий ряд"[74]. Удержаться в Нижнем Новгороде ему не удалось, но попытки занять этот важный центр продолжались. Как отмечено в Ермолинской летописи под 1444 г., "царь Махметь нача помышляти к Ноугороду Нижнему, и князь повеле осады крепити"[75]. Затем хан пришел "к Новугороду Нижнему и хоте ту зимовати"[76]. Его войска стали в "старом" Нижнем Новгороде, а оттуда двинулись к Мурому. В поход против татар должен был выступить Василий II в сопровождении всех князей московского дома. Согласно рассказу великокняжеских сводов, московские воеводы "биша татар" в разных местах, но главная цель похода не была достигнута – татары не сняли осады с Нижнего Новгорода. Весной 1445 г. московские воеводы в Нижнем Новгороде "изнемогоша з голоду" и вынуждены были покинуть крепость. В Нижнем Новгороде появились "вотчичи" – князья Шуйские, пытавшиеся под опекой Улу-Мухаммеда восстановить Суздальско-Нижегородское великое княжение[77].

Положение еще ухудшилось, когда 6 июня 1445 г. в битве под Суздалем с войсками сыновей Улу-Мухаммеда, Махмутека и Якуба, Василий Васильевич потерпел поражение и попал в плен к татарам[78]. Как известно, это событие послужило толчком для новой вспышки борьбы за великокняжеский трон. Источники не дают ясного ответа на вопрос, как в этих условиях правителям Москвы удалось положить конец притязаниям князей Шуйских и восстановить свою власть над Нижним Новгородом[79], но вопрос об укреплении их власти над этим важным центром оставался актуальным еще и в конце 40-х годов. Заключая в то время договор с одним из суздальско-нижегородских князей, Иваном

Васильевичем Горбатым, Василий Васильевич требовал передать ему татарские ярлыки "на Суждаль, и на Новгород на Нижней, и на Городець, и на все на Новгородское княженье" и не брать у татар новых ярлыков[80].

Из плена великий князь освободился, лишь обязавшись уплатить огромный "окуп" (200 тыс. руб., по сообщению Новгородской Первой летописи)[81]. Вместе с ним, по сообщению великокняжеского летописания, "послали послов своих многых князеи со многыми людьми"[82]. Они, очевидно, должны были наблюдать за тем, как великий князь выполняет свои обязательства, и сами участвовать в сборе "окупа"[83]. Все это вызвало сильную вспышку антиордынских настроений в русском обществе, чем воспользовался Дмитрий Шемяка, отстранив двоюродного брата от власти. Однако и сторонники Василия Васильевича, вернувшегося к власти в конце 1446 г., не считали постоянное присутствие в стране ордынских сборщиков и надзирателей нормальным явлением. В написанном в декабре 1447 г. послании собора епископов Дмитрию Шемяке иерархи заявляли, что, как только будет заключен прочный мир между ним и Василием Васильевичем, "того же часа князь велики татар из земли вон отшлет"[84].

Удалению ордынских наблюдателей и сборщиков, вероятно, способствовало обострение отношений с Казанским ханством: известно, что в конце 1447 г. хан Махмутек "послал всех князей своих со многою силою воевати отчину великого князя Володимеръ и Муром и прочаа грады"[85].

Приобретенный в эти годы негативный опыт, как представляется, определил реакцию московского правительства на новую вспышку внешнеполитической активности Орды в конце 40-х годов XV в.

Установившаяся на ряд лет стабильность была нарушена, когда королевич Казимир в 1447 г. занял польский трон и Польша и Великое княжество Литовское опять объединились под властью одного монарха. В Великом княжестве Литовском в течение первых лет его правления существовала серьезная оппозиция политике Казимира Ягеллончика. Главой недовольных был сын Сигизмунда Кейстутовича Михаил, который, стремясь занять великокняжеский стол, искал поддержки у соседей Великого княжества[86]. Первоначально среди этих соседей Орда даже не упоминалась, но с избранием Казимира на польский трон положение изменилось. В 1448 г. Сеид-Ахмед стал добиваться от Казимира возвращения Михаилу Кейстутовичу его родовых владений[87]. По-видимому, переговоры произвели на Казимира столь сильное впечатление, что он стал ходатайствовать в Риме о передаче ему части доходов польской церкви "pro subsidio contra Thartaros"[88]. Но словами дело не ограничилось. В начале сентября 1448 г. сам хан с многочисленным войском вторгся в Подолию и увел многочисленный полон[89]. Набег затронул территорию не только Польского королевства, но и Великого княжества Литовского[90].

Еще более важные события произошли в следующем, 1449 г. По сообщению Я. Длугоша, летом этого года Михаил Сигизмундович "с та-

тарской помощью" захватил Стародуб, Новгород-Северский и ряд других замков. Высланное против него литовское войско было разбито, и Казимиру самому пришлось выступить в поход[91]. Рассказ об этих событиях в литовской "Летописи Быховца" содержит два существенных дополнения. Согласно этому источнику, Михаил Сигизмундович занял не только указанные Длугошем города, но и Киев, а военными действиями руководил глава литовской рады виленский воевода Ян Гаштольд[92]. Существенные добавления и уточнения позволяют внести и современные немецкие источники.

Сведения о новом вторжении татар на территорию Великого княжества Литовского появляются в переписке властей Тевтонского ордена уже в марте 1449 г.[93] Вторжение заставило короля Казимира прибыть в конце весны в Литву и созвать в Вильне раду, где было решено послать войска против Михаила Сигизмундовича[94].

В июне 1449 г. власти ордена получили сведения, что Михаил Сигизмундович с большим татарским войском по-прежнему находится на территории Великого княжества и что его войска заняли Киев[95]. Тогда же стало известно, что из-за трений в польско-литовских отношениях поляки не оказывают Казимиру необходимой помощи[96].

Лишь 25 июня 1449 г. в письме, отправленном из Новогрудка, Казимир мог сообщить об освобождении от татар Новгород-Северского, Стародуба и Брянска[97]. Однако война продолжалась, и только 26 августа Казимир известил великого магистра о полном поражении врага[98]. Добиться этого Казимир сумел благодаря тому, что обратился за помощью к московскому великому князю[99]. Важные сведения на этот счет содержатся в опубликованном Л. Коланковским письме Казимира великому магистру Тевтонского ордена от 26 августа 1449 г. В этом письме Казимир писал, что войскам Михаила Сигизмундовича нанес поражение некий татарин Якуб, "сын императора", которого прислал на помощь Казимиру "наш друг великий князь московский"[100]. Нет никаких сомнений, что упомянутого Казимиром "татарина" следует отождествить с царевичем Якубом, сыном Улу-Мухаммеда, поступившим на службу к Василию Тёмному в 1446 г.

Рассмотрение этого эпизода позволяет констатировать, что лица, стоявшие во главе Большой Орды, последовательно проводили свой политический курс в Восточной Европе. Реакция на новое объединение Польши и Литвы оказалась очень острой: Орда приняла самые энергичные меры к тому, чтобы утвердить на территории Великого княжества Литовского особого самостоятельного правителя. Очевидно, препятствовать политическому объединению Польши и Литвы было и в середине XV в. одним из главных приоритетов ордынской политики в Восточной Европе.

Вместе с тем эта масштабная акция Орды была сорвана благодаря совместным действиям двух восточноевропейских государств – Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского. Наметившееся здесь сотрудничество этих государств было закреплено докончанием от 31 августа 1449 г. В нем стороны обязывались оказывать

друг другу помощь "на всякого твоего недруга и на татар". Не ограничиваясь этим общим обязательством, составители договора внесли в него еще одну статью: "А поидуть, брате, татарове на нашы вкраинные места и князем нашим и воеводам нашим, вкраинным людем сославсе да боронитисе им обоим с одного"[101].

Включение этого условия ясно показывает, что оба государства понимали, что стоят перед перспективой длительной войны с татарами, и были намерены вести ее совместно. Обозначившийся здесь поворот Великого княжества Московского к активным действиям против Орды был, несомненно, связан с наметившимся окончанием феодальной войны, к такому повороту подталкивал большой негативный опыт отношений с Казанским ханством в предшествующие годы. Отсюда такая резкая реакция Москвы на попытку Орды расширить зону своего политического влияния.

Литовская рада принимала и другие меры, чтобы устранить нависшую угрозу. Как сообщал Казимир магистру в письме от 26 августа 1449 г., он выдвинул на ханский трон находившегося в его распоряжении "татарина", объявив его законным ханом в противовес Сеид-Ахмеду. Этот шаг, по словам Казимира, увенчался успехом. Недовольная Сеид-Ахмедом ордынская знать прислала своих послов к "татарину" в Киев. Казимир писал магистру, что в день отправки письма прибыли послы, сообщившие, что "татарин" действительно сумел стать ханом в Орде. Введение в оборот этого текста позволило Л. Коланковскому точно датировать рассказ "Летописи Быховца" о том, как в ответ на обращение ордынской знати во главе с родами Ширинов и Барынов Казимир отправил на ханский трон Хаджи-Гирея. Нового хана сопровождал посол Казимира Радивил Остикович, который его "именем великого князя Казимира посадил на царстве"[102].

В письме великому магистру Казимир передавал слухи о бегстве Сеид-Ахмеда к "Пяти горам", на Северный Кавказ, но слухи эти оказались ложными. Хаджи-Гирею удалось утвердиться только в Крыму. Бóльшая часть владений Орды осталась под властью Сеид-Ахмеда, который вступил в войну с Польским королевством, Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским.

Ряд сообщений Длугоша не оставляет сомнений, что на южных границах державы Казимира Ягеллончика шла постоянная война с Ордой. В 1450 г. хан, воспользовавшийся тем, что шляхта Русского воеводства и Подолии отправилась в поход в Молдавию, напал на эти области Польского королевства "congregata omni potentia suorum gentium", захватив многочисленный полон. Один из татарских загонов дошел до границ Белзской земли[103]. В 1451 г. польские дипломаты снова вели в Риме переговоры с папой Николаем V о передаче королю части доходов польской церкви "pro defensione catholicorum a thartaris"[104].

В 1452 г. татары напали на Подолию. Положение было признано столь серьезным, что первые сановники государства – каштелян и воевода краковские – были посланы с войсками и деньгами для организации обороны. Им должен был оказывать поддержку вассал Казимира

молдавский воевода Александр. В своей ленной присяге он обязывался лично выступить в поход вместе с боярами, "ажбы коли имала неволю земля короля его милости рускаа и подолскаа от татар"[105]. В том же 1452 г. набег татар повторился и татарские загоны дошли до Львова[106]. В 1453 г. последовало новое нападение татар, разоривших район Теребовля[107]. Лишь во время последнего из этих набегов польское войско сумело нанести поражение татарам. Внимание польского хрониста было, естественно, привлечено именно к тем набегам татар, которым подвергались земли Польского королевства, однако есть основания полагать, что и для Великого княжества Литовского опасность была не меньшей.

Известно, что в 1450 г. население Великого княжества было обложено особым налогом на ведение войны[108], и в том же году Казимир специально объезжал пограничные области государства[109]. Да и у Длугоша можно обнаружить известие, что в 1453 г. татары разорили Луцкую землю, захватив 9 тыс. пленных, проданных затем в рабство[110]. Одновременно с нападениями татар на Подолию начались нападения орды Сеид-Ахмеда на земли Северо-Восточной Руси.

Первоначально, в 1449–1450 гг., когда хан пытался посадить своего ставленника на литовский великокняжеский стол, а затем со всей ордой вторгся в Подолию, набеги на русские княжества предпринимались сравнительно небольшими силами, и московские войска успешно их отбивали. Так, в 1449 г. "скорые татарове Седиахматовые", захватывая полон, дошли до Пахры, но были разбиты служилым татарским "царевичем" Василия Тёмного Касимом, сидевшим в Звенигороде, который отнял у них полон[111]. Когда в 1450 г. на территорию Московского княжества напали "Малы Бердеи улан и иные с ним князи со многими татары", посланный Василием Тёмным татарский "царевич" и коломенская рать снова догнали татар и разбили[112]. По-видимому, в успешном отражении этих нападений немалую роль сыграли татарские войска, бывшие на службе у Василия Тёмного. Положение изменилось к худшему, когда в 1451 г. Оку перешли главные силы орды Сеид-Ахмеда. Татар в походе возглавили сын Сеид-Ахмеда Мазовша и главный из князей его орды Едигер. Собранная спешно по приказу Василия II рать во главе с коломенским наместником князем Иваном Звенигородским не смогла задержать татар на Оке. 2 июля 1451 г. татары подошли к Москве и пытались штурмовать город. Однако штурм закончился неудачей, ночью татары бежали, "пометаша от меди и железа и прочего многово товару" и бросив захваченный полон[113].

Если таким путем Сеид-Ахмед рассчитывал заставить Василия II разорвать союз с Казимиром, то эта попытка закончилась неудачей. Есть основания полагать, что оба государства находились и в последующие годы в состоянии войны с ордой Сеид-Ахмеда. Ярким доказательством этому может служит послание, отправленное митрополитом Ионой смоленскому епископу Мисаилу после похода на Можайск, предпринятого Василием Тёмным в 1454 г., и бегства князя Ивана Андреевича Можайского в Литву[114]. Поход на можайского князя Иона объяснял тем, что тот не послал великому князю на помощь свои полки, ко-

гда "сиимы чясы приходила паки рать-татарьскаа царева Сиими-Охестова (!), сын его со многими людьми приходил". Одновременно смоленский епископ должен был дать знать правящим кругам Великого княжества Литовского, что, несмотря на отъезд можайского князя во владения Казимира, "князь великий велми хочет с своим братом... с великим королем братства и любви и прочнаго добраго житья". Опасаясь, что можайский князь своими враждебными действиями может нанести ущерб дружеским отношениям между государствами, митрополит просил смоленского епископа, чтобы тот "пану Михаилу канцрелю (!) говорил... чтобы христианства деля также о том поберегл".

Очевидно, что в середине 50-х годов союз двух государств, опиравшийся на общую заинтересованность в борьбе против орды Сеид-Ахмеда, продолжал сохраняться.

Новые крупные столкновения с ордой Сеид-Ахмеда произошли в 1454–1455 гг. Сведения о них, сохранившиеся в ряде летописных сводов, требуют специального анализа. Как отмечалось исследователями, в летописных источниках помещены два разных рассказа о происшедшем[115]. Один рассказ в полном виде помещен в Софийской II и Львовской летописях[116], восходя к неофициальному своду 80-х годов XV в., а в сокращенном виде – в Ермолинской летописи и Сокращенных сводах[117]. В рассказе говорится о нападении царевича Солтана, сына Сеид-Ахмеда. Его войска перешли Оку, так как коломенский наместник И.В. Ощера не решился оказать им сопротивление. Положение изменилось, когда подошло войско во главе с детьми великого князя Иваном и Юрием: татары, "видевши силу велику, возвратишась". При отступлении орды на татар напал Федор Басенок с двором великого князя и отбил полон.

Рассказ явно говорит о столкновении, в которое оказались вовлечены крупные военные силы с обеих сторон. Когда же оно произошло? В Софийской II и Львовской летописях оно датировано 1454 г., в Ермолинской и Сокращенных сводах – 1455 г. Сопоставление с посланием митрополита Иона смоленскому епископу говорит в пользу того, что правильной является первая дата: именно в этом послании, написанном в 1454 г., упоминалось о приходе снова ("паки") царевича, сына Сеид-Ахмеда.

В великокняжеской летописной традиции известие о набеге татар в 6953 г. (или 6952) отсутствует, зато известие о таком набеге читается под следующим, 6954 г. В этом известии сообщается о набеге татар Сеид-Ахмеда, которые перешли Оку ниже Коломны[118]. Сходство ситуации и отсутствие известия о нападении татар в 6953 г. заставляют предполагать, что под разными датами описано одно и то же событие. Однако между версиями имеются определенные расхождения. Так, если в рассказе Софийской II – Львовской летописей говорится о том, что в походе против татар войско возглавляли сыновья великого князя Иван и Юрий, то в великокняжеском летописании как командующий выступает князь Иван Юрьевич Патрикеев. Непонятно, что могло побудить великокняжеского летописца заменить сыновей великого князя московским наместником и главой боярской думы, тем более в рассказе,

где говорится о победе русской рати над татарами. Наконец, что весьма существенно, само событие изображено в обеих версиях по-разному. В версии Софийской II – Львовской летописей до битвы с татарами дело не дошло. Лишь Федор Басенок, очевидно с конным авангардом, сумел догнать татар и отбить полон. В кратком известии великокняжеских сводов, напротив, речь идет о сражении, когда "бысть им бои и одолеша христиане татаром".

Эти наблюдения позволяют предполагать, что в 1454 г. русской рати не удалось добиться успеха, и поэтому, очевидно, данному событию и не нашлось места в великокняжеском летописании, а внимание составителя общего источника Ермолинской летописи и Сокращенных сводов оно привлекло потому, что во время военных действий отличился Федор Басенок – персонаж, которому в этом источнике уделялось особое внимание.

Исследователи отмечали, что в общем источнике Софийской II и Львовской летописей читались оба известия: и известие о набеге царевича под 1454 г., и известие о сражении с татарами под 1455 г., что, естественно, объяснялось использованием в своде двух разных источников[119]. Однако стоит отметить, что известие Софийской II и Львовской летописей заметно отличается от аналогичного известия великокняжеских сводов. Здесь подчеркнуты наступательный характер действий русской рати (великий князь "послал за Оку рать") и глубина поражения противника ("побиша татар множество")[120] – этих слов в великокняжеских сводах нет, не исключено, что здесь следы использования особого источника, содержавшего краткий, но оригинальный рассказ о сражении с татарами в 1455 г.

Провалом похода на Москву воспользовался соперник Сеид-Ахмеда крымский хан Хаджи-Гирей. По свидетельству Длугоша, в 1455 г. он напал на лагерь Сеид-Ахмеда, нанес ему поражение, и тот с семьей и "князьями" был вынужден бежать на территорию Великого княжества Литовского, к Киеву[121].

Так перестало существовать наиболее крупное и сильное объединение среди наследников Золотой Орды, которое прежде всего осуществляло ордынскую политику по отношению к восточноевропейским соседям.

Анализируя отношения восточноевропейских государств с Ордой в конце 40-х – первой половине 50-х годов XV в., можно отметить появление в них ряда новых черт. Стремление восточноевропейских государств общими усилиями положить конец вмешательству Орды в их внутреннюю жизнь и ограничить сферу ее влияния ордынская знать встретила враждебно. Характерной чертой этого периода стали практически ежегодные набеги татар на земли соседей, сопровождавшиеся постоянным захватом полона, продававшегося на невольничьих рынках. Именно в эти годы работорговля становилась одним из главных источников существования Орды.

В эти годы можно еще отметить наличие в восточноевропейских государствах сил, готовых сотрудничать с Ордой для достижения общих

политических целей. Сообщения Яна Длугоша о сношениях Сеид-Ахмеда с частью литовской знати, недовольной правлением Казимира, которая хотела бы видеть на литовском троне особого правителя, подтверждаются современными немецкими источниками[122]. Однако это последний из известных фактов такого рода. В дальнейшем татарские ханства в Восточной Европе неоднократно и успешно использовали в своих интересах противоречия между Москвой и Литвой, но никаких попыток вмешиваться в их внутриполитическую жизнь не делали.

Наконец, неудача попыток Сеид-Ахмеда осуществить государственный переворот в Великом княжестве Литовском и сам конец его орды свидетельствуют о том, что в системе международных отношений в Восточной Европе наметились перемены, связанные с растущим значением Великого княжества Московского в политической жизни региона.

Все это рано или поздно должно было вызвать враждебную реакцию правящих кругов Великого княжества Литовского, тем более в условиях, когда угрожавшая обеим сторонам общая опасность была устранена. Раньше всего эта враждебная реакция проявилась в их отношении к той части договора 1449 г., которая четко и однозначно относила Великий Новгород к зоне московского влияния[123]. Почти через 10 лет после заключения договора 1449 г. между Новгородом и Великим княжеством Литовским начались переговоры о присылке "князя", которому были бы отданы в кормление новгородские пригороды, и в 1459 г. в Новгород прибыл как литовский наместник князь Юрий Лугвеньевич[124]. А позднее в Вильно предприняли другой важный шаг. В 1461 г. Казимир обратился к крымскому хану Хаджи-Гирею[125] с просьбой о подтверждении ханских ярлыков, выданных ранее великим князьям литовским. В ханском ярлыке после перечня городов, входивших в состав Великого княжества Литовского, указывалось, что в знак благодарности за "дружбу" со стороны Казимира теперь и Великий Новгород "до панства литовского подали"[126]. Обозначившееся в этом документе стремление правящих кругов Великого княжества Литовского изменить невыгодное соотношение сил в регионе, опираясь на поддержку Орды, свидетельствовало о начале нового этапа в отношениях татарских орд с Москвой, объединявшей вокруг себя земли Северо-Восточной Руси, и Литвой.

[1] Здесь могут быть отмечены следующие работы: *Греков Б.Д., Якубовский И.Ю.* Золотая Орда; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975; См. также: исследования, опубликованные в сб. "Куликовская битва" (М., 1980).

[2] *Lewicki A.* Powstanie Swidrygiełły // Polska akademia umiejętnośći / Wyd. hist.-filoz. Rozprawy. Kraków, 1892. T. 29; *Halecki O.* Dzieje unii jagiellónskiej. Kraków, 1919. T. 1; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiellonów. W-wa, 1930. T. 1.

[3] *Spuler B.* Die Goldene Horde // Die Mongolen in Russland 1223–1502. Leipzig, 1943.

[4] *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI в. М., 1963.

[5] Там же. С. 129.

[6] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 147; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 186.
[7] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6; СПб., 1910. Т. 20. 1-я пол. С. 234.
[8] Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illústrantia. Kraków, 1891. Т. 12. N 789. S. 256.
[9] Ibid. 1894. Т. 14. Dod. N 6. S. 505.
[10] *Dlugosz J.* Opera omnia. Cracoviae, 1877. Т. XII. S. 447–448.
[11] *Коцебу А.* Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1835. С. 131.
[12] *Dlugosz J.* Op. cit. Cracoviae, 1877. Т. XIII. S. 491.
[13] Ibid. S. 519–520.
[14] Liv-Est und Kurländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau, 1884. Т. 8. N 646. S. 378–379. (Далее: LE KUB).
[15] Ibid. N 651. S. 383.
[16] *Коцебу А.* Указ. соч. С. 168–169.
[17] LE KUB. Т. 8. N 661. S. 392.
[18] Опубликовано Н.М. Карамзиным – см.: История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 334. Примеч. 264, где ошибочно датировано 1432 г.
[19] О нем см.: *Semkowich W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polska w Horodle roku 1413 // Lituano-slawica poznaniensia. Studia historica. Poznán, 1989. Т. III. S. 19.
[20] Зять хана Улу-Мухаммеда Ельбердей упоминается в летописном рассказе о Белевской битве 1437 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 260), а Айдар, вероятно, в этой битве погиб ("зятя царева убиша").
[21] *Коцебу А.* Указ. соч. С. 181.
[22] Там же. С. 194–195.
[23] LE KUB. Т. 8. N 98. S. 597.
[24] *Коцебу А.* Указ. соч. С. 221.
[25] LE KUB. Riga; Moskau, 1889. Т. 9. N 39. S. 17.
[26] Ibid. N 227. S. 135.
[27] *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 46–47.
[28] ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 182; Т. 25. С. 250.
[29] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 30. С. 76. (Далее: Д и ДГ).
[30] ПСРЛ. Т. 23. С. 148.
[31] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 20.
[32] Д и ДГ. № 36. С. 101, 103.
[33] Известие о поездке Василия Косого в Орду, читающееся в Никоновской летописи, отсутствует в летописных сводах, послуживших источником этой части повествования, и это заставляет сомневаться в достоверности летописного сообщения.
[34] Ряд ясных указаний на это имеем в докончаниях Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем и его сыновьями (Д и ДГ. № 30, 34, 36).
[35] ПСРЛ. Т. 25. С. 249.
[36] Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 26–27.
[37] *Коцебу А.* Указ. соч. С. 190–191, 195–196; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 66.
[38] *Dlugosz J.* Op. cit. S. 520.
[39] Monumenta medii aevi... Т. 14. Dod. N 25. S. 533.
[40] *Dlugosz J.* Op. cit. S. 592–593.
[41] Ibid. S. 450.
[42] *Lewicki A.* Op. cit. S. 225–226.
[43] Их издание см.: *Барвиньскі Б.* Історічні причинкі. Львів, 1909. Т. II. С. 11–21; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. II. № 6.

[44] *Prochaska A.* Z Witoldowych dziejów: Uklad Witolda z Tochtamyszem 1397 г. // Kwartalnik historyczny. 1912. T. XV. S. 259–264.
[45] *Коцебу А.* Указ. соч. С. 197.
[46] ПСРЛ. Т. 25. С. 250.
[47] *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. С. 237.
[48] *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа. СПб., 1896. С. 502–503, 530.
[49] Д и ДГ. С. 448.
[50] *Коцебу А.* Указ. соч. С. 140–141.
[51] *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 125–127, 133–134.
[52] *Коцебу А.* Указ. соч. С. 222.
[53] Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV веке. Л., 1971. С. 140–141, 150.
[54] ПСРЛ. Т. 6. С. 150; Т. 20, ч. 1. С. 240: "постави город на реце на Белеве... хотя зде зимовати".
[55] Редкие источники по истории России. Вып. 2. С. 67.
[56] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 64.
[57] Цит. по: *Kolankowski L.* Op. cit. S. 257–258.
[58] *Барвиньскі Б.* Op. cit.
[59] В документе указывалось, что люди, живущие в городах, на которые выдан ярлык, должны служить великому князю Казимиру, как они ранее служили великому князю Сигизмунду.
[60] *Halecki O* Z Jana Zamoyskiego Inwentarza Archiwum Koronnego materialy do dziejów Rusi i Litwy // Archiwum Komisji historycznej Polskiej Akademii Umiejstności. Kraków, 1919. T. XII. Cz. I. S. 216. Обоснование даты документа см.: Ibid. S. 198–199.
[61] *Коцебу А.* Указ. соч. С. 191.
[62] *Kolankowski L.* Op. cit. S. 256.
[63] LE KUB. T. 8. N 624. S. 366. Это свидетельство проливает свет на происхождение Сеид-Ахмеда. Он был сыном "Betsub-ulana", о котором Длугош упоминает под 1418 г. как об одном из кандидатов на ханский трон, которых поддерживал Витовт (*Dlugosz I.* Op. cit. S. 221). Очевидно, как и другие ставленники Витовта, Бетсуб принадлежал к числу сыновей Тохтамыша.
[64] *Halecki O* Z Jana Zamoyskiego Inwentarza... S. 163–164.
[65] Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 35. С. 290–291.
[66] Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. I. № 40.
[67] Приход на Рязань царевича Мустафы в 1443 г. был не грабительским набегом, а попыткой потерпевшего поражение претендента на ханский трон (известны монеты с его именем) найти себе пристанище. Характерно, что, когда пришли московские воеводы, Мустафа "был в городе, резанци же выслаша его из города" (ПСРЛ. Т. 25. С. 394). Очевидно, он поселился в Рязани по какому-то соглашению с ее жителями.
[68] Д и ДГ. № 38. С. 108.
[69] *Dlugosz J.* Op. cit. T. XIV. Cracoviae, 1878. S. 422.
[70] Иерархи задавали Шемяке, отказавшемуся участвовать в расходах на содержание послов Сеид-Ахмеда, риторические вопросы: не сидит ли Сеид-Ахмед на том самом "юрте", где его отец, Юрий Дмитриевич, добивался великого княжения? "не те жо ли паки царевичи и великие князи у сего царя Седи-Яхмата, который тогды у того царя были?" (Русский феодальный архив XIV–XVI вв. М., 1986. Т. I. № 19. С. 111).

[71] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 138–139.
[72] ПСРЛ. Т. 25. С. 226–227.
[73] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 485.
[74] Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1951. Ч. 1. № 233; О дате документа см.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964. Т. III. С. 320–321.
[75] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.
[76] ПСРЛ. Т. 6. С. 170; Т. 20, ч. 1. С. 257; Т. 25. С. 262, 395.
[77] См. об этом подробнее: *Кучкин В.А., Флоря Б.Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979.
[78] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 104–105.
[79] Возможно, сыграла свою роль вспышка внутренней борьбы в Казанском ханстве после убийства Улу-Мухаммеда его старшим сыном Махмутеком. Его братья, Касим и Якуб, укрывшиеся "в Черкасах", в конце 1446 г. стали искать "службы" у московского великого князя (см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 268).
[80] Д и ДГ. № 52. С. 156.
[81] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 426.
[82] ПСРЛ. Т. 25. С. 263.
[83] См. сообщение Тверской летописи: с Василием II пришли "татарове дани имати великие" (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 492)
[84] Русский феодальный архив XIV–XVI вв. Т. 1. № 19. С. 109.
[85] ПСРЛ. Т. 25. С. 269.
[86] См. об этом: *Kopystiański A.* Ksi qże Michał Zygmuntowicz // Kwartalnik historyczny. 1906. N 1/2.
[87] *Kolankowski L.* Op. cit. T. 1. S. 264. Возможно, переговоры имели место на Рождество 1448 г., когда он принимал в Вильно послов "татарского императора" (*Dlugosz J.* Op. cit. S. 44–45).
[88] *Dlugosz J.* Op. cit. S. 49.
[89] Ibid. S. 56–57.
[90] Великий магистр сообщал в декабре 1448 г. графу Г. фон Эттинген, что татары вторглись в Литву, жгли и разоряли страну (LE KUB. Riga; Moskau, 1896. T. 10. N 525. S. 386).
[91] *Dlugosz J.* Op. cit. S. 61. Как отметил О. Халецкий, сообщение о личном участии короля в походе подтверждается документально (*Halecki O.* Dzieje unii jagiełłónskiej. T. I. S. 370).
[92] ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 159.
[93] LE KUB. T. 10. N 560. S. 415.
[94] Ibid. N 597. S. 447.
[95] Ibid. N 623. S. 462; *Kolankowski L.* Op. cit. T. I. S. 259.
[96] LE KUB. T. 10. N 623. S. 462.
[97] Ibid. S. 451. 1 августа и ливонский магистр сообщал великому о "большой победе" литовского войска над Михаилом Сигизмундовичем и татарами (Ibid. N 642. S. 485).
[98] Ibid. S. 500.
[99] Не исключено, что договоренность о совместных действиях была достигнута еще в 1448 г. Великокняжеское летописание отметило как важное событие приезд весной 1448 г. в Москву посла Казимира Сеньки Гедиголдова (ПСРЛ. М.: Л., 1949. Т. XXV. С. 269–270). Ранг посла, сына виленского воеводы, который стал в 1450 г. каштеляном виленским, также говорит о важном значении

его миссии (*Peltz W.* Ród Giedygolda i jego majętnósci // Zeszyty naukowe unywersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Historia. Z. 11. Poznán, 1971. S. 27–28).

[100] *Kolankowski L.* Op. cit. T. I. S. 265.

[101] Д и ДГ. № 53. С. 160.

[102] ПСРЛ. Т. 32. С. 160. Тюрко-татарское предание также отмечает решающую роль Тэгене, главы рода Ширинов, в победе Хаджи-Гирея над Сеид-Ахмедом (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 213).

[103] *Dlugosz J.* Op. cit. S. 78.

[104] Ibid. S. 99.

[105] *Уляницкий В.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. М., 1887. № 77.

[106] *Dlugosz J.* Op. cit. S. 105, 117–118.

[107] Ibid. S. 133.

[108] LE KUB. Riga; Moskau, 1898. T. 11. N 58.

[109] *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 109–110.

[110] *Dlugosz J.* Op. cit. S. 130.

[111] ПСРЛ. Т. 25. С. 270. Запись восходит к великокняжескому летописанию. В неофициальных сводах лишь краткие записи о приходе татар.

[112] ПСРЛ. Т. 25. С. 271. В неофициальных летописях отмечен лишь факт сражения с татарами.

[113] Подробный рассказ о набеге сохранился в великокняжеском летописании (см.: Там же. С. 271–272).

[114] Русский феодальный архив. Т. I. № 60. С. 203–205.

[115] См.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начало XVIII века. М., 1969. С. 307–308.

[116] ПСРЛ. Т. 6. С. 180; Т. 20. пол. 1. С. 262-263.

[117] ПСРЛ. Т. 23. С. 155; Т. 27. С. 274, 348.

[118] ПСРЛ. Т. 25. С. 273.

[119] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 170–171.

[120] ПСРЛ. Т. 6. С. 180; Т. 20, пол. 1. С. 264.

[121] *Dlugosz J.* Op. cit. S. 216. Другая версия того же рассказа помещена ошибочно под 1452 г. (Ibid. S. 119). См. об этом: Rozbiór krytyczny "Annalium Poloniae" Jana Dlugosza. Wroclaw etc. 1965. Cz. II. S. 47. В 1456 г., принося вассальную присягу Казимиру, молдавский воевода Петр Арон обязался доставить королю в Каменец сыновей Сеид-Ахмеда, если они попадут в его руки (*Уляницкий В.* Указ. соч. № 82).

[122] См. об этом: *Kolankowski L.* Op. cit. T. 1.

[123] "в Новъгород Великии... тобе, королю и великому князю, не вступатися" (Д и ДГ. № 53. С. 162).

[124] *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 214, 267.

[125] После поражения Сеид-Ахмеда он серьезно претендовал на роль главы всей Орды.

[126] *Барвиньскі Б.* Історічні причинки... С. 15.

Я.Г. Солодкин

ТАТАРЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ АВТОРА "КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ"

Посвященная судьбе возникшего в Среднем Поволжье "срацынского царства", прежде всего его взаимоотношениям с Москвой, "Казанская история" (КИ) отмечена своеобразием восприятия татар, подоплека которого по-разному объясняется исследователями.

Еще Г.З. Кунцевич признал оригинальной чертой "Сказания" об образовании, возвышении и гибели казанского "юрта" необычайный интерес к жизни осажденной русскими в 1552 г. Казани[1]. По мнению С.И. Кокориной, в первой редакции произведения казанцам уделено слишком много места, что вызвало, в частности переработку авторского текста[2]. С точки зрения М.Г. Худякова, КИ как выражение "завоевательной идеологии русских империалистов того времени" пронизана фанатичной ненавистью к казанцам[3]. Г.Н. Моисеевой же представляется, что анонимный создатель КИ по-разному относился к татарам из числа простолюдинов и правящих кругов[4]. Исследовательница полагает, что феодалы представлены как лукавые, неверные, жестокие изменники, рядовым же воинам она не отказывает в "умении" и мужестве, например, в главе "О падении храбрых казанцев". Вместе с тем Г.Н. Моисеева считает идеальным нарисованный публицистом образ последней казанской царицы Сююн-бике (Сумбеки), выданной с сыном московскому правительству в 1551 г.[5] М.Н. Тихомиров, отмечая, что автор называет казанцев то "сыроядцами, свирепыми и жестокими людьми, то не скупится на краски, описывая храбрость татар", счел искусственными рассуждения о том, что простой народ отделен в КИ от знати[6]. Действительно, говоря про "презлое царство срацынское", публицист тут же называет Казань "предивной". Ханская столица для него "змиево гнездо", безбожный, поганый народ, но одновременно "красный" и славный (43, 75, 101, 105, 113). Автор постоянно называет казанцев жестокими, лукавыми, "презлыми", неверными, погаными "бесермянами", кровопийцами, сыроядцами, немилостивыми, беззаконными, непокорными, окаянными, считая их достойными вечного проклятия. Крымский и казанский цари, по его словам, – "две огненные главни, пожигающи и попаляющи христианство". Публицист заключает, что "от века и от рождения дело варварское и ремество кормитися войною"; казанцы "питаются" "оружием своим", причем если Батый единожды "Рускую землю прошёл, яко молниина стрела", то они "всегда из земли Руския не исхождаше", подвергая ее жителей неслыханным мучениям, грабя, убивая, захватывая в плен "христиан" (75, 79, 113–114, 121, 129, 144, 145, 174, 176). Наряду с этим казанцы, в представлении автора, –

мудрые, храбрые, "велми" удалые люди, они "умение велико имущи ратоватися во бранех и непобеждени бываху ни от кого же, и мало таких людей мужественных злых во вселенней обретается"; каждый из них "воинству искусен и ратник учён", бесстрашен в бою[7]. Московские воеводы признали, что жители Казани "зело крепко" обороняли свой "град" в 1552 г. В защите города тогда принимали участие высокорослые "жены и девица силныя", причем "бияхуся дерзостно". Во время штурма крепости, по свидетельству автора "Сказания", некоторые казанцы "охрабришася" и в воротах "града" сразились "с русью и татары" (последние входили в состав осаждающих), и "страшно бо видети обоих храбрости и мужества"; побеждаемые, казанцы не сдавались, они бились даже "камением и дреколием и цками покровными... и сами убивающеся, и живы в руки не дающися взяти". В сече у Царевых ворот три тысячи казанцев, прорвавшиеся за Казань-реку, перебили многих русских (тогда "бысть на единаго казанца русинов 50") "и сами ту же умроша, храбрыя, похвално на земли своей" (75, 105, 128, 135, 137, 146, 151–152, 155). Тем не менее симпатии автора КИ на стороне тех горожан, которые предлагали покориться Ивану IV, сдать крепость до начала решающего штурма.

Следовательно, мысль, что сочинитель "красной" повести симпатизировал казанцам – представителям народа, следует считать односторонней. Так же нужно оценить вывод Г.Н. Моисеевой о сугубо негативном отношении выдающегося публициста к казанской знати.

Я.С. Лурье показал, что образ Сумбеки в КИ не является идеальным. Хотя последняя казанская ханша названа в ней мудрой и "красносолнечной", автор пишет о ее "блудной любви" с уланом Кощаком; ради возведения его на престол Сумбека даже была готова пойти на убийство своего единственного сына; пыталась она и отравить мужа Шах-Али (Шигалея)[8], за что якобы ее выдали московским властям. Создатель КИ осуждает "нагайинию" – вдову Сафа-Гирея за стремление сохранить независимость Казани, не допустить превращения этого "вольного царства" во владение русского государя (83, ср.: 102). Поэтому вряд ли, подобно Г.Н. Моисеевой, можно думать, что публицист умалчивает о политической причине изгнания Сумбеки из Казани, "представляя ее поведение в свете личных отношений с ханом Шигалеем"[9]. Двойственно изображены в "Сказании" и некоторые другие представители казанской элиты. Называя Мухамед-Эмина поганым царем, автор КИ признает его храбрым и мужественным. Погибшего во время осады Казани русскими в 1530 г. воеводу Аталыка публицист рисует богатырем, в одиночку побеждавшим "велик полк бойцев удалых"; оказывается, этот "сильный варвар" – прославленный воевода, внушал страх всякому "русину". Крымский царевич Кощак (Кучак), правивший Казанью вместе с Сумбекой, был мужественным "на бранех" и "зело величав". Согласно "Истории", князь Чапкун, "лстец и прелагатай" (прослужив пять лет в Москве, он изменнически "отъехал" в Казань), убитый самими казанцами в 1552 г. за то, что призывал их не подчиняться Ивану IV, был искусным "в победах", т.е. удачливым военачальником. Автор

"Сказания" восхваляет "властителя казанского" "болшаго князя" Чюру Нарыковича, спасшего хана Шигалея от рук казанцев, "положившего душу" за своего повелителя (62, 70, 80–82, 93, 106, 110, 153)[10]. Явно идеализируя Шигалея (Ших-Али, Шах-Али), который в КИ представлен хотя и "поганым", "варваром", но вернейшим слугой московского самодержца, умелым и храбрым воином, публицист приводит отзывы об этом хане Сумбеки и казанцев, где тот значится злым врагом, жестоким и немилостивым волхвом (66, 86, 102, 104, 105, 110, 113, 138, 172).

Таким образом, автор "Сказания", в целом разделявший "традиционно-православные взгляды своего времени"[11], контрастно изображает казанцев, то сочувствуя им, то признавая их антагонистами Русского государства[12].

Чем же объясняется такое отношение замечательного публициста к казанцам, необычность которого бросается в глаза при сравнении КИ с циклом официальных сочинений о перипетиях "казанского взятия" и "кройникой" А.М. Курбского об Иване Грозном?

М.Н. Тихомиров связывал двойственную оценку татар в КИ со "смешанным составом" произведения, начальная часть которого имеет светский облик, а вторая (68-я и последующие главы) характеризуются преобладанием "церковных текстов". Явную благожелательность к казанцам, пронизывающую значительный раздел "Сказания", ученый объяснял и использованием в "красной" повести татарской письменной традиции, например в описании возникновения Казани и событий рубежа XV–XVI вв.[13] Приведенные суждения, на наш взгляд, справедливы лишь отчасти. "Теологизированные" рассказы, в частности описания чудес и воспроизведение молитв, встречаем и в 29, 53–55, 63-й главах, т.е. в первой (согласно М.Н. Тихомирову) части КИ. Но и в заключительных разделах памятника главное внимание уделяется истории победы над Казанью, а не чудесам Сергия[14]. Автор "Истории" – русский по происхождению, попавший в плен к казанцам и в течение двух десятилетий (до октября 1552 г.) являвшийся приближенным ханов, – мог знать булгаро-татарские летописи или содержание этих сочинений (уже утерянных) в пересказе "царя" и вельмож[15]. Ввиду легендарности известий "Сказания" о возникновении Казани и ее основателе хане Саине[16] большинство исследователей находит, что про начало Казанского "юрта" публицист писал по легендам и преданиям, бытовавшим в среде самих татар[17]. Благожелательным отношением к казанцам отличаются главы, отведенные предыстории падения ханской столицы, но зависимость от татарских письменных источников тут не ощущается. Как считает Г.Н. Моисеева, о Сумбеке автор писал по легендам и слухам, распространенным во враждебных Москве кругах[18]. В повествовании о "красносолнечной" царице могли отразиться и впечатления самого публициста.

С точки зрения Г.Н. Моисеевой, признание этим талантливым писателем храбрости и воинского умения казанцев вызвано тем, что ко времени создания "Истории" (по заключению исследовательницы, к середине 1560-х годов) они уже находились в составе Российского госу-

дарства[19]. Спрашивается, однако, почему такого признания мы не встречаем в других нарративных источниках по истории "казанского взятия", самые ранние из которых возникли в первые годы после этого крупнейшего события XVI в. (формально казанцы стали поданными московского государя уже осенью 1552 г., фактически же подчинение Казанского края Ивану IV затянулось до 1557 г.[20]).

По мысли Г.Н. Моисеевой, восторженное отношение к Сумбеке в КИ и подчеркивание здесь роли татар из окружения Грозного диктовались тем, что царевичи Шигалей, Кайбула и другие служилые "бусурманские" владетели пользовались почетом при дворе российского самодержца. В представлении исследовательницы содержащийся в повести "разряд" победоносного наступления на Казань "отражает не исторически точное распределение воинских должностей" в 1552 г., а является росписью назначений на командные посты времени Ливонской войны, когда отношение Ивана IV ко многим действительным участникам "казанского взятия" круто изменилось (многие из них оказались в опале или были казнены) и ключевые посты в армии заняли опричники и иноземные царевичи. Поскольку двое из них – Кайбула и Тохтамыш – находились на русской службе с мая 1552 и декабря 1556 гг. соответственно (в одной из статей Г.Н. Моисеева относит их прибытие в Россию к концу 50-х – 60-м годам), исследовательница приходит к выводу о недостоверности "разряда" последней казанской кампании, читающегося в "Истории". Отметим, что Г.Н. Моисеева определяет этот "разряд" то как вымышленный, то считает его отражением "расстановки воинских дожностей" за 1562–1566 гг., ибо Кайбула с Тохтамышем занимали тогда видные места в руководстве русской армии[21]. Данные наблюдения приняты многими исследователями.

Так, Я.С. Лурье с выдвижением Грозным татарской знати связывает противоречивую оценку в КИ Сумбеки, хотя однажды указывает при этом на литературные соображения автора "Сказания". Последним защитники Казани, как пишут А.М. Панченко и Б.А. Успенский, "изображаются чуть ли не в приязненных тонах", не как супостаты, а как "наши". Выясняя подоплеку такого нарушения литературного этикета (степень которого, о чем уже шла речь, исследователями преувеличена), А.М. Панченко и Б.А. Успенский ссылаются на факты "великого княжения" Симеона Бекбулатовича, существования уделов татарских царевичей в Юрьеве Польском и Звенигороде, владений ногайских мурз в Романове, подчеркивают, что в правящем слое вассалам-мусульманам принадлежали почетные места[22]. Заметим, что Симеон Бекбулатович являлся великим князем московским в 1575–1576 гг., т.е. КИ предшествует этому любопытному эпизоду политической истории России минимум на десятилетие. Но еще при Василии III казанского царевича Худайкула (в крещении Петр), как допускал А.А. Зимин, прочили в наследники престола. На русской службе тогда находился и царевич Акдовлет[23]. В окружение Грозного еще накануне опричнины входили Ибак (с 1560 г.) и троюродный брат Шигалея Бекбулат (с 1561/62 г.). Как отмечалось и Г.Н. Моисеевой, сам Шигалей участвовал в казан-

ском походе 1552 г., а Дербыш-Али (будущий астраханский хан) в 1552–1554 гг. владел Звенигородом. Последний казанский хан Едигер (Ядигар) в 1546/47–1549/50 гг. служил в России, в частности вместе с касимовским царевичем Шигалеем. В 1549 г. он упомянут в разрядных записях в числе руководителей похода из Нижнего Новгорода к Казани[24]. В 1548/49 г. в Москве канонизировали Петра, царевича ордынского. В помещенном в КИ "разряде" за 1552 г. названы 31 русский воевода и 5 татарских царевичей; кроме того, участниками "казанского взятия" представлены М. Глинский, Б. Салтыков, Д. Юрьев, П. Шуйский, Н. Глебов. Все перечисленные в "разряде" московские военачальники известны документально[25]; из татарских царевичей нам не встретилось в других источниках лишь сообщение про Кудаита Шибанского. Едва ли оно вымышлено. Примечательно, что в "государеве разряде" 1598 г. Шигалей трижды назван царевичем шибанским[26], т.е. выходцем из династии Шейбанидов, правившей в западной части Средней Азии. Об участии татар во "взятии" Казани узнаем не только из разрядных записей, включенных в КИ. По свидетельствам автора, Шигалей явился в поход из Касимова с 30 тыс. "варвар", у Кайбулы и Дербыш-Али было "татар их 20 000", всего на Казань двинулось "иноязычныя силы татарския" в количестве 60 тыс. человек, "царевичев с татары" из передового полка русской армии Грозный поставил за Булаком-рекой, протекающей возле Казани, во время штурма вначале в город ворвались татары под предводительством астраханских царевичей (123, 124, 126, 151), что, впрочем, не означает, что они выдвигаются на первый план в описании захвата города[27]. Астраханские царевичи Дербыш-Али и Кайбула упоминаются публицистом в составе войска, возвращавшегося из покоренной Казани. Первый из них, согласно КИ, год спустя был убит ногайцами, а второй получил в вотчину от царя Юрьев. Следовательно, в "красной" повести служилым татарам приписана видная роль в присоединении Казанского ханства к России. Хотя нельзя, подобно Я.С. Лурье, полагать, что в глазах создателя КИ они наряду с будущими опричниками внесли решающий вклад в завоевание Казани[28], в "Сказании" иноземным царевичам отведено куда более заметное место в событиях 1552 г., чем в официальной летописи[29].

Кайбула, появившийся в окружении московского государя накануне казанского "взятия", вполне мог принять в нем участие. Зато Тохтамыша, конечно, не было у стен "предивной" Казани в 1552 г. Не исключено, что публицист напрасно включил в число воевод русской армии в этой кампании Кудаита. Но считать (вслед за Г.Н. Моисеевой), что приведенный в КИ "разряд" похода войск Ивана IV от Мурома к Казани вымышлен, так как не совпадает с данными летописца начала царства, в целом соответствующим известиям официальной разрядной книги[30], едва ли допустимо. По сравнению с летописцем в числе участников казанского "взятия" в "Истории" не упомянут только князь П.С. Серебряный, однако дополнительно названо 17 военачальников (А. Телятевский, В. Оболенский Помяс, Б. и С. Трубецкие, Ю. Булгаков, А. Воротынский, Андрей Суздальский, И. и Ю. Куракины, И. Бельский, А. Ро-

стовский Красный, Дмитрий Палецкий, Д. Курлятев, И. Пенков, М. Репнин, Ю. Тёмкин-Ростовский, Н. Одоевский). В "государеве разряде" за лето–осень 1552 г., как и в росписи из КИ, перечислены М. Воротынский, И. Пронский, П. Щенятев, А. Курбский, Ю. Шемякин-Пронский, А. Горбатый[31]. Всего в "Сказании" названо 35 представителей знати, участвовавших в той кампании, причем о двух из них – М. Глинском и А. Воротынском – говорится как о воеводах храбрых и "силних". Героем казанского взятия волею автора представлен С.И. Микулинский. По словам "списателя", это храбрец превеликий, предобрый "воем" наставник, всеобщий любимец. Если верить публицисту, благородные вельможи, любимые царские "думцы", бояре и воеводы, советовали Грозному идти на Казань, они же возглавляли войска в этом походе, а накануне штурма ханской столицы вместе с простыми ратниками заявили о желании умереть за православную веру и государя, но не отступить. Поэтому ошибочны выводы Г.Н. Моисеевой относительно того, что в КИ завоевание Казани представлено заслугой царя и рядовых воинов, а не князей и бояр; роль последних замалчивается либо (относительно Курбского, Горбатого, Щенятева, Немого Оболенского) признается второстепенной[32]. Однако Немой Оболенский в "Сказании" не упомянут вовсе[33], а другие названные исследовательницей военачальники указаны не только в "разряде", так что выявить в изучаемом произведении тенденцию к принижению значимости деятельности этих князей не удается. По Г.Н. Моисеевой, в росписи подходящего к Казани русского войска на первый план выдвинуты будущие опричники Ю. Тёмкин-Ростовский, Н. Одоевский, Ю. Пронский, С. Трубецкой[34]. Но опричником среди них был (и то с 1569/70 г.) лишь Одоевский. Вопреки указанию М.Е. Бычковой Ю.И. Тёмкин-Ростовский не входил в состав опричного двора, еще с 1563 г. сообщения об этом боярине исчезают из источников[35]. Стало быть, в КИ не обнаруживается стремление к возвышению (якобы наряду с татарскими царевичами) опричных сподвижников Грозного[36].

Тенденциозность "разряда" из КИ, на взгляд Г.Н. Моисеевой и других исследователей, объясняется условиями создания памятника. Вслед за Г.З. Кунцевичем Г.Н. Моисеева полагала, что "Сказание" возникло не ранее кончины князя С.И. Микулинского (1562 г.), до смертей митрополита Макария (конец 1564 г.), служилых царевичей Александра Сафакиреевича и Шигалея в 1566, 1567 гг. Аргументируя эту датировку, исследовательница ссылалась также на использование в КИ Первого послания Грозного Курбскому (завершенного 5 июля 1564 г.), соответствие включенной в КИ росписи воевод в кампании 1552 г. "разрядам" ливонских походов до 1566 г., умолчание об участии в казанском "взятии" М.И. Воротынского, находившегося в 1562–1566 гг. в ссылке. По заключению Г.Н. Моисеевой, "красная" повесть написана в середине 60-х годов XVI в., точнее в 1564–1565 гг.[37] Другие исследователи разделяют этот вывод[38].

Отметим, что в рассуждениях Г.З. Кунцевича наличествует ряд анахронизмов. Кончину прославленного воеводы С.И. Микулинского сле-

дует приурочивать к 1560 г.[39] Макарий умер 31 декабря 1563 г., Шигалей – 22 апреля 1566 г.[40] В КИ как о живых говорится о многих лицах, покинувших историческую сцену до середины 1560-х годов: боярах Ю.И. Шемякине Пронском (умер в 1555 г.), Дмитрии Палецком (скончался около 1556 г.), Ю.М. Булгакове-Голицыне (его смерть относится к 1559 г.), Ю. Тёмкине-Ростовском (выбыл из состава Думы в 1563 г.), Д.Р. Юрьеве (умер в ноябре 1564 г.), удельном князе Юрии Васильевиче, брате царя (скончался в 1563 г.), царице Анастасии (умерла в августе 1560 г.), казанском архиепископе Гурии (скончался на исходе 1563 г.)[41]. Следуя логике Г.З. Кунцевича, неясно, почему в КИ не сказано о рождении царевича Дмитрия (октябрь 1552 г.) либо его братьев Ивана и Федора (1554, 1557), о строительстве в Москве в честь казанского "взятия" Покровского собора (1555–1561), а также присоединении Астраханского ханства. Критерий умолчания вообще не может считаться весомым при датировке источника. Уязвимы и доводы Г.Н. Моисеевой, призванные подкрепить соображения Г.З. Кунцевича. Как отметила С.И. Кокорина, князь М.И. Воротынский числится в "разряде" КИ[42]. Изучавший Лицевой свод Б.М. Клосс подчеркивает, что хронологическими приметами должны служить не положительные оценки ряда участников "Казанской войны", так как их подвиги в сознании тогдашних книжников совершались во славу государя, а острые выпады с целью очернить то или иное лицо[43]. Такой филиппики в отношении М.И. Воротынского мы не обнаружили в КИ. Зато, с точки зрения Г.Н. Моисеевой, непонятно, отчего верным сподвижником царя там изображен его двоюродный брат Владимир Андреевич, в 1563 г. оказавшийся в опале[44]. Соответствие "разряда" из КИ росписям ливонских походов русской армии 1562–1566 гг. касается в основном Шигалея, Тохтамыша и Кайбулы (т.е. крайне относительно); даже если публицист обращался к этим росписям[45], его сочинение может быть датировано 1562–1563 гг. Вызывает сомнение и мысль о зависимости КИ от Первого послания Грозного Курбскому[46]. Г.Н. Моисеева считает, что только в этих произведениях совпадают описания детства Грозного, осуждаются временщики периода малолетства Ивана IV. Однако едва ли в КИ налицо только "обобщение воспоминаний Грозного о его детских годах"[47]. Рассказ царя об этом времени значительно конкретнее, чем в КИ, в частности в нем говорится о боярских распрях, гибели верных Ивану IV и его отцу советников и воевод, но не сказано про слезы, вопли подданных, страдавших от татьбы, разбоя, убийств, новых налогов. Сходные оценки, кстати, встречаем в Стоглаве, вставке в Хрущовскую степенную книгу (видимо, вторичной сравнительно с другими источниками), в послании царя в Москву из Александровой слободы (декабрь 1564 г.)[48]. По Г.Н. Моисеевой, знакомство автора КИ с "писанием" Грозного Курбскому чувствуется и в сообщении о землях, подвергавшихся набегам казанцев[49]. Но если Грозный лишь сетовал на то, что "от Крыма и от Казани" до полстраны "пусто бяше", то в "Сказании" прямо названы земли, разорявшиеся татарами (Рязанщина и Северщина – крымскими, "Низ", Галич, Устюг, Вятка, Пермь – казанскими). По ут-

верждению царя, вельможи ходили на Казань "с понуждением", из-за "нехотения" их воевать в поход не явилось более 15 тыс. человек; когда запасы "истопаша", воеводы, три дня простояв у Казани, пожелали вернуться обратно, вследствие чего война осталась незаконченной: "множае седми лет меж сих царств и нашего государствия бранная лютость не преста". Согласно же КИ, после "взятия" Казани война в этом крае длилась пять лет, к ханской столице воеводы шли, "яко на царёв пир позвани царём", в поход 1552 г. воины из дальних городов и земель "скоро и незамедлено" собрались "по словеси" государя. Из "Сказания" узнаем, что воеводы действительно советовали возвращаться назад после гибели запасов на Волге, но не в начале осады "красного града", а "видевше неослабление казанцев". Если Грозный писал, что при штурме воеводы хотели "не в подобно время брань начати" и были удержаны царем, а затем "вместо строения на грабление текосте", то по свидетельству КИ, Иван IV сам призвал "начальствующих" поскорее идти в бой после взрыва подкопа, тут сообщается о грабежах не воевод, а простых ратников. Грозный обвинял своих военачальников в том, что при подходе к Туле крымского хана в 1552 г. они поехали к местному воеводе Г. Тёмкину "ясти и пити", отчего попытка настичь татарский отряд улана Акмагмета не удалась ("царь" же давно как бежал). В КИ говорится, что под Тулой русские одержали полную победу, освободив всех захваченных крымцами соотечественников, взяв много пленных, среди которых едва не оказался хан. Державный публицист порицает Курбского за то, что после "взятия" Казани, отправленный в новую царскую вотчину против "непослушных", он не причинил им никакого зла, но "в повинных место неповинных к нам привел, измену на них возложа". В КИ подобного упрека нет. Грозный жалуется на недостаточную охрану при своем возвращении из Казани (его, якобы словно "пленника всадив в судно, везяху зело с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю", где мог попасть "во иноплеменных руки" и погибнуть). В "Истории" же читаем о том, что "в ладиях" царь "грядяше ис Козани... Волгою к Нижному Нову граду... со всеми русскими силами"[50].

Г.Н. Моисеева полагала, что по "эпистолии" Грозного Курбскому автор "Сказания" писал о заслугах московского самодержца в ходе покорения Казани и дал характеристику боярства (в частности, обличительная речь Шигалея по адресу воевод, которая приведена в КИ, перекликается с этим посланием)[51]. Как справедливо подчеркнул А.И. Филюшкин, "История" не имеет антибоярской направленности, исполнительные, преданные царю воеводы здесь противопоставлены ленивым и своевольным[52]. Аналогичная тенденция улавливается (хотя не без труда) в обширном послании "яростиваго" государя бывшему сподвижнику, где о боярстве зачастую говорится с раздражением. Заслуги царя в сокрушении Казанского ханства превозносятся в официальном летописании и Степенной книге.

Многие исследователи связывали возникновение КИ с учреждением опричнины[53]. В известии публициста о том, что после воцарения мо-

лодой Иван IV "вся мятежники старыя изби", Г.Н. Моисеева усматривала намек на первые опричные казни и опалы. Впрочем, сама исследовательница отнесла процитированную фразу к началу самостоятельной деятельности Грозного[54]. В пользу такой интерпретации свидетельствует то обстоятельство, что перебитые "мятежники", как выясняется, "неправедно" владели "царством... до совершенаго возраста" государя. В этих словах можно видеть указание на казнь И.И. Кубенского, Ф.С. и В.М. Воронцовых в июле 1546 г., если также не убийство в декабре 1543 г. А.М. Шуйского. (Не исключено, что под воцарением Ивана IV автор понимал начало его самостоятельного правления, отмеченное распоряжениями о казнях бояр.) Любопытно, что один из инициаторов опричнины, А.Д. Басманов, отличившийся при "взятии" Казани и участвовавший в подавлении восстания местных народностей после ее падения[55], в "Сказании" не упоминается. Звучащий в КИ тезис о необходимости привлечения знати к управлению государством, развиваемый автором взгляд на завоевание "агарянского" ханства как результат совместных усилий царя, воевод, рядовых воинов[56] также делают сомнительным представление о создании памятника накануне и в период утверждения опричного режима.

Когда же в таком случае написана КИ?

Нижней хронологической гранью возникновения "Сказания" является 1560 год, когда умер С.И. Пунков-Микулинский (возможно, автор, спасенный от гибели при взятии Казани вмешательством замечательного полководца[57], скорбит о его кончине). Этот рубеж есть основание несколько сместить. В заключающей КИ "Похвале" царю Ивану утверждается, что при нем границы России раздвинулись до морских берегов[58]. Известно же, что летом 1561 г. русские воеводы вышли на побережье Рижского залива[59]. М.Н. Тихомиров предположил, что КИ появилась в связи с взятием Грозным Полоцка (февраль 1563 г.)[60]. Нам кажется, что "Сказание" написано до этого крупнейшего успеха России в ходе Ливонской войны. В 1563 г. страну захватила волна репрессий против сторонников прежнего правительства и князей Старицких[61]. Примечательно, что в КИ не говорится про А.Ф. Адашева, хотя в качестве дипломата он принимал активное участие в осуществлении казанской политики Ивана IV, а как военачальник – в захвате татарской столицы[62]. А.И. Филюшкин объясняет такое умолчание незначительностью роли Адашева в правящих кругах середины XVI в. Впрочем, близкий к этим кругам публицист[63] мог посчитать небезопасным упомянуть о скончавшемся в опале (фактически высланном из Москвы в Ливонию) окольничем, родственники которого подверглись гонениям. Заканчивая свое произведение, автор уверяет, что при Грозном "частое варварское пленение преста". В начале же 1560-х годов крупных крымских вторжений не было[64]. По наблюдениям Е.И. Колычевой, до этого времени в хозяйстве центральных уездов страны "не замечалось признаков упадка"[65]. В "Истории" (что может служить датирующим признаком) сквозит оптимистическое настроение относительно внутреннего положения Русского "царства". Таким образом, если допустить, что "Сказа-

ние" написано в период между летом 1561 и началом 1563 г.[66], отсутствие в КИ проопричной тенденции становится понятным.

В представлении Э. Кинана, обнаружившего "фактические неувязки" в аргументации Г.Н. Моисеевой, положительные оценки врагов создателем КИ обусловлены нормами рыцарской этики, усвоенными под европейским влиянием не ранее середины XVII в., когда якобы и сложилось "Сказание" о русско-казанском противоборстве[67]. Такая датировка неприемлема уже потому, что старший список КИ появился в начале "бунташного" столетия.

На взгляд М.Б. Плюхановой, рассказы о доблести татар в анализируемом "летописце" (который создавался долго, усилиями многих книжников, причем время возникновения протографа неясно) ориентированы, как еще в 1908 г. показал А.С. Орлов, на Повесть о взятии Царьграда турками, почему казанцы сделались похожими на греков, а русские – на осаждающих Константинополь "агарян"; в этом отношении в КИ ощутима и традиция Куликовского цикла[68]. Выходит, описание храбрости и ратного умения казанцев в "красной" повести всецело определяется ее зависимостью от источников. Но ведь ее автор двойственно относится к татарам, а порой и к "московским людям". Напомним, что о героизме осажденных говорится уже в чрезвычайно популярной среди русских читателей Истории Иудейской войны Иосифа Флавия. Она использовалась составителями Лицевого свода, однако в летописном повествовании о казанском взятии про татар сообщается с откровенной неприязнью.

Вскрывая мотивы контрастного изображения "агарян" создателем КИ, следует отметить следующие обстоятельства. Проведя 20 лет в Казани, автор "Сказания" мог проникнуться симпатиями к ее жителям. Он видел положение там изнутри, и этот взгляд побудил его изобразить людей иначе, чем диктовала традиция[69]. Казанцы участвовали в операциях Ливонской войны, о чем с гордостью писал Курбскому Грозный (из покоренных "царств", по его заявлению, более 30 тыс. "бранных исходит в помощь православию"[70]. Восхваляя "поганых бесермян" как удалых, даже непобедимых воинов, автор подчеркивал величие подвига участников казанского "взятия"[71] и значение божественного "заступления". Сошлемся, наконец, на русско-крымское сближение начала 1560-х годов, хотя о "перекопских" татарах в КИ говорится с нескрываемой враждебностью.

Считается, что в общественном сознании России XVI в. утвердилось представление о татарах как разрушительной силе[72]. Изучение КИ побуждает внести уточнение в такую оценку.

[1] *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 180–181.

[2] *Кокорина С.И.* К вопросу о составе и плане авторского текста "Казанской истории" // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 583. (Далее: ТОДРЛ).

[3] *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 12, 32.

[4] В КИ, с одной стороны, выделяются "болшие", вельможи, князья, мурзы, уланы, с другой – "меншие", "обычные", простые, "середние" люди (см.: Казанская история. М.; Л., 1954. С. 78, 83, 101, 105. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи).

[5] *Моисеева Г.Н.* Казанская история // Там же. С. 14–15; *Она же.* Казанская царица Сююн-бике и Сумбека "Казанской истории" // ТОДРЛ. Т. 12. С. 183–187; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 252.

[6] *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 264, 265. Современная исследовательница памятника также пришла к выводу "о многозначности" позиции автора по отношению к казанцам" (см.: *Волкова Т.Ф.* "Казанская история" и троицкие литературные памятники о взятии Казани (К вопросу об историко-литературных особенностях "Казанской истории") // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 108).

[7] Едва ли можно присоединиться к мнению о том, что, описывая кампанию 1552 г., А.М. Курбский также противопоставлял воинское умение казанцев неискушенности русских (см.: *Волкова Т.Ф.* Особенности сюжета Повести о казанском походе в "Истории" А.М. Курбского (К вопросу о беллетризации историко-публицистического повествования в XVI в.) // ТОДРЛ. Л. 1985. Т. 40. С. 251–254.

[8] Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 430–432; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 259–261. Однако трудно согласиться с утверждениями О.В. Орлова и Н.В. Трофимовой, будто автор КИ "всячески стремится принизить" образ Сумбеки и в целом оценивает ее отрицательно (Очерки русской культуры XVI века). М., 1977. Ч. 2. С. 173; *Трофимова Н.В.* "Свои" и "чужие" в "Казанской истории" // Русская речь. 1993. № 5. С. 75).

[9] *Моисеева Г.Н.* Казанская история. С. 13–14, и др.

[10] По сообщению КИ, Чюра обещал умереть за Шигалея, а не Ивана IV, как утверждает О.В. Орлов (см.: Очерки русской культуры... Ч. 2. С. 173).

[11] *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 425.

[12] *Лихачев Д.С.* Литература "государственного устроения" (середина XVI века) // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985. С. 10–12. (Далее: ПЛДР).

[13] *Тихомиров М.Н.* Источниковедение... С. 264, 265.

[14] *Волкова Т.Ф.* "Казанская история"... С. 112. Вывод о том, что в КИ наблюдается отказ "от церковности" (Там же. С. 113), кажется опрометчивым.

[15] *Иванов В.В., Ионенко И.М., Халиков А.Х.* О времени возникновения и названии г. Казани. Казань, 1974. С. 153.

[16] См., напр.: *Моисеева Г.Н.* Автор "Казанской истории" // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 281; *Добродомов И.Г., Кучкин В.А.* "Казанская история" и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы: XI–XVI века. М., 1989. С. 457, 458.

[17] *Моисеева Г.Н.* Автор... С. 280–282, 284. *Она же.* Казанская история. С. 12; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 258.

[18] *Моисеева Г.Н.* Казанская царица... С. 186, 187; *Она же.* Автор... С. 283.

[19] *Моисеева Г.Н.* Казанская история. С. 14–15.

[20] *Димитриев В.Д.* О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 102, 106; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 25.

[21] *Моисеева Г.Н.* Автор... С. 272–273; *Она же.* Казанская история. С. 9; *Она же.* Казанская царица... С. 187; КИ. С. 182, 187.

М.Б. Плюханова не вполне точно приписывает Г.Н. Моисеевой мысль о том, что в духе опричнины КИ свойственны "отречение от своих, русских, и как следствие – особая любовь к татарам" (*Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 180). К тому же, учреждая опричный двор, царь Иван порывал не со всеми соотечественниками. Если следовать приведенному суждению, полагает М.Б. Плюханова, автора КИ "пришлось бы считать большим опричником, чем сам Грозный", ибо в документах того времени сквозит негативное отношение к татарам. Исключением, разумеется, являются статейные списки русских дипломатов, ездивших в Крым и Турцию (см., напр.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. с. 77; *Виноградов В.В.* Крымские посольские книги как источник по истории русско-крымских отношений 60–70-х годов XVI века // Внешняя политика России: Источники и историография. М., 1991. С. 11). Предпочтение "своим" "басурман", однако, затруднительно признать особенностью "государевой светлости", как подчас именовали "опришнину", тем более что борьба с крымцами становилась тогда все более напряженной.

[22] *Автократов В.Н.* Рец. на: Казанская история. М.; Л., 1954 // Исторический архив. 1955. № 6. С. 219, 221; Истоки русской беллетристики. С. 432; История русской литературы. Т. 1. С. 260–261; *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Т. 37. С. 65–66; ПЛДР. С. 619–620; *Волкова Т.Ф.* Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 452; *Богданов А.Н.* Работа А.И. Лызлова над русскими и иностранными источниками // *Лызлов А.* Скифская история. М., 1990. С. 420; *Филюшкин А.И.* Состав правящих кругов Российского государства в середине XVI века и проблемы изучения "Избранной рады": Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 1995. С. 243.

[23] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 62, 63, 83; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 24–26.

[24] Разрядная книга... С. 111, 114, 119, 120, 122, 123, 196–198, 200, и др.; КИ. С. 186, 187. Дербыш-Али выехал в Москву в октябре 1551 г. (см.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. С. 47–50).

[25] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А.А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 54, 112, 117, 118, 123, 166; Разрядная книга... С. 87, 88, 92, 110, 111, 118, 125, 129, 130, 166, 169; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 101, 102.

[26] Разрядная книга... С. 90, 91, 103.

[27] Таково мнение Т.Ф. Волковой (*Волкова Т.Ф.* Особенности сюжета... С. 257. Примеч. 17). Вопреки ее утверждению, Г.Н. Моисеева эту мысль не высказывала.

[28] Истоки русской беллетристики. С. 432; История русской литературы. Т. 1. С. 261.

[29] Там находим лишь отдельные указания на участие татар, к примеру полка Шигалея, в казанском "взятии". В Степенной книге и " Истории" Курбского этот служилый царевич упоминается среди предводителей русской армии, овладевшей столицей "срацынского" ханства (см.: Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 647; М., 1965. Т. 13. С. 199, 202–204, 214, 495,

499, 500, 507, 510. (Далее: ПСРЛ); ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 238.

[30] КИ. С. 186–187. Во вторичных редакциях "Сказания" разрядные записи совпадают с летописными сведениями (см. *Кунцевич Г.З.* Указ. соч. С. 414).

[31] Разрядная книга... С. 137, 138. По мысли Р.Г. Скрынникова, в КИ князь И.Д. Бельский ошибочно причислен к "начальным воеводам" в кампании 1552 г., так как ему "ко времени осады Казани едва исполнилось 13–14 лет" (*Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 110. Примеч. 3).

[32] *Моисеева Г.Н.* Автор... С. 272; *Она же.* Казанская история. С. 8, 10; КИ. С. 188. По Н.В. Водовозову, в " Истории" как участники казанского "взятия" названы лишь те воеводы, которые в том же качестве значатся в Первом послании Грозного Курбскому (см.: Сказание о царстве Казанском. М., 1959. С. 519. Примеч. 77). Но в этой знаменитой "эпистолии" мы не прочтем о предводителях русской армии, бравшей Казань, там встречаем только намеки на казанскую "службу" самого Курбского (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 32, 37, 80, 85–86).

[33] ПЛДР. Вторая половина XVI века. С. 619. Очевидно, Г.Н. Моисеева имела в виду князя Д.И. Курлятева-Оболенского, попавшего в опалу в канун опричнины (см.: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 99; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 170–171).

Считается, что образ предателя Ю. Булгакова в КИ вымышлен, но намеренно сближен с фигурой князя Ю.М. Булгакова, часто затевавшего местнические споры. Современники якобы хорошо понимали антибоярский смысл, вложенный автором в характеристику изменника, недаром во второй редакции "Сказания", появившейся не ранее 1584 г., сообщений о Булгакове нет (см.: *Моисеева Г.Н.* Автор... С. 269; *Зимин А.А.* Русские летописи и хронографы конца XV–XVI вв.: Учебное пособие. М., 1960. С. 23; *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 243). Однако этот предатель, который отправил казанскому хану грамоту с сообщением о местах подкопов и обещанием поступить на службу после отступления русских от городских стен, называется в " Истории" "приставником" (охранником, стражником), воином "полка царёва", уроженцем Калуги; он соседей "насильствоваше и грабляше... и землю у них отводяше, и ко своей земли прилагаше", после казни "погребен бысть на Руси у родителей своих". Указанные реалии трудно совместить с биографией князя Ю.М. Булгакова. Заметим, что известны выборные и городовые дворяне Булгаковы (см.: Местнический справочник XVII века / Издан Ю.В. Татищевым. Вильна, 1910. С. 12; Тысячная книга... С. 66, 127; ПСРЛ. Т. 13. С. 354, 357; Разрядная книга... С. 177, 182, 218, 260, 261, 293, и др.; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русской армии 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 143, 208, 284, 313, 335, и др.), к числу которых можно отнести "героя" КИ. Редактор "Сказания", по-видимому, опустил сведения об этом "злом воине", стремясь подчеркнуть единство, высокий боевой дух армии, осадившей Казань.

[34] КИ. С. 188. Этот тезис разделяют новейшие комментаторы КИ (См.: ПЛДР. С. 619–620).

[35] *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник, 1959. М., 1960. С. 53. (Далее: АЕ); *Зимин А.А.* Опричнина... С. 201, 338. Он фигурирует еще в Дворовой тетради, куда был записан, по мнению М.Е. Бычковой, "совсем молодым" (*Бычкова М.Е.* Родословные книги XV–XVI вв. как исторический источник. М., 1975. С. 28. Примеч. 25).

[36] *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ, 1957. М., 1958. С. 71; *Бычкова М.Е.* Указ. соч. С. 168. Опричником являлся В.И. Тёмкин (см.: *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 251, 252, 399).

[37] *Моисеева Г.Н.* Казанская история. С. 3, 9, 15; *Она же.* Археографический обзор. С. 20–21; КИ. С. 185, 187.

[38] *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 220; *Сафаргалиев М.Г.* Рец. на: Казанская история. М.; Л., 1954 // Вопр. истории. 1955. № 7. С. 149; *Зимин А.А.* Русские летописи... С. 23; Очерки русской культуры... Ч. 2. С. 144; *Волкова Т.Ф.* "Казанская история"... С. 105. Примеч. 10; ПЛДР. С. 602; *Дубровина Л.А.* "История о Казанском царстве" (Казанский летописец): Списки и классификация текстов. Киев, 1989. С. 3, 5; *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 126; *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 242, 243. Некоторые ученые, подобно Г.З. Кунцевичу, датируют КИ 1564–1566 гг. (см.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов... С. 423; "Казанский летописец" // СИЭ. М., 1965. Т. 6. Ст. 6, 780; Историки русской беллетристики. С. 429). Н.В. Водовозов, относя "Сказание" к середине 1560-х годов, его завершение датировал второй половиной этого десятилетия (см.: *Водовозов Н.В.* Предисловие // Сказание... С. 6, 12). По М.Н. Тихомирову, первая редакция КИ возникла примерно в 1565 г., около этого года (*Тихомиров М.Н.* Источниковедение... С. 264, 265). На взгляд А.Н. Насонова, она появилась не ранее 1564 г. (см.: *Насонов А.Н.* Новые источники по истории Казанского "взятия" // АЕ, 1960. М., 1962. С. 6).

[39] *Зимин А.А* Состав... С. 63. Примеч. 242; С. 69; *Он же.* Опричнина... С. 353. Примеч. 4.

[40] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений... С. 27.

[41] *Зимин А А.* Состав... С. 67, 68, 71; *Он же.* Опричнина... С. 103. Примеч. 2; С. 332, 372; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 138, 151, 225; Примеч. 2; С. 299, 301; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 192. Кроме того, последний казанский хан Едигер (в крещении Симеон) умер в августе 1565 г.

[42] *Кокорина С.И.* К вопросу о составе... С. 584. Данную ошибку Г.Н. Моисеевой повторили многие исследователи (см.: *Зимин А.А.* Русские летописи... С. 23; *Водовозов Н.В.* Предисловие. С. 12; ПЛДР. С. 619; *Чистякова Е В.* Андрей Иванович Лызлов и его книга "Скифская история" // Лызлов А. Указ. соч. С. 368; *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 243), Т.Ф. Волкова, И.А. Евсеева, Е.В. Чистякова почему-то не нашли в КИ сообщения о Курбском, а А.И. Филюшкин – еще и о Щенятеве.

[43] *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 254; ср.: С. 260.

[44] *Зимин А.А.* Опричнина... С. 105, 106, 157.

[45] *Моисеева Г.Н.* Автор... С. 285; КИ. С. 188.

[46] Этот вывод Г.Н. Моисеевой, воспринятый, помимо Н.В. Водовозова, Т.Ф. Волковой, исследователи послания не разделяют (см.: *Шмидт С.О.* Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 305–306, 323.

[47] *Моисеева Г.Н.* О некоторых источниках "Казанской истории" // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 188–189, 197.

[48] ПСРЛ. Т. 13. С. 392; *Васенко Пл.* Хрущовский список "Степенной Книги" и известие о земском соборе 1550 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 4. Отд. 2. С. 395.

[49] *Моисеева Г.Н.* О некоторых источниках... С. 194.

[50] Переписка... С. 27, 28, 32, 37, 42, 76–77, 80, 85–86, 93–94, 393. Коммен. 82.

[51] *Моисеева Г.Н.* Автор... С. 285; *Она же.* Казанская история. С. 8; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 244; *Водовозов Н.В.* Указ. соч. С. 8.

[52] *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 254; ср.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов... С. 424–425.

[53] *Моисеева Г.Н.* Автор... С. 271; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 80; *Зимин А.А.* Русские летописи... С. 23; *Тихомиров М.Н* Источниковедение... С. 263; *Волкова Т.Ф.* Особенности сюжета... С. 251. Примеч. 11; *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 246.

[54] *Моисеева Г.Н.* Казанская история. С. 7; *Она же.* О некоторых источниках... С. 193.

[55] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 111. Примеч. 2; С. 201; *Насонов А.Н.* Новые источники... С. 20; Разрядная книга... С. 138.

[56] *Зимин А.А.* И.С. Пересветов... С. 35, 38, 61.

[57] *Тихомиров М.Н.* Источниковедение... С. 264.

[58] Г.Н. Моисеевой и С.И. Кокориной обоснован вывод о принадлежности "Похвалы" к авторской редакции произведения. Вдобавок к их аргументации отметим стилистическое единство заключительной и предыдущей глав КИ. В них идет речь о монастыре общежительном, звяцании, прегубницах, скаканию и плясании, доброконниках и оружниках, вере и роте, варварском пленении, искуснейших (любоискусных) ратоборцах, давке мышей, русских украинах, кривосудстве и правом (неправом) суде.

[59] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 173.

[60] *Тихомиров М.Н* Источниковедение... С. 264. В другой работе М.Н. Тихомиров писал, что возникшая между 1564 и 1566 гг. КИ должна была возбудить мужество в русских людях во время Ливонской войны, когда Россия испытывала большие затруднения (см.: Очерки истории исторической науки... Т. 1. С. 80). Но в эти годы война с литовцами и шведами, хотя и приняла затяжной характер, велась Московским государством весьма успешно (см., напр.: *Зимин А.А.* Опричнина... С. 121, 153–154, 158–160, 162–166, 192).

[61] *Зимин А.А.* Опричнина... С. 102–106.

[62] *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 220–221, 231; *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 58, 133–135, 243.

[63] *Моисеева Г.Н.* Автор... С. 280. В отличие от Я.С. Лурье и Д.Н. Альшица (думается, справедливо) Г.Н. Моисеева не причисляет КИ к официальным сочинениям.

[64] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 100, 102, 103, 139–141, 144. В оценке Р.Г. Скрынникова нападение Девлет-Гирея на Мценск в июле 1562 г. было простой демонстрацией (см.: *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 171).

[65] *Колычева Е.И.* Демографические и социальные аспекты экономического кризиса 70–90-х годов XVI в. (по материалам центральных уездов) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин, 1986. Вып. 1. С. 38, 39.

[66] Источником КИ порой объявлялась Степенная книга (1560–1563 гг.) (см: Очерки истории СССР. Период феодализма: Конец XV – начало XVII в. М., 1955. С. 418; *Волкова Т.Ф.* Малоизученный источник "Казанской истории" // Русская литература. 1982. № 3. С. 135; *Яцкин И.В.* "Казанский летописец" // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. Стб. 445), очевидно, потому, что, как выяснено В.П. Адриановой-Перетц, стенания Сумбеки перед высылкой из Казани, пе-

редаваемые в "красной" повести, во многом повторяют плач княгини Ольги по Игорю из этого сочинения "макарьевского круга" (*Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л., 1947. С. 171–172). Автор КИ, однако, мог обратиться к Сказанию об Ольге, бытовавшему и вне Степенной книги. Г.Н. Моисеева указала на расхождение названных произведений в объяснении бегства Сафа-Гирея из Казани (*Моисеева Г.Н.* Автор... С. 287–288). Описание предыстории и самого казанского "взятия" в Степенной книге (см.: ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 643–649) существенно отличается от изложения этих сюжетов в разбираемом памятнике.

[67] См.: *Плюханова М.* Указ. соч. С. 180, 263. Примеч. 160.

[68] Там же. С. 181, 262. Примеч. 157.

[69] *Трофимова Н.В.* Указ. соч. С. 71.

[70] Переписка... С. 37, 86.

[71] Согласно КИ, русские в 1552 г. всегда брали верх над татарами (см.: *Волкова Т.Ф.* Особенности сюжета... С. 252).

[72] См., напр.: *Демин М.А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 146.

С.А. Иванов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУСИ И СТЕПИ В КОНЦЕПЦИЯХ ЕВРАЗИЙЦЕВ И ЛЬВА ГУМИЛЕВА

Л.Н. Гумилев неоднократно и с гордостью называл себя "последним евразийцем". Евразийцем называли его и критики "теории этносов" [ср.: «Кроме "несторианского фактора" (т.е. введения понятий "антисистемы" и "химеры". – *С.И.*), это было повторение евразийской концепции»[1]], и ее последователи[2]. Евразийство было для Гумилева не только научной теорией, но и политическим лозунгом[3]. Каким образом эмигрантское учение, утратившее популярность в русском зарубежье уже к началу 30-х годов[4], возродилось в 60-х под пером советского ученого? Была ли тут преемственность или независимая филиация идей?

О том, как именно Гумилев пришел к своей теории, единого мнения нет. Сам он утверждал, что это произошло стихийно, что озарение настигло его внезапно "на фуфайке под нарами Ленинградской пересыльной тюрьмы"[5]. Э. Герштейн, знавшая Гумилева в молодости, выражает сомнение: "Мне кажется, что Лева знал сочинения творцов этой теории раньше. Достаточно вспомнить, что Н.Н. Пунин был передовым образованным человеком, дома у него была хорошая библиотека... Во всяком случае, я помню, как он называл имя князя Трубецкого"[6]. Впрочем, вряд ли знакомство молодого Гумилева с евразийством, если оно и имело место, пошло дальше имен и общих слов – его отчим Пунин, со дня на день ожидавший (и дождавшийся) ареста, не стал бы хранить дома сочинения белоэмигрантских философов. Существует и другая теория, также возводящая взгляды Гумилева к евразийству. Согласно ей, отец этого учения П.Н. Савицкий, арестованный в Праге в 1945 г. и проведший десять лет в ГУЛАГе, "в заключении знакомится с молодым талантливым историком... Гумилевым. Гумилев становится прилежным учеником Савицкого, и позже именно он станет главным теоретиком и вдохновителем евразийского подхода в советской этнографии. Без Савицкого Гумилева не было бы"[7]. Видимо, эту легенду запустил сам Гумилев, пока не был еще достаточно знаменит, но позднее, когда "теория этноса" получила широкую известность, была им же и опровергнута как "миф"[8]. По его словам, знакомство с Савицким произошло гораздо позже, в Праге, когда "теория этноса" уже давно сложилась. Отрицал Гумилев и свою начитанность в сочинениях историка-евразийца Г.В. Вернадского, основные труды написавшего по-английски: "Я по-английски читаю неважно"[9]. Итак, "поверим" Гумилеву и будем считать, будто "теория этноса" родилась у него совершенно самостоятельно.

Бросается в глаза методологическое различие между евразийцами и Гумилевым. Как бы смелы ни были конечные историософские выводы евразийской теории, основная часть сочинений самих евразийцев написана по строгим научным канонам. Н.С. Трубецкой был в первую очередь великим лингвистом, и его языковедческие труды вообще не адресовались широкой аудитории. "Единственным историком, который всегда придерживался евразийской теории, был Г.В. Вернадский, – пишет исследователь русского зарубежья. – Вместе с тем подход Вернадского к освещению русской истории едва ли заметно отличался... Следует признать, что Вернадский не отличался умением подать используемый материал... Его работы читаются с трудом"[10]. Нельзя себе представить ничего менее похожего на Гумилева, который писал броско, ярко, парадоксально, практически без ссылок, бравируя тем, что пренебрегает научными правилами. Гумилев декларировал отвращение к "морю мелких статей, разлившихся в библиографический океан" и заявлял: "Как только наступает очередь анализа, а тем более синтеза, становится очевидно, что история требует специальных способностей, особого видения и интуиции"[11]. Источники, согласно Гумилеву, часто противоречат друг другу, поэтому никакой стройной теории из них не возведешь. "Чтобы анализ удался, приходится... заполнять темные места изолиниями, и таким путем... можно получить канву достоверных фактов... руководствуясь логикой событий"[12]. Короче говоря, Гумилев, по словам рецензента, "хочет выйти за рамки той скудной информации, которая содержится в узком круге имеющихся письменных источников"[13]. Исторический материал – лишь досадная помеха на пути его мысли. Со временем оказывается, что и "логика событий" ни при чем. Главное – озарение исследователя. Научное кредо Гумилева: "Логики здесь нет, ибо правильность тезиса дана в интуитивном обобщении"[14]. Разумеется, и Трубецкой, и Вернадский ужаснулись бы, узнай они о существовании такой "науки". Если искать какие-нибудь параллели к диковинной методологии Гумилева, то ближе всего к нему окажется Даниил Андреев, человек сходной с Гумилевым трагической судьбы, также родивший свою мистическую теорию в тюрьме. Сходство их эзотерического личного опыта просто поражает. Гумилев: "Он (визионер. – *С.И.*) рассказывает, но не находит тех огненных слов, которые могли бы донести смысл его откровений до собеседников"[15]. А вот Андреев: "И скрытый труд метаисторика Язык нащупывает новый... Гнетёт невысказанный опыт, В ушах гудит нездешний топот... Прости мое косноязычье И отзвук правды в нем услышь"[16]. С презрением описывая труды коллег, Гумилев утверждал: "Обычно творческий момент вуалируется – так гораздо спокойнее, и автор ведет читателя от известного к неизвестному новому путем подбора цитат из древних источников и строго логического рассуждения"[17]. А вот на ту же тему Андреев: "Рассудка плотного инерция Еще толкает мысль по тропам, Где медленно влекутся скопом Кто лишь для прописей готов... И мы читаем том за томом, столп, Монбланы книг о том, что было ране, И все душней, отчаяннее всем От голых фактов и от тощих схем"[18]. Гумилев и Андреев создали раз-

ные учения, но их объединяет нечто общее. То, что делал режим со своими жертвами, было слишком иррационально, и требовалась особая, сверхчеловеческая объяснительная система, построение некоей "метаистории". Именно поэтому и Гумилев, и Андреев усматривают в истории действие тайных и страшных космических сил.

Итак, "теория этноса" несет на себе печать тюрьмы, психологической подавленности и абсолютной изолированности от любой научной традиции. Тем не менее Гумилев сам, стихийно пришел к некоторым постулатам, близким к теории евразийцев. Их объединяет огромная роль, приписываемая в этнографии природному ландшафту, биологизация этноса, антизападничество и антилиберализм, взгляд на русскую историю с Востока и т.д. В этом смысле Гумилев не совершил особого идейного подлога, задним числом записав себя в "последние евразийцы". Но тем любопытнее проследить, как различия в генезисе сказались на конкретном воплощении теории. Оставив в стороне актуально политические выводы, взглянем на трактовку Гумилевым и евразийцами взаимоотношений Руси и Степи в средние века.

Евразийцы критиковали предшествующую историографическую традицию, объявлявшую татарское иго своего рода "провалом" в русской истории[19]. Они указывали, что по удельному весу монгольское влияние на Руси было более значимым, чем византийское. Они настаивали на том, что нельзя считать это влияние сплошь деструктивным: благодаря ему у нас появились фискальная система и ямская служба, перепись населения и южнорусское хлебопашество, валенки и пельмени и даже... колокола и кофе[20]. К монголам восходят особенности русского костюма и русского военного искусства, но главное то, что именно благодаря монголам прекратились княжеские междоусобицы и были созданы предпосылки для формирования централизованного государства. Русь усвоила "технику монгольской государственности" (термин Н.С. Трубецкого). Не будем забывать, что, с точки зрения евразийской теории, золотым веком русской истории было Московское царство. Однако евразийцы (в отличие от нелюбимых ими славянофилов) видели в этом периоде не столько максимальное проявление славянского духа, сколько идеальный русско-татарский симбиоз: по словам Трубецкого, произошло "перенесение ханской ставки в Москву". Именно за умаление "туранских" начал русской жизни осуждали евразийцы Петра Великого с его реформами, да и весь имперский период российской истории.

Значит ли это, что, с точки зрения евразийцев, симбиоз Древней Руси и Великой Степи прошел безболезненно? Ни в коем случае! Единственным среди евразийцев профессиональным историком-русистом был Г.В. Вернадский, который "счел необходимым подкрепить философские разработки евразийцев конкретными историческими исследованиями"[21]. Так вот он неоднократно подчеркивал: "Монгольское нашествие было, конечно, ужасным несчастьем для подвергшихся ему стран". "Массовое разграбление и уничтожение собственности и жизни на Руси... было ошеломляющим ударом, который оглушил русский народ... Потери были колоссальны". Историк честно отмечает среди по-

следствий ига упадок ремесел (исчезновение техники перегородчатой эмали, резьбы по камню, каменного строительства), ликвидацию вечевых свобод, подрыв авторитета и позиций боярского сословия, общее ужесточение жизни (распространение пыток, телесных наказаний, смертной казни). Н.С. Трубецкой, идеолог движения, представляет монгольское завоевание так: "Разгром удельно-вечевой Руси... и включение этой Руси в монгольское государство не могли не произвести в душах... русских людей самого глубокого потрясения... С душевной подавленностью, с острым чувством унижения национального самолюбия соединялось сильное новое впечатление... Иноземное иго воспринято было религиозным сознанием как кара Божия"[23]. П.Н. Савицкий, зашедший дальше других в доказательствах благотворности "татарщины" и всячески настаивавший на полном упадке Киевской Руси накануне Батыева вторжения, тем не менее пишет: "Татары... пали на Русь как наказание Божие"[24]. И даже эпигон "классических" евразийцев Э. Хара-Даван, в своем экстремизме далеко их обогнавший, не отрицает пагубных последствий ига, пусть и уравновешенных его же преимуществами: "Если это и было сопряжено для Руси с материальными жертвами, то зато, с другой стороны, оно явилось для нее превосходной, хотя и суровой, школой"[25].

Все это меркнет при сравнении с позицией Гумилева, в многочисленных работах отстаивавшего парадоксальный тезис, что никакого ига вообще не было, что "поход Батыя по масштабам произведенных разрушений сравним с междоусобной войной, обычной для того времени"[26]. В предисловии к тому сочинений Трубецкого он прямо заявляет, что «с точки зрения современной науки называть Русь "провинцией" (монгольской) империи вряд ли корректно... Взаимосвязь... событий дает право на понимание ситуации "Русь–Орда" как военно-политического союза... О каком иге можно говорить?.. Н.С. Трубецкой придерживается традиционной точки зрения о существовании татарского ига на Руси, что не вполне увязывается с представлениями автора о евразийском единстве... Тезис Трубецкого... неверен как по существу, так и с позиций евразийства, отстаиваемого автором»[27].

Эти упреки евразийцу в недостаточном евразийстве очень показательны. Если создателям теории сама конвергенция Руси и Степи виделась как мучительный и долгий процесс, лишь в потаенной глубине которого можно обнаружить едва брезжущий исторический смысл, то Гумилев решительно "спрямляет" путь истории: раз "историческая прогрессивность" процесса внятна современной науке, значит, она была внятна и людям того времени. "Современная наука", от имени которой вещает Гумилев, есть чистой воды советская сталинская схоластика, и в самом деле неизвестная евразийцам. Между Александром Невским в изображении евразийцев и Александром Невским в изображении Гумилева стоит Александр Невский из одноименного фильма Эйзенштейна.

На вопиющее несоответствие гумилевской концепции всем возможным фактам указывали многочисленные критики "теории этноса": Чивилихин и Рыбаков, Кузьмин и Лурье. Однако весь этот крити-

ческий огонь велся мимо цели. Гумилев с легкостью готов был пойти на уступку и признать: "Татарское иго представлено как варварское нашествие. С точки зрения военной, бытовой, оно, вероятно, таковым и воспринималось и запечатлелось в памяти поколения"[28]. Просто ему эта, так сказать, "окопная правда" неинтересна. Подобный взгляд он называет "обывательским". Это слово вообще Гумилевым было очень любимо. "Обыватель" – для него человек приземленный, живущий жалкими личными интересами и не понимающий великих целей "пассионария", который только один и может именоваться человеком. Например: "К сожалению, среди современников, безвозвратно терявших пассионарность, политический курс Александра Ярославича популярностью не пользовался... Большинство новгородцев твердо придерживались прозападной ориентации"[29]. Но "обывателей" не следует, с точки зрения теории Гумилева, принимать всерьез. Для этноса самое страшное – когда "личный интерес стал ставиться выше коллективного"[30]. Все это опять очень узнаваемо: идеал Гумилева – это сталинский Советский Союз, где "лес рубят – щепки летят" и где советский "этнос" только тем и занимался, что сплачивался в одно нерасчленимое целое во имя высших "пассионарных" целей, а индивидуализм искоренялся. А кто же товарищ Сталин, как не "пассионарий"? "Природу и культуру губит свободное общение и свободная любовь" – так мог бы сказать "Старший Брат" из романа Джорджа Орвелла "1984", но это – слова Гумилева[31].

О роли тюрьмы в становлении Гумилева как мыслителя писал А.М. Панченко: «В функциональном смысле его теория этногенеза – это здравая и мужественная оппозиция тому учению, которое "всесильно, потому что оно верно"... В теории этногенеза есть также эмоциональная сторона. Это теория утешительная»[32]. В целом последнее утверждение правильно, но вопрос, в чем именно состояло для узника утешение, не так прост. Теория Гумилева не только не была антагонистична "всепобеждающему учению", но являлась его мистической реинкарнацией. Она очень яркое свидетельство того, как сталинизм въедался в подсознание даже его жертвы. В отличие от Гумилева евразийцы, покинувшие Россию до укоренения там сталинской диктатуры, выстраивали свою "татарщину" как умственный конструкт. Когда Трубецкой в 1929 г. мечтательно писал: "И встанет над Россией тень великого Чингисхана"[33], он даже не подозревал, как страшно сбудется его предсказание. Гумилева эта тень накрыла с головой.

[1] *Чемерисская М.И.* Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. № 3. С. 174.

[2] *Ключников С.* Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. М., 1997. С. 48.

[3] *Лавров С.Б.* Завещание великого евразийца // Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1994. С. 301–310. Потом политическая составляющая учения Гумилева была развита его эпигонами: *Бородай Ю.М.* От фантазии к реальности. М., 1995. С. 248–250; *Дугин А.* Консервативная революция. М., 1994. С. 149; *Он же.* Евразийский триумф // Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997. С. 438.

[4] Глубоко фундированный очерк истории евразийства см.: *Половинкин С.М.* Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 731–762.

[5] "Повода для ареста не давал" // Аврора. 1990. № 11. С. 3.

[6] *Герштейн Э.* Анна Ахматова и Лев Гумилев: размышления свидетеля // Знамя. 1995. № 9. С. 136.

[7] *Дугин А.* Евразийский триумф. С. 438.

[8] Там же. С. 9.

[9] *Гумилев Л.Н.* Если Россия будет спасена, то только через евразийство // Начала. 1992. № 4. С. 15.

[10] *Раев М.* Россия за рубежом. М., 1994. С. 211–212.

[11] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993. С. 99, 96–97.

[12] *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. СПб., 1994. С. 335.

[13] *Котов Р.Е.* Рец. на кн.: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь // Вопр. истории. 1991. № 4/5. С. 190.

[14] *Гумилев Л.Н., Панченко А.М.* Чтобы свеча не погасла. Л., 1990. С. 102. В одной посвященной Гумилеву диссертации это выставлено в качестве главного его научного достижения: "Смысл может быть уловлен скорее на интуитивном уровне, нежели на логико-понятийном" (*Ахраменко Л.Н.* Биосферная концепция этногенеза Л.Н. Гумилева; Философско-методологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1994. С. 15).

[15] *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 36.

[16] *Андреев Д* Собр. соч. М., 1993. Т. 1. С. 141.

[17] *Гумилев Л.Н* В поисках вымышленного царства. С. 353.

[18] *Андреев Д* Собр. соч. Т. 1. С. 141, 231–232.

[19] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Прага, 1927; *Савицкий П.Н.* Геополитические заметки по русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия. С. 303–331; *Он же.* Степь и оседлость // Там же. С. 332–341; *Он же.* О задачах кочевниковедения // Там же. С. 342–370.

[20] *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929. С. 200–208.

[21] *Николаев Б.* Жизнь и труды Г.В. Вернадского // Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь, 1996. С. 9.

[22] *Вернадский В.Г.* Монголы и Русь. Тверь, 1997. С. 10, 346–363.

[23] *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана // Трубецкой Н.С. История... С. 260.

[24] *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость... С. 333–334.

[25] *Хара-Даван Э.* Указ. соч. С. 226.

[26] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 519.

[27] *Гумилев Л.Н.* Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История... С. 40–41.

[28] *Гумилев Л.Н.* О людях, на нас непохожих // Сов. культура. 1988. 15 сент. С. 6.

[29] *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. М., 1994. С. 127. Ср.: Огонек. 1980. № 36. С. 17.

[30] *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. С. 347.

[31] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли... С. 89.

[32] *Панченко А.М.* Идеи Гумилева и Россия XX в. // Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 1995. С. 21.

[33] *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. С. 261.

А.В. Ратобыльская

ВЕНГЕРСКИЙ ТУРАНИЗМ

Венгерский туранизм, идейное общественное движение первой трети XX в., практически не известное российской аудитории, может представлять интерес сразу с нескольких позиций: как своеобразная попытка обоснования особого пути развития венгерского народа, как пример характерных для венгерской общественной мысли поисков достойного места Венгрии в Европе и в мире, как своего рода аналог русского евразийства, наконец, как проба, пусть выглядящая сегодня весьма дилетантски, своеобразного синтеза наук – географии, истории, социологии, этнологии. Достойно внимания и стремление венгерских туранистов транслировать в практическую сферу ряд своих теоретических постулатов. За время существования туранское движение, как указывали еще его критики-современники, неоднократно меняло свои организационные формы и основные направления деятельности[1]. Несмотря на это, общий круг идей, разделявшихся теми, кто в разное время считал себя посланниками великого Турана на Западе, менялся мало.

Непосредственным источником этих идей были работы английского филолога немецкого происхождения Макса Мюллера, который в 1861 г. предложил объединить все неиндоевропейские и несемито-хамитские языки Евразии в одну группу туранских языков. В этой группе оказались столь разные народы, как финно-угры, самодийцы, тюрки, монголы, маньчжуро-тунгусы, а кроме того, японцы, китайцы, малайцы, тибетцы. тамилы, а также исторические народы – шумеры, ассирийцы, хетты, этруски, скифы и др. Он полагал, что в принципе все языки Евразии можно разделить на две большие группы. В первую должны входить языки оседлых народов, во вторую, которую он и называл туранской, языки кочевников.

Само понятие Туран, естественно, не было введено в оборот Максом Мюллером. Его использовали еще средневековые авторы Центральной Азии, например Фирдоуси, противопоставлявшие Туран (условно говоря, мир тюркоязычных народов этого региона) Ирану. По Мюллеру, Туран оказался и географически, и, если так можно сказать, исторически гораздо более обширным. Идеи Макса Мюллера получили распространение в Венгрии еще до создания Туранского общества.

Определение места и роли в мире венгров, неиндоевропейского, кочевого, относительно поздно пришедшего в Европу народа, всегда было одной из заметных тем общественной мысли. В этой связи неудивительно, что туранизм как одна из систем, в рамках которой можно было искать ответ на вопрос о судьбе и исторической роли венгров, нашел сторонников в среде венгерской интеллигенции. Еще в первые годы

XX в. Шандор Марки написал учебник венгерской истории для средних школ, в котором история Венгрии рассматривалась в "туранском" ключе. В 1910 г. Арпад Земплени издал том "Туранских песен".

Ш. Марки и А. Земплени были одними из наиболее активных деятелей туранского движения, центральной же фигурой туранизма считается Алайош Паикерт, довольно известный венгерский политик, одно время министр сельского хозяйства. Он долгое время прожил в Америке, был большим поклонником английской культуры и мечтал по образцу английского Азиатского общества создать подобную организацию в Венгрии. Вернувшись на родину, он встретил единомышленников в лице упомянутых Ш. Марки и А. Земплени, тюрколога Дьюлы Месароша (который имел обширные связи с общественными деятелями Турции), Лайоша Шашши-Надя, Ене Чолноки. Туранское общество было создано в 1910 г. Паикерт привлек к участию в нем ряд видных фигур – графов Белу Сеченьи, Пала Телеки, Михая Карои и др.

В написанном А. Паикертом уставе Туранского общества говорилось: "Наша цель – изучить, узнать, усвоить и использовать в интересах Венгрии ... науку, искусство и хозяйство родственных нам азиатских и европейских народов"[2]. В одной из речей, процитированных Д. Неметом в статье "Венгерский туранизм" (1931), А. Паикерт призывал "изучать и пропагандировать средствами науки и практически Туран, нашу великую прошлую и еще более великую будущую родину"[3]. Туранское общество, по словам Паикерта, сознательно исключало из своей деятельности всякие политические моменты, ставя перед собой исключительно "альтруистические цели"[4]. Интересно, что первые идеологи туранизма усматривали аналоги своему движению в панславизме и пангерманизме, считая, что вслед за подъемом "славянства" и "германства" наступит расцвет "туранства", причем именно венгры как своего рода "западный авангард" Турана, его посланцы в Европе, должны выступить инициаторами и предводителями движения туранского возрождения[5].

В 1913 г. общество приступило к изданию журнала "Туран" (его главным редактором был Пал Телеки). Основатели мыслили журнал как своего рода трибуну, с которой круг единомышленников-туранистов будет пропагандировать свои идеи; что касалось содержания, то они преследовали две цели. Одна определялась как "научная, востоковедческая", связанная с исследованием древнейшего прошлого венгров, вторая – изучение всего Турана в его прошлом и настоящем – виделась редакции более глобальной[6].

"Венгр, на Восток! – провозгласил Пал Телеки в 1913 г. во введении к первому номеру журнала. – На Восток в национальном, научном и хозяйственном направлении!"[7] В разные периоды истории движения обращение туранистов к Востоку имело разный смысл. Накануне первой мировой войны с продвижением на Восток связывались в первую очередь блестящие экономические перспективы, поскольку, как уверял П. Телеки, за счет успешной хозяйственной деятельности на Востоке и освоения обширных азиатских рынков можно укрепить престиж, мощь и

независимость нации. Экономическая экспансия должна была предваряться и сопровождаться солидными научными изысканиями. Предполагалось, таким образом, достичь далеко идущих общественно-политических результатов, обусловленных успехами в области науки и экономики. Перспективы Венгрии преуспеть в борьбе за азиатские рынки представлялись туранистам вполне реальными: ведь "рядом с такими великими державами, как Германия и Англия, существуют маленькие страны, например Бельгия и Голландия", которые тем не менее играют заметную роль в мире. Рассуждая подобным образом, А. Паикерт пришел к интересному выводу: его соотечественники не должны замыкаться в пределах, как он выразился, своей "малой родины", поскольку венгры – это "западные представители огромной многомиллионной мощи Турана. Если туранство расцветет подобно тому, как ранее это случилось с германством и славянством"[8], Венгрия сумеет занять важное и почетное место в мире. А. Паикерт сам возглавил экспедицию, которая отправилась в 1914 г. через Малую Азию к Аральскому, а затем Каспийскому морям и на Кавказ. Помимо конкретной цели – изучение возможностей участвовать в разработке каспийских нефтяных месторождений – экспедиция планировала сбор сведений о расселении и образе жизни родственных туранских народов.

Несколько ранее, в самом начале 1910-х годов, туранисты попытались установить контакты с Турцией, в надежде найти идейную и, возможно, практическую поддержку своим начинаниям по освоению Турана. Как считали критики туранизма, эти усилия не увенчались успехом, поскольку для османского правительства и позднее для Кемаля Ататюрка понятие "Туран" было неразрывно связано с идеями пантюркизма и большого интереса к венгерскому прочтению туранизма турки не проявили[9]. Различия в понимании туранизма турками и венграми (турецкий туранизм – это пантюркизм, венгерский – это "держава туранства от нашей родины до Японии, от Средиземного моря – до тундры")[10], естественно, осознавались и самими туранистами, но не рассматривались как препятствие для установления тесных контактов. По всей видимости, какие-то связи, безусловно, установлены были, поскольку в годы первой мировой войны туранисты, переименовавшие свою организацию в Венгерский восточный культурный центр, практически пользовались официальной государственной поддержкой. Им отводилась важная роль в укреплении контактов с Турцией и Болгарией. В частности, силами Центра в 1916 г. было организовано обучение в венгерских гимназиях, сельскохозяйственных и промышленных училищах группы из 200 молодых людей, куда, помимо турок, входили болгары, боснийцы и албанцы. Позднее к первой группе присоединились еще 1000 человек.

После войны Венгерский восточный культурный центр распался на 3 отдельные организации: граф Пал Телеки возглавил занимавшееся исключительно научными исследованиями Общество Чомы Кереши; сохранилось Туранское общество со старой программой; наконец, Ене Чолноки возглавил Туранский союз. Деятельность последней из на-

званных организаций придала новый импульс туранскому движению. Своей задачей Союз провозгласил просвещение венгерского народа и пропаганду туранской идеи, которая позволила бы венгерской нации стать столь же могучей, как некогда при короле Матьяше. Следовало, как призывал Чолноки, "внедрить туранскую идею в самую душу народа". Венграм следовало осознать, что они не "безродные бродяги", вроде рассеянных по всему свету цыган или евреев, а представители могущественного Турана. Горечь военного поражения, потеря огромных территорий, проблемы разделенной нации, видимо, по мнению туранистов, могли компенсироваться осознанием принадлежности к огромной туранской общности. Поскольку Запад, по мнению идеологов Туранского союза, в частности И. Дессевфи, переживал глубокий идейный кризис, только Венгрия была способна спасти западную цивилизацию, осуществив на деле синтез христианства и могучего потенциала Турана[11].

Трианонская катастрофа и связанные с ней национальное унижение и антизападные настроения создавали благоприятную почву для распространения идей туранизма. На начало 20-х годов падает расцвет движения: выходит большое число изданий туранской направленности, на них обращают внимание – с туранистами ведут активную полемику. Собирают средства на сооружение памятника Аттиле, который планируют установить лицом к Западу, кроме того, предполагается написание 20-томного труда о туранских народах и т.д. В начале 30-х годов туранизм еще был заметен как идейное течение, однако Дьюла Немет, опубликовавший в 1931 г. уже упомянутую и одну из наиболее подробных статей, анализирующих историю и идеи туранизма, констатировал его постепенный упадок. К концу 30-х годов остался лишь немногочисленный кружок единомышленников, продолжавших "туранские исследования".

Несмотря на то что туранское движение в Венгрии существовало достаточно долго и неоднократно меняло свои организационные формы, основные идеи туранизма, сформулированные его основными представителями накануне первой мировой войны и в первые послевоенные годы, разделялись, видимо всеми, кто считал себя представителями Турана в Европе. Остановлюсь подробнее на трех моментах: на концепции Турана как историко-географической общности, "туранском" прочтении истории, в частности на аспекте взаимоотношений кочевых и оседлых народов и наконец, на теории "венгеро-славянского крестьянского государства".

Как уже упоминалось, туранисты постоянно апеллировали к науке, пытаясь представить туранскую теорию как строго научную и отметая упреки в антинаучности, политической тенденциозности, "радикализме и интернационализме". Напротив, туранизм, возвращающий венгерскому народу его прошлое, как утверждал Пал Телеки, призван противостоять интернационализму и радикализму и отнюдь не нацелен на стирание национальных границ. По его мнению, туранизм прежде всего должен был восполнить лакуны и исправить ошибки в исследованиях древнейшего прошлого венгерского народа, которые, с его точки зре-

ния, часто грешили необъективностью и субъективизмом, легко, впрочем, объяснимыми, поскольку прежде ученые не привлекали всего материала и разнообразия исследовательских методов, которыми оперировали туранисты. Залог научных успехов туранистов виделся еще и в их заведомой объективности и междисциплинарном подходе к изучению древнейшей истории венгров[12].

В сочинениях туранистов неоднократно постулировалось, что Туран – это не лингвистическое, историческое или этнографическое, а чисто географическое понятие[13]. Вместе с тем, рассматривая Туран как единый регион, можно, с их точки зрения, говорить о туранских народах, хозяйстве, обычаях, сходстве языков и т.д. Выступая с подобными утверждениями, туранисты отходили от прежней теории Макса Мюллера. Как уверял П. Телеки, высказывание "народ живет в языке" настолько соответствует действительности, насколько цивилизован данный народ. Лучше всего народ характеризуют раса и образ жизни"[14].

Чтобы с полным правом говорить о Туране как об определенной целостности, туранистам следовало, во-первых, обосновать географическое единство этого региона и, во-вторых, выявить обусловленные этим единством общие черты в развитии разных народов. В древности, как писал Ене Чолноки, Тураном называли территорию к востоку от Персии до Гиндукуша и от Белуджистана и до Каспия и Приэльбрусья на севере. Современный же Туран – это своеобразная трапеция, западной границей которой являются река Урал и Каспийское море, восточной – Иртыш и Сыр-Дарья; северная же граница Турана проходит по 50° широты. Таким образом, Туран – это огромный регион, где представлено такое количество географических зон, как ни в одном другом географически ясно определяемом регионе (к примеру, в обеих Америках, Австралии или Африке). Разнообразие климатических условий, соседство пустынь и плодородных земель определяют образ жизни населения Турана, прежде всего, уникально сбалансированное сочетание земледельчества и номадизма[15].

Несмотря на явный симбиоз различных хозяйственных укладов в пределах древнего Турана, его основой, по мнению туранистов, оставались кочевники, воплощение мобильности Турана, носители его духа, пример социальной гармонии. Поскольку кочевой образ жизни существовал и за пределами Турана (как бы широко географически он ни определялся), нужно было обосновать особенности и преимущества именно кочевников-туранцев. В качестве доминирующего фактора опять-таки рассматривался ландшафт. Если, к примеру, североафриканским бедуинам ничего не остается, как кочевать от воды к воде, то кочевники Турана имели возможность в полной мере использовать достоинства и разнообразие природных условий своей исторической родины. Для туранцев кочевание – это некая особая форма экстенсивного сельского хозяйства[16]. Ссылаясь на Марко Поло, П. Телеки писал, что, например татары, в зимний период выгоняли свои стада на более теплые равнины, тогда как летом переходили в гористую или холмистую местность с более высокой степенью влажности[17].

Там, где за пределами Турана существовали сходные географические условия (например, в южнорусских степях), легко приживался приносимый туранцами тип хозяйства. Выбор места расселения венгров в Европе и перенесение прежнего образа жизни на новую территорию представлялся туранистам вполне "географически" обоснованным, поскольку многие ландшафты Среднего Подунавья должны были напоминать мадьярам их туранскую прародину. Особое внимание туранистов в этой связи привлекала восточная часть Венгрии (в ее посттрианонских границах), прежде всего, так называемые pusztak, степные районы Затисья. Носителями истинных туранских ценностей они считали крестьян. Туранисты призывали молодежь к "походу в народ", ибо только в гуще незатронутой западной цивилизацией народной жизни можно обрести истинную духовность и настоящие, туранские, корни венгерской нации. Вот какое описание носителя туранского начала, пастуха из Хортобади, опубликовал в 1928 г. Иштван Эчеди: "Широкополая, засаленная шляпа завязана под подбородком. Кафтан накинут на плечи. Грязные, засаленные штаны придают ему экзотический вид. Гладко выбритые щеки и закрученные усы. Волосы зачесаны на затылок. Это человек древнего туранского типа"[18].

Дюла Сегфю в связи с этим пассажем справедливо заметил, что, обращаясь к широкой публике с призывом искать и беречь туранские корни венгерского народа, туранисты нередко "забывали" упомянуть некоторые общеизвестные науке факты. В данном случае, например, тот, что район Дебрецена, где находится Хортобадь, был полностью опустошен турками в XVI–XVII вв., так что ни о каком континуитете населения со времени "обретения родины" говорить не приходится[19].

Мысль о взаимосвязи природных условий (ландшафта), хозяйственного типа и этнических особенностей (расы) особенно последовательно развивалась Палом Телеки. В своих статьях "Ландшафт и раса" и "Географическое понятие Турана", написанной в ответ на резкую критику "Ландшафта и расы" историком Дьюлой Германусом, Телеки утверждал, что важнейшим источником по истории формирования и изменения рас (под этим словом он подразумевал большие "надэтнические" культурно-исторические общности, например туранскую или славянскую) являются геологические данные, не уточняя, правда, как именно. Кроме того, он утверждал, что именно ландшафт формирует расы и он же, и только он, постоянно изменяясь, служит причиной и движущей силой "расовых" изменений[20]. Собственно этнический (или, как упоминалось выше, языковой) компонент не столь важен: единство образа жизни, диктуемое географическими условиями, – гораздо более существенный фактор. Единый образ жизни нивелирует различия между изначально несхожими народами, сближает их. Поэтому, утверждал П. Телеки, туранская общность включила в себя народы, представлявшие различные языковые группы, прежде всего тюрок и финно-угров. При этом венгры были определенным связующим звеном, мостиком между теми и другими. Ничто иное, кроме географических факторов, в том числе взаимодействие различных "рас" не может служить причиной из-

менений сложившихся общностей. В этой связи, писал Телеки, утверждения, что венгры могли что-то перенять от славян, т.е. всякие рассуждения о славяно-мадьярском симбиозе беспочвенны. Если следовать этой логике, продолжал он, то тогда переселившиеся в Австралию и Новую Зеландию англичане должны были неизбежно стать похожими на австралийских аборигенов или новозеландских маори[21].

Решительно отвергая возможность усвоения венграми каких бы то ни было элементов культуры и образа жизни оседлых народов Центральной и Восточной Европы, туранисты не могли обойти вниманием вопрос об исторических последствиях расселения туранцев-венгров в Среднем Подунавье. Как утверждали туранисты, венгры распространили на весь этот регион туранский образ жизни, который стал общим для всех славянских и восточно-романских этносов, соприкасавшихся с венграми. Основные аргументы в пользу этого вывода черпались в этнографических наблюдениях: в частности, отмечалось значительное сходство крестьянских жилищ, костюма, утвари, музыки у различных народов этой части Европы (венгров, румын, подкарпатских и балканских славян). За сходством внешних форм жизни скрывалось глубокое духовное родство объединенного венграми населения региона, прежде всего крестьян. С туранским духом в конечном счете связывались и более глобальные особенности территории, расположенной к востоку от Италии и Германии, в частности абсолютное преобладание крестьянского населения (Чехия и Польша при этом, как можно понять, рассматривались исключительно как зона западного, германского влияния). В части Европы, находившейся под влиянием венгров, сложилось уникальное "туранско-славянское крестьянское государство", действовавшее в интересах крестьянства, управлявшееся его представителями и являвшее собой образец редкостной социальной гармонии, покоящейся на туранском образе жизни. Всякие попытки модернизации, любые западные веяния вносили лишь дисбаланс в идеальное общественное устройство и, как считали сторонники туранской теории, шли вразрез с коренными интересами "туранско-славянского" крестьянства. Справедливым вариантом послевоенного политического устройства виделось создание в этом регионе трех больших "крестьянских" держав – Венгрии (в ее довоенных границах), Балканского государства и России[22].

Наиболее систематичное изложение "туранского" прочтения мировой истории предложил в 1922 г. Шандор Марки. Одна из его статей начинается с традиционной для туранистов ссылки на "провозвестников движения на Восток" – на монахов Отто и Юлиана, которые в XIII в. отправились на поиски исторической родины венгров. Первыми туранцами, зафиксированными письменными источниками, Марки объявил шумеров. При этом в "туранскую" историографию он включил такие несхожие фигуры, как О. Гротефенд, расшифровавший письменность шумеров, и финн Коскинен, заявивший, что финский язык происходит от шумерского и соответственно, что предки суоми основали древнейшее государство в Междуречье. Правда, идея шумеро-финно-угорского родства разделялась и некоторыми серьезными учеными, в частности из-

вестным венгерским этнологом Б. Мункачи, работавшим в конце XIX в., так что в свое время она, вероятно, звучала не вполне абсурдно. Но к тому времени, когда писал Ш. Марки, "шумерская" теория выглядела, как представляется, уже довольно архаичной. Впрочем, наиболее смелые заявления редко подкреплялись аргументами: "Не нужно доказывать, – писал Ш. Марки, – что китайский, сиамский и другие родственные языки происходят от шумерского..."[23]. Происхождение финно-угорских языков и их родственные связи выяснялись в науке в течение долгого времени и порождали многочисленные дискуссии. И в данном случае и в других сходных ситуациях туранисты зачастую брали на вооружение самые спорные и не всегда самые "свежие" идеи.

Политическая история туранцев мыслилась Ш. Марки как череда великих туранских держав. На смену шумерскому государству пришла великая китайская империя, которая на протяжении тысячелетий оставалась оплотом туранства. Оттуда, с востока, Туран постоянно посылал сильные импульсы в сторону Европы – гунны, хазары, монголо-татары, турки-османы – это последовательно сменявшие друг друга волны туранского влияния. Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан, Сулейман II – это великие деятели "туранского империализма", с разной степенью успешности строившие туранскую империю на Западе. Примером распространения туранского влияния, с точки зрения Ш. Марки, могло служить создание русского государства. Потенциал Турана на Востоке еще далеко не исчерпан, и доказательством тому – происходившее с конца XIX в. усиление Японии. Венгрия же как бастион Турана на Западе должна в полной мере использовать свои возможности в Европе. Находясь в сфере влияния христианского Запада, который, естественно, боится усиления Турана, Венгрия постоянно совершала трагические ошибки, действуя в угоду интересам чуждых сил и пренебрегая собственными. В частности, под Мохачем венгры оказались "не на той" стороне, воюя со своими "туранскими родственниками". Ш. Марки призывал венгров вспомнить о своих истинных интересах и, использовав шанс, упущенный Аттилой, основать туранское государство в центре Европы[24].

Основной поток полемических выступлений против туранистов пришелся на послевоенный период, что, вероятно, можно объяснить известной сменой ориентиров в самом туранском движении: акцент был смещен с проблем экономического процветания Венгрии за счет освоения Востока на поиски места нации в послевоенной Европе и на проблемы национального возрождения путем развития "туранской духовности". Естественно, что критика туранизма исходила прежде всего от "западников", сторонников модернизации Венгрии.

Как уже отмечалось, критики туранизма неизменно подчеркивали ненаучный характер туранской теории, тогда как ее приверженцы всячески отстаивали тезис о ее научности, отвергая какую бы то ни было политическую направленность своей деятельности. «Туранизм только рядится в "ученые одежды"», – утверждал Йожеф Шмидт, опубликовавший в 1925 г. подробный разбор некоторых концепций туранистов на страницах либерального журнала "Нюгат"[25]. Й. Шмидт справедливо

связывал рост влияния туранизма со смутной послевоенной атмосферой и считал бесперспективными попытки создания "туранской оси". Автор одной из наиболее известных и уже цитировавшихся "антитуранских" статей, видный историк Д. Сегфю видел свою задачу прежде всего в том, чтобы отстоять идею принадлежности Венгрии к Центральной Европе и ее тяготения к Западу, а отнюдь не к "славяно-русскому азиатскому" региону. Пути Венгрии и прочей Средней Европы, по его мнению, стали расходиться только в XVI–XVII вв. под влиянием турецкой агрессии. До этого же динамика развития городов и раннего капитализма и процессы, происходившие в аграрной сфере, и остальные определяющие направления эволюции общества были сходными для немецких, чешских и венгерских земель. Венгрия и венгерское крестьянство продолжали бы развиваться в том же среднеевропейском русле, "если бы не турецкая угроза, если бы не непрерывная война"[26].

По логике туранистов, как отмечал Й. Шмидт, истинным героем венгерской истории должен быть коронованный турами Янош Запольяи, но что тогда делать с "антитурецкой" линией в венгерской истории, нашедшей воплощение в таких фигурах, как Миклош Зриньи, Иштван Добо или Янош Хуньяди? Венгрии приходилось часто быть гораздо более "антитуранской", чем Западу, и единственный возможный путь для Венгрии – "ассимиляция" с Западом[27].

[1] *Németh Gy.* A magyar túránizmus // Magyar Szemle. 1931. N 11. 132–134.
[2] *Paikert A.* Túráni Társaság: A Túráni Társaság alapszabályai. Bp., 1910.
[3] *Németh Gy.* Op. cit. 132.
[4] *Kincses Nagy Eva.* A túráni gondolat. Bp., 1993. 44.
[5] *Paikert A.* A Túráni Társaság eddigi és jövendő működése. Bp., 1914.
[6] Túrán. 1918. N 1. 1–3.
[7] *Teleki P.* Bevezető // Ibid. 1913. N 1. 3.
[8] *Paikert A.* A Túráni Társaság eddigi és jövendő működése. 9.
[9] *Németh Gy.* Op. cit. 136.
[10] *Teleki P.* A Túrán földrajzi fogalom // Túrán. 1918. 82.
[11] Ibid. 133.
[12] Ibid. 45–46.
[13] *Cholnoky J.* Túrán. 1918. 25–26.
[14] *Teleki P.* A Túrán földrajzi fogalom. 78–79.
[15] *Cholnoky J.* Op. cit. 26–34.
[16] Ibid. 40.
[17] *Teleki P.* A Túrán földrajzi fogalom. 54.
[18] Magyarság, nápilag. 1928. Dec. 8.
[19] *Szekgfü Gy.* A "Turániszláv parasztállam" // Magyar Szemle. 1929. N 5.
[20] *Teleki P.* Taj es Faj // Túrán. 1917. N 1.
[21] *Teleki P.* A Túrán földrajzi fogalom. 46–47.
[22] Изложение теории "туранско-славянского крестьянского государства" и ее критику см.: *Szekgfü Gy.* Op. cit.
[23] *Márki S.* A túráni népek története // Túrán. 1922. N 5. 25, 27.
[24] Ibid. 33–37.
[25] *Schmidt J.* Túránizmus // Nyugat. 1925. 197.
[26] *Szekgfü Gy.* Op. cit. 35.
[27] *Schmidt J.* Op. cit. 199–200.

Н.М. Пашаева

А БЫЛА ЛИ БИТВА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ?*

Мировой книжный рынок дарит нас порой полуфантастическими работами, облеченными в псевдонаучную форму и, вероятно, пользующимися на Западе спросом у определенного круга читателей – иначе их не выпускали бы. А может быть, Жанна д'Арк не была сожжена? А что было бы, если бы Наполеон выиграл Ватерлоо, а Байрон не умер в Греции от лихорадки и т.д. Разумеется, не научные учреждения занимаются выпуском подобной литературы.

Видимо, наш книжный рынок не хочет отставать от Запада. Начиная с 70-х годов выходят работы по мировой истории математика А.Т. Фоменко (ныне академика), написанные в одиночку или с соавторами, тоже математиками. (Дальше мы будем для краткости говорить "Фоменко", поскольку часть работ написана им самостоятельно, а часть хотя и с разными соавторами, но концепция в этих трудах принадлежит явно Фоменко.) На основе упоминаемых в древних источниках данных об астрономических явлениях им предлагается совершенно новая хронология древней и средневековой истории, сдвигающая хронологические рамки событий на столетия ближе к нашему времени. (Заметим, что астрономов среди соавторов Фоменко нет, астрономы-профессионалы не разделяют его теории[1].) Подвергнув материалы древних нарративных источников статистическому анализу, Фоменко пришел к выводу, что, «сильно огрубляя картину, можно сказать, что современный традиционный "учебник" по древней и средневековой хронологии является (со статистической точки зрения) суммой, склейкой четырех экземпляров одной и той же короткой хроники»[2]. И как формулирует кратко выводы Фоменко его рецензент, суть "новой хронологии" (так назвали свою теорию ее авторы), по утверждению ее создателей, состоит в том, что все существующие ныне описания мировой истории неверны, мы ничего не знаем о событиях до IX – начала X в., все источники до 900 г. должны быть передатированы; более или менее точные сведения (и те искаженные) появляются с 1300 г., и только с конца XVI–XVII в. "новая хронология" сливается с общепринятой[3]. "По Фоменко", например, оригиналом событий, описываемых Геродотом, могли послужить события средневековой истории, отнесенные потом в глубокую древность (сдвиг на 1810 лет)[4]. Но ведь известны имена отдельных личностей разных эпох и их деяния. "По Фоменко", "один и тот же реальный человек может быть представлен несколько раз под разными именами

---

* Печатается по тексту выступления 26 мая 1998 г. в Институте славяноведения на ежегодной международной конференции "Славяне и их соседи".

и даже отнесен в разные эпохи"[5]. Фоменко ищет (и находит!) в мировой истории примеры, как он называет, "биографического параллелизма", среди многих других – Ромул и Иисус Христос, Иисус Христос и папа Гильдебранд[6]. Это дало повод бойкому критику-журналисту озаглавить свою статью в "Известиях" "По расчетам вышло: служил Иисус Христос римским папой"[7].

Когда в 1980 г. вышла брошюра Фоменко и его соавтора М.М. Постникова, в которой излагались основы новой тогда для читателей фоменковской хронологии, ее приняли всерьез. В "Вестнике древней истории" появилась фундаментальная аргументированная статья известных античников Е.С. Голубцовой и В.М. Смирина, в которой на материале античной истории они показали несостоятельность "новых" фоменковских методик[8]. Но единичная критика специалистов Фоменко не смутила. Правда, говорят, что против его теорий выступали академики Рыбаков и Бромлей, что его якобы даже вызывали в ЦК (об этом нам сейчас поведал его учитель С.П. Новиков[9], с помощью которого, а также других коллег Фоменко продолжал свое восхождение на математический олимп). Прервав на некоторое время свои "исторические" труды, Фоменко возобновил их издание с начала 90-х годов. Только с 1990 по 1996 г. вышло в свет 11 книг[10]. Издает бóльшую часть этих "трудов" Фоменко, сейчас уже академика РАН, МГУ. И многие годы историки молча наблюдали эту картину.

До поры до времени книги Фоменко и К° выходили относительно небольшими тиражами, были громоздки, дóроги и, вероятно, до широкого читателя не доходили. В 1997 г., юбилейном (850-летие Москвы), десятитысячным тиражом была переиздана первая часть двухтомника Фоменко в соавторстве с Г.В. Носовским, впервые увидевшего свет в 1995–1996 гг. Книжка небольшого формата, дешевая, в милой обложке с изображением иконы Георгия Победоносца, называется "Новая хронология Руси" и предназначена, как сказано в аннотации, для широких кругов читателей[11]. Нетрадиционная трактовка событий и явлений прошлого сейчас чуть ли не мода. Взаимоотношения Руси и татаро-монголов в эпоху татарского ига не составляют исключения, представить их как едва ли не мирные и естественные контакты весьма соблазнительно, и такие попытки порой делались – не будем тревожить умерших! Фоменко и Носовский постарались не отстать от новейших тенденций. На основе своей методики они предлагают читателю "общую схему параллелизма" древней русской истории: «Оригиналом древней и средневековой русской истории является период от 1300 года до 1600 года (здесь и ниже временны́е границы даются приблизительно)... Период от середины IX века до начала XIII века является дубликатом периода от 1300 года до 1600 года... Период от 1200 года до 1600 года является "суммой" двух хроник» (С. 47). На основе этой схемы авторы утверждают, что до XIII в. "мы не находим сохранившихся следов письменной русской истории... вероятно, в то время историю писали только в Византии". «Власть Византии, пусть даже "только формальная" (или религиозная), распространялась на большие области, а после распада Визан-

тийской империи в 1204 г. ее части приобретают самостоятельность». Здесь-то и занимается "заря русской истории". "Повесть временных лет", по-видимому, в значительной степени посвящена описанию византийских, а не русских событий (С. 110–111). Наши первые летописи были вообще "сильно отредактированы при Романовых" (С. 239). После распада Византийской империи на территории Руси было "много русских княжеств или Орд, образовавшихся... на развалинах бывшей Византийской (Ромейской) империи... Во главе этих независимых государств стояли обрусевшие потомки византийских наместников из влиятельных родов" (С. 111). Мы привыкли считать, что XIII век – эпоха татаро-монгольского завоевания и начало ига на Руси. Но Фоменко и Носовский считают, что «теория о "монгольском завоевании" Руси... возникла, скорее всего, в трудах историков XVIII века, ранее того о "монгольском иге" ничего не знали» (С. 83). "Орда, согласно гипотезе авторов, была не иностранным образованием, захватившим Русь извне, а просто восточно-русским регулярным войском, орда с самого начала была русской". Широко используя и цитируя "Историю казаков" А.А. Гордеева, постоянно на нее ссылаясь, авторы пишут, что "начало истории казачества относится к XII–XIII вв.", что казачьи войска составляли не просто часть Орды, а "являлись регулярными войсками русского государства". "Древнерусское государство представляется единой империей, внутри которой было сословие профессиональных воинов (Орда) и гражданская часть, не имевшая своих регулярных войск...", а татарские набеги были "просто карательными экспедициями в те русские области, которые отказывались платить дань, – регулярные войска наказывали бунтовщиков" (С. 11). А "царская династия Ивана Калиты XIV–XVI вв. – это и есть династия ханов-царей Орды", ее последний правитель – Борис Годунов. В гражданской войне начала XVII в. Ордынская династия, как ее называют авторы, была разгромлена. Новой династии, Романовых, требовалось упрочить свое положение на троне, с этой целью и создавалась теория противостояния Руси и Орды. Изображение одних как завоевателей, а других как побежденных – это "изобретение" историков XVII–XVIII вв. (С. 67). «Романовы были кровно заинтересованы в искажении истории свергнутой ими законной Русско-Ордынской династии. Поэтому романовские историки выполняли важнейший социальный заказ, исходивший непосредственно от Романовского престола, – отправить в небытие историю "Монгольской" (=Великой) Империи, исказив ее до неузнаваемости, иногда даже заменив "черное на белое". Историки постарались выполнить царский указ "на отлично". Не их вина, что множество следов подлинной русской истории все-таки осталось, и сегодня мы можем многое "восстановить"» (С. 240).

Неискушенный читатель из книги Фоменко и Носовского узнает, что хан Батый – это попросту русский князь Ярослав, отец Александра Невского, а само имя Батый – это, вероятно, искаженное слово "батя", "отец"... итак, Батый – казачий батька, русский князь (С. 14). Упоминаемый в летописях "Господин Великий Новгород" был вовсе не на Вол-

хове, где стоит доныне город Новгород, потому что исторический Великий Новгород – это Ярославль (С. 91) или "совокупность городов вокруг Ярославля" (С. 94). Мусульманство образовалось из несторианского течения внутри Православной церкви – это "хорошо известный факт" (С. 231). "Никакого мусульманства как отдельной религии тогда (в XIII в.) не было. Раскол между мусульманством и православием (и одновременно с латинской западной церковью) произошел позже, лишь в XV веке" (С. 130). При Иване III "монгольское иго" не прекратилось, просто один ордынский хан сменил другого ордынского хана. В результате на престол взошел русский хан Иван III (С. 161–162). Правление Ивана IV – это правление четырех царей: первый, действительный царь Иван Васильевич, он же Василий Блаженный и Иван Блаженный (С. 173). Борис Годунов – сын царя Федора Ивановича (С. 185), Лжедмитрий – настоящий царевич Дмитрий, сын царя Ивана, а авторы версии о самозванстве Дмитрия – Романовы (С. 192–193).

Авторы уверяют, что чтение их книги не потребует от читателя "никаких специальных знаний", но "издание является научным и осуществляется с сохранением полных ссылок на литературу" (С. 3). Такую "научную" картину авторы предлагают неподготовленному читателю. Правда, у дотошного читателя возникнет немало вопросов. Почему авторы хотят, чтобы в правильность их математических построений читатель просто верил, не понимая их сути, ибо они не объясняют формальную сторону своего статистического метода, а лишь отсылают к книге А.Т. Фоменко, написанной отнюдь не для широкого круга читателей (С. 56)? Почему, считая летописи поздними подделками или, во всяком случае, недостоверными источниками, авторы, когда им удобно, на них же и ссылаются? Почему во многих случаях, например в вопросе о датировке начала мусульманства, они вообще не приводят никаких доказательств? Почему, рассказывая на протяжении всей книги о потрясающей роли казачества в русской средневековой истории, авторы ссылаются почти везде на первый и частично на второй том фантастической ненаучной работы А.А. Гордеева, вышедшей в эмиграции и изданной теперь у нас, в которой нет ни одной ссылки на источники, лишь в конце тома помещен небрежно составленный список литературы, по которому проверить приводимые автором данные невозможно? Почему всех русских историков XVIII–XIX вв. авторы фактически причисляют к мошенникам, вопреки исторической истине выполнявшим социальный заказ? Таких "почему" у дотошного читателя накопится очень много. Однако авторы рассчитывают явно не на него, ибо забывают даже о том, о чем поведали несколькими страницами ранее. Так, на С. 56–57 мы находим дату "реального основания Москвы" – 1368 год (закладка стен Московского Кремля), а на С. 151 читаем: "... основание Москвы произошло практически сразу после Куликовской битвы".

Не будем, однако, останавливаться на этих многочисленных "почему", а обратимся к истории Куликовской битвы: как трактуют авторы-математики историю этого кульминационного пункта борьбы против татарского ига? Оказывается, Дмитрий Донской и Тохтамыш – одно ли-

цо (С. 131). Как известно, Дмитрий Донской разбил Мамая в 1380 г., а Тохтамыш добил его, авторы же эти события объединяют в одно. Затем, по словам авторов, "описание летописей дает основание утверждать, что причиной битвы послужил пограничный спор между князем Великого Новгорода Дмитрием Донским и рязанским и литовским князьями (соответственно Олегом и Ольгердом)" (С. 131), желавшими выгнать Дмитрия из Москвы и других городов (значит, Москва уже была!?).

Для осуществления этого плана они пригласили Мамая. Авторы ссылаются на "Сказание о Мамаевом побоище", однако страницей дальше в "Сказании" говорится, что Мамай отвечал пригласившим его князьям – помощь ему не очень нужна, у него свои планы "победить царя, подобного себе" – следовательно, причиной его похода являлся вовсе не пограничный спор[12]. Говоря о Дмитрии, авторы называют его столицей Кострому (С. 132). Обращаясь далее к этому сюжету, они пишут, что с концом XIV в. связан праздник Сретения иконы Божьей Матери Владимирской, но они не нашли в церковных текстах подробного описания событий, лежащих в основе праздника. В то же время существует Феодоровская икона Богоматери, по словам авторов, – "небольшое видоизменение Владимирской" (С. 153), и в Тропаре этой иконы есть слова: "Днесь светло красуется преименитый град Кострома и вся русская страна". На этом основании авторы сочли, что Кострома при Дмитрии "была столицей царя-хана Дмитрия, он же Тохтамыш" (С. 153–154). Однако на самом деле Феодоровская икона – 1613 г., а ее "пришествие" связано с тем, что это икона Романовых, а Михаил Федорович был вызван на царство из Костромы.

На С. 132 авторы утверждают, что Дмитрий подчинил себе Рязанское княжество. Это не соответствует истине: через несколько лет после Куликовской битвы бежавший из своей Рязани Олег в нее вернулся, состоялись примирение его с Дмитрием и брак его сына Федора с дочерью Дмитрия. Как известно, Федор княжил в Рязани с 1402 примерно по 1417 г., и лишь позднее Рязань была присоединена к Московскому княжеству. На С. 133 авторы упоминают как малоизвестный факт, что Мамай – имя христианское, ибо в Святцах есть имя мученика I в. Маммия. Однако Мамай и Маммий звучат совсем по-разному, к тому же в ряде рукописей "Сказания" пишется не Мамай, а Момай. Мученик I в. тут уже совершенно ни при чем[13]. О Куликовом поле в Тульской области авторы сообщают: "Известно, что никаких следов знаменитой битвы на этом тульском Куликовом поле не обнаружено" (С. 132). Это утверждение не соответствует истине, находки есть, они хранятся в музее на Куликовом поле, а фотографии их можно увидеть, например, в буклете.

Говоря об источниках Куликовской битвы, авторы называют основным "Задонщину", хотя подробная история битвы и предшествовавших ей событий изложена как раз в "Сказании". Отсутствие к нему интереса как к источнику вполне объяснимо: "Сказание" настолько серьезно описывает сбор войска в Москве, смотр в Коломне, путь на Куликово поле в нынешней Тульской области, что, если бы авторы с ним считались, они

не могли бы проводить в книжке свою "сенсационную" теорию – битва на Куликовом поле происходила не в Тульской области, а на территории нынешней Москвы. Подчеркивая, что в Архангелогородской летописи XVII в. поле у Сретенских ворот названо "Куличковым", а не "Кучковым", как можно было ожидать, авторы утверждают, что "летописи прямо говорят о том, что Куликово поле находилось в Москве" (С. 132), причем Куликовская битва была вовсе не битва русских с татарами, а междоусобная борьба в Орде, "сражение волжских и сибирских казаков во главе с Дмитрием Донским с войском польских и литовских казаков, возглавляемых Мамаем" (С. 142). Согласно гипотезе авторов, битва произошла на большом поле, простиравшемся от нынешних Покровских ворот до Славянской площади, т.е. до Кулишек. Доказательств, подтверждающих этот вывод, авторы не приводят, но лихорадочно ищут созвучия московских названий названию Куликова поля. Так, второй раз Мамай был, по свидетельству источников, разгромлен в Орде на Калках. В Калках авторы видят "Кулики", т.е. вариант того же Куликова поля, или московских Кулишек, так как "это отражение одного и того же события" (С. 133). Источники говорят, что ставка Мамая находилась на Красном холме. Авторы ищут Красный холм у Краснохолмской набережной и находят его на Таганской площади, но не исключают, что он мог быть и на Красной площади, и в районе старого университета (С. 133). Перед началом битвы войска Мамая остановились у Кузьминой гати. Авторы считают, что это московские Кузьминки.

Из летописи и "Сказания" известно, что Дмитрий созвал соратников в Москву, а затем войско отправилось в Коломну, где ему был устроен смотр, а после оно выступило на Дон. Авторы считают, что речь идет не о Коломне, а о Коломенском: "Дмитрий приказывает собраться в Коломенском – в Москве" (С. 136). Что Коломенское не только тогда, но и много позднее, точнее совсем недавно, было не Москвой – еще в начале нашего века оно отстояло от Москвы на 10 км – авторам невдомек. Смотр в Коломне состоялся на Девичьем поле. Авторы указывают на поле около Новодевичьего монастыря (С. 137), забывая или не зная, что девичий (Новодевичий) монастырь был основан здесь только в XVI в. на месте, где чуть было не вошли в Москву татары. По мнению авторов, Доном в памятниках называется Москва-река (С. 138). Перед битвой звучали трубные гласы, отсюда Трубная площадь, а засада Владимира Андреевича располагалась там, где ныне Владимирская церковь в Старосадском переулке (С. 141), и т.д.

Думается, порочность построений Фоменко и его соавтора обнажилась в трактовке Куликовской битвы наиболее ярко. Они не ссылаются ни на какие математические методы, просто датируют битву то 1380 г. (С. 132), то 1381 г. (С. 51). Тождество Дмитрия Донского и Тохтамыша подтверждают только тем, что оба разбили Мамая. Никаких доказательств, что Куликовская битва произошла в Москве, нет, за доказательства авторы принимают весьма далекие созвучия названий: река Мечa – река Моча, приток Пахры! или сама Москва-река! (С. 140). И это далеко не все ошибки и несуразности.

Издание, адресованное широкому кругу читателей, породило у них много вопросов, прежде всего они стали интересоваться, с кем была битва – русских с татарами, как утверждали и "при царе" и "при коммунистах", или казаков с казаками? И где все-таки она происходила – под Тулой или в Москве? (Это особенно занимало читателей-москвичей.)

Направиться в МГУ? Но именно издательство прославленного университета выпускает опусы Фоменко. В Академию наук, в Институт славяноведения или Институт истории? Но охрана работает исправно, и туда не пройти. Остается одно – к батюшке. Именно к нему в Старое Симоново, где покоятся Пересвет и Ослябя, стали обращаться обеспокоенные читатели. Отец Валерий "вышел" на меня, и материал я подготовила еще в ноябре 1997 г. (правда, встречу с читателями по этой теме ему удалось устроить в клубе ЗИЛа только в марте 1998 г.)

С 1997 г. положение наконец начинает меняться: появляются серьезные отклики, содержащие уничтожающую критику "теорий" Фоменко. «Традиционнное летосчисление и "новая хронология"» – так озаглавил свою статью в "Вопросах истории" И.Н. Данилевский. Она выдержана в академическом тоне, но в ней с убийственной очевидностью показаны порочность и полная историческая безграмотность применяемых Фоменко и его соавторами методик[14]. Д. Харитонович, опубликовавший большую работу в "Новом мире", увидел в «феномене Фоменко, в его концепциях империй, одной из которых является "Русь-Орда", фашистский миф»[15]. Куликовской теме посвящена блестящая публицистическая реплика Ю.М. Лощица "Добрый русский царь Батый, или Пособие для жаждущих укротить историю"[16].

В феврале 1998 г. участники состоявшейся в Свято-Даниловом монастыре конференции "Духовно-историческая и православная тема в современной художественной литературе", в которой принимал участие Союз писателей России, от имени Свято-Данилова монастыря и Союза писателей направили Открытое письмо президенту РАН академику Ю.С. Осипову. В нем они подчеркивают, что «"гипотезы" и "версии" А.Т. Фоменко своей чудовищной безграмотностью, своим нигилистическим апломбом, своими, наконец, намеренно скандальными целеустановками просто-напросто срамят нашу отечественную академическую науку». В Открытом письме выражается надежда, что "высокое собрание академиков России вскоре даст достойную, строгую дефиницию козни, которая прикрывает себя авторитетами РАН"[17].

Ученая конференция, посвященная критике "новой хронологии" Фоменко, состоялась в конце 1999 г. в МГУ, но, пожалуй, можно согласиться с филологом М. Соколовым, который своей статье в "Известиях" в начале 2000 г. дал подзаголовок "Научными аргументами фоменкиану бить бесполезно"[18].

[1] *Ефремов Ю.Н.* "Альмагест" и "новая хронология" // Природа. 1991. № 7. С. 98–100.

[2] *Фоменко А.Т.* Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии. М., 1990. С. 12.

[3] *Харитонович Д.* Феномен Фоменко // Новый мир. 1998. № 3. С. 166.

[4] *Фоменко А.Т* Указ. соч. С. 398.
[5] *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Новая хронология Руси: Науч. изд. М., 1997. С. 6.
[6] *Фоменко А.Т.* Указ. соч. С. 293, 377–382.
[7] *Лесков С.* По расчетам вышло: служил Иисус Христос римским папой // Известия. 1997. 29 янв. С. 8.
[8] Вестник древней истории. 1982. № 1. С. 171–195.
[9] *Новиков С.П.* Математики и история // Природа. 1997. № 2. С. 70–74.
[10] *Носовский Г.В., Фоменко А.Т.* Указ. соч. С. 7.
[11] Там же. С. 2. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте.
[12] Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. М., 1981. С. 138–139.
[13] Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 494, 497, 502 и др.
[14] *Данилевский И.Н.* Традиционное летосчисление и "новая хронология" // Вопр. истории. 1998. № 1. С. 16–29.
[15] *Харитонович Д.* Указ. соч. С. 184.
[16] *Лощиц Ю.М.* Добрый русский царь Батый, или Пособие для жаждущих укротить историю // Московский журнал. 1998. № 3. С. 8–10.
[17] Открытое письмо Президенту Российской академии наук (РАН) академику Юрию Сергеевичу Осипову // Там же. С. 6–7.
[18] *Соколов М.* Удовольствие быть сиротой: Научными аргументами фоменкиану бить бесполезно // Известия. 2000. 12 янв. С. 9; *Ульянкин Н.А.* Антинаучная сенсация: О гипотезах А.Т. Фоменко и его сподвижников. М., 1999. 95 с.

Флоря Б.Н.

ДВЕ ГРАМОТЫ ХАНА САХИБ-ГИРЕЯ

Хорошо известно, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Тем бóльшую ценность приобретают немногие свидетельства, написанные в обстановке, когда действие факторов, заставлявших маскировать истинные мотивы своей политики, ослабевало, и государственные деятели считали возможным открыто излагать свои истинные намерения. Именно в этом состоит ценность двух публикуемых документов – грамот крымского хана Сахиб-Гирея малолетнему Ивану IV. Грамоты эти были написаны в конце 30-х годов XVI в., когда соотношение сил между Русским государством и его кочевыми соседями быстро и резко изменилось в пользу этих соседей. В Казани был свергнут русский ставленник Джан-Али, а на казанский стол сел враждебный России крымский царевич Сафа-Гирей, близкий родственник хана Сахиб-Гирея. Тем самым Казань не только освободилась от русского влияния, но и вступила в союз с Крымом, направленным против Русского государства. Ослабленное внутренними смутами и неудачной войной с Великим княжеством Литовским, Русское государство не смогло помешать воцарению Сафа-Гирея в Казани, однако в Москве решили собрать войско, чтобы попытаться согнать Сафа-Гирея с Казани или восстановить зависимость ханства от России.

В этих условиях хан обратился к царю с первой из публикуемых грамот (доставлена в Москву в конце ноября 1537 г.)[1]. Хан требовал прекратить выступления против Казани, угрожая нападением своих и османских войск. Первоначально в Москве на крымский ультиматум не реагировали[2], но, когда хан снова прибег к угрозам, в феврале 1538 г. решение о походе на Сафа-Гирея было отменено и крымский посол получил возможность посетить Казань[3]. После этого Сахиб-Гирей решил, что с ослабленной Россией можно не считаться, желаемого от нее можно добиться с помощью угроз и что нет оснований как-то маскировать свое отношение к этому государству. Это отношение с редкой для того времени откровенностью получило свое отражение во второй из публикуемых грамот, доставленной в Москву в мае 1538 г.[4]

Русские переводы грамот сохранились в посольской книге, составленной в начале 40-х годов XVI в. и отложившейся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

1

ГРАМОТА КРЫМСКОГО ХАНА САХИБ-ГИРЕЯ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ИВАНУ IV

(доставлена в Москву в ноябре 1537 г.)

(Л. 419) А се грамота другая царева о Казани.

Великие орды великого царя силы находца и победителя Саиб Киреево царево слово московскому князю Ивану Васильевичю. Ярлык от царя. Царем ведомо да есть от царьского седалища слово то.

Казань(Л. 419 об.)ская земля мои юрт, а Сафа Гиреи царь брат мне. И после бы еси сего дня воины на Казанскую землю не чинил, так же еси, недружбу делая, рати своеи не посылал бы еси, как было в предния времена, послов своих и гостеи посылал бы еси, межи бы вас доброи мир был.

А как до тебя сесь наш ярлык доидет, а ты на него воиною поидешь, а по сего нашего ярлыка речем межу собою миру не учините, и милосердаго Бога милостию меня на Москве смотри. А не помысли собе того, что с однеми татары буду, оприч тех, которые (Л. 420) в наших волях татарские рати, а опроче пушечного и пищального наряду счасливаго хандикеря вселенского величества конную рать и янычен холопов взяв, иду. И дружба и недружба от кого придет, толды ведаеш. И опосле прибытка не будет. А хоти к нам с тем нашим паробком Дервиш Алеем, кого к нему прикошевав, куны и поминки пошлешь к нам, а с Казанью не помирився и ты не посылаи, толко же с Казанским юртом помиришься, и ты посылаи, занже кто ему друг, тот и мне друг, а кто ему недруг, тот мне недруг, так бы еси ведал.

И ныне сею дорогою к брату своему ко царю слугу своего Телевлюа (Л. 420 об.) послал есмы. И сем нашим писаным речем толко их поимешь, знамены то к нашему паробку к Телелаюю прикошевав своего человека, послал бы еси в Казань да отпустил бы еси наборзе. И после сего дни вперед к брату моему ко царю учнеш посылати, и яз наперед к тобе пошлю, и ты, своего доброго человека прикошевав, к нему учнеш за все посылати, потому наше одиначество от того дела познаетца.

Казань – мои стол и земля моя, а учнеш ее воевати, и ты мне недруг лих будеш, и только доброво миру с ним не учинишь, и ты бы собе никоторого иного мненья в мысли не держал (Л. 421), милосердаго Бога милостью на Москве нас смотри.

И толко наше слово примешь, и ты над своим недругом будеш, и со мною содиначишся, иные земли многая моя рать, тое земли кунами сытостны будут даваньем обычаино от Бога.

И толко что в сем ярлыке писаны которые речи, и ты их не примеш, и ты худ будеш, и недруг твои над тобою будет. Никак в мысли хитрости не держи, а опосле в думе не будет помочи. Нечто по первому реку Оку хребет собе хочеш держати, и ты на воду не надеися, Оки реки тобе не покажут. И ты б ранее собе прямо помыслил про свое дело, а не помыслишь собе того, и то как Магмет Киреи (Л. 421 об.) царь приходил, более того со мною будет силы и рати и мочи, так бы еси ведал, оп-

рич моеи рати будет со мною сто тысяч турскои рати да пять тысеч янычен, так бы еси ведал.

Молвя, жиковиною запечатав, грамоту послал есми.

Лета девятьсот четыредесят четвертого.

РГАДА. Ф 123 Сношения России с Крымом. Кн. 8 Л. 419–421 об

2

ГРАМОТА КРЫМСКОГО ХАНА САХИБ-ГИРЕЯ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ИВАНУ IV

(доставлена в мае 1538 г.)

Великие орды великого царя силы находца и победителя Сагиб Киреево царево слово – Ивану // князю заповедь от царя царем и от государского седалища слово наше то (Л. 488).

Наперед сего в присыльных твоих грамотах писаны были речи добрые, и мы по тем твоим речем хотели своего болшего посла послати. И после того прислал еси к нам казака своего Янъкыдыра с своею грамотою, а в грамоте своеи к нам писал еси, рекше, мы посла твоего Тимофея, которого еси послал в Волохи, у собя задержали, и нам бы его ныне к тебе отпустити со всеми его товарищы. И ты (Л. 488 об.) того человека своего Тимофея посылал к нашему недругу, и кто от кого к недругу дружбы для которои человек приедет, ино и тот человек недруг, которои ездил, и мне недруга как отпустить. Отец твои, нам роту и правду учинив, в миру ис Казани своего для добра к себя взял Елюку князя да Идил-Ази-дувана наших людеи со всеми их товарищы да там их у собя и побил. И опосле того уже два года тому посылали есмя в Казань с Кереичею своего кадыя (Л. 489) и твои люди на дорозе их, переимав, да к тебе привели и мати твоя их велела побить. И ты того ко мне не приказываешь, а ты к моему недругу посылал еси человека своего, и ты о нем к нам пишешь. А Тимофея мы ведь не убили, жив у нас, а наших бы еси так же живых держал да с нами говорил.

Да ещо еси в своеи грамоте писал, чтоб нам к тобе отпустить, а государьского бы нам обычая, как всякои народ, чинить, не учинити, молвыл еси. Ино государьского обычея не держал отец твои (Л. 489 об.), как неискусныи народ, имени своему убавление делал, заньже никоторои государь так не делывал.

Да еще еси писал, чтоб мне к тобе недружбы своеи не объявляти. Ино яз к тобе недружбу свою объявлю, и мне ни от коле страху нет. А учну тобе недружбу чинить и моеи земле нет в том убытка никоторого. От милосердаго Бога надея ми есть, поиду на твою землю и государство твое возму, а ты и захочеш мне лихо чинити, на мою (Л. 490) тобе землю не ити. И ныне что мне пишешь, сам себи меня недругом чинишь, и тобе от моеи недружбы убытка не будет. А более ста тысяч рати у меня есть и возму, шед, из твоеи земли по однои голове, сколько твоеи земле убытка будет и сколько моеи казне прибытка будет, и сколько мне поминков посылаешь, смети того, убыток свои которои более будет, то ли что своею волею пошлеш казну и что сколько воиною такою возмут, гораздо собе о том помысли. И только твою землю (Л. 490 об.) и твое госу-

дарство возму, ино все мои люди сыти будут. И ныне меня к себе тем словом зовеш, яз с одною своею ратью не иду и, хандыкерево величество с собою взяв, иду, смотри, какая недружба будет. Хандыкерево величество вселенную покорил от Востока и до Запада, Индию и черных людеи арапов и азамов и кизылбаша, фрягов, угорского короля да и оприч того многие земли поимал да и сам там витал. Ино и в твою землю (Л. 491) мног достаточно ити витати. Даи боже нам ему твоя земля показати и с ним там витати. Про меня гораздо не знаешь, чаешь меня, как предние наши были, а се иду. И ты на Москве со мною хочеш видетися или, Оки реки встречю пришед, видишься, а яз иду и ты будь готов. И аз схоронясь не иду, не молви после, как Магмед Киреи царь без вести пришел. И только того дела похочешь, ино добро сильно, и мы ити готовы.

Учнешь жо делать по нашему хотенью и по нашему слову, и ты б с сею (Л. 491 об.) дорогою, которово есмя наскоро послали к тобе, паробка своего прикошевав, к нему своего большего посла с своею казною наборзе бы еси его к Путивлю послал. А перед ним бы еси часа того послал к нам сказати, чтоб в малых днех у нас были. А нечто замотчают и нам их не ждати, на конь всядем, так бы еси ведал.

Да еще еси к нам писал про Казань, рекши, на Казань царя посадил. Ино Магмед-Аминь царь з братом своим з большим с Алехам-царем о юрте спирались, и того для (Л. 492) Магмед-Амин царь к Москве пришел, и отец твои помочь ему свою дал, и он, шед, на Казани сел. То правда есть и межи государем коли таково дело не бывает, ино тем ли он его на царство посадил, что помочь свою ему дал. С великим царем с Магмедом с упокоиником, з дедом нашим из Суздаля прадед твои Василеи бился с ним да и в руки ему попал жив. И в те времяна мочно было нашему деду твоего прадеда убить, а Московское государство с сею землею взяти, ино такова ему сила была и мочь. А он его простил, и горсти (Л. 492 об.) крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал. И того прошлого добра не поминаешь, и ты которово своего человека к нашему недругу посылал Тимофея, и ты о нем пишеш. И моя еще которая и правда была.

И будеш по моему слову, ино вельми добро, и мы с тобою, по тебе посмотря, мир учиним. А не похочеш, и ты посмотриш, что мы тебе учиним. Да что много говорити, что в том прибыток будет. Ведаи, что в начале сего месяца маия поиду. А наперед сего, что послал слугу своего (Л. 493) Баима, а ныне Токела, и яз в то место оставил у себя слугу твоего Григорья. А опосле которои казак твои Янъкыдыр приехал, и яз его к тобе отпустил. А срок есми учинил твоему послу сего маия месяца десятыи день. А на тот срок не будет посол твои и з казною и с нашими со всеми людми и нам их не ждати, ити. А доколе у нас от тебя посол твои с казною будет, большего посла от нас не жди. А будет посол твои с казною наборзе у нас, и мы, по тому посмотря, своего посла пошлем. А только замотчает, на тот (Л. 493 об.), срок не поспет, и ты истому и кручину увидиш. И ты собе промышляи. Молвя жиковиную запечатав грамоту послал.

Лета 7044-го апреля месяца.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн 8 Л. 487 об.–493 об.

[1] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8. Л. 415.

[2] См. ответ Ф.И. Карпова крымскому гонцу: "Ведает царь и сам, что как пришел Сафа-Гирей на Казань и он какие государю нашему недружбы поделал, и государю нашему чего для в Казань... посылать" для переговоров о мире (РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 423 об., 424).

[3] Там же. Л. 475 об.–476 об.

[4] Там же. Л. 486 об.–487.

Л.В. Заборовский, Н.С. Захарьина

РОССИЯ, КРЫМ, ПОЛЬША, УКРАИНА В СЕРЕДИНЕ 50-Х ГОДОВ XVII ВЕКА:

Из материалов чрезвычайного посольства в Крымское ханство во главе с дворянином Т.Г. Хотунским и подъячим Поместного приказа И. Фоминым 1654–1655 гг. Ч. 2*

2

ИЗ НАКАЗА ПОСОЛЬСТВУ ВО ГЛАВЕ С Т.Г. ХОТУНСКИМ

1654 г. февраля 21 (марта 3)

И они б, ближние люди, царю, калге, и нурадыну говорили, чтоб они, памятуя свою правду и шерть, великому государю его ц-му в-ву на его ц-го в-ва недруга, на полского Яна Казимера короля помочь ратными своими людми учинили и тем бы цар, и калга, и нурадын к великому государю свою правду и шерть совершенну показали. А что они, царевы ближние люди, говорят о том[:] буде цар, и калга, и нурадын против ево, государева, недруга полского короля войною пойдут, и от ц-го в-ва за то к Ислам Гирею царю, и х калге и к нурадыну какая присылка или любителные поминки (Л. 105) будут, и им бы, ближним людем, о том и говорити непригоже[1]. Царское величество за то к царю и х калге, и к нурадыну по вся годы любителные свои многие[2] поминки, а им, ближним людем, свое, государево жалованье присылает, чтоб цар, и калга, и нурадын с ним, великим государем, в дружбе и в любви были и правду свою и шерть исполняли, и будет хто учинитца ему, государю, недруг, и на того б недруга стояли. И они б, ближние люди, о том царю, и калге, и нурадыну известили и на то их[3] наводили, чтоб цар и калга и нурадын по своей шерти ныне царскому величеству на ево, государева, недруга, на полского короля, помочь учинили и сами с ратными людми шли безо всякого размышленья. А ц-го в-ва дружба и любов к Ислам Гирею царю и к калге и к нурадыну, а к ним, ближним людем, ево, государево, жалованье за то будет и свыше прежнего.

---

* Первую часть публикации см.: Славяне и их соседи: Османская империя и народы Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV–XVIII веках. М., 1992. Вып. 4. По техническим причинам публикация всех материалов посольства, отложившихся в Ф. 123 (Сношения России с Крымом) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), ранее не была возможна.

[1] Вписано сверху вместо зачеркнутого: *в стыд.*

[2] Вписано сверху. **Далее слова, вписанные сверху и не требующие комментария, отмечены в тексте звездочкой.**

[3] *и* и *их* вписаны сверху вместо зачеркнутого: *и их.*

(Л. 106) И будет Сефер Газы ага или иные царевы ближние люди учнут говорити, что они царю, и калге, и нурадыну о том известят и наговаривати их на то учнут, толко про то они чают, что цар, и калга, и нурадын, будет от ц-го в-ва к ним какие от такова великого дела[4] присылки не будет, и цар, и калга, и нурадын без того с ратными людми на полского короля не пойдут. И будет от ц-го в-ва с ними о какой прибавочной казне наказано, и они б про то объявили, какая от ц-го в-ва присылка к царю и х калге, и к нурадыну, а к ним, ближним их людем, ево, государево жалованье будет за то, что они на полского короля войною пойдут.

И Тимофею и подъячему говорити[:] царское величество, будучи с Ыслам Гиреем царем, и с калгою и с нурадыном в дружбе и в любви, и так по вся годы посылает к ним своего ц-го в-а (Л. 107) многие любительные поминки, а к ним, ближним их людем*, свое, ц-го в-ва, жалованье непременно. А от них. царя, и калги, и нурадына по их правде и шерти ему, ц-му в-ву николи такова дела, чтоб они на его ц-го в-ва недруга ему великому государю, помочь какую где* учинили, не бывало и николи о таком (Л. 108) деле от ц-го в-ва присылки к ним* не бывало ж. А ныне ц-ое в-во присылал их к Ислам Гирею царю, и х калге, и к нурадыну царевичем о таком деле, о помочи на своево, государева, недруга еще впервые. И чтоб они правду свою и шерть исполнили, на его, государева недруга с ратными своими людми наступили и его ц-му в-ву помочь учинили. А ц-ое в-во, смотря по их, цареве, и калгине, и нурадыновe дружбе и любви, а их ближних людей службе и раденью, впред учнет к царю, и х калге, и к нурадыну царевичем свою, ц-го в-ва, дружбу ж и любовь держати и любительные поминки, а к ним, ближним их людем, свое, государево, жалованье присылат свыше прежнего.

И они б, ближние люди, царскому* величеству* послужили*, царя и калгу, и нурадына наговорили, чтоб они, памятуя свою правду и шерть, царскому величеству дружбу и любовь в таком (Л. 109) деле впервые показали, на его ц-го в-ва недруга, на полского короля с ратными своими людми наступили, и стояли с ц-ким в-вом против того его, государева, недруга заодно, покаместа ц-ое в-во за ево, королевские и панов рад неправды и многие их грубости месть им учинит, чтоб ц-му в-ву Ислам Гиреева царева, и калгина и нурадынова дружба, и любовь, и правда, и шерть впред была верна и надежна.

А будет ближние люди учнут говорити[:] то дело нестаточное, чтоб царю, и калге, и нурадыну ц-му в-ву без поминков или без какие присылки такое великое дело учинити, что на ево, государева, недруга, на полского короля с ратными людми итти. О том они и не мыслят и царю[5] и калге* и нурадыну о том деле говорити не будут (Л. 110), потому что то дело нестаточное, чтоб царю итти в войну и против чюжого недруга стояти, и с ним битися так же как и с своим неприятелем, и себя и ратных людей изнужить без каких поминков. Да того и нигде не ведет-

---

[4] Вписано сверху вместо зачеркнутого: *государя*.

[5] Исправлено соответственно из: *царь .. калга*.

ца, чтобы хто хотел[6] себя из доброй воли в какую нужу отдати. И они б о том им, ближним людем, объявили, какая от ц-го в-ва присылка к царю, и х калге, и нурадыну будет* за то, что они ему, великому государю, на ево, государева недруга помочь ратными людми учинят, чтоб в том времяни не испустить. А про то они чают, что им от ц-го в-ва о том приказ какой есть.

И Тимофею и подъячему Ивану говорити. Великий государь, ево ц-ое в-во к брату своему, к Ислам Гирею царю, и к калге Казы Гирею, и к нурадыну Адил Гирею царевичем послал их нарочно для того, что у его ц-го в-ва с ними, с Ыслам Гиреем царем и с калгою, и с нурадыном (Л. 111) царевичи дружба и любовь ото многих лет, и свои, ц-го в-ва, любителные поминки посылает к ним по вся годы. А о таком деле, что в шертной их грамоте написано, что быти им ц-го в-ва другу другом, а недругу недругом ц-ое в-во прислал к ним[7] впервые. И чтоб цар, и калга, и нурадын правду свою и шерть исполнили, на ево, государева недруга помочь ратными своими людми учинили. А ц-ое в-во к царю, и х калге, и к нурадыну любителные свои поминки, а к ним, ближним людем, свое, государево, жалованье учнет присылати и впред по вся годы ничем не умаля.

И будет царевы ближние люди учнут говорити (Л. 112), что они о том царю и калге, и нурадыну известят и их наговариват учнут, толко они чают что то дело нестаточное, чтоб царю, и калге, и нурадыну ц-му в-ву на его государева недруга, на полского короля помочь учинити без прибавочные какие* казны.

И Тимофею и подъячему говорити. Знатно то, что они, ближние люди, такие речи вымышляют собою, что о прибавочной казне говорят. А царь, и калга, и нурадын, ведая к себе ц-го в-ва дружбу и любовь и любительные по вся годы многие поминки[8], сверх того иного ничего не похотят, потому что за те ц-го в-ва любителные[9] поминки надобно им, царю, и калге, и нурадыну, к нему, великому государю, по своей шерти обещание свое исполнити и дружбу свою и любовь совершенно показати. Да и им было, ближним людем, ведая ц-го в-ва (Л. 113) премногую к себе милость и жалованье, по тому ж надобно знати, и ему, великому государю служити, и Ислам Гирея царя, и калгу, и нурадына царевичей на то наговаривати[10]. А как ц-го в-ва посланники Демид Хомяков да подъячей Ермола Клочков у Ислам Гирея царя на отпуске были[11], и после того по ево, Ислам Гирееву цареву указу, призывали тех ц-го в-ва посланников на царев двор они ж[12] царевы ближние люди[13], а го-

---

[6] Далее зачеркнуто соответственно: *от ... посланники.*

[7] Далее зачеркнуто: *еще.*

[8] Далее зачеркнуто: *по вся годы.*

[9] Далее вставлено сверху, а затем зачеркнуто: *многие.*

[10] *и Ислам.. наговариватн* вписано сверху другими почерком и чернилами вместо зачеркнутого: *а не такое дело собою вымышляти, о чем было стыдно и говорити.*

[11] На полях помета крестиком.

[12] *они ж* вписано сверху.

[13] Далее зачеркнуто: *Сеферь Газы ага, и большой казнадар Сумхазы ага, и разменной Маметша княз.*

ворили, что полской Ян Казимер король издавна великому государю неприятель и на своей правде непостоянен, и Московскому государю злодей. И чтоб великому государю его ц-му в-ву с ним, Ислам Гиреем царем, о том, как над полским королем (Л. 114) учинить промысл, сослатися[14], о том бы они посланники[15] до ц-го в-ва донесли. И великому государю его ц-му в-ву про то от посланников[16] ведомо учинилос. И для того его ц-ое в-во к брату своему к Ислам Гирею царю, и х калге Казы Гирею, и к нурадыну Адил Гирею царевичем и послал, чтоб с великим государем, с его ц-им в-ом Ислам Гирею царю, и калге и нурадыну царевичем[17] на того Яна Казимера, короля полского, соединитися и стояти заодно. А о том, чтоб ц-му в-ву к Ислам Гирею царю, и х калге, и к нурадыну царевичем* за то, что они в войну против того ево, государева, недруга пойдут, что каких поминков прислати и в помине от царя и от калги, и от ну (Л. 115) радына, и от них, ближних людей, не бывало.

И они б, ближние люди, те свои речи отставили и ц-му в-ву службу свою и радение показали, царя, и калгу, и нурадына по прежнему их приказу, как они к ц-му в-ву через них же, ближних своих людей, о соединении на полского короля приказывали, наговаривали, чтоб ц-му в-ву Ислам Гирея царя, и калги, и нурадына дружба и любовь была явна, а их, ближних людей, служба и раденье было ведомо.

Да однолично Тимофею и подъячему Ивану стояти о том накрепко, что царя, и калгу и нурадына, и ближних людей в войну на полского короля наговаривати без прибавочные казны.

Да будет ближние люди им скажют, что они о том царю, и калге, и нурадыну известят и их на то наговаривати учнут[18], чтоб они по своей правде и шерти ц-му в-ву на его, государева, недруга помочь ратными своими людми учинили, и отложат о том до иного дни*, а их будет отпустят на подворье (Л. 116) и Тимофею и подъячему Ивану Сефер Газы аге или будет хто иной у царя в ближних его людех будет силен самим или переводчику велеть посулить от себя[19] будет они царя, и калгу, и нурадына наговорят в войну без запросу, по сороку соболей, и впредь их[20] государевым жалованьем обнадеживати, и ехать к себе на подворье. А что с ними о том[21] ближние люди поговорят, и им те речи, приехав к себе, записать тотчас и тае записку держать у себя с великим береженьем.

И переводчику с толмачом велеть о том проведывати и в розговорех у татар роспрашивати[22], где доведетца всякими мерами[23], царь, и калга, и нурадын в войну против короля пойдут ли, и все ли (Л. 117) пой-

---

[14] Далее зачеркнуто: *и чтоб.*
[15] Далее зачеркнуто: *о том.*
[16] *про . посланников* вписано сверху аналогично вместо зачеркнутого: *о том.*
[17] *с великим . . царевичем* вписано сверху аналогично вместо зачеркнутого: *им, государем*
[18] Исправлено из: *будут.*
[19] Далее зачеркнуто: *от того.*
[20] Далее зачеркнуто: *так ж.*
[21] *о том* вписано сверху вместо зачеркнутого: *быв.*
[22] Исправлено из: *роспрашивая.*
[23] *где.. мерами* вписано сверху

дут или из них в Крыму кто останетца и многие ли[24] с ними в походе ратные люди будут, и вскоре ль они пойдут, и которою дорогою, и на которые полские и литовские городы, чтоб им того однолично доведатца наперед.

Да как им Сефер Газы ага или иные царевы и калгины ближние люди велят быти к себе на царев двор и учнут им говорити, что они о том царю, и калге, и нурадыну известили и на то их наводили всячески, чтоб они к ц-му в-ву дружбу свою и любов показали, на его, государева, недруга, на полского короля с ратными людми пошли и стояли с ним, великим государем, заодно. И царь, и калга, и нурадын ц-му в-ву дружбу свою и любовь показать хотят и на недруга ево, государева, войною пойдут, толко бы ц-ое в-во прислал к ним за то их вспоможение сверх обыклых любителных поминков особую казну, чтоб им в войну было за что поднятца и против его ц-го в-ва недруга стоять (Л. 118). А без того, и царь, и калга, и нурадын в войну не пойдут. И откажут будет о том впрямь, что инако то дело у царя и у калги, и у нурадына не будет и без прибавочные (Л. 119) казны[25] в войну никоторыми мерами не пойдут, и учнут им сказывать отпуск, не соверша того дела, или будет им и при царе, и при калге, и при нурадыне учнут говорити то ж.

И Тимофею и подъячему Ивану говорити о том з ближними людми всякими разговоры и приводити[26] их на то[27], чтоб они царя, и калгу, и нурадына на то наговорили, чтоб цар, и калга, и нурадын по своей правде и шерти на его государева недруга, на полского короля шли и помоч[28] ему, великому[29] государю, учинили. Да будет уже познают, что царь и калга, и нурадын без прибавочные казны в войну не пойдут и им царевым ближним людем говорити (Л. 120). Будет царь, и калга, и нурадын против ц-го в-ва недруга Яна Казимера, короля полского в войну с ратными людми пойдут, и стояти[30] с ним, великим государем[31] против тово ево, государева, недруга будут, и ссылки с ним, полским Яном Казимером королем, и с паны-рады, и со всею Речью Посполитою Коруны Полские и Великого княжства Литовского чинити не будут, и на их ни на какие прелести не уклоняца, а учнут с ц-им в-ом стояти заодно со всяким добрым помогателством безо всякого размышления, и хитрости будет никакие в той войне не будет, и правду свою царь, и калга, и нурадын подкрепят, на куране внов* шерть учинят, и шертную свою грамоту за золотою своею печатью к ц-му в-ву с ними пошлют, и сами на

---

[24] Исправлено из: *много*; *ли* вписано сверху.
[25] Исправлено из: *статьи*.
[26] Исправлено из: *приводили*.
[27] *на то. и нурадын* вписано сверху между строк.
[28] Исправлено из: *помоц*.
[29] Далее на Л. 119–129 зачеркнуто: *Хотя им о том от ц-го в-ва и не наказано, чтоб им, царю и калге и нурадыну за то, что они войну на ево, государева недруга пойдут, какая присылка посулити*. Вписано сверху вместо зачеркнутого: *объявити толко* (Л. 120) *они на себя перенимают*.
[30] Исправлено из: *стояли... великого государя*
[31] Вписано сверху. Далее зачеркнуто: *с*.

полского короля в войну пойдут не замотчав. И царское величество за такую Ислам Гирееву цареву и калгину, и нурадынову дружбу и любов и за их на ево, государева, недруга вспоможенье велит к Ислам Гирею царю и х калге и к нурадыну царевичем* свои[32] ц-го в-ва любителные поминки, а к ним, (Л. 121) к ближним людем, свое, государево, жалованье послать на тот год, как они в войне будут[33] и против его, государева, недруга стоят учнут*, по договору вдвое*. И сколко лет в той войне будут[34], и на те годы, в которых царь, и калга, и нурадын против полского короля в войне учнут стоять[35] ц-ое в-во велит к ним посылку посылати по тому по вся годы*.

И они б, ближние люди, про то Ислам Гирею царю, и калге, и нурадыну объявили, чтоб царь, и калга, и нурадын за прежнюю ц-го в-ва к себе дружбу и любов, и за ево, государевы, многие любителные поминки, и для нынешние совершенные ево, государевы, к себе дружбы и любви, и таких многих любителных ево государских поминков, что они, Тимофей и подъячей Иван объявили[36], чево было ему, государю, и не довелос учинить, что такие[37] к ним, царю, и х калге, и к нурадыну, сверх их шерти поминки, а к ним, ближним людем, свое, государево, жалованье послать, ему, великому* государю, дружбу свою и любов показали, на того ево, государева, неприятеля, на Яна Казимера короля полского с ратны (Л. 122) ми своими людми пошли, и помочь ему, государю, учинили, и правду вновь подкрепили, на куране шерть по образцовому писму, каково им, ближним людем, объявят они, Тимофей и подъячей[38], учинили, и шертную свою грамоту к его ц-му в-ву с ними послали, и их, Тимофея и подъячего, отпустили не замотчав, чтоб про то ц-му в-ву ведомо было вскоре.

Да будет уже царевы ближние люди на меру сойдут[39] и им скажут, что они о том царю, и калге, и нурадыну известят, и чают того, что царь, и калга, и нурадын против ц-го в-ва недруга Яна Казимера, короля полского в войну пойдут, толко чают того, что[40] царь, и калга, и нурадын (Л. 123) шерти внов учинить не похотят для того, что и так о том деле в шертной грамоте написано, что Ислам Гирею царю, и калге, и нурадыну быти другу ево, государеву, другом, а недругу недругом[41]. И вдругоряд о том царю, и калге, и нурадыну шертовать непригоже.

И Тимофею, и подъячему Ивану ближним* людем* говорити. Калге Казы Гирею и нурадыну Адил Гирею царевичем и без того дела по

---

[32] Исправлено из: *своей*.
[33] Вписано сверху и исправлено вместо зачеркнутого соответственно: *в войну пойдут ... будут*.
[34] Далее зачеркнуто: *И впредь. И... будут* вписано сверху.
[35] Вписано сверху вместо зачеркнутого соответственно: *будут .. учнет*.
[36] *что.. объявили* вписано сверху между строк.
[37] Исправлено из: *такое*.
[38] См. док. 4.
[39] *уже. на меру сойдут* вписано сверху.
[40] *толко. что* вписано сверху вместо зачеркнутого: *а шерти*.
[41] См. док. 4.

прежней шертной грамоте надобно ц-му в-ву правда своя дати, на куране шерть учинити потому [:] как калга[42] Казы Гирей царевичь из нурадынов* учинился калгою, и он в калгах ц-му в-ву еще не шертовал. А нурадын Адил Гирей царевичь ц-му в-ву и николи не шертовал[43] (Л. 124 а). И Ислам Гирей бы царь, и калга, и нурадын правду великому государю нашему дали, на куране шерть при них учинили, и шертную грамоту с ними к ц-му в-ву послали, чтоб ц-му в-ву дружба и любовь и то их[44], Ислам Гирея царя, и калги[45] и нурадына вспоможенье на ево, государева, недруга ныне и вперед[46] было надежно. И они б, царевы и калгины (Л. 125) ближние люди, памятуя к себе ц-го в-ва премногую милость, ему, государю, послужили, царя и калгу, и нурадына на то наговарили[47], чтоб царь и калга, и нурадын в той войне великому государю правду дали, на куране шерть учинили внов, чтоб ц-му в-ву на тово ево, государева, недруга Ислам Гирея царя, и калги, и нурадына царевичей в правде помочь была надежна.

И будет ближние люди учнут им говорити, что они о том царя, и калгу, и нурадына наговаривати учнут. А что они, Тимофей и подъячей Иван, объявили[:] будет царь, и калга, и[48] нурадын против ц-го в-ва недруга Яна Казимера, короля полского в войну пойдут и стояти с ц-ким в-вом заодно будут, и ц-кое в-во за то к Ислам Гирею царю, и х калге, и к нурадыну (Л. 126) в том году, как они на того ево, государева, неприятеля в войну выдут, пришлет свои любителные поминки, а к ним, ближним их людем, свое, государево, жалованье перед прежнею посылкою вдвое. И впред на те годы, в которых Ислам Гирей царь, и калга, и нурадын против того ево, государева, недруга полского короля в войне будут[49], ц-ое в-во учнет присылат по тому ж. А в грамотах от ц-го в-ва к царю*, и х калге, и к нурадыну царевичем о том не писано. И в том Ислам Гирею царю, и калге, и нурадыну, есть ли то от ц-го в-ва им наказано, не верно. И они б, Тимофей и подъячей Иван, в том, что то по их[50] договору от ц-го в-ва будет исполнено, дали на себя писмо[51] чтоб царю, и калге, и нурадыну от ц-го в-ва впред в том также* было надежно.

(Л. 127) И Тимофею и подъячему Ивану говорити. Посланы они от великого государя, от его ц-го в-ва ко государю, их, к Ислам Гирею царю, и х к калге (Л. 128), и к нурадыну царевичем и с его ц-го в-ва грамоты и с любителными поминки. И что им от ц-го в-ва к царю, и калге, и нурадыну говорити наказано, то они и говорили. А хотя будет они и сверх его ц-го в-ва указу, как о том деле договорятца, и великий госу-

---

[42] Далее зачеркнуто: *Крым* (имеется в виду Крым Гирей).
[43] Далее зачеркнуто: *И им и без тово.*
[44] *дружба . их* вписано сверху вместо зачеркнутого: *в том их вспоможенье на*
[45] Исправлено из: *калгу.*
[46] *ныне и вперед* вписано сверху
[47] Исправлено из: *наговаривали.*
[48] Исправлено из: *или.*
[49] Исправлено из: *будет.*
[50] *по их* вписано сверху вместо зачеркнутого: *по их их.*
[51] Вписано сверху вместо зачеркнутого: *в том крепость.*

дарь, его ц-ое в-во по их договору то все исполнит (Л. 129). Да и наперед сего так бывало ж, о которых делех его ц-го в-ва посланники с ними, ближними людми, по любви договаривалис, и на какове мере какое дело ставили, и в том по ц-го в-ва указу исполнивано. А писма на тех посланников в таких полюбовных договорех не имывано. А будет они в том словам их не поверят, и Ислам Гирей бы царь, и калга, и нурадын послали с ними к ц-му в-ву своих гонцов, и о том их договоре к ц-му в-ву велели написат в своих грамотах[52]. А они, Тимофей и подъячей Иван, о том ц-му в-ву известят же[53]. И в том язаютца, что по их договору[54] от ц-го в-ва царю, и калге, и нурадыну за их (Л. 130) на ево, государева, недруга вспоможенье[55] будет исполнено.

А будет ближние люди учнут говорити. Будет они, Тимофей и подъячей Иван, в той казне, что они от ц-го в-ва царю, и калге, и нурадыну за вспоможенье на ево, государева, недруга, на полского короля объявили, крепости на себя не дадут, и царю, и калге, и нурадыну в том будет не надежно и впред от ц-го в-ва тех ево, государевых, любителных поминков по их объявлению спросить будет не по чему. И они б в том дали на себя крепость, что ц-ое в-во по их договору то все (Л. 131) исполнит. А без того царь, и калга, и нурадын в войну не пойдут.

И Тимофею и подъячему Ивану говорити. Будет царь, и калга, и нурадын в войну против (Л. 132) ево ц-го в-ва неприятеля пойдут, и они то ведают, что ц-ое в-во, увидя к себе цареву, и калгину, и нурадынову дружбу и любов и на неприятеля вспоможение по их договору исполнити велит. А ныне им о том на себя писмо как дать, потому что еще царь и калга, и нурадын на ево, государева, недруга не пошли и ему, государю, вспоможения своего никакова на показали. А письмо б им в такой во многой казне давать, на что глядя[56], наперед надобно к ц-му в-ву царю, и калге, и нурадыну дружба своя и на ево государева недруга помочь показат, да потом за свое вспоможение от него, великого* государя, любителных поминков ожидат[57] (Л. 134). И они б, ближние люди, царя, и калгу, и нурадына о том наговорили, чтоб они против ц-го в-ва недруга шли и помочь его ц-му в-ву ученили. А от ц-го в-ва по их договору однолично будет все исполнено.

А будет царевы и калгины ближние люди за то упрямятца[:] будет они в той посылке, что от ц-го в-ва царю, и калге, и нурадыну за их вспоможение, что они ему, государю, на ево, государева, недруга учинят помочь, крепости на себя не дадут, и царю и калге, и нурадыну итти бу-

---

[52] *своих грамотах* исправлено и зачеркнуто вместо: *своей, цареве, грамоте*

[53] *о том .. же* вписано сверху.

[54] *что . договору* повторено дважды, второй раз зачеркнуто.

[55] Далее вписано сверху и затем зачеркнуто: *по их договору.*

[56] *давать . . глядя* вписано сверху вместо зачеркнутого: *на них взять, о том было и им говорить в стыд.*

[57] Далее на Л. 132–133 зачеркнуто: *А ц-го в-ва дружба и любовь к царю, и калге, и нурадыну и так есть многая по вся годы присылает* (Л. 133) *к ним свое, ц-го в-ва, любителные поминки, а к ним ближнем людем, свое ц-го в-ва, жалованье. А против той ево, государевы посылки от царя, и от калги, и от нурадына еще ни малого какова воздаяние не бывало.*

дет ц-го в-ва на недруга[58] не из чево и на их слова ненадежно. И откажут о том впрям[:] будет они писма на себя в той прибавочной посылке не дадут, и цар, и калга, и нурадын сами на ево, государева, недруга не пойдут и воинских людей не пошлют.

И Тимофею и подъячему Ивану[59] буде не мочно никакими мерами того отговорить, что писма не дать, и учнут будет им в том отказывать впрямь, и похотят их отпустить без дела, и им в том (Л. 135) дать и письмо[60], примереса к сему наказу[61].

А будет ближние люди учнут говорить, что царь, и калга, и нурадын государево хотенье исполнят, на ево, государева, недруга, на полского короля, помочь ему, государю, учинят и сами с воинскими людми пойдут, а донские казаки, про то сведав, что они ис Крыму в войну выдут, на их крымские улусы придут и учинят какое разоренье. И они, Тимофей и подъячей Иван, за то имаютца ли, что донские казаки на крымские места приходити не учнут. И в том учнут просить крепости ж.

И Тимофею и подъячему Ивано говорити, что им самим ведомо, что донские казаки [–] воры, беглые холопи, живут на Дону, убежав от смертные казни. А иные с ними ж на Дону воруют полские и литовские и их, крымские и нагайские люди и азовцы*. И царскому в-ву ни в чем не послушны, делают все самоволством. А наперед сего[62] (Л. 136) при отце царского* величества*, блаженные памяти великом государе, царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии самодержце по писму прежних турского салтана и крымского Джанбек[63] Гирея царя посылан на тех воров, на донских казаков посмирить дворянин Иван Карамышев с ратными людми. И они, воры, того дворянина убили и тело ево в Дон реку вкинули. Про то им и самим ведомо подлинно. А иматца им в том за таких воров и крепость давать не пристоит[64]. А как[65] Ислам Гирей цар, и калга, и нурадын в войну ныне против недруга[66] ц-го в-ва[67] пойдут и великий государь наш, его[68] царское в-во в то время[69] на Дон к донским казакам пошлет свое, государево, жалованье и велит их уговаривать[70], чтоб они на их, крымские[71] улусы не ходили и дурна никакова не делали.

---

[59] Далее зачеркнуто: *и без*

[59] *И . Ивану* вписано сверху

[60] Далее зачеркнуто: *а писать.*

[61] *буде не мочно . к сему наказу* вписано сверху другим почерком между строк вместо зачеркнутого: *и о той статье что написат, дават ли в том писмо.*

[62] Далее зачеркнуто: *царского величества.*

[63] Исправлено из соответственно: *Жанбек . тем.*

[64] *А .. пристоит* – вставка с Л. 136 об.

[65] *А как* вписано сверху другим почерком и чернилами (аналогично и ниже на Л. 136) вместо зачеркнутого: *А будет.*

[66] Вписано сверху вместо зачеркнутого: *ево.*

[67] Далее вписано сверху тем же почерком и чернилами, что и весь текст, и зачеркнуто: *недруга.*

[68] *и . его* вписано сверху вместо зачеркнутого: *и он, Тимофей, чает, что*

[69] *в то время* вписано сверху.

[70] *пошлет уговаривать* вписано сверху вместо зачеркнутого: *о том.* Сверху было также вписано, а затем зачеркнуто: *для того.*

[71] Далее зачеркнуто соответственно: *их. . пошлет* После *не делали* зачеркнут основной текст, исправления (даем в скобках): *А крепости им (ему) дать не пригоже (А имат-*

Да как ближние люди им скажут, что царь, и калга, и нурадын к великому государю, к ево ц-му в-ву дружбу свою и любов покажут и шерть свою исполнят, на ево государева недруга[72] на Яна Казимера, короля полского войною пойдут, и стояти против ево будут и от ц-го в-ва в то воинское время не отстанут, правду ему, великому государю, в той войне вновь дадут и шерть учинят.

И им, Тимофею и подъячему Ивану, ближним людем объявить образцовое писмо, какове быти цареве, и калгине, и нурадынове шертной грамоте[73]. И говорити ближним людем, чтоб царь, и калга, и нурадын в той войне ц-му в-ву правду дали, на куране шерть учинили по тому образцовому писму и шертную грамоту к ц-му в-ву с ними послали.

И будет царевы или калгины ближние люди им скажут, что царь, и калга, и нурадын правду великому государю, его ц-му в-ву дадут, на куране шерть учинят[74] и шертную свою грамоту за золотою печатью[75] к ц-му в-ву с ним, Тимофеем и с подъячим Иваном пошлют, и сам царь, и калга, и нурадын с ратными людми на ево ц-го в-ва недруга на полского короля пойдут, и полские и литовские городы и места воевать учнут.

И Тимофею и подъячему Ивану ближним людем говорити. По царского ж величества указу наказано им Ислам Гирею царю, и калге Казы Гирею, и нурадыну Адил Гирею царевичем, и им, ближним людем (Л. 139) говорити. Как они, царь, и калга, и нурадын дружбу свою и любов к нему, великому государю, покажут (Л. 139 а) и в войну против ево, ц-го в-ва недруга, Яна Казимера, короля и в ево полские и литовские городы пойдут, и они б, Ислам Гирей царь, и калга, и нурадын, будучи в войне, в полских и литовских городех благочестивых православных християнских церквей и монастырей греческого закону не разоряли и не грабили, и духовного и мирского чину людей, которые в войне противны не будут и с королем заодно стояти не учнут[76], не побивали, и в полон мужеска полу, и женска, и девиц, и малых (Л. 140) детей не имали и никакова насилья им не чинили. И сел и деревень, и мест их, где православные християнские веры люди живут, не грабили*, и не разоряли, и не жгли, и не пустошили и самих их ничем не мучили[77]. И князям, и мурзам, и всем своим ратным людем о том заказ учинили, чтоб они того однолично не чинили. А будет хто сверх царева заказу что учинит и в полон православные християнские веры людей возмет, и тех бы за то смирять и полон, взяв у них, отпускать. В том бы Ислам Гирей царь, и калга, и нурадын к ц-му в-ву дружбу свою и любов показали. А в Полше и в Литве и опричь православных християн греческого

ца им в том и крепость дават не пристоит) и не избытное то дело, чтоб ему в таком воровском деле дать крепость, за вора нихто не ручаетца. И в крепости отказати впрям.

[72] Далее зачеркнуто соответственно: *войною .. и ше(рть)*

[73] См. док. 4.

[74] Далее зачеркнуто: *по тому образцовому писму.*

[75] *за печатью* вписано сверху.

[76] Исправлено из: *будут.*

[77] Далее зачеркнуто: *и ничего у них не отнимали.*

закону много людей иных[78] разных вер[79] и в полон имати им будет* есть ково.

Также б (Л. 141) и черкаскими городами царь, и калга, и нурадын, идучи дорогою, ратным своим людем[80] церквей божиих разоряти не велели[81] и православных християн не грабили, и не побивали, и в полон не имали, и городов, и сел, и деревень не воевали, и никакова дурна не чинили[82]. Тем бы оне[83] меж великим государем, его ц-ким в-вом и Ислам Гиреем царем, и калгою, и нурадыном[84] ссоры и нелюбья не учинили.

А толко будет крымские их люди, идучи дорогою, в черкаских городех учнут какое дурно чинити, а им в тех городех за то[85] не будут молчати, и какое им за то учинитца дурно, и то тем людем, которые сверх царевы заповеди учинят какое дурно, будет самим от себя. О том бы царь, и калга, и нурадын заказ учинили крепкой, что отнюд от их людей того не было.

А[86] будет царь или калга или нурадын, или ближние царевы и калгины люди учнут говорить[:] для чего царское величество велит им итти черкаскими городами смирно, что им* черкаских городов, и мест, и сел, и деревень не воевати, и людей не побивати[87], и в полон не имати, и никакова в черкаских городех разоренья не чинити. А черкасы[88] полских королей подданные, и для чего тех мест не воевати. Или будет вспросят[89] тем обычаем, что ведомо Ислам Гирею царю, и калге, и нурадыну учинилос, что Богдан Хмелнитцкой, гетман войска Запорожского и все (Л. 144) войско Запорожское учинилис[90] в подданстве у великого государя у его ц-го в-ва. И они б, Тимофей и подъячей Иван, про то им объявили, подлинно ли гетман Богдан Хмелнитцкой и все войско Запорожское под царского величества высокую руку в подданстве учинилис, чтоб им про то, что[91] они под ц-го в-ва высокою рукою в подданстве учинилис, ведать подлинно[92].

И Тимофею и подъячему Ивану говорити. Как у гетмана у Богдана Хмелнитцкого и у всего войска Запорожского с поляки учинилас война

---

[78] *людей. иных* вписано в тексте и на полях.

[79] Зачеркнуто: *людей.*

[80] После *дорогою* зачеркнуто: *сами, ратным ... людем* вписано сверху.

[81] *разоряти не велели* исправлено и вписано сверху вместо зачеркнутого: *не разоряли.*

[82] Далее на Л. 141–142 зачеркнуто: *и ратным своим людем по тому ж приказали чтоб они*

[83] *Тем бы оне* вписано аналогично на полях.

[84] Далее зачеркнуто: *в том.*

[85] *тех .. то* вписано сверху вместо зачеркнутого: *про то.*

[86] Исправлено соответственно из: *И . их.*

[87] *и побивати* вписано сверху.

[88] Далее зачеркнуто: *искони вечные подданные чер.*

[89] Далее зачеркнуто: *и.*

[90] Исправлено из: *учинилос*

[91] Вставлено сверху вместо зачеркнутого: *будет.*

[92] Далее зачеркнуто, включая исправления сверху (отмечены в скобках): *и для того (А им о том ведат надобно), будет они в войну пойдут против его ц-го в-ва недруга, Яна Казимера, короля полского, и им бы (и они бы уже) в тех черкаских городех полских и литовских людей приходу не чаяли и опасенья никакова не держали*

и они по вся (Л. 145) годы присылали к великому государю, к его ц-му в-ву бити челом и милости у него просили[93] безпрестанно, чтоб великий государь, его ц-ое в-во над ними, войском Запорожским, умилосердился, принял их под свою, ц-го в-ва, высокую руку в вечное подданство и держал их в своем государеве[94] милостивом жалованье и во оборони. А у полского короля за многое их православной християнской вере поругание и за грубости, и за многие их неистерпимые досады и разоренья в подданстве быти им (Л. 146) не мочно. И великий государь, ево ц-ое в-во для единые нашие истинные православные християнские веры над гетманом и надо всем войском Запорожским умилосердился, под свою, ц-го в-ва, высокую руку приняти их велел. А для приему посылал великий государь наш своего ц-го в-ва ближнего боярина Василья Васильевича Бутурлина с товарыщи. И гетман Богдан Хмельницкой и все войско Запорожское царского величества милости обрадовались и правду ему, великому государю, дали по нашей християнской вере с радостию все во всех городех и местех, по святому евангельскому словеси веру учинили на том, что быти[95] ему, гетману, и всему войску Запорожскому под царского величества высокою рукою з землями и з городами[96] в вечном подданстве. И великий государь наш, его ц-ое (Л. 147) в-во послал в Киев своих, ц-го в-ва, бояр и воевод князя Федора Семеновича Куракина да князя Федора Федоровича Волконского с ратными людми. А велено им гетмана и все войско Запорожское от приходу неприятелей их, от полских и от литовских людей[97] оборонять. Также и в ыные черкаские городы ц-го в-ва воеводы посланы ж.

Да что с ними про все статьи царь, и калга, и нурадын или ближние их люди поговорят, и им то себе однолично записыват в статейной список подлинно, ничево не убавливая и не прибавливая, всякую статью особо[98] и держати тое записку у себя с великим береженьем, чтоб у них про то отнюд нихто не ведал.

Да как ближние люди обо всем с ними договорятся и образцового писма у них, какове быти шертной грамоте, попросят, и им образцовое писмо, каково с ними послано, ближним людем отдать. А говорити, чтоб они шертную грамоту написали против того образцового писма слово в слово и царского величества имянованье везде писали всеа Великия и Малыя Росии самодержцем, как в том образцовом писме написано. Также им и дивянскому китяпу, которой грамоты пишет, говорить*, чтоб он ц-му в-ву послужил, его ц-го в-ва имянованье в той шертной грамоте и в цареве ж, и калгине, и нурадынове грамоте, каковы ж ко государю царь, и калга, и нурадын с ними или с своими гонцы пошлют, написали по тому ж всеа Великия и Малыя Росии самодержцем.

---

[93] Исправлено из соответственно: *просить... государевом.*

[94] Далее зачеркнуто: *им.*

[95] *по быти* вписано сверху; перед *по* зачеркнуто: *веру*; вместо зачеркнутого: *крест целовали, что быти.*

[96] *з землями и з городами* вписано сверху

[97] *их людей* вписано на полях и между строк.

[98] *всякую . . особно* вписано сверху.

И хоти от того что и дать, а однолично б в шертной и в ыных грамотах написано было государево имянованье по тому.

А будет калгины и нурадыновы грамоты пишут на их дворех, и Тимофею и подъячему Ивану и калгиным людем, которые учнут грамоты писат, учинить по тому ж почесть неболшая. И говорити им, чтоб они[99] государево имя в[100] грамотах написали[101] всеа Великия и Малыя Росии самодержцем.

А для[102] роздачи от государевых дел послано с ними* соболей на сто на пятдесят рублев.

Да как дивянской китяп, шертную грамоту изготовя, к ним придет или призовет их к себе на царев двор, и шертную грамоту[103] с образцовым писмом справят и позовут их к царю и х калге и к нурадыну, а скажут, что царь, и калга, и нурадын на той шертной грамоте царскому величеству правду дадут, на куране шерть учинят.

(Л. 151) И Тимофею и подъячему Ивану, допрося у переводчиков, будет в шертной грамоте государево имянованье написано по образцовому писму, к царю и х калге и к нурадыну царевичем итти, и к шерти их по той шертной грамоте привести, и шертную грамоту у них взяти. И им, царю, и калге, и нурадыну говорити, чтоб они на той своей правде и шерти стояли, против царского величества недруга с ратными людми шли и помочь ему, великому государю, учинили. А их, Тимофея и подъячего Ивана, отпустили ко государю (Л. 152), царю и великому князю Алексею Михаиловичю всеа Русии не задержав. И против ц-го в-ва грамоты царь, и калга, и нурадын послали[104] к ц-му в-ву с ними свои грамоты или б с ними послали ко государю гонцов.

А будет царевы ближние люди учнут им говорити. Писал, де, к великому государю, Ислам Гирей царь в грамоте своей с послом своим с Ываз беком, что преж сего ездил холоп ево Шаим мурза Ураков для своего дела, а не для войны, и астараханцы, поимав ево, привели в Астарахань. И ныне он сидит в Астарахани в крепи. И Ислам Гирей, де, царь у царского величества просит, чтоб[105] ц-ое в-во для ево братцкие дружбы и любви того мурзу велел[106] отпустить к ним (Л. 153). И великий государь, его ц-ое в-во по писму и прошенью Ислам Гирея царя того[107] мурзу свободить и к ним отпустить велел ли.

И Тимофею и подъячему Ивану говорити. Как о том Шаим мурзе[108] к великому государю, к его ц-му в-ву Ислам Гирей царь писал, про то

---

[99] *И . они* вписано сверху вместо зачеркнутого *И чтоб.*

[100] *в* вписано в тексте вместо зачеркнутого: *во всех*

[101] Исправлено из измененного и зачеркнутого: *написано было.*

[102] *А* вписано в текст вместо зачеркнутого: *А с ними, Тимофеем и подъячим Иваном* После *для* в тексте и сверху зачеркнуто соответственно: *тое, такие.*

[103] *и . . грамоту* вписано сверху. Далее зачеркнуто: *и.*

[104] Исправлено из: *послал ли.*

[105] Далее зачеркнуто: *ево.*

[106] Исправлено из: *велеть*

[107] Далее зачернуто: *и/х/.*

[108] *Шаим мурзе* вписано сверху.

им не ведомо. А Шаим мурза Ураков и братья ево искони вечные[109] царского величества холопи и кочевали с улусы своими под его ц-го в-ва отчиною под Терком[110]. А в прошлом во 153-м году он, Шаим мурза ц-му в-ву изменил и хотел было отъехать[111]. И ево, Шаим мурзу ц-го в-ва ратные люди взяли и привели в Асторохан. И ныне он за свою вину до ц-го в-ва указу сидит в Астарахани на аматном[112] двору[113].

Да им же, Тимофею и подъячему Ивану*[134], будучи в Крыме, проведати[114]. В нынешнем во 162-м году, как царь, и калга, и нурадын пришли ис походу из Полши, и к ним от короля или от панов рад присылка о чем была ли, и скол давно[115], и хто был прислан, и о каких делех, и с чем отпущон. Также и от царя, и от калги, и нурадына, или от царева ближнего человека Сефер Газы аги х королю[116] или к паном раде посылка была ли, и хто был посылан, и о каких делех, и с чем от короля или от панов рад посылщики их отпущены (Л. 155). И на чом в нынешней войне царь, и калга и нурадын с королем и с поляки розошлися и которые места воевали, и много ли полону в Крым привели, и есть ли хто ис[117] поляков в полон взят знатных людей. И будет взяли, и кого имянем, и где взяли, и ныне в Крыму тех полоняников, знатных людей как держат, и что за кого сулят поляки окупу.

А будет царь с королем на чом помирилис, и им того однолично доведатца на каких мерах царь с королем и с поляки помирилис, и не дал ли король на миру* царю какие казны. И впред царю, и калге, и нурадыну (Л. 156) король и паны рада казны какие давать что посулил ль и будет посулил, и дали ль поляки кого в той в казне в оманаты[118] ис панов рад или из знатных людей, и будет дали, и ково имянем[119], и как в Крыме тех аманатов держат. А царь, и калга, и нурадын королю и паном раде для веры ж из своих людей, что им впред на полские и литовские городы и места войною на приходити, кого дали л/ь/[120]. А будет дали, и на чом дали и кого имяны. Чтоб им о том[121] однолично в Крыме доведатца подлинных вестей.

---

[109] Далее зачеркнуто соответственно: *искони... холопи.*

[110] *под Терком* вписано сверху вместо зачеркнутого: *под Астараханью.*

[111] Далее зачеркнуто: *в Калмыки.*

[112] Так в тексте. Очевидно, следует читать: *аманатном.*

[113] *на двору* вписано сверху. Далее на Л. 153–154 зачеркнуто: *в крепи А у Ислам Гирея царя и у иных крымских* (Л. 154) *царей в подданстве николи не бывал И Ислам Гирею царю за нево, Шаим мурзу, стояти и к ц-му в-ву об нем писати непригоже, потому что он искони вечной цаского величества холоп.*

[114] Далее вписано сверху соответственно: *говорити ... как*

[115] *и давно* вписано сверху.

[116] Далее зачеркнуто: *посылка.*

[117] *и есть ли хто ис*, а также *взят* вписано сверху вместо зачеркнутого соответственно: *и не взяли ль у . кого.*

[118] *и что той* вписано сверху вместо зачеркнутого и исправленного: *не посулил л/ь/. и не дали* После оманаты зачеркнуто: *и где.*

[119] Далее зачеркнуто: *и где.*

[120] *дали л* исправлено из: *не дали л же.*

[121] *о том* исправлено из: *того.*

Также и о том им в Крыму* проведать [:] в нынешнюю войну, идучи[122] ис Полши, царь, и калга, и нурадын в черкаских городех взяли в Крым прежнего Василья воеводу и владетеля Молдавские зем/ли/, и ныне он, Василей воевода, в Крыму /ли/[123] или ево царь отослал в Царьгород (Л. 157) к салтану. И будет ево царь в Царьгород отослал, и для чего отослал[124], по салтанову ли веленью или ближних людей прошению, и что над ним в Царегороде учинено. Или он, Василей воевода, ныне еще в Крыме, и для чего ево в Крыме держат, и не хотят ли ево владетелства царь, и калга, и нурадын доставати и владетелем ево по прежнему учинити. И будет ево владетелем попрежнему похотят учинити, и им о том однолично доведатца, за что царь, и калга, и нурадын ево, Василья воеводу, хотят попрежнему владетелем учинити, и что им за то Василей воевода вперед сулит. И[125] новой молдавской Стефан воевода в Крым о чем к царю присылывал ли[126].

(Л. 158) Также и об иных каких делех от нового волоского Стефана воеводы, и от мутьянского воеводы ж Матвея, и от венгерского Ракоцы к царю, и х калге, и к нурадыну присылки были ль, и будет были, и о каких делех присыланы[127], и с чем те их посланцы от царя, и от калги, и от нурадына отпущены. И крымские посланцы к ним посыланы л/ь/, и будет посыланы, и скол давно, и о каких делех.

И от турского салтана или от везиря к царю, и х калге, и к нурадыну присылка не в давне какая была ли, и будет была, и хто был присылан, и о каких делех, и с чем отпущен.

И от гетмана от Богдана Хмелнитцкого (Л. 159) после того, как он учинился под государевою рукою, к царю, и калге, и нурадыну присылка была ли, и хто присылан, и о каких делех. И объявил ли гетман царю, и калге, и нурадыну про то, что он[128] учинился под государевою рукою. Также* и от царя к гетману присылка была л[ь] же и о каких делех. И что ныне в Крыме о том, что гетман учинился под государевою рукою, мыслят и з гетманом и со всем войском Запорожским впред как хотят быть.

Чтоб государю про то про все было ведомо, о том бы им, Тимофею и подъячему Ивану, однолично разведати всякими мерами накрепко, хоти кому от того что и дать, а однолично б добитца подлинных вестей. А проведывати о том, и о царегородцких, и о кызылбашских[129], и о иных вестях, которые государю годны, тайным обычаем, бережно, чтоб

---

[122] Далее зачеркнуто: *в Крыму*.

[123] Край листа осыпался. Аналогично в подобных случаях и далее.

[124] Далее зачеркнуто: *по чьему*.

[125] *сулить. И* вписано сверху вместо зачеркнутого: *обещает. И не присылал ли*.

[126] *в Крым ли* вписано сверху вместо зачеркнутого: *чтоб (он, пре/жней/) ево, Василья воеводу, отдали ему, Стефану воеводе, и будет присылал, и что он от того царю новой воевода сулил, и за чем ему Василья воеводу не отдали*

[127] *и .. присыланы* вписано сверху вместо зачеркнутого: *и о каких делех, и не зовут ли они крымского с собою на гетмана на Богдана Хмельнитцкого и на все войско Запорожское*

[128] Далее зачеркнуто: *государю*.

[129] *и о царегородцких, и о кызылбашских* вписано в тексте и между строк.

отнюд[130] никому не было знатно*, а чтоб у них ни одна статья не проведана не осталас.

(Л. 160) А будет у них за несходством царевым и калгиным, и нурадыновым или ближних людей государево дело вскоре не совершится или будет их за иным за чем позадержат, и им о том промышляти и, посланником, которые ныне в Крыме, Сидору Лодыженскому да подъячему Алексею Огаркову, говорити, чтоб ко государю с тем прислати кого пригоже, толмача, или вожа, или служилого татарина, или полоняника, купив или волного, которой отработался, обнадежа его государевым жалованьем и дав ему, что пригоже. И с ними обо всем ко государю отписати подлинно и за чем у них государево дело в совершенье не пришло, чтоб государю однолично про то про все было ведомо вскоре.

(Л. 161) А будет царь или калга пойдут при нем куды* в войну, а их[131] похотят взять с собою в поход, и Тимофею и подъячему Ивану[132] говорити (Л. 162). Присланы они[133] от великого государя, от его ц-го в-ва к Ислам Гирею царю, и х калге и к нарадыну с его ц-го в-ва грамотами и с любительными поминки. А в войну им[134] итти[135] с царем и калгою непригоже, посланники и гонцы не токмо в войну, и никуды с тем государем, х которому они присланы, не ходят. И то дело нестаточное, что им с царем в войну итти и наперед сего николи того не бывало. И царь бы, и калга, и нурадын неволи над ними[136] не учинили, в /по/ход их[137] с собою не имали. Да однолично (Л. 163) в поход не ходити. А говорити царю, и калге, нурадыну или ближним их людем, чтоб они, соверша те дела, о чем они от ц-го в-ва к Ислам Гирею царю, и х калге, и нурадыну царевичем присланы, отпустили их ко государю, царю, и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии не задержав. И против бы ц-го в-ва грамот царь, и калга, и нурадын послали к великому государю с ними свои грамоты, чтоб меж их, государей, дружба и любов множилас, а не умолялас.

(Л. 164) А будет царь, или калга, или нурадын, или ближние их люди учнут им говорити о посылке любо царю, и калге, и нурадыну в нынешней посылке, что послано с посланники с Сидором Лодыженским да с подъячим с Олексеем Огарковым, показалось в рухледи что худо, или учнут говорити внов о каких дачах и о иных делех.

И Тимофею и подъячему Ивану[138] царю, и калге, и нурадыну или ближним их людем говорити, что от великого государя, от его ц-го в-ва к Ислам Гирею царю, и х калге, и к нурадыну, и к царицам их и к царевичем, и к царевнам с его [ц-го] в-ва любительными поминки, а к ближ-

---

[130] *отнюд* и *не знатно* вписано сверху и в тексте вместо зачеркнутого соответственно *нихто... не догадно*

[131] *а их* вписано сверху вместо зачеркнутого: *а ево*

[132] *и Ивану* вписано сверху.

[133] *Присланы они* исправлено из: *Прислан он.*

[134] Исправлено из: *ему.*

[135] Далее зачеркнуто: *не.*

[136] Исправлено из: *ним.*

[137] Вписано сверху вместо зачеркнутого: *ево.*

[138] Далее зачеркнуто: *говорити.*

ним их людем с его ц-го в-ва жалованьем при[сланы] (Л. 165) его ц-го в-ва посланники Сидор Лодыженской да под[ъячей] Алексей Огарков и посылка с ними прислана во всем попрежнему. И о всем о том наказано с теми ц-го в-ва посланники. А они, Тимофей и подъячей Иван, от ц-го в-ва к Ислам Гирею царю и х калге, и нурадыну посланы с ево ц-го в-ва грамоты и с любительными легкими* поминки о особых государственных великих делех наскоро. А о тех делех с ними ничево не наказано и велено им назад быть вскоре. И они б[139], Ислам Гирей царь, и калга, и нурадын о тех делех, о чем к ним от ц-го в-ва в грамотах писано и они словесно им говорили, отписали с [ними] к ц-му в-ву в своих (Л. 166) грамотах, и отпустили их не задержав, и проводить их велели до которых мест пригоже, чтоб им проехать безстрашно, и своих гонцов[140] к ц-му в-ву с ними послали.

А будет в Крыме Ислам Гирею царю учинилос премененье или ево не стало, а на ево место учинился калга Казы Гирей царевичь, или будет калге и нурадыну учинилос премененье, а на их место учинилис иные царь, и калга, и нурадын, и велят им быти у себя.

И Тимофею и подъячему Ивану к новому царю итти. А пришод к новому царю, говорити. В[еликий] государь, царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя Росии самодержец и многих государств государь и облаадатель (Л. 167) прислал было их к брату своему к Ислам Гирею царю с своими ц-го в-ва грамоты и с любительными поминки для того, что меж великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя[141] Русии самодержца и Ислам Гирея царя была братцкая дружба, и любов, и ссылка. И ныне Ислам Гирея царя не стало или будет ему учинилос премененье, так и молыть смотря по тому, как царю учинитца премененье. А про нево, нового царя, имя рек, великому государю его ц-му в-в[у], что он на Крымском юрте учинилс[я], ведомо не было. И им ц-го в-ва грамоты и любительных[142] поминков без его ц-го в-ва ведома ему, царю, отдати не сметь. И ему б, царю, с великим государем, царем и великим князем Алексеем Михайловичем, всеа Великия и Малыя Росии самодержцем быти в братцкой дружбе и любви (Л. 168), и в ссылке по тому ж как был с ним[143], великим государем нашим, прежней[144] Ислам Гирей царь. А их бы[145], Тимофея и подъячего*, велел[146] отпустити к великому государю нашему, к его ц-му в-ву не издержав. А с ними бы послал к ц-му в-ву государство свое обестити своего посла или гонца доброво. А бес повеленья великого государя его ц-го вели(Л. 169)чества быти им[147] у нево, ца-

---

[139] Далее зачеркнуто: *им*.
[140] *гонцов* вписано сверху и в строку.
[141] *Великия и Малыя* вписано сверху.
[142] Далее зачеркнуто: *его*.
[143] Вписано в строку.
[144] Вписано сверху другим почерком и чернилами.
[145] *А их бы* вписано сверху аналогично вместо зачеркнутого: *ево*
[146] *велел* исправлено из: *велети*.
[147] Исправлено из: *ему*.

ря, и грамоту подати[148] не уметь, потому что они посланы[149] от ц-го в-ва к прежнему Ислам Гирею царю.

Помета на полях. Проситца ли назад или и у нового царя быть, и грамоту подат, и о делех речь говорить.

Помета в тексте другим почерком и чернилами. Написат. И новому царю то же говорить и делать.

(Л. 170) А будет им ведомо от ково учинитца или посланики Сидор и подъячей Алексей им скажут, что новой царь, или калга, или нурадын, кому будет учинитца премененье, з государем в дружбе и любви быти хотят так же, как и прежние цар, или калга, или нурадын, и в государеве деле помешки им никакие не будет, и им, посланником, от нового царя или калги и нурадына дурна никакова[150] не было.

И Тимофею и подъячему Ивану к новому царю или х калге и нурадыну итти, и от государя поклон правити, и грамоты подати, и лехкие поминки поднести, и о делех речь говорити пооговоряся так же, как велено быти у Ислам Гирея царя, и у калги, и у нурадына.

(Л. 171) А будет царевы или калгины и ну[151] (Л. 171) радыновы ближние люди вспросят их[152], как ныне великий государь, царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии самодержец с свейскою королевою[153] и ыными неметцкими государи.

И Тимофею и подъячему Ивану[154] говорити, что великий государь, царь и великий князь Алексей Михаиловичь всеа Великия и Малыя Росии[155] самодержец с свейскою королевою [в друж]бе и в любви, и вечном докон[чанье], также и с ыными неметц[кими] государи в ссылке ж и в дружбе.

А будет учнут спрашивать, как ныне государь, царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии[156] с кызылбашским шахом, и с юргенским и з бухарским цари, и Тимофею и подъячему Ивану[157] говорити, что у великого государя нашего (Л. 172) царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малые Росии[158] самодержца, у его ц-го в-ва с кызылбашским Аббас шахом ссылка, и дружба, и любов попрежнему, как и у отца его, государева, блаженные памяти у великого госу[даря, царя] и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодерж[ца] с прежними турскими салтаны и с [пер]сидцкими шахи была дружба, и любов, и ссылка. А юргенской и бухарской цари у ц-го в-ва в его, царском жалованье, как были и у прежних великих государей, ца-

---

148 Далее зачеркнуто: *и пом/инки/.*

149 Исправлено из аналогично: *он послан.* Зачеркнуо: *к преж/нему/.*

150 Далее зачеркнуто: *им*

151 *калгины и ну* повторено из зачеркнутого на Л. 171.

152 Вписано в строку другими почерком и чернилами.

153 Кристина Ваза, дочь Густава Адольфа Ваза, королева шведская отказалась в 1654 г. от престола.

154 *и Ивану* вписано сверху.

155 *Великия и Малые* вписано сверху; *Росии* исправлено из: *Русии.*

156 Далее зачеркнуто: *с турским салтаном и*

157 *и . Ивану* вписано сверху вместо зачеркнутого: *и подъячему.*

158 Далее зачеркнуто: *с турским Магмет салтаном и.*

рей и великих князей российских. В ц-го в-ва отчине в Астарахани бухарцы и юргенцы торгуют и в ыные городы ездят и торгуют поволною торговлею, и к ц-му в-ву послов своих з дары присылают. А ц-кое в-во их жалует своим царским жалованьем.

А будет их[159] учнут спрашивать о иных каких делех, чего в сем наказе не написано, и им[160] ответ дер[жать], смотря по делу, примерива[ясь] к сему государеву наказу, и говори[ти] короткими речми, учтиво и остерегательно, чтоб государеву имяни было к чести и к повышенью. А будет чего не ведают, а хотя б и ведают, а учнут спрашивать о великих делех, чего в сем наказе не написано и им[160] о том отговаривати, что им про те дела слышати[161] не случилос, а во многие слова не входити. А что с ними[161] поговорят и им[161] то все себе записать подлинно и порознь по статьям.

Да как их ко государю[162] ис Крыму царь, и калга, и нурадын отпустят и им[161] ехати ко государю к Москве не мешкая[163]. А приехав к Москве явит[ися] (Л. 174) и статейный список и вестово[е] писмо отдати в Посолском приказе диаком думному Алмазу Ивано[ву] да Ивану Патре[кееву].

А однолично им[161], Тимофею и подъячему Ивану[164] едучи в Крым держати у себя государевы грамоты, и наказ, и легкие поминки, а назад едучи ис Крыму ко государю, царевы и калгины и нурадыновы грамоты, и все вестовое[165] писмо, и статейной[166] список с великим береженьем, чтоб про то нихто не сведал и на станех в степи или в городех, где лучитца постоять быть осторожливым[167] и во всяких мерах остерегательным[167], чтоб государево дело исполнить во всем по сему государеву наказу. А розни им меж себя отнюд ни в чем не держати[168].

А[169] для государевых дел посланы с ними для переводу татарской переводчик Абдул Байцын да для толмачества и розсылки[170] [ста]ничник Иван Сабанин. (Л. 175) А будет им для государева дела по[на]добятца в Крыме для писма и спра[вки] татарского писма переводчик, или для писма молодой подъячей, или для розсылки толмачь, и им, Тимофею и подъячему Ивану, переводчика, и подъячево, и толмача имати в Крыме у посланников у Сидора Лодыженского да у подъячево у Олексея Огаркова. А государева грамота к ним о том послана с ними ж, Тимофеем и с подъячим Иваном.

---

[159] Исправлено соответственно *из его... ему*.
[160] Исправлено из: *ему*.
[161] Далее зачеркнуто соответственно: *ему...потому что был в поместье от Москвы в далних городех*
[161] Исправлено из: *ним*.
[162] *их ко государю* вписано сверху вместо зачеркнутого: *ево*.
[163] Далее зачеркнуто соответственно: *к нигде Ондрею Немирову*.
[164] *и . Ивану* вписано сверху.
[165] *все вестовое* исправлено из: *вестовое*
[166] Далее зачеркнуто: *свой*.
[167] Исправлено из соответственно: *осторожливому . остерегателному*.
[168] *А .. держати* вписано в тексте и между строк.
[169] *А* вписано в тексте вместо зачеркнутого: *А с ними*
[170] *и розсылки* вписано сверху вместо зачеркнутого: *толмач*

(Л. 176) Да память Тимофею и подъячему Ивану. В прошлых годех посылано от государя в Крым[171] х калге и к нурадыну в лехких поминках против того ж, что и ныне с ними послано, калге 4 пары соболей, две по 15-ти рублев, а две по 10-ти рублев, нурадыну 3 пары, пара в 15 рублев, а две по 10 рублев. И во 160-м, и во 161-м году, как были в Крыму посланники Прокофей Коптев да Демид Хомяков и подъячии, и они тех лехких поминков давали калге по 3 пары, а нурадыну по 2 пары, а по паре ценою по 10-ти рублев пара[172] у них отставили и им не давали. И им, Тимофею и подъячему Ивану[173], тех лехких поминков калге и нурадыну поднести[173] против того ж, а по паре б у них отстояли. А будет тех дву пар станут на них спрашиват и отстоять будет не мочно, и им те лехкие поминки калге и нурадыну поднести[174] сполна, чтоб за то от них роздратья какова не было.

РГАДА. Ф. 123 Дела 1654 г № 2. Л. 35–176. Отпуск, черновой

3

ЦАРСКАЯ ГРАМОТА – КРЫМСКОМУ ХАНУ ИСЛАМ ГИРЕЮ

1654 г.

Божиею милостию от великого государя царя и великого князя Алексея Михаиловича всеа Великия и Малыя Росии[1] самодержца и многих государств государя и облаадателя Великие орды брату нашему Ислам Гирееву цареву величеству с любовию поклон.

Ведомо вам, брату нашему чиним. В прошлом во 142-м году отец наш, блаженные памяти великии государь, царь и великии князь Михаил Федо[ровичь] всеа Русии самодержец и многих государств государь и облаадатель, высокославные памяти с великим государем, со Владиславом, королем полским и великим князем литовским учинили вечное докончанье на том. Быти им, обоим великим государем, меж себя и их, государским, детем и наследником в братцкои, крепкои (Л. 174) дружбе, и в любви, и в соединении. А отца нашего, блаженные памяти великого государя, его ц-го в-ва, и его, государских, детеи и наследников Владиславу королю, и вперед будучим королем полским и великим князем литовским, и паном раде и всеи Речи Посполитои Коруны Полские и Велик[ого] княжства Литовского всяких чинов людеи во всяких писмах описывати и имяновати по его, государскому достоинству и по вечному докончанью великим государем, царем и великим князем всеа Русии самодержцем с полными его, государскими титлы, как он, великии государь, сам себя описует, отныне и до века и вперед неподвижно безо всякого премененья. А Владиславу королю и вперед будучим королем пол-

---

[171] Далее зачеркнуто: *к царю.*

[172] Далее зачеркнуто: *у ни о них*

[173] Далее зачеркнуто соответственно: *учинить по тому же . поговоря.*

[174] Далее зачеркнуто: *все.*

[1] "*Великия . Росии*" вписано сверху вместо зачеркнутого *Русии.*

ским и великим князем литовским писатися (Л. 180) по прежним обычаем с полными ж их титлы по докончалнои грамоте. А к Московскому государству Владиславу королю, и братье ево, и детем, и внучатом причитанья ни в чем не иметь и царем, и великим князем всеа Русии, с титлы Московского государства не писатис и не именоватися. И своими, государскими, грамотами и печатми то вечное докончанье утвердили, что тому вечному докончанью быти навеки непременну.

И с стороны отца нашего, блаженные (Л. 181) памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца то вечное докончанье во всяких мерах держано крепко и нерушимо. А с стороны королевского величества учинилис многие неправды к нарушенью вечного докончанья. Отца нашего блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца, его ц-го в-ва имянованья и титлы в его, королевских, во многих грамотах писаны мимо вечного докончанья с умаленьем и безчестьем. А сенаторей его, воевод и каштелянов, и старо[ст] и капитанов, и державцы в наши, ц-го в-ва, порубежные городы к воеводам в листех писаны отца нашего, великого государя, имянованье[2] (Л. 182) и титлы со многим безчестьем и с укоризною. А в королевском имянованье писано прибавочные титла из наших, ц-го в-ва, титл мимо вечного докончанья.

И о тех королевских многих неправдах посыланы от отца нашего блаженные памяти от великого государя, от его ц-го в-ва в Полшу и в Литву ко Владиславу королю великие послы, и посланники, и гонцы многижды. И будучи у короля на посолствах и с паны рады в ответах о тех их неправдах говорили. Также и на Москве наши, ц-го в-ва, бояре и думные л[юди] полским и литовским великим послом и пос[лан]ником в ответех о тех их неправдах говорили ж многижда.

(Л. 183) А как праведным судом божиим отец наш, блаженные памяти великии государь, царь и великии князь Михаил Федоровичь, всеа Русии самодержец, его ц-ое в-во, оставя земное царство, преселился в вечное блаженство небесного царствия, и по отшествии к богу блаженные памяти отца нашего, великого государя, его ц-го в-ва с королевские стороны наше, ц-го в-ва, имянованье и титло по тому ж учали писат не по вечному докончанью и з бесчестьем. А исправленья в том с королевские стороны николи не бывало, а откладывали то дело с сойму на соим по многие годы, не хотя в том деле к нам, великому государю, дос[той]ного исправленья учинити[3].

А как учинился на королевстве Полском и на Великом княжстве Литовском нынешней Ян Казимер король, его королевское величество (Л. 184), и с его, королевские стороны не токмо что в прежних неправдах исправленье[4] учинено, но учало быть и пущи прежнего. По его, королевскому, указу и по повеленью панов рад напечатаны в разных го-

---

[2] Исправлено из: *имянованья*.
[3] Вписано сверху вместо зачеркнутого: *показати*.
[4] Переделано из: *исправленья*.

родех книги на полском и латинском языкех. А в тех книгах напечатано про отца нашего, блаженные памяти про великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца, и про деда нашего, блаженные памяти про великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Рус[ии], и про нас, великого государя, ц[аря] и великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии самодержца злые безчестья и укоризны, чего не токмо нам, великим государем, и простому человеку слышати и терпети невозможно. А брат его королевского величества (Л. 184), славные памяти Владислав король написан великим князем московским, забыв вечное докончанье.

И нам, великому государю, нашему, ц-му в-ву то учало быть в великую неистерпимую досаду, что с его королевские стороны делаютца многие злые дела, забыв бога и наше, государское вечное докончанье. И в прошлом во 161-м году посылали мы великии государь, наше ц-ое вели[че]ство к Яну Казимеру коро[лю], к его королевскому величеству наших, ц-го в-ва, великих и полномочных послов боярина и наместника Великопермского, князя Бориса Александровича Репнина Оболенского с товарыши, чтоб его королевское величество, памятуя вечное докончанье, велел в тех многих неправдах (Л. 185), которые с его королевские стороны починилис к нарушенью вечного докончанья, исправленье учинити пристойное. И Ян Казимер король в том деле правды никакие не показал же, а паны рада в ответах нашим ц-го в-ва, великим послом во исправление того дела отказали и тех* наших, ц-го в-ва, великих послов отпустили без д[ела] з безчестьем*.

Да с его же королевские стороны учали быть в порубежных местех задоры болшие, приходя в нашу ц-го в-ва сторону, их полские и литовские люди, наших ц-го в-ва, дворян и детеи боярских поместья и вот (Л. 186) чины разоряют, а людеи их и крестьян грабят и мучат розными муками, и за рубеж вывозят силно, и всякие злости им чинят. А урядники их по писму наших, ц-го в-ва, воевод расправы в том не чинят.

Да и вам, брату нашему, про те, ево, полского Яна Казимера короля, неправды ведомо. Как приехав ис Крыму, наши, ц-го в-ва, посланники Демид Хомяков да подъячей Ермола Клочков объявили вашим царског[о] (Л. 187) в-ва, приказным люд[ем]. Как де, они у вас, брата [нашего], у Ислам Гирея царя были на [отпуске] и после того по вашему, брата нашего, указу призывали тех наших, ц-го в-ва, посланников на ваш, брата нашего, Ислам Гиреев царев двор, ближней ваш человек Сефер Газы ага, да болшой казнодар Сумхазы ага, да разменной Маметша княз Сулешев. И говорил тем нашим, ц-го в-ва, посланником ближнеи ваш человек Сефер Газы ага, что вы, брат наш Ислам Гиреи царь, и калга Казы Гиреи и нурадын Адил Гиреи царевичи с того времяни, как учинилос у полского короля с черкасы (Л. 188) развратье, на полского короля с воинскими людми войною ходили, и многую королевскои земле шк[оду] учинили, и полон имыва[ли]. И чтоб нам, великому государ[ю], нашему ц-му в-ву с вами, братом нашим Ислам Гиреем царем о том, как над полским королем учинить промысл, сослатися. А полскои корол из-

давна нам, великому государю, неприятель, и на своеи правде непостоянен, и нашему Московскому государству злодеи. Да ваш же, брата нашего, болшой казнодар Сумхазы ага говорил. Как де, ходил к черкасом на помочь на полского короля калга Крым Гирей царевичь, и он де, Сумхазы ага, в том походе с калгою царевичем был же. И корол, де, писал к нему, Сумхазы аге, чтоб он, Сумхазы ага, вас, брата нашего Ислам Гирея царя, и калгу Крым Гирея и нурадына Адил Гирея царевичей наговорил (Л. 189), чтоб вам, брату нашему Ислам Гирею царю, и калге, и нурадыну царевичем, помиряс с ним, королем, итти вой[ною] на наше Московское государство. И [он де] Сумхазы ага о том писал к [вам] брату нашему Ислам Гирею царю. И вы, брат наш, не хотя своей правды и шерти нарушить, что в шертной вашей, брата нашего, грамоте, на которои нам в-му г-рю нашему ц-му в-ву вы, брат наш Ислам Гирей царь, перед посланники нашими перед Тимофеем Карауловым (Л. 190) с товарыщи правду дали, на куране шерть учинили, написано, что вам, брату нашему Ислам Гирею царю, с нами, великим государем, с нашим ц-им в-ом, быти в крепкой братцкой* дружбе и любви навеки неподвижно, другу нашему другом, а недругу недругом, и хто на[м], в-му г-рю, друг тот и вам, бра[ту] нашему, друг, а хто нам, в-му г-рю недруг, тот и вам, брату нашему, недруг, на то ево Яна Казимера короля хотенье и не помыслили. А писали о том х калге Крым Гирею царевичю и к нему, Сумхазы аге, чтоб они, калга Крым Гирей царевич и Сумхазы ага с полским королем договору никакова не чинили и тем вашие брата нашего, Ислам Гиреевы царевы (Л. 191) правды и шерти не нарушали.

И мы, великий государь, наше ц-ое в-во, слыша про то, что вы, брат наш Ислам Гирей царь, памятуя правду свою и шерть, калге Крым Гирею царевичю и Сумхазы аге с полским Яном Казимером королем договариват[ца] на наше, Московское государство о вой[не] не велели и к нам, в-му государю, к нашему ц-му в-ву, вы, брат наш Ислам Гирей царь, через ближних своих людеи с посланники нашими о тех, ево Яна Казимера короля, многих неправдах, и о замыслах, и о своей к нам, великому государю, совершеннейшей дружбе и любви, и о соединении на него, Яна Казимера короля, за многие ево к нам, в-му г-рю, неправды приказывали, прии (Л. 192) маем в братцкую дружбу и любов.

И объявляем мы, великии государь, наше ц-ое в-во, вам, брату нашему Ислам Гирею царю, что нам в-му г-рю нашему ц-му в-ву. за многие Яна Казимер/а/ короля полского и великого [князя] литовского грубости и неправды, которые делаютца за вечным докончаньем и за многие ево замыслы, что он умышлял над нашим Московским государством, про что и вам, брату нашему Ислам Гирею царю, ведомо подлинно, болши того терпеть невозможно. А обослався со всеми окрестными государи и объявя (Л. 193) ево, королевские, к нам, великому государю, многие неистерпимые грубости, прося у бога милости, и по своей правде, мстить ему будем, сколко милосердый бог нам, великому государю, помочи подаст.

И вам бы, брату нашему, Ислам Гирею царю и калге Казы Гирею царевичю, и нурадыну Адил Гирею царевичю, памятуя к нам, великому

государю свою правду и шерть, что быти вам другу нашему другом, а недругу недругом то дело, что [вы] брат наш, к нам, великому [государю] с посланники нашими з Деми[дом] Хомяковым и с подъячим о с[оъ]единении через ближних своих людей приказывали, исполнить, на полского Яна Казимера короля помочь ратными своими людми нам, великому государю, учинити и стояти с нами, великим государем против нашего недруга заодно.

А с сею нашею, ц-го в-ва, грамотою послали мы, в-ий г-рь, наше ц-ое в-во, к вам, брату нашему // Ислам Гирею царю, и х калге, и к нурадыну царевичем нашего ц-го в-ва дворянина Тимофея Гавриловича Хотунского да подъячего Ивана Фомина. И будет вы, брат наш Ислам Гирей царь и калга, и нурадын царевичи по своей правде и шерти на нашего ц-го в-ва недруга, на полского Яна Казимера коро/ля/ помощь своими ратными людм/и/ учините, и вам бы, брату нашем/у/ Ислам Гирею царю, о том, /как/ ваша, брата нашего, на того /нашего/ неприятеля на Яна Казимер/а/ короля* полского помочь, и с которую стор/ону/, и колкими ратными людми будет, и в которое время вы, брат наш Ислам Гирей царь, и калга Казы Гирей, и нурадын Адил Гирей царевичи на того нашего неприятеля сами[5] войною пойдете, и как вперед тое войну против Яна Казимера короля с нами, великим государем, вы, брат наш, Ислам Гирей царь, и калга Казы Гирей, и нурадын Адил Гирей царевичи вести учнете (Л. 195), отписати. И того нашего ц-ва в-ва дворянина Тимофея Хотунского и подъячего отпустити к нам, великому государю не замотчав[6], чтоб нам, великому государю от вас, брата нашего, Ислам Гирея царя, о том подлинно ведомо было вскоре.

РГАДА Ф. 123. Дела 1654 г. № 2 Л. 178–195. Отпуск[7].

4

ОБРАЗЦОВАЯ ГРАМОТА ПОСОЛЬСТВУ ВО ГЛАВЕ С Т.Г. ХОТУНСКИМ ДЛЯ ПРИВЕДЕНИЯ К ШЕРТИ КРЫМСКОГО ХАНА ИСЛАМ ГИРЕЯ И ЕГО БРАТЬЕВ

1654 г.

Грамота образцовая, по чему привести Ислам Гирея царя и калгу и нурадына к шерти Тимофею Хотунскому да подъячему Ивану Фомину. И шертная грамота написать с сего образцового писма.

Великие орды великого царя Ислам Гиреево царево слово. В нынешнем во 162-м году присылал к нам брат наш, великий государь, царь, и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя Росии са-

---

[5] Вписано в строку.

[6] Исправлено из: *задержав*.

[7] На Л. 196–212, 213–228 данного дела находятся также не датированные отпуски царских грамот калге и нурадыну. Их содержание повторяет публикуемый текст и наказ с соответствующими изменениями персонального характера.

модержец и многих государств государь и облаадатель с/своими, ц-го/ в-ва грамоты дворя/нина/ своего Тимофея Хотунского да подъячего Ивана Фомина. А в грамотах брата нашего, в-го г-ря, царя... к нам, Ислам Гирею царю и к братье нашей, х калге Казы Гирею и к нурадыну Адиль Гирею царевичем, писано, что ему, брату нашему, великому государю учинился недруг Ян Казимер, корол полский и великий князь литовский. И он, брат наш, великий государь[1] за ево кор/олев/ские многие грубости и неп/равды/ хочет на него вес/ти войну[2] / А в шертной нашей, Ислам Гир/ея/ царя и братьи нашей, калги и нурадына царевичей грамоте, на которой мы ему, великому государю, правду дали перед его ц-го в-ва посланники перед (Л. 231) Тимофеем Карауловым с товарыщи[3] шерть учинили, написано, что быти нам другу ево другом, а недругу недругом, и хто ему, брату нашему верному государю царю...[4] недруг тот и нам, Ислам Гирею царю, и братье нашей, калге и нурадыну царевичем, недруг. И чтоб нам, Ислам Ги/рею царю/ и братье нашей, кал/ге и нурадыну/ царевичем[5] тое[6] правду свою[6] и шерть и[7] (Л. 232), на того его ц-го в-ва не/друга/ на Яна Казимера короля полского помочь ратными своими людми ему, великому государю, учинити и стояти с ним, великим государем, против ево ц-го в-ва недруга заодно.

И мы, Ислам Гирей царь, памятуя к[8] к брату нашему, великому государю, царю... правду свою и шерть на чом мы, Ислам Гирей царь, ему брату нашему, великому (Л. 233) государю, перед его ц-го в-ва посланники перед Тимофеем Карауловым с товарыщи правду дали, на куране шерть учинили, что быти нам другу ево другом, а недругу недругом, на того его, брата нашего, недруга, на полского Яна Казимера к/ороля/ с ним, братом нашим, с /великим/ (Л. 233 а) государем, царем стояти готовы. И сами мы, Ислам Гирей царь[9], и братья наши, калга Казы Гир/ей/ и нарадын Адиль Гирей царевичи, со всеми ратными нашими людми пойдем и войну вести учнем с нынешняго 162-го году (Л. 234) до того времени покаместа брат наш, великий государь царь[10] против того своего неприятеля Яна Казимера короля полского войну вести учнет безо всякого премененья. И в то воинское время мы, Ислам Гирей царь и братья наши, калга и нурадын царевичи (Л. 235), /с/ королем полским, и с паны радою, и со в/сею/ Речью Посполитои Коруны Полские и Великого княжества Литовского, и ни с кем с его, королевскими подданными о дружбе и любви[11] не ссылатися[12]. И от брата нашего, великого

---

[1] Титул, как выше, в соответствующем падеже.
[2] Конца фразы нет. Прочтение ориентировочное.
[3] Далее зачеркнуто: *в прошлом во 154-м году*.
[4] Титул царя, как выше, в соответствующем падеже.
[5] Далее зачеркнуто: *памя/туя/*, еще примерно одно слово зачеркнуто или отсутствует.
[6] *тое свою* вписано соответственно в строку и сверху.
[7] Конца слова нет. Вероятно: *исполнити*.
[8] Вписано в строку между слов.
[9] Далее зачеркнуто: *и калга*.
[10] Титул, как выше, в соответствующем падеже.
[11] *о дружбе и любви* вписано сверху, перед этим зачеркнуто: *в то воинское время*.
[12] Далее зачеркнуто: *и ссылки с ними никакие не чинити*.

государя царя[10] нам, Ислам Гирею царю и братье нашей, калге и нурадыну царевичем, в то воинское время не отстати, и к полскому королю не пристати, и с ним не соединятися, и никово в том, чтоб нам, Ислам Гирею царю, з братом нашим, с великим государем, с его ц-им в-вом на Яна Казимера короля войною не ходити, не послушати, хотя к нам[13] (Л. 236). Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца и многих государств государя и облаадателя в то воинское время отстати и на полского короля не ходити, и нам, Ислам Гирею царю и братье нашей[14], калге и нурадыну царевичем, и турского Магметь салтана и повелителя не послушати, и от великого государя, от его ц-го в-ва по своей правде и шерти не отстати. А стояти с ним, великим государем (Л. 236а), и войну вести против того ево ц-го в-ва недруга заодно безо всякие хитрости пременения до тех мест, покаместа он, великий государь, против того своего государева не/друга/ войну вести учнет.

А будет его ц-го в-ва недруг, полской Ян Казимер коро/ль/, или паны рада, или Речь /Поспо/литая Коруны Полские и /Великого/ княжства Литовского к И/слам/ Гирею царю, или к братье /ево/ калге и нурадыну царев/ичем/, или к ближним нашим людем присылати учнут и нам, Ислам Гирею царю, и братье нашей калге и нурадыну царевичем, и ближним нашим людем с тем великого государя недругом, с Яном Казимером королем полским, и с паны рады, и со всею Речью Посполитою о дружбе и любви[15] ни о чем не ссылатися, и послов их, и посланников, и гонцов к себе не приимати и от себя к ним ни о чем не посылати (Л. 238а) и никакова с ними дела не чинити.

Так же нам, Ислам Гирею царю и братье нашей, калге и нурадыну царевичем[16] (Л. 239) людем, которые в нашем, Ислам Гирея царя, повеленье идучи в войну и из войны[17] великого государя, его царского величества на полского Яна Казимера короля его царского величества землею* Малою Росиею городами, которые ныне учинились под ево ц-го в-ва высокою рукою в подданстве[18], городов, и мест, и сел, и слобод, и деревень, и никаких жилетцких мест не грабити, и не воевати и не разоряти, и не поджигати, и людей не побивати, и в полон никово не имати[19] и скота никакова не отгоняти, и ни у ков[о] ничево даром не имати[20], и никакова дурна не чинити. А итти его ц-го в-ва землею смирно и ратным своим людем заказати, чтоб они отнюд никакова дурна[21] в его ц-го

---

[13] Далее в тексте пропуск.

[14] *и братье нашей* вписано сверху вместо зачернутого в тексте: *и*

[15] *о дружбе и о любви и* вписано сверху, в тексте зачеркнуто: *и отнюдь.*

[16] Далее на Л. 237–238–238а зачеркнуто: *А о том, о чем Ян Казимер корол полской, и паны рада, или Речь Посполитая // учнути к нам, Ислам Гирею царю, и к братье нашей калге и нурадыну царевичем, или к ближним* нашим людем учнут присылати, и нам о той *их присылке ведомо чинити ему, великому государю, его ц-му в-ву и // ссылки отнюд никакие явно и тайно через своих людей и засылкою через иноземцев*

[17] *и из войны* вписано сверху.

[18] *Малою подданстве* вписано сверху. Перед *Малою*, очевидно, зачеркнуто *и*.

[19] Далее зачеркнуто: *и никакова дурна не чинити.*

[20] Далее зачеркнуто: */и к горо/дом и местам блиско не под/ходити/.*

[21] *никакова дурна* вписано сверху вместо зачеркнутого: *того.*

в-ва землях никому[22] нигде не чинили. А будет хто что мимо[23] нашие царевы правды и шести ц-го в-ва людем[24], хотя малое (Л. 240) какое зло[25] учинит, и заказ наш преслушает, и шерть нашу нарушит, и нам, Ислам Гирею царю, за то тех своих ослушников[26] казнити смертию безо всякие пощады, как им в прежней нашей шертной грамоте о таких ослушниках наших[26] написано. А взятое, и грабежное, и полон отдавати назад.

А итти на Полшу и Литву степными месты, а блиско городов и сел и де (Л. 241) ревень не ходити, чтоб в том[27] меж великим государем, царем...[28] (Л. 241 а) шенья не было. Да и в полских и литовских городех будучи нам в войне[29] православных християнских церквей и монастырей, и их самих православных християн греческого закона не грабити, и не разоряти, и в полон никово не имати. А которых православных християн в полон и возмут, и нам их велети отпускати назад[30].

А брат наш, великий государь, царь...[31] за такое наше, Ислам (Л. 241б). Гирея царя, и братьи нашей, калги Казы Гирея, и нурадына Адил Гирея царевичей на того его ц-го в-ва недруга на полского Яна Казимера короля вспоможенье* учнет к нам, Ислам Гирею царю и к братье нашей, калге Казы Гирею и к нурадыну / Адил Гирею царевичем и к ц/арицем/, и к детем нашим, и к царе/вичем/ и к царевнам любителные /поминки/, а к ближним нашим людем с/вое/, ц-го в-ва жалованье присылати на те годы, в которых[32] мы, Ислам Гирей царь, и братья наши калга и нурадын царевичи, с воинскими людми в помочь ему, великому государю[33] против того его ц-го в-ва недруга, Яна Казимера короля полского, в войне будем, по Курамшину мурзину договору по Багатыр Гирееве цареве росписи по другой посылке на год[34]. А сверх тех дву посылок[35] к нам, Ислам Гирею царю, и братье нашей, калге и нурадыну царевичем, и царевнам любителных (Л. 243) поминков, а ближним нашим людем его ц-го в-ва жалованья ничево не спрашивать. А как война минетца[36], и нам Ислам Гире/ю/ царю, и братье нашей, калге и

---

[22] *землях никому* вписано сверху вместо зачеркнутого *государстве*

[23] Вписано сверху вместо зачеркнутого *сверх*.

[24] *ц-го в-ва людем* вписано сверху вместо зачеркнутого: *и с того*

[25] Вписано сверху вместо зачеркнутого *дело*

[26] Соответственно *своих ослушников ослушниках наших* вписано сверху.

[27] *а блиско в том* вписано сверху вместо зачеркнутого на Л. 240–241: *А кто учинит какое дурно // и нам ево безо всякие пощады по тому ж казнить смертью*

[28] Титул, как прежде, в соответствующем падеже. После титула в тексте пропуск.

[29] *в войне* вписано сверху.

[30] Далее на сгибе листа, на полях то ли продолжение этой фразы, то ли помета *с того места*

[31] Титул, как выше, в соответствующем падеже.

[32] Исправлено из: *которые*

[33] *в помочь государю* вписано сверху.

[34] *по Багатыр посылке* . вписано сверху. Первоначально стояло *другую*, затем окончание исправлено на *й*, но *у* перед этим ошибочно оставлено. Вначале окончание фразы было: *на один год вдвое*

[35] *А посылок* вписано сверху.

[36] Далее зачеркнуто: *или и в воинское время, в которой год мы, Ислам Гирей царь, и братья наши, калга и нурадын царевичи, против того ево ц-го в-ва недруга Я/на Кази/мера короля полского в войне н/е/ будем*

нурадын/у царевичем/ (Л. 245) и царицам, и детем нашим, ц/аревичам/ и царевнам ц-го в-ва любителные поминки, а ближним нашим людем ево ц-го в-ва жалованье имати попрежнему одну посылку по Багатыр Гирееве цареве росписи, против того, как прислана (Л. 246) с посланники з Демидом Хомяковым да с подъячим с Ермолою Клочковым[37].

И то все, что в сей нашей шертной грамоте написано, нам, Ислам Гирею царю, и братье нашей, калге и нурадыну царевичем, здержати крепко и непременно, и инако ничего не учинити, и никому учинити не велеть.

На том на всем, что в сей нашей шертной грамоте написано, великому государю, царю...[38] вначале мы Ислам Гирей царь да калга Казы Гирей царевичь, да нурадын Адил Гирей царевичи за себя и за иных царевичей, за братью и за детей наших, и за карачеев, и за /князей/ и за уланов, и за агов, и за мур/з/, и за всех ближних с/воих/ людей, и за весь Крым, и нагайс/ких/ и азов/ских татар, которые нам послушны, правду даем перед его ц-го в-ва дворянином (Л. 246), перед Тимофеем Гавриловичем Хотунским да перед подъячим Иваном Фоминым шертуем, что то все, что[39] в сей шертной грамоте написано, от нас будет здержано безо всякие хитрости и лукавства.

К сей нашей болшой шертной прямой грамоте яз, Ислам Гирей царь, печать свою золотую привесил в Бакчисараях в лето.

А будет они Тимофей и подъячей Иван з ближними людми договор учинят на том, что царь и калга, и нурадын в войну пойдут по прежней своей шерти без прибавочные казны, и им из образцового писма[40] тое статью, ч/то/ о прибавочной казне на/писано/, вычернить[41] /и ведома?/ о том никому не дават, чтоб у них про тое прибавочную казну отнюд нихто не ведал.

РГАДА. Ф. 123 Дела 1654 г. № 2. Л. 229–248. Отпуск, черновик.

---

[37] *одну посылку. . Клочковым* вписано сверху вместо зачеркнутого *в одноряд во всем по Курамшину мур//зину договору*. На полях пометы: *Вычернить, будет без прибавки учинить договор, В белом писме отмечено так же.*

[38] Титул, как выше, в соответствующем падеже.

[39] *все, что* вписано сверху.

[40] Далее зачеркнуто: *из русково и из татарского.*

[41] Далее зачеркнуто: *и дават о том.* Край листа осыпался, слово пропущено.

В.А. Артамонов

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕХОДЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В РУССКОЕ ПОДДАНСТВО ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Тема переговоров о переходе Крыма в русское подданство в первой половине Северной войны 1700–1721 г. никем, кроме польского историка Ю. Фельдмана, который в своей книге привел две пространные выписки из донесения саксонского посла в Петербурге Лосса Августу II, не затрагивалась. Лосс сообщал о подготовке царем секретной миссии в Крым в 1712 г.[1] И хотя переговоры окончились безрезультатно, тем не менее на крымском направлении, как и на балканском, кавказском и дальневосточном, Петр I проторил для своих потомков реальные пути.

В конце XVII – начале XVIII в. Крымское ханство оставалось крупным военно-феодальным государственным образованием, которое под угрозой опустошительных набегов держало в страхе население огромных территорий Европы, вплоть до Воронежа, Львова и Вены. В системе Османской империи Крым из всех вассальных княжеств пользовался самой широкой автономией – имел армию, денежную систему, административный аппарат и право внешних сношений с соседями. Но, будучи мощным военным заплечьем для татар, Порта очень ограничивала их автономию. Феодалы Крыма боялись, что "совсем уничтожены будут от турков"[2]. Турецкие города и крепости, разбросанные по ханству, – Бендеры, Каффа, Керчь, Очаков, Азов – сковывали кочевников, и доходы от торговли в этих городах миновали казну ханов. Раздражало назначение турецких судей и чиновников в области, находившиеся под юрисдикцией Бахчисарая, например в Буджак, а также разжигание турками вражды между мурзами.

Отличались и цели внешней политики Стамбула и Бахчисарая. С конца XVII в. Крым стремился поддерживать мирные отношения с явно слабевшей Речью Посполитой и при возможности вбить клин между ней и Россией, полностью подчинить адыгов Северного Кавказа, отбросить военный потенциал России от своих границ и добиться возобновления выплаты русских "поминок"-дани. Ханы Крыма как "эксперты" по польскому и русскому вопросам "переняли на себя" в XVII в. посредничество в делах с Речью Посполитой и Русским государством. Крымские, а не османские войска были основным противником России на юге до XVIII в. Не забывались и претензии Крыма на Среднее Поволжье. При хане Мухаммед-Гирее (1654–1666) был заключен договор с польским королем Яном II Казимиром о присоединении к Крыму бывших терри-

торий Астраханского и Казанского ханств. В отношениях с царями правители Крыма руководствовались устаревшей концепцией, что те являются (хотя бы формально) данниками ханства. Вполне реальными были претензии ханов на степное Запорожье.

В отличие от ханства Порта по тактическим соображениям в конце XVII – в первое десятилетие XVIII в. стремилась поддерживать мирные отношения как с Речью Посполитой, так и с петровской Россией, ибо наибольшая угроза для нее исходила в это время от монархии Габсбургов. Обязанность поставлять татарских воинов на балканский и венгерский фронты, рабочую силу для постройки новых турецких крепостей – Еникале и Темрюка в 1702–1707 гг., а также запреты совершать набеги на Украину (вплоть до приказов отдавать полон и добычу) возбуждали сильное недовольство. Историческое самосознание Гиреев – потомков Чингис-хана – позволяло им не считать себя ниже европейских королей, царей, султанов. Ханы болезненно переживали ущемление своих вольностей. (Прежде всего турецкий произвол при их смене.) Они добивались того, чтобы "цари царей Вселенной" – турецкие султаны – давали им хотя бы пожизненное подтверждение на должность[3].

Возможно, комплекс таких политических расхождений был причиной переговоров о переходе "Великой орды правой и левой руки" в русское подданство в 1701–1712 гг.

В XV–XVI вв. в России жили касимовские, поволжские и сибирские татары. Протекторат Москвы над Казанским ханством был впервые установлен в 1487 г. Иван Грозный полностью подчинил татарские "царства" в Казани и Астрахани. Сибирское "царство" с 1555 по 1571 г. признавало вассальную зависимость от России на условиях уплаты ежегодной дани мехами, и в 1582 г. было завоевано. Но русские походы вдоль Днепра, Дона и с Тамани в 1555, 1556, 1558, 1560 гг. не привели к покорению четвертого татарского "царства" – в Причерноморье. Тем не менее в 1586 г. царевич Мурат-Гирей (сын хана Девлет-Гирея I), перешедший на сторону Москвы, получил направление на службу в Астрахань, причем русское правительство собиралось поставить его в Бахчисарай[4]. В 1593 г. правительство царя Федора Иоанновича согласилось послать "рать с огненным боем" на помощь хану Гази-Гирею, собиравшемуся "все улусы крымские к Днепру перевесть и от турского прямо отстать" и быть с Россией "в братстве, в дружбе и в миру и Юрт Крымской с Московским государством... съедначить"[5]. Вековыми можно назвать традиции подданства ногайских орд русским царям. Они зависели от Москвы в 1557–1563, 1590–1607, 1616–1634, 1640 гг.[6]

С конца XVII в. с просьбами об освобождении и принятии в русское подданство обращались валахи и молдаване, сербы и черногорцы, украинцы с Правобережной Украины, греки, венгры, народы Северного Кавказа и Средней Азии (хивинцы). Русско-крымские отношения никогда не были исключительно враждебными, и тема русско-крымской взаимопомощи и союзов в XV–XVII вв. еще ждет своих исследователей.

* * *

После Азовских походов положение на пограничье стало невыгодным для Крымского Юрта. Петр I, укрепив крепости-форпосты на юге – Азов, Таганрог, Каменный Затон, Самару, пытался блокировать северные пределы кочевий ханства. На небольшом отрезке русско-турецкой границы под Азовом и Таганрогом османские власти старались не допускать ее нарушения татарами и настаивали на скорейшем межевании ногайских степей. Однако в Приднепровье, на Азовском взморье и Дону никогда не прекращалась "малая война". Ни турецкая, ни московская, ни гетманская администрация не могли удержать ногайцев, донцов, крымцев, запорожцев, калмыков, черкесов и кабардинцев от взаимных набегов. В начале XVIII в. ногайцы буквально метались в поисках нового протектора. Среди них периодически вспыхивали мятежи "против хана и турка". Гетман Мазепа писал Петру I, что "поголоска по всему Крыму носится, что Белогородская орда имеет намерение бить челом вам, великому государю, прося, дабы под державную вашего царского величества руку были приняты"[7].

В 1699 г. 20 тыс. буджакских ногайцев действительно взбунтовались против Бахчисарая, "ожидая помочи и милости" либо от султана, либо от царя, а "естли б совершенно им с стороны турской отказано будет, то хотят к полякам приклониться, о чем уже и послали туды"[8].

Во главе бунтовщиков встал брат крымского хана Девлет-Гирея II нураддин Гази-Гирей, который ушел с ногайцами в Бессарабию, к польским границам. Помимо контактов с польским королем, в 1701 г. Гази-Гирей через Мазепу просил "белого царя" принять его "з Белогородскою ордою в подданство"[9]. (В этом же году армянские мелики Карабаха просили Петра I освободить Армению, тогда же грузинские цари Имеретии, Кахетии и Картли обращались к России с той же просьбой[10].)

В 1702 г. в Азов приехал Кубек-мурза с просьбой о русском покровительстве над кубанскими ногайцами. Однако русское правительство, не рискуя разрывать мир с Портой, сообщило султану о своем отказе ногайцам[11].

Под военным нажимом янычар и крымских войск Гази-Гирей бежал в Чигирин, затем пошел на мировую и был отправлен на о. Родос.

Свободу маневра крымской дипломатии расширяла притягательность "Порога Высочайшего Счастья" – Бахчисарая для мусульман Восточной Европы и Средней Азии как форпоста ислама. Частичным облегчением для ханов было и то, что российские окраины, где традиции вольности не были уничтожены самодержавием, – Астраханский край, область Войска Донского и Запорожского, Башкирия – не сразу подчинились российскому абсолютизму. Как раз в первое десятилетие XVIII в. население окраин попыталось избавиться от бремени, которое навалил на него царизм. Но все восстания, вспыхнувшие почти одновременно, – на Дону, в Запорожье (1707–1708), в Астрахани (1705–1706), в Башкирии (1705–1711), массовое дезертирство из армии, усилившийся

разбой и волнения в Центральной России (1708 и 1715) происходили изолированно. Восставшие не могли использовать поддержку друг друга и пытались опереться на внешние силы – Турцию, Крым, Швецию.

При такой нестабильности в Батурине, а затем в Москве распространились сведения о намерении крымского хана перейти в русское подданство. 26 декабря 1702 г. османское правительство, недовольное недостаточной информацией Девлет-Гирея II об укреплении русских крепостей и Азовского флота, назначило в Бахчисарай в четвертый (и последний) раз его отца, 70-летнего старца Хаджи-Селим-Гирея I (декабрь 1702 – декабрь 1704 г.). Девлет-Гирей к тому времени проявил себя храбрым и искусным правителем (в 1683 г. воевал в Австрии) и пользовался авторитетом у татарских мурз. Низложенный хан не подчинился приказу, снова поднял ногайцев и направил войска под командованием своего брата калги Саадет-Гирея в Буджак, к Аккерману и Измаилу. По пути бунтовщики сожгли несколько украинских сел[12]. К мятежному хану присоединилось и "ехиднино порождение" – так называл запорожцев Мазепа. Мятежники распространяли слух, что идут на Стамбул.

Видимо, в конце 1702 – начале 1703 г. Девлет-Гирей в поисках дополнительной опоры отправил к Мазепе в Батурин двух посланцев – Акбира и Абсуута, по словам Мазепы, подговаривать его и запорожцев "на бунты" против царя[13].

Османское правительство в начале 1703 г. снарядило флот из Синопа, чтобы "усмирить гордость татар крымских", и приказало Хаджи-Селим-Гирею повести против бунтовщиков причерноморских и кубанских ногайцев[14].

Запорожцев османское правительство увещевало не вступать в договорные (союзные) отношения с крымцами, ибо "татаре, кого зазывают и примают с ними дружбу, потом они того ж коньми своими топчют"[15]. Белгородский бунт был подавлен[16]. Девлет-Гирею, вышедшему из Крыма, пришлось остановиться у Очакова, затем он двинулся на Украину, наконец отступил в Кабарду[17], а позже явился с повинной к отцу. Запорожцам пришлось просить султанского и крымского протектората у Селим-Гирея I. Но османское правительство, равно как ранее русское в отношении буджакских ногайцев, через посла П.А. Толстого устно обещало не принимать их в турецкое подданство[18].

* * *

В январе 1703 г. (или, возможно, в декабре 1702 г.) к Мазепе явился бывший ротмистр, молдаванин Александр Давыденко, ушедший "из земли своей для гневу господарского" и намеревавшийся поступить на русскую службу.

Судя по сохранившимся письмам-автографам на плохом русском и польском языках, Давыденко ранее, в период третьего правления Хаджи-Селим-Гирея I (1692–1699), служил в Крыму и слышал, что больша́я часть мурз и беев просили султана восстановить низложенного Девлет-Гирея, с которым молдаванину довелось беседовать. Девлет-Гирей якобы сообщил ему, что готов вместе с беями "поклониться всемо-

гущей царской державе и дале на турка воевати". Нет ничего необычного в том, что терявший в 1702 г. почву под ногами хан выяснял позиции Мазепы и Москвы. Мотивы же поведения Давыденко, энергично взявшегося за налаживание контактов между мятежным ханом и царем, легко объяснимы. Он, как многие из балканских христиан, предлагал далеко не новый проект освобождения своей родины от турок силами православного царя. Оригинальным в нем было лишь указание на возможность использовать сепаратизм крымских феодалов[19]. В польском варианте письма Давыденко более определенно сказано, что он склонил хана со всем войском искать поддержки у Петра I и желал бы передать самому царю советы насчет ведения турецкой и "шведской" войн[20].

Искусный и осторожный дипломат, Мазепа, авторитет и опыт которого высоко ценило московское правительство, характеризовал Давыденко как "человека, явно секрету не знающего, или его при себе держать не умеющего", из-за чего-де может пострадать не только валашский господарь К. Брынковяну, но и весь валашский народ. Летом 1703 г. Мазепа собирался было направить Давыденко в Валахию и написал, чтобы Брынковяну "унял его от того языка"[21]. Но 30 июля Давыденко послал Мазепе из Фастова новый проект организации общего валашско-крымско-украинского фронта против турок[22]. В столице заинтересовались этим проектом, и с 1704 г. в продолжении года и трех месяцев Давыденко был в Москве. Им занимались не только Посольский и Малороссийский приказы, но и глава правительства адмирал Ф.А. Головин и даже сам царь, судя по пометкам в записной книжке Петра I за 1704 г.: "О Давыд ... человеке, что у датского посланника, отпускать ли? О волошенине, что привез дацкой, и что об нем говорит мултянской?"[23]

Тема была тайной, писали о ней глухо, не все документы пока сейчас известны. Но решение русского правительства по вопросу принятия ханства в русское подданство мы знаем: как и в 1701 г. – в случае с Гази-Гиреем, оно было отрицательным. В условиях Северной войны обострять отношения с Османской империей по крымскому вопросу было рискованно. К тому же мятеж Девлет-Гирея был подавлен, а новый хан Гази-Гирей III (1704–1707) не хотел или не мог "показывать", как в 1701 г., прежнее "доброжелательство" к России. В Москве располагали сведениями, что готовился татарский набег на Киев и Слободскую Украину с целью помешать укреплению русско-польских отношений после Нарвского договора 1704 г., оформившего вступление Речи Посполитой в Северную войну[24]. Новая крымская администрация задержала посланного от Мазепы к Гази-Гирею с поздравлениями и подарком обозного Трощинского под предлогом, что тот лазутчик, и потребовала возвращения своих прежних посланцев Акбира и Абсуута, сосланных на Соловки. Хотя посланец Гази-Гирея в мае–июне 1705 г. обещал Мазепе "наедине ханскую приязнь", но крымские феодалы требовали компенсации за набеги казаков на татар[25]. Поэтому намек Ф.А. Головина на то, что Россия благосклонно согласится рассмотреть изменение в

политической судьбе Крыма, был исключен из новой редакции письма адмирала И.С. Мазепе от 5 февраля 1705 г. и заменен пожеланием жить в мире и дружбе[26].

Отказываясь начать новые отношения с вассалами султана, русское правительство стремилось таким образом нейтрализовать связи своих тюркских народов и калмыков со Стамбулом и Крымом. В Москве хорошо знали о тайных контактах хана Аюки с Бахчисараем, воеводы с Волги доносили о возможном уходе части калмыков в пределы Крымского ханства[27], а посол П.А. Толстой из Стамбула – о связях хана Аюки с султаном. В конце 1703 или в начале 1704 г. хан Аюка через посланца ногайца Иш Мехмел-агу отправил султану Ахмеду III акт клятвенного обещания верности и подчинения с напоминанием, что калмыцкие ханы с 1648 г. уже дважды обращались к его предшественникам с просьбой о переходе в османское подданство[28].

Затевать серьезное дело с Крымом через такой непроверенный канал связи, как Давыденко, сочли рискованным, и послу П.А. Толстому указали заверить Ахмеда III, что царь не примет никого в русское подданство и ожидает того же от Порты в отношении кочевых народов России[29].

В Москве Давыденко выдали сорок соболей ценой 50 руб. и по указу царя отправили в Киев, где "политично" задержали на год и два месяца, хотя сам он продолжал надеяться, что его переправят под видом купца через Сечь в Бахчисарай[30]. Все это время Мазепа держал его "под крепким караулом", не позволяя посещать даже церковь, а затем выслал в Молдавию в кандалах[31]. От Ф.А. Головина молдаванин получил не очень лестную характеристику[32].

* * *

Очередной хан Каплан-Гирей I (август 1707 – декабрь 1709), правивший в Крыму трижды (последний раз в 1730–1736 гг.), был непримиримым противником Москвы. 1708 г. был кризисным для России этапом Северной войны. Карл XII наступал на Москву, юг и восток страны были охвачены восстаниями. Против возможного соединения повстанцев-донцов с татарами и запорожцами в Москве собирались использовать гетманские войска, но в октябре 1708 г. Мазепа изменил. Чтобы втянуть Крым в войну, он обещал выплачивать Каплан-Гирею ту дань, которую Москва сбросила с себя в 1685–1700 гг., и обещал убедить польского короля Станислава I отдать весь невыплаченный "харч" Польши за прошлые годы. Каплан-Гирей добивался разрешения Стамбула соединиться со шведами на Украине. Г.И. Головкин послал П.А. Толстому запрос: действительно ли Порта разрешила Крыму требовать с России прежние "поминки"-дань?[33]

Османам снова напомнили об отказе России принять ногайцев, надеясь на взаимность Стамбула в отношении восставшего Дона[34].

Обстановку неожиданно разрядило низложение Каплан-Гирея в декабре 1709 г. вследствие разгрома его войск кабардинцами у горы Канжал[35].

3 января 1709 г. П.А. Толстой из Стамбула через Азов направил посланца Василия Ивановича Блёклого поздравить старого знакомого – Девлет-Гирея II со вторичным возведением на бахчисарайский престол и поблагодарить его за "чистосердечное приятельское объявление", которое хан передал русскому посольству в Стамбуле при своем отъезде в Крым 14 декабря 1708 г. Русский посол просил выдать некрасовцев, ушедших к ногайцам на Кубань, но в действительности Блёклый должен был воспрепятствовать татарско-шведскому сближению на Украине[36]. Нет ничего невероятного в том, что Девлет-Гирею II послали 10 тыс. дукатов как "причитающуюся ему перед войной сумму, чтобы умилостивить его этим и заполучить в свою партию"[37]. Хан, заботясь о восстановлении прежнего престижа Крыма и традиционных форм русско-крымских отношений (Россия с 1700 г. прервала официальные отношения с ханством как с полноценным государством), во время бесед 10–13 июня 1709 г. попенял Блёклому на то, что царь перестал писать от себя в Крым, что корреспонденция со Стамбулом ведется через голову хана, что русские жалуются падишаху по поводу мелких пограничных инцидентов. По словам А. Давыденко, записанным позже, в 1712 г., хан якобы интересовался, почему русское правительство медлит с ответом на его предложение о переходе ханства на сторону России[38]. Судя по отчетам Блёклого, хан 13 июня 1709 г. говорил неопределенно: "...турки вас не любят... И Крым-де и я так хочем, чтоб Москва и Крым была одна земля... Естли б страна царского величества совершенно была со мной в союзе, то бы не был швед в вашей земле. И поляки на вас, ни казаки, не восстали. Они-де смотрят на меня все"[39].

Девлет-Гирей II уклонился от разговоров о выдаче некрасовцев вместе с их атаманом И. Некрасовым и о конкретных деталях союза, но подарки принял и, хорошо зная о тяжелом состоянии Карла XII на Украине, обещал "своих татар и протчих народов удержать в страху, дабы не чинили никаких обид российскому народу, о чем и указы от него разосланы"[40]. Вопроса о возобновлении "поминков" хан не поднимал. В Крыму в то время гуляла поголоска, что царь, предложив Девлет-Гирею II золото, сокровища и чин управителя в Казанской земле, получил тем не менее отказ: "Я-де не хочу от царя ни жал, ни мёда"[41].

В целом Бахчисарай, как и Стамбул, удовлетворяло положение России, воевавшей на фронте от Финляндии до Украины, и русская дипломатия наладила вполне удовлетворительные отношения с Крымом и Портой в предполтавский период. Ни шведские, ни польские, ни мазепинские, ни некрасовские посольства в Крым не дали результатов. Порта не позволила татарской коннице появиться под Полтавой.

* * *

Полтавская победа над шведами 27 июня 1709 г. привела к подтверждению 3 января 1710 г. русского-турецкого перемирия 1700 г. Раскачать султана Ахмеда III на войну с Петром I удалось лишь после мощного дипломатического натиска нахлынувшей волны эмигрантов – Карла XII, сторонников Станислава Лещинского, Мазепы и запорожцев.

После того как турки в ноябре 1710 г. объявили России войну, русское правительство, припомнив тайные контакты с крымцами и ногайцами, призвало не только христиан, но и мусульман Османской империи перейти под протекторат царя, обещая последним расширение их автономии. В манифестах к ногайцам всех орд и крымцам Петр I сослался на призыв буджакцев и Гази-Гирея к России в 1701 г.[42] Из православных на борьбу с турками поднялись черногорцы, сербы и молдаване, из мусульман – кабардинцы. В середине июня 1711 г. были получены сведения от перебежчиков, что Буджакская орда не будет сражаться и готова перейти в русское подданство на условиях выплаты определенной дани скотом[43].

Крымские войска в 1711 г. воевали удачно. Зимой Девлет-Гирей II послал свою конницу к Киеву и воронежским верфям и захватил несколько тысяч полону. Летом татары удачно воспрепятствовали экспедиции И.И. Бутурлина из Каменного Затона к Перекопу. Но самое главное, они отсекли все тыловые коммуникации русской армии в Молдавии и Причерноморье и вместе с турками наглухо блокировали ее при Станилешти.

Эти боевые заслуги позволили Девлет-Гирею считать, что в Прутский договор будет внесено основное требование ханства – о восстановлении русских "поминок"-дани. Это и было обещано на Пруте, хотя и не в письменном виде, а на словах.

После второго объявления войны в 1711 г. Девлет-Гирей настаивал на уступке Крымскому ханству Запорожья и Правобережной Украины[44]. Однако турецкая сторона, добившись основной цели – Азова, желала как можно скорее покончить дело миром и не настаивала на татарских требованиях. Упорное отстаивание интересов Крыма Девлет-Гиреем II вызвало недовольство высших сановников Порты, которые намеревались сместить излишне ретивого хана[45].

20 февраля 1712 г., в разгар очередного обострения конфликта с Турцией, генерал К.Э. Ренне послал в штаб фельдмаршала Б.П. Шереметева в Прилуки старого знакомца Давыденко, успевшего к тому времени послужить и польскому королю, и русскому царю (в дивизии генерала Януса фон Эберштедти). 24 февраля молдаванин сообщил весьма невероятное: Девлет-Гирей и крымские мурзы просят от фельдмаршала и царя "тайной отповеди... хотят ли ево принять к стороне царского величества или нет", а также "пунктов, на чем ему в подданство притти"[46]. Подтверждающих документов, кроме подорожной до Москвы, выписанной ханом, у Давыденко не было. Причину своего обращения к царю хан объяснял турецким произволом над ним[47] и передавал, что его антирусская позиция была лишь "для лица, чтоб показатца турком в доброжелании... А королю швецкому казался в добродетели болши всё для денег"[48].

Давыденко предложил следующий план: при помощи хана захватить Карла XII и мазепинцев в Молдавии[49]. Соблазн пленить шведского короля, трижды ускользавшего из рук (под Полтавой, Переволочной и Очаковом), вынудил русское правительство закрыть глаза на враж-

дебные действия хана в Стамбуле и на Украине и согласиться на тайные переговоры с Девлет-Гиреем II.

22 марта Г.И. Головкин сообщил Шереметеву, что Петр I дал аудиенцию Давыденко и "предложение ево принял и дан ему устный ответ и отпущен паки туды, откуда приехал, толко дабы ему в том, что он здесь при дворе царского величества был, поверено, дан пашпорт за печатью государственной". Учитывая секретность операции, канцлер написал, что об ответе Петра I фельдмаршал будет извещен после его приезда в Петербург. Судить об ответе царя можно по документу, приведенному в конце статьи. Его нельзя датировать, как указано в записи под текстом, 1714 г., когда уже Османская империя и Россия не были в состоянии войны, о котором писал царь. Нельзя его и датировать периодом между ноябрем 1712 – июнем 1713 г., временем третьего состояния войны с султаном, так как Петр I с 1 июля 1712 по 14 марта 1713 г. находился за пределами России, а Девлет-Гирей 3 апреля 1713 г. был уже лишен ханского трона. Если учесть, что запись "расспроса" Давыденко была произведена 20 марта 1712 г., что Головкин 22 марта писал Шереметеву о том, что царь принял молдаванина, что черновой вариант "паса" для Давыденко был написан 13-го, а беловой "за государственной печатью" (о чем упомянул Петр I) – 23 марта 1712 г.[50], то документ можно датировать 13–23 марта 1712 г. – скорее всего, это не что иное, как вариант инструкции для Давыденко.

В ней Петр I изъявлял готовность заключить через Шереметева с Девлет-Гиреем II русско-крымский договор, приняв все его условия, а ханство в русское подданство. За голову Карла XII хану были обещаны 12 тыс. мешков левков (1 млн = 450 тыс. руб.). За получение таким образом свободы рук на севере было обещано все русские силы послать на помощь Крыму. При невозможности пленения шведского короля Петр I просил сжечь турецкие военные и продовольственные склады в Молдавии.

4 апреля ротмистр получил ездовых лошадей, 100 червонных и вместе с тремя молдаванами, сопровождавшими его, был отправлен из Петербурга. Но едва он успел доехать до Киева, как туда поступили первые сведения о заключении 25-летнего перемирия в Стамбуле (5 апреля 1712 г.).

Киевский губернатор Д.М. Голицын задержал Давыденко, сообщив в Петербург, что если хан выдаст его туркам, то вновь начнется война[51].

29 мая канцлер одобрил "удержание" тайного агента, велел отобрать у него все документы, но позволил ему выписать из Молдавии жену. По совету П.П. Шафирова вместо молдаванина в ответ на "ханский запрос" секретно был послан подполковник Федор Климонтович с формальной целью – для размена пленными и с реальной – выяснить истинные намерения хана[52]. Чихачеву было приказано передать Девлет-Гирею II "за доброжелательность" пластинчатые меха на 5 тыс. руб., т.е. в размере прежнего традиционного "жалованья" хану, но только тайно, с глазу на глаз, чтобы это подношение не воспринималось как прошлая дань, запрещалось отдавать меха, если их потребуют вручить открыто. По инструкции Чихачеву позволялось обещать посылки грамот лично

от царя в Бахчисарай и даже делать эпизодические "награждения", если хан поднимет вопрос о возобновлении дани, но главное – следовало разузнать "о склонности ево, хана, к стране царского величества и о намерении ево в том всякими способы, чрез кого мочно разведывать. А о погодной (дани) не упоминать"[53]. О будущем характере подданнических отношений Крыма русское правительство, возможно, судило по аналогии с русско-молдавским договором 1711 г.

Турецко-татарская победа на Пруте, откровенное нежелание России воевать на юге, уступчивая позиция русских послов в Стамбуле – все это подняло престиж хана в собственных глазах. 10 дней Девлет-Гирей II не принимал в Бендерах Чихачева под предлогом, что тот прибыл без грамоты от царя. Лишь 23 августа 1712 г. подполковника удостоили кратким и холодным приемом, на котором хан заявил, что пленных разменивать не разрешит, впредь без грамот Петра I никого к себе не допустит, после чего тайное подношение отклонил. На вопрос, что можно сообщить царю по поводу дела Давыденко, хан ответил, "что-де мне ныне говорить нечего и болши говорить не стал". На этом аудиенция закончилась. Один из татарских чиновников потом пояснил Чихачеву, что хан хотел бы иметь "сердечную любовь" с Россией, но что он недоволен тем, что Россия дважды, в 1711 и 1712 гг., игнорировала Крым, заключая договоры с турками, что русско-крымские отношения характеризуются состоянием "ни мира, ни брани", а если бы-де вступили в переговоры с татарами, то мир на юге русские получили бы через неделю. Только в том случае, если, помимо договора с Ахмедом III, будет оформлен отдельный русско-крымский договор, хан-де "с радостью" примет любой подарок, даже одного соболя[54].

Демонстративно подчеркивая свой равный ранг с царем, хан, по примеру Петра I, приказал своему везиру Дервиш-Магомет-аге написать Б.П. Шереметеву, что со стороны Крыма "обид" России не будет, что пленных будет позволено выкупать, но не разменивать, чтобы русские пропустили Карла XII через Польшу в Померанию и что после отъезда шведского короля хан любое подношение примет "за великий подарок"[55]. Фельдмаршал ответил ханскому везиру, что Россия желает жить в мире с Крымом, что царь "не оставит забвенна" хана "за ево добро", и упрекал за грабежи царских конвоев запорожцами[56].

Как видно, Девлет-Гирей уклонился от обсуждения вопроса о перемене вассалитета в 1712 г. Но предложения Давыденко не были его, Давыденко, фантазией. Пять раз – в 1699, 1703, 1708 или 1709, 1711, 1712 гг. – он обращался к русскому правительству по одному и тому же поводу. Некоторые сведения он мог узнать только от хана, например содержание его бесед с В.И. Блёклым в Крыму в 1709 г. Лишь незнание политических реалий в Восточной Европе заставляло Давыденко преувеличивать значение дипломатической игры крымцев, впрочем, без всякого умысла. Противоречия же между враждебными действиями Девлет-Гирея II и его обещаниями подчиниться "белому царю" не должны нас удивлять, как не удивляли они современников. С помощью "наживки", которую хан "забрасывал" через Давыденко, он, видимо, пытался

втянуть Россию в переговоры и вернуть русско-крымские отношения к состоянию 1681 г. Связь между предложением хана и его стремлением начать переговоры с русскими очевиднее всего видна из его беседы тем же летом с подполковником драгунского гренадерского полка русской службы Питцем, разыскивавшим в Бендерах плененных крымцами жену и детей. Девлет-Гирей, будучи уверен, что его слова передадут по назначению, "выговаривал" Питцу за отказ царя вести переговоры с Крымом и указывал, что мирный договор Россия прежде всего должна заключать с ним как с суверенным государем, "который может обратитца куда хочет", и что татары "люди волные, куда хотят, туда и оборотятца"[57].

Русско-крымские тайные контакты дали один положительный результат: они ухудшили отношения между шведами и татарами. С сентября 1712 г. русские послы в Стамбуле предупреждали государя о неизбежности новой войны, если он не выведет свои войска из Польши. И действительно, 3 ноября 1712 г. Ахмед III в третий раз объявил войну с целью добиться по возможности максимальных уступок от русских послов. Ту же цель преследовал турецкий план – "забросить" шведского короля с поляками и запорожцами в Польшу, по возможности без турецкого сопровождения. Шведы к тому времени перехватили часть депеш Девлет-Гирея II к Шереметеву и саксонскому министру Я.Г. Флемингу, из которых Карл XII узнал, что его голова – ставка в игре не только для хана. Бывший великий литовский гетман Я.К. Сапега договорился с крымским властителем выдать "северного льва" великому коронному гетману А.Н. Сенявскому во время проезда Карла XII через Польшу и получить за это амнистию от польского короля. Хан в случае успеха мог заключить союз с Августом II, который имел бы антирусскую направленность[58]. Карл XII отказался идти в зимний поход 1712/13 г. в Польшу и после схватки с воинами Девлет-Гирея II и янычарами был сослан во Фракию. В марте 1713 г. Ахмед III бросил на Украину 30 тыс. татарской конницы, которая докатилась до Киева. На Левобережной Украине сын Девлет-Гирея II с 5 тыс. ногайцев Кубанской орды, некрасовцами и 8 тыс. запорожцев разорил села и церкви в нескольких уездах Воронежской провинции.

Понятно поэтому раздражение русского правительства против Давыденко; 26 января 1714 г. он был арестован в Москве, в Посольском приказе, и на два года сослан в Прилуцкий монастырь в Вологду. 8 декабря 1715 г. Головкин приказал киевскому губернатору Д.М. Голицыну выслать Давыденко через Киев за рубеж, выдав ему 50 руб., "не слушая никакова его вранья, и впредь, ежели он в Киев будет приезжать, и потому ж высылать, ибо ваше сиятельство о нем известны, какой он человек самой збродной"[59].

* * *

1687–1783 гг. можно считать столетием включения Крыма в состав России. Северная война не ускорила этот процесс, но русско-крымские контакты во время нее не были случайным эпизодом.

Возросший потенциал новой России, с одной стороны, и ущемление автономных прав Крыма османами – с другой, вынуждали ханов, не раз попадавших в критическое положение, рассматривать возможность перехода в русское подданство. Просьбы нуреддина Гази-Гирея в 1701 г. и Девлет-Гирея в 1702–1703 гг. могут быть сопоставлены с подобными обращениями молдавских и валашских господарей, грузинских царей, балканских и кавказских народов к государям в XVII–XVIII вв. Но реальная возможность русского протектората над Крымом при Петре Великом была мала. При нем Россия еще не накопила того великодержавного опыта, который позволил Екатерине II относительно легко присоединить "независимый" Крым (и Восточную Грузию) в 1783 г.

Тяжелейшая Северная война заставляла заботиться о сохранении мира с Османской империей, и в русской политике тема перемены ханского вассалитета, как правило, если и обсуждалась, то глухо. От Крыма приходилось отказываться, равно как от Азова в 1637 г. Кроме того, события на русских границах – восстание на Дону, измена Мазепы, отделение Запорожской Сечи в 1709 г., оформление перехода наследника Мазепы (украинского гетмана Ф. Орлика) под протекторат Крыма в 1710 г., османско-крымская победа на Пруте – показали татарам, что русско-турецкое противоборство еще не закончено. Поэтому крымские предложения относительно подчинения Петру Великому в 1711– 1712 гг. были скорее зондажем русской политики. К тому же правители Бахчисарая предвидели, что после перехода в состав России обогащение разбоем и продажей украинских невольников станет невозможным. Поэтому вряд ли можно предположить, что дипломатическая игра ханов с Россией имела широкую поддержку в Крыму. Политика феодальных верхов Крыма оставалась в основном антирусской, и в 1711–1713 г. русской дипломатии с трудом удалось "отбиться" от возобновления ежегодной "дани безопасности", прекращенной в 1685 г. Тем не менее ногайские и крымские феодалы начинали разговоры о переходе на сторону северного соседа в моменты "прилива" русской силы на юг. Так было после Азовских походов в 1701–1702 гг., в период Прутской кампании и во время походов Миниха на Хотин и Яссы в 1739 г. Со второй половины XVIII в. крымцы поняли, что устраивать облавы на восточнославянских рабов не только рискованно, но и почти невозможно. Полукочевое население Крыма начало оседать на земле, когда военный перевес Российской империи над Турцией стал очевидным. В 1771 г., через 60 лет после манифеста Петра Великого к ногайцам и татарам, когда вторая русская армия генерал-майора В.М. Долгорукова-Крымского прочно заняла важнейшие населенные пункты Крыма, феодалы ханства дали присягу о вступлении "в неразрывный союз под высочайшую протекцию" Екатерины II. Вслед за десятью годами "независимости" (1774–1783) 9 апреля 1783 г. в состав России было включено последнее из "татарских царств". Империя Романовых окончательно обрела наследие Чингисхана в Северной Евразии.

* * *

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранится собственноручная недатированная записка-инструкция Петра I, свидетельствующая о его согласии принять крымского хана Девлет-Гирея II (правил в 1699–1702, 1708–1713 гг.) под русский протекторат.

1

Что он* прежде сего предлагал о деле хана крымского и тогда не приняли для того, что был мир, и не хотели дать причины к войне.

2

А ныне, когда турки ничем довольствоватца не хотят, но неотложно злобы одной для войну объявили, то мы, в своей правде надеясь на Бога в сей войне, и для того рады хана принять и пожелания ево все исполнить,

Для чего б он, не испуская времени, прислал человека своево с полною мочью к фельтмаршалу Шереметеву, которому также посылаетца полная мочь от царского величества для трактованья, не описываясь к царскому величеству, дабы в тех описках время не потерять.

3

На письме ему не дано для того, чтоб не попалась в неприятельския руки. А для того, чтоб хан поверил, что он был у царского величества, дан ему пас за государственною печатью.

4

Ничем не может хан так верность[1] и приятство царскому величеству показать, как тем, чтоб увёз караля шведского, в чем и ево самово польза будет, ибо когда будет король в руках, то мы от шведской стороны будем свободны и всеми силами помогать будем хану. А сверх того за сие обещаем хану[2] две тысячи мешкоф[3].

5

Ежели кароля не может привесть, то хотя б магазеины сожгли, которыя от Дуная к Бендерю и в протчих местах обретаютца.

Под текстом: Вынуты сии пункты из дела о волошанине Алек-

---

* Ротмистр молдаванин Александр Давыденко.

[1] Далее зачеркнуто: *и дружбу*.

[2] Далее зачеркнуто: *ты*. Возможно, предполагалось написание: *тысячу*.

[3] Мешок (кесь) – единица денежного измерения, равная 500 левкам. 1 левок составлял тогда 45 коп.

сандре Давыденке, которой был послан с Москвы под арестом на Вологду для содержания ево тамо в монастыре, в котором пристойно, 1714 году.

РГАДА Подлинные царские письма Оп 2 Т 9. Л. 112–113. Собственноручное Копия. Там же. Л. 114–115.

[1] *Feldman J.* Polska a sprawa wschodnia 1709–1714. Kraków, 1926. S. 17. Вкратце данная тема затрагивалась и мной. См.: *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы 1709–1714 гг. М., 1990.

[2] Русский агент в Стамбуле *Л. Барка* – тайному советнику *С. Владиславичу*, 19 ноября 1711 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 13. Л. 40 об.

[3] "Прошения" крымца в Стамбуле в 1701–1702 гг. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1703. Д. 8. Л. 11–12, 28 об.–29.

[4] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л.. 1948. С. 35.

[5] *Лашков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и в XVII в., хранящиеся в Московском главном архиве МИД. Симферополь, 1891. С. 31–34.

[6] *Новосельский А.А* Указ. соч. С. 14–15, 55, 78.

[7] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1699. Д. 34. Л. 3.

[8] Доклад Ф.А. Головина Петру I 29 марта 1701 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого (ППВ). СПб., 1888. Т. 4. С. 494–495. В 1700 г. Август II завербовал несколько тысяч ногайцев для похода под Ригу (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1701. Л. 4–5; Ф. 160. Оп. 1. 1703. Д. 6. Л. 27 об.). Другие сведения были у *Г.И Головкина*: "О татарах пишут ис Польши наши, что из Белогородчины наняли их поляки ради Палея и Самуся" (*Г.И. Головкин – П.А. Толстому*, 29 декабря 1702 г. // РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 1. Л. 75 об.)

[9] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 670–672, 673–681.

[10] История внешней политики России: XVIII век. М., 1998. С. 50.

[11] "А белогородцкой салтан и мурзы присягали к великому государю, что их принять в подданство и свободити от ханского владения (тогда еще не сущу миру). Однакож великий государь на сие никоим образом соизволити восхотел, но твердо отказано" (*Ф.А. Головин – П.А. Толстому*, 1702 г. // РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 1. Л. 59–60; см. также: Манифест Петра I от 22 февраля 1711 г. // РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Д. 234. Л. 4.).

[12] Донесения И.С. Мазепы Ф.А. Головину за январь–май 1703 // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703. Л. 17, 48, 55, 60–62, 67 об. Сообщение О. Плейера от 20 января 1703 г. см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 4, ч. 2. С. 597–598; см. также: *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 698– 704.

[13] *И С. Мазепа – Ф.А. Головину*, 31 августа 1703 г. // РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. 1703. Д. 1326. Л. 1 об.; Оп. 1. 1707. Д. 3. Л. 53–58; ППВ. Т. 4. С. 1061–1062.

[14] По донесению П.А. Толстого из Адрианополя от 4 июля 1703 г. 60 тыс. (ППВ. Т. 2. С. 223; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703. Д. 5. Л. 145 об.). По слухам, доходившим до русского правительства, кубанские ногайцы "новому крымскому хану подручны быть не хотят и будет-де прежней хан по прежнему на ханство не будет, и они не хотят подклонитца под высокодержавную великого государя руку" (Допрос астраханского стрельца, жившего в неволе у кубанцев, 20 мая 1703 г. // РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703. Д. 11. Л. 672 об.).

[15] Переложение письма очаковского паши запорожцам в письме *И.С. Мазе-*

пы – Ф.А. Головину от 7 февраля 1703 г. (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703. Д. 5. Л. 21, 45).

[16] "Турские паши тех нагайцов ныне уняли, старшину их казнили, а меж черным народом стоят их войска и нагайцы их кормят. И берут у них хто что хочет насилно" (Донесение сторожевой службы Мазепы в июне 1703 г. // РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703. Д. 11. Л. 680 об.).

[17] По свидетельству грека "Андрея Васильева", торгового агента Саввы Владиславича, проезжавшего через Тамань в апреле–мае 1703 г. (Там же. Л. 666 об., 670 и об., 679).

[18] *П.А. Толстой* – азовскому воеводе *С.В. Ловчинову*, 1 апреля 1703 г. // Там же. Л. 657 об.

[19] "... аз до Кримского шествовал панства, где много отводил и гана (Девлет-Гирея II. – *В.А.*) на тие замисли, же бил отлучен от турков: так бо зараз и Молтянска и Волоска земля совокупно и Крим вашому пресветлому и всемогущему царству изволяют поклон отдати и доволно з собою имеют брани" (*А. Давыденко – Петру I* // РГАДА. Ф. 123. Оп. 3. 1703. Д. 1313. Л. 1).

[20] Этот аспект политики Девлет-Гирея II не освещался историками, в том числе и В.Д. Смирновым. Ответы на это письмо из Москвы пока не найдены, но известна резолюция дьяков Посольского приказа 1703 г. на донесениях Мазепы, касающихся дела Давыденко: "Писано доволно о том к гетману" (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1703. Д. 5. Л. 92 об.).

[21] *И.С. Мазепа – Ф.А. Головину*, 7 августа 1703 г. // Там же. Л. 92 об.

[22] В переложении дьяками Малороссийского приказа: «Ромистр молдавской земли Александр Давыденко пишет гетману (молдаване и валахи. – *В.А.*): "... били челом несколько кратно к восточному монарху его царскому величеству и ему, гетману, желая христианской помощи и на супостата их одоления. При том и ныне бьют челом ему, гетману, дабы о том ведал, что они з господарем мултянским и с ханом крымским, Бога взяв в помочь, дождався осени, пойдут войною. И просит, чтоб поволил им з 10 тысяч казаков воззвать из Сечи за их власные деньги и волохов породы их, которые есть у него, гетмана. И аще Бог даст, не свободятся ли сподо власти и налоги проклятого достоинства"» (Там же. Л. 92–93 об.).

[23] ППВ. Т. 2. С. 315. Возможно, о деле Давыденко запрашивалось мнение эксперта по турецко-татарским делам К. Брынковяну. В 1702 г. К. Брынковяну рекомендовал "обнадежить" белгородских ногайцев принятием в русское подданство (РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 1. Л. 56).

[24] РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. 1705. Д. 1384. Л. 1 об.

[25] *Ф.А. Головин – И.С. Мазепе*, 5 июня 1705 // Там же. Оп. 1. 1705. Д. 2. Л. 74, 76 об.; 1707. Д. 3. Л. 20 об., 53–58. См. также донесение Мазепы Ф.А. Головину от 9 июня 1705 г. (Там же. Оп. 1. 1705. Д. 3. Л. 111 об.–112).

[26] "... учинился в Крыму ханом бывшей Казы-Гирей салтан, которой в прошлом 1701 году имел с вашею вельможностию пересылку" (далее зачеркнуто: *и желал быть у его царского величества и з Белогородскою ордою в подданстве*). И изволь всяким образом его приводить к себе к дружбе (далее зачеркнуто: *и доброжелательству к нашей стороне*)" (Там же. Д. 2. Л. 5, 70–73).

[27] "Аюка-тайша с крымскими ханы непрестанные имеет пересылки и табуны в Крым посылает по вся годы и татаровя называют его ханом. И всякие ведомости с московской стороны в Крым от него Аюки чинятся..." По сведениям, полученным В. Айтемиревым от татар в 1695 г., Аюка после посылки в 1694 г. 3 тыс. калмыцких и кумыкских всадников в Венгрию просил подкрепить его крымскими и ногайскими войсками, чтобы идти "под городок под

Казань и под иныя, которыя обретаются по Волге реке", под предлогом отместки за разорения калмыцких улусов донскими, гребенскими и яицкими казаками (Расспросные речи подъячего В. Айтемирева // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1695. Д. 1. Л. 21–22). См. также переложение письма сына Аюки Гунжапа царицынскому воеводе Ф.Р. Ермолаеву от 12 мая 1702 г. (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1702. Д. 2. Л. 6).

[28] *Lemercier-Quelgnejay*. Les Kalmuks de la Volga entre l'Empire Russe et l'Empire Ottoman sous la règne de Pierre le Grand (d'après les documents des archives ottomanes) // Cahiers du monde russe et soviétique. P., 1966. N 1. P. 66–68, 73. См. также отпуск указа царя азовскому губернатору Т.Н. Стрешневу (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1704. Д. 9. Л. 1–2). О поисках покровительства феодальной верхушки башкир в Крыму и Стамбуле также было известно в Москве (см.: Материалы по истории БАССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 240).

[29] "А как напредь сего за тем же мирным состоянием ис подданных салтанова величества народов из Белогородской орды и из нагайцов домогались со многим желанием, чтоб им быть в подданстве под высокодержавною нашею царского величества рукою, и тогда мы, великий государь, для истинного мирных договоров содержания их в подданство к себе принимать не указали, что взаимно и салтанову величеству ныне учинить надобно" (*Петр I – П.А. Толстому*, 29 сентября 1706 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1706. Д. 2. Л. 1–2).

[30] *А. Давыденко – И.С. Мазепе*, 28 июля 1705 г. из Киева // РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. 1705. Д. 1421. Л. 1; *И.С. Мазепа – Ф.А. Головину*, 4 августа 1705 г. // Там же. Оп. 1. 1705. Д. 3. Л. 236 и об.; *А. Давыденко – Ф.А. Головину*, летом 1705 г. // Там же. Ф. 160. Оп. 1. 1705. Д. 29. Л. 10.

[31] "А то учинил над ним Мазепа по согласию с господарем волоским Антиохом" (Материалы расспроса А. Давыденко в штабе Б.П. Шереметева 20 марта 1712 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 4–7). См. также письмо А. Давыденко дьяку посольского приказа В. Постникову от 29 августа 1705 г. (РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1705. Д. 38. Л. 23 и об.).

[32] "Мы в нем, кроме сумазбродства, присмотреть не могли, и для того разсудили отпустить ево в дом его. А чтоб его в Сечю отпускать или в Крым провожать, чего чинить отнюдь не надлежит, но мнится мне, что токмо его просто до Волоской земли проводить велеть, не займывая отнюдь Запорожья. Буде ж ваше сиятельство разсудите, что может его отпуск вредителен быть, то повелите его в Киеве губернатору или где инде задержать" (*Ф.А. Головин – И.С. Мазепе*, 22 августа 1705 г. // ППВ. Т. 3. С. 913).

[33] *Г.И. Головкин – П.А. Толстому*, 16 февраля 1709 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 104 об., 120 об. (Толстой успокоил: "... и во сне не снится такое").

[34] *Петр I – П А. Толстому*, 24 декабря 1708 г. из Дебедина // ППВ. Т. 8, вып. 1. С. 378.

[35] В связи с этим русское правительство расширило связи с адыгами, имея в перспективе цель принять их в подданство, если Порта и Крым объявят войну России (*Сокуров В.Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII – начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 37).

[36] Статейный список П.А. Толстого за 1709 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 1.

[37] Донесение австрийского посланника И. Тальмана 21 августа 1709 г. // Турция накануне и после Полтавской битвы. М., 1977. С. 47. 23 марта 1709 г. по ходатайству Ф.М. Апраксина из Азова Походная канцелярия в Воронеже "для не-

которой посылки" получила 7 тыс. червонных (РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 46, 59).

[38] "... хан... хочет поддатися со всем Крымом и з Буджаки под державу его царского величества и против турка воевати. Причина тово ево желания та, что опасаются турков. Когда б они силны были против царского величества, тогда могут их как хана, так и мурз давити и головы снимати, как они обыкновенно чинят... Хан... сказал, что когда присылан к нему... Василей Блёклой з жалованьем, дабы он, хан, к шведу не приставал, и тогда он с ним, Васильем, о сем своем намерении наказывал донесть царскому величеству, говоря при том, для чего отповеди ему... не учинено?" (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 4–7).

[39] Там же. 1709. Д. 1. Л. 11 об., 12 об.

[40] Там же. Л. 18; Д. 2. Л. 1–2.

[41] *Гаркави А.* Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет Имп. публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. Прил. II. С. 1–41; С. 27, 34–35.

[42] ППВ. Т. 11, вып. 1. С. 95–97.

[43] *Hallart L.H.* Hallart dagbok ford under ryssarnes falttag vid Prut // Karolinska krigares dagboker. Lund, 1913. Vol. 9. S. 222.

[44] "Також и об Украине Заднепрской, которая по договору последнему хан претендует себе, а имянно по тем словам, что написано: от казаков запорожцов и от страны их руку отнять. А они то толкуют землею" (*П.П. Шафиров – Г.И. Головкину*, 10 ноября 1711 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 11. Л. 215; *Л. Барка – Г.И. Головкину*, 17 декабря 1711 г. // Там же. Д. 3. Л. 57 об.).

[45] К. Брынковяну писал Г. Кастриоту 27 января 1712 г. из Тырговиште: "Все начальники и разумные из турков единогласно втайне говорят, что хан крымский к разорванию миру приводит султана в такой образ, дабы ему, усмотря способ, самому изменить, опасаясь от везирей и от других турских начальников на себя в неправде его обличения и оклеветания, чтоб ему тайно чего не учинили" (*фельдмаршал граф Б.П. Шереметев.* Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. СПб., 1898. (С. 152–153). П.П. Шафиров писал 31 июля 1712 г., что бендерский Юсуф-паша "помалу промышляет, чтоб тот возмутитель хан крымской был переменен, что конечно впредь учинится, ежели сей мир утвердится" (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 6. Л. 403 об., 582).

[46] Расспросы А. Давыденко в Прилуках и в Петербурге в феврале–марте 1712 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 2, 5–7. В июле 1711 г. с тем же вопросом А. Давыденко лично обращался к Петру I в Могилеве-Подольском при посредничестве гвардии подполковника В.В. Долгорукого (Там же. Л. 4–5). См. также: *Мышлаевский А.З.* Война с Турцией 1711 года. СПб., 1898. С. 171. Петр I не пошел тогда навстречу этим предложениям в связи с только что заключенным Прутским миром (см. ниже).

[47] "Злоба ему в том, что их часто салтан променяет и турком головы всегда рубят, чего и он боитца и уже он сам был трижды перемениван и ныне на него измену нарекали. И был от чину отставлен 15 дней, только как стал турком за свое ханство противно говорить" (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 2).

[48] Там же. Л. 3 об.

[49] "Когда хан... твёрдо примет, что поддатися его царскому величеству, то б не испустя времяни с ханом договор зделать и для тово ево ромистра... к хану послать. А наипаче для того надобно тем договором поспешать, покамест король швецкий из Бендеря еще не выехал, ибо он и изменники все чрез хана могут быть в руках царского величества" (Там же. Л. 8–9).

[50] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 11–12.

[51] *Д.М. Голицын – Г.И. Головкину*, 25 апреля 1712 г. // Там же. Д. 20. Л. 3, 22. Саксонский посол Лосс был введен в заблуждение, когда писал 19 июня о возвращении "волошанина" из Крыма с устным ответом хана, что якобы после заключенного между Турцией и Россией мира все отменяется, но при удобном случае он перейдет к царю (*Feldman J.* Op. cit. S. 17–18).

[52] На вопрос Шереметева: "Ежели хан крымской, как ныне обещается (кроме факцей), конечно, склонен будет к стороне вашего величества, то на каких кондициях с оным поступки производить? И ежели случай покажет к подаркам, откуда вещи или деньги взять?" – Г.И. Головкин ответил в мае: "Трактовать, и каких будет требовать привилей, тех ему позволять" (ППВ. Т. 12, вып. 1. С. 187, 472–473; РГАДА. Каб. П.В. Отд. 1. Кн. 60. Л. 182–192, а также: Ф. 89. Оп. 1. Д. 16. Л. 159, 170).

[53] Инструкция Ф.К. Чихачову от 27 мая 1712 г. // Там же. Д. 15. Л. 19–21 об.; Ф. 123. Оп. 1. 1712. Д. 1. Л. 19 об.–22. См. также "меморию" Г.И. Головкина Б.П. Шереметеву от 29 мая 1712 г. (Сборник Русского исторического общества. Т. 25. С. 360–364).

[54] *Ф.К. Чихачов – Б.П. Шереметеву*, 26 сентября 1712 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712. Д. 16. Л. 96, 127–128 об.

[55] Перевод этого письма был сделан 11 октября 1712 г. (Там же. Л. 28–30).

[56] Там же. Л. 30 об.–33.

[57] ППВ. Т. 12, вып. 2. С. 442.

[58] *Fabrice F.F.* Zuverlässige Geschichte Karl des Zwölften. Hamburg, 1759. S. 200; *Stafsing J.* Kalabaliken vid Bender. Stokholm, 1960. S. 25.

[59] РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1715. Д. 11. Л. 30.

РЕЦЕНЗИИ

М.П. Мургулия, В.П. Шушарин

Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках /
Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1998. 336 с.

Основная часть рецензируемой монографии состоит из Введения, шести глав и Заключения. Книга снабжена пространной Библиографией с подразделами "Сведения об источниках"; "Издание источников"; "Литература", а также списком сокращений.

Во Введении авторы четко определяют задачи своего многопланового исследования: "Целью настоящей работы является выяснение истории половцев-кипчаков в Грузии XII в.", в первую очередь – "судьбы части половецкой общности – половецкого объединения во главе с Отроком, сыном Шарагана (Шарукана)" (С. 3).

По обоснованному мнению М.П. Мургулия и В.П. Шушарина, исследование проблемы невозможно без рассмотрения внутри- и внешнеполитической истории половцев и Грузии в конце XI – начале XIII в. Важная особенность авторского подхода к теме – изучение социальной организации и отношений половцев, переселившихся в королевство Венгрия в начале 40-х годов XIII в., со здешними государями, что дает типологический ключ к восполнению знаний о половцах Отрока.

Центральным в первой главе (Источники и литература) является разбор важнейшего памятника, позволяющего воссоздать историю пребывания половцев Отрока в Грузии при Давиде IV и историю его правления вообще – "Жизнь царя царей Давида", написанных в 1120–1130-е годы (мнения ученых относительно датировки различны). Памятник этот впервые переведен на русский язык в частях, имеющих отношение к теме монографии, М.П. Мургулия и опубликован в Приложении (С. 195–220; комментарии к переводу С. 229–233) по древнейшему грузинскому списку XV в. с учетом армянского перевода XII в. В главе "Жизнь царя царей Давида" рассматриваются и другие грузинские, а также древнерусские, армянские, восточные, византийские источники, половецкая песнь об Отроке, сохранившаяся в так называемом Летописце Даниила Галицкого в составе Галицко-Волынской летописи, и, кроме того, письменные памятники, связанные с пребыванием половцев в королевстве Венгрия; показана история изучения некоторых из них.

Констатировав, что "кипчаковедение создало за последние сто с лишним лет обширную литературу" (С. 4), М.П. Мургулия и В.П. Шушарин обратились в первую очередь к той ее части, которая либо прямо, либо косвенно связана с обстоятельствами появления, пребывания и ухода из Грузии половцев Отрока. Особое внимание при этом уделено (закономерно) грузинской историографии. Авторы отметили, что "достижения в решении грузинско-половецкой проблемы XII в., не исчерпали всех возможностей, которые имеются сегодня у исследователей". Главная же из них – изучение всей полноты разновременных и разнородных источников, анализ отдель-

ных (относящихся к теме свидетельств) только в контексте всего памятника и данных других источников (С. 52–53).

В небольшой второй главе рассматриваются обстоятельства, вынудившие Отрока откочевать из района Северского Донца. Проанализировав Повесть о половецких ханах (возникла в 1206–1211 гг.) "Летописца Даниила Галицкого", содержащую элементы половецкого предания о причинах ухода и возвращения орды Отрока, равно как иные древнерусские источники, М.П. Мургулия и В.П. Шушарин пришли к выводу, что они верно отразили факт откочевания объединения Отрока в Предкавказье. И хотя и половецкое предание, и древнерусские памятники связывают его с именем Владимира Мономаха, сыгравшего, бесспорно, выдающуюся роль в борьбе с половцами в конце XI – начале XII в., но он в них – лишь персонификация, обобщенный образ древнерусских князей и их противостояния половцам. Откочевание объединения Отрока (после 1095 г. и до 1106 г.) – следствие не одного конкретного похода, а совокупности антиполовецких военных акций древнерусских князей в конце XI – начале XII в. При этом действия князей вынудили к уходу лишь одного из половецких объединений, и этот уход в целом не мог изменить картины расселения и действий всех половцев (С. 70). (Впрочем, авторы не всегда последовательны: см. С. 105, где говорится об изгнании "половцев Отрока с мест их обитания Владимиром Мономахом".)

В следующей главе рассматривается совокупность причин и обстоятельств, приведших к приглашению половецкого объединения Отрока во владения Давида IV. "Причины призвания заключались в особенностях положения военных сил царя, обусловленных внутриполитической историей Грузии в правление царя Гиорги II (1072–1089) и в тот период царствования Давида IV, который завершился в 1118 г." (С. 73). Основным источником, на который опираются в третьей и четвертой главах авторы монографии при выявлении событийной канвы внутреннего положения Грузии и грузино-половецких отношений, является упоминавшаяся история Давида IV анонимного автора.

Вторая половина 1070-х годов для Грузии характеризовалась неоднократными набегами на ее территорию тюрков-сельджуков. В 1080-е годы Гиорги II начинает выплачивать им дань в обмен на прекращение разорительных набегов. Однако проблема заключалась в "отсутствии у Гиорги II войска" (С. 75). С 1089 г. по 1098–1099 гг. Давид IV, сменивший на престоле отца, продолжал платить тюркам дань, но одновременно начал воссоздавать боеспособное войско.

В следующий период – с 1098–1099 гг. по 1117 г., от отказа от уплаты дани сельджукам до начала зарубежных походов Давида IV – грузинский царь боролся со своенравными вассалами, тюрками-сельджуками и тюркским населением страны. На данном этапе происходило дальнейшее укрепление военных сил Давида IV, хотя и к 1117 г. их ядро составляли лишь около 5 тыс. человек (С. 110). Закладывался и внешнеполитический фундамент для последующей экспансии на сопредельные территории. Его важным элементом стала женитьба Давида IV на дочери хана Отрока, получившей грузинское имя Гурандухт (точная дата неизвестна, но, согласно анониму, "многими годами ранее" 1118 г., вероятно, около 1106 г.).

Запросы дальнейшей внешней экспансии, необходимость борьбы с тюрками-сельджуками, женитьба на Гурандухт, отсутствие собственного многочисленного войска – все это обусловило приглашение Давидом IV половцев Отрока в Грузию на службу около 1118 г. Хотя различные источники говорят о 40 тыс. половецких воинов, реально их было 50 тыс., а с учетом "чад и домочадцев" орда Отрока состояла из около 200 тыс. человек и более (С. 94–97). Подобное приглашение было выгодно и Отроку, ибо откочевание из прежних мест обитания в Предкавказье, уже занятое местным населением, заведомо недружелюбно встретившим пришельцев, привело его объединение "в бедность", бедственное положение. Призвание в Грузию и участие в походах Давида IV, сопровождавшихся грабежами и захватами обильной добычи, стабилизировало положение половцев и позволяло выйти из "бедности".

Уделив много внимания этнониму "кипчаки", авторы пришли к выводу, согласно которому – это самоназвание половцев, перешедшее в грузинский в форме "кивчаг", а экзоэтноним (этникон) "кубан-куман" имел бранное значение и был переведен восточными славянами как "половцы" (С. 88–93).

Четвертая глава посвящена "роли, которую сыграли половцы Отрока в Грузии" (С. 115). Переход нескольких десятков тысяч кочевников на службу к Давиду IV существеннейшим образом усилил его войско и позволил царю начать реализацию планов по приобретению "многих и бесчисленных царств". Готовя половцев к военным действиям, Давид IV разместил их в удобных для проживания местах, обеспечил конями и оружием, принял другие меры по формированию их войска и восстановлению привычной для степняков родовой структуры; частью подготовки стало и обращение многих из них в христианство.

С 1120 г. Давид IV, при самом активном участии половцев (отмеченном анонимным историком с 1121 г.), начинает внешнюю экспансию. Первоначально (до 1123 г.) ее целью было лишь взятие добычи и пленных в соседних областях и государствах, а также борьба с сельджуками. На этом этапе отношения Давида IV и половцев Отрока не были отмечены конфликтами, так как, вероятно, в качестве платы за службу половцы получали часть добычи и имели возможность беспрепятственно грабить и брать пленных, продавая их затем в рабство.

Но с 1123 г. грузинский царь начинает уже завоевание соседних областей и присоединение их к своему государству. Наступил новый этап отношений Грузии и половцев: теперь последние получали не часть добычи и пленных, а "подарки" (награду) по усмотрению царя, в частности потому, что он не был заинтересован в разграблении своих новых владений. В результате между Давидом IV и половцами, которые не раз покушались на жизнь царя, начались "раздоры и вражда". Правда, в конечном счете был достигнут компромисс и заключено какое-то взаимоприемлемое соглашение, а половцы компенсировали сужение базы "достатка" за счет грабежа владений сельджуков. Согласно последнему грузинскому свидетельству о половцах Отрока, царь позаботился об устройстве их на зиму 1124/25 г. и снабжении на это время провиантом. Поэтому дальнейшая судьба этой части кипчаков определяется предположительно. Но, по твердому мнению М.П. Мургулии и В.П. Шушарина, «ко времени создания труда анонима (ав-

тора "Жизни царя царей Давида". – *М.В.*) половцев Отрока в Грузии уже не было» (С. 51).

Последняя глава монографии – "Половцы в Грузии и Венгрии в XII–XIII вв." – имеет два "центра тяжести". Во-первых, в ней рассматриваются проблемы призыва половецких отрядов царем Гиорги III (1158– 1184), царицей Тамар (1184–1213), грузино-половецких отношений при Гиорги IV Лаше. В связи с этим авторами настоятельно подчеркивается, что, во-первых, половцы появлялись в Грузии не в качестве поселенцев, а как прибывшие на военную службу (С. 155), что в стране не проживала постоянно какая-либо половецкая общность (С. 160). После разгрома половцев монголо-татарами какая-то их часть, возможно, нашла убежище в Грузии. Но для М.П. Мургулия и В.П. Шушарина важнее констатировать отсутствие известий, дающих основание говорить о непрерывном обитании половцев в Грузии в XII–XIII вв. (С. 161), о поселении половцев Отрока в Грузии (С. 167–168). Необходимость особо выделить данные выводы была обусловлена полемикой авторов книги со "сторонниками взгляда об ассимиляции половцев (Отрока. – *М.В.*) грузинами" (С. 185), весьма широко распространенным (подробнее см.: С. 185–189).

Во-вторых, исследователи используют свидетельства письменных памятников королевства Венгрии о судьбе половцев. "Для предположительного восполнения наших знаний о половцах Отрока" (С. 173) речь в первую очередь идет о половецкой общности, поселенной Белой IV после разорения королевства монголо-татарами. Основными же источниками о ее структуре служат грамоты короля Ласло IV Куна от 23 июня и 10 августа 1279 г., перевод которых на русский язык В.П. Шушарина впервые публикуется в монографии (С. 174 и след.).

В Заключении, еще раз проследив историю орды Отрока и ее взаимоотношений с Грузией, М.П. Мургулия и В.П. Шушарин вновь особо отметили, что "половцы не оказали влияния на этносоциальную историю грузин" в первой четверти XII в. (С. 195).

Рецензируемая монография, несмотря на свои очевидные достоинства, не лишена, на наш взгляд, и некоторых недочетов. В ней неоднократно и не всегда правомерно рассматриваются как тождественные термины "древнерусский" и "восточнославянский", например: "древнерусские (восточнославянские) князья" (С. 3), "древнерусские (восточнославянские) войска" (С. 31), "древнерусские (восточнославянские) источники" (С. 32) и т.д.

Двойственно данное авторами определение статуса половцев Отрока в Грузии. С одной стороны, говорится, что еще в период пребывания в Предкавказье это объединение являлось вассалом грузинского царя (С. 103). Следовательно, таков был его статус собственно в Грузии. С другой стороны, указывается, что половцы являлись наемниками ("призвание половцев Отрока – это один из случаев найма государем земледельческой феодальной страны кочевнического войска") (С. 182), и отрицается их вассалитет по отношению к Грузии (С. 181 и след.). Полагаем, что обе характеристики, особенно вторая, не вполне точны. Нам ближе взвешенная точка зрения А.П. Новосельцева, согласно которой при Давиде Строителе половцы играли роль придворного царского войска (см.: История России. С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1996. С. 88). Грузино-половецкие отношения при Давиде IV, на наш взгляд, можно определить как временный "ди-

настически" скрепленный военный союз, в рамках которого оба партнера преследовали свои цели. И хотя первенство грузинского государя в этом альянсе неоспоримо, но и Отрок являлся союзником более чем самостоятельным, действуя в первую очередь к собственной выгоде (например, "войско половцев выполняло безотказно только приказы об участии в походах за добычей и пленными". С. 194).

Обосновывая полный уход орды Отрока из Грузии, авторы, думаем, должны были особо остановиться на его причинах. Хотя в грузинских источниках прямых свидетельств на этот счет нет, но все же монография содержит достаточный материал для основательных суждений на сей счет. К этим причинам можно отнести следующие: резкое осложнение отношений между союзниками в последние месяцы жизни Давида IV; смерть этого царя 24 (или 25) января 1125 г. и вступление на престол его сына от первого брака с армянкой Деметрэ, что лишало союз "династической" основы; то, что половцы Отрока за время участия в походах Давида IV и самостоятельных набегов существенно обогатились и потому избавились от "бедности" и ощутимо усилились. Наконец, важной причиной явилась смерть на 73 году жизни, 19 мая 1125 г., Владимира Мономаха, на что прямо указывает половецкое предание в составе "Летописца Даниила Галицкого". Возвращение половцев Отрока в прежние области обитания, полагаем, может быть отнесено ко времени после конца мая 1125 г., но в течение этого года.

В целом же книгу М.П. Мургулия и В.П. Шушарина отличают научная новизна, комплексность, нетрадиционные подходы к, казалось бы, уже досконально исследованным проблемам. Она по праву займет достойное место в историографии истории рассмотренных в ней стран и народов.

М.А. Васильев

В.А. Артамонов

ОСМАНЫ В ЕВРОПЕ. НАЧАЛО ОТКАТА

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1998. 288 с.

Османы, стартовавшие в XIV в. с небольшого бейлика у побережья Мраморного моря, за два с половиной века разгромили несколько десятков государственных образований в Европе, Азии и Африке – империй, королевств, деспотатов и княжеств. До XX в. их империя (с 1923 г. – Турецкая Республика) стояла (и стоит) во главе исламской цивилизации. По накалу, длительности и массовости наступательные войны Османской державы в XV–XVI вв. сопоставимы с войнами Арабского халифата VII–VIII вв. и империи Чингисхана XIII в. Особую силу государство османов обрело после 1453 г., когда переняло державное наследие Византии.

Системный кризис, поразивший империю в конце XVI в., привел к утрате ею наступательной мощи, и "голую" военную силу пришлось компенсировать дипломатией.

Первая часть написанного авторским коллективом Института славяноведения РАН исследования, хотя и посвящена событиям первой половины XVII в., затрагивает чрезвычайно актуальные для нашего времени проблемы. Когда Россию вернули в границы XVII в. а Балканы оказались разбитыми на осколочные образования, на восточных соседей России стали уверенно давить страны Запада, а с юга нарастала торгово-политическая экспансия (вплоть до Поволжья и Средней Азии) Турции.

В отличие от прошлых времен авторы рецензируемой книги не выступают с позиций "антиосманского единства" христианской Европы, не идеализируют антиосманские и антигабсбургские порывы подъяремных народов. Показывая, как соперничали местные очаги державности на "микроуровне", они одновременно воссоздают "панораму" событий в Европе.

В книге три установочных раздела. Первый, и ключевой (С.Ф. Орешкова), дает основательное представление о кризисе Османской империи, о мятежах, охвативших территорию от Алжира и Туниса до Ирака и Йемена, о разбоях пашей в провинциях, о финансовых беспорядках, коррупции и хаосе, царивших в Стамбуле. В центральном разделе (Т.П. Гусарова) лаконично и четко рассказано о сложнейшем переплетении интересов политических сил на континенте – от Иберийского полуострова и Скандинавии до Москвы и Пелопоннеса. Третий, заключительный раздел (И.С. Достян) – это, по сути, обзор политики Стамбула, европейских государств и России по отношению к балканским народам и их освободительному движению.

Хотя Османская империя и "была составной частью европейского порядка" (С. 136), но воспринималась она все же как инородное тело. В XVII в. Порта уже не рисковала воевать, как раньше, одновременно на двух-трех фронтах, не могла вести крупные наступательные операции и даже иногда предпочитала видимость военных демонстраций (С. 99, 111). Паники от "турецкой угрозы" уже не было. Однако планы крестовых походов и изгнания османов (как и крымских татар) циркулировали постоянно.

"Османский каток", раздавивший государственность болгар, сербов и венгров на главном пути захватов Эдирне–София–Белград–Буда–Вена, не уничтожил вассальные княжества "вдоль обочины" – Трансильванию, Валахию и Молдавию. Османы, как монголы на Руси, "придушили", но не задушили церковь, выкорчевав православие лишь местами – в Родопах, Боснии, Албании, на основной же части Балкан оно сохранило прочные корни, и миссионерам из Рима удалось окатоличить ничтожное число греков, болгар и сербов (С. 252). (В отличие от верхушки османских исламистов воинствующие польские прелаты ратовали за повсеместное обращение балканских христиан в католическую веру и в пределах Речи Посполитой сумели "перекрестить" и ополячить значительные массы белорусов и украинцев.)

Османы не смогли организовать эффективную пограничную зону наподобие австрийской Военной границы и засечных застав и казачьих областей в России, что явилось серьезным недостатком их военной системы.

Максимально полно авторами изложена политика Трансильвании (в четырех разделах, написанных В.П. Шушариным), Молдавии и Валахии (в четырех разделах, написанных Л.Е. Семеновой). Конечно, история Трансильвании вплоть до XX в. была тесно связана с историей Венгрии, но в

XVII в. эти три карпато-дунайских княжества входили в структуру Османской империи, и поэтому логичнее было бы рассматривать их историю вместе.

В книге не обозначены "иерархия", военный потенциал и боеспособность политических сил. Одинаковый объем текста посвящен как третьеразрядным вассалам Стамбула (Молдавии и Валахии), так и первостепенным державам Европы (например, польско-литовскому государству, раскинувшемуся от Балтики до Причерноморья). Несомненно, небольшое Крымское ханство благодаря боеспособности 60-тысячного войска, совершавшего сверхдальние походы, вплоть до Хорватии и Месопотамии, имело намного больший вес в международной политике, чем карпато-дунайские княжества. Но читатель, незнакомый с реальной мощью монархии Габсбургов, Ирана, Речи Посполитой, Венеции, России или османских вассалов, может подумать, что политика Ясс имела не меньшее значение для Европы, чем политика Вены или Варшавы.

Обидно, что одинаково бесстрастным, "академическим" тоном рассказано как о "мелкотравчатых" господарях и ханах, так и о выдающихся личностях, например об общерумынском державнике Михае Храбром (1593–1601).

Из-за того, что история "восточноевропейского" и "центральноевропейского" регионов подана на равных с историей Трансильвании, Молдавии и Валахии и рассечена на мелкие хронологические отрезки (15–20 лет), структура труда представляется тяжеловесной. Вместо коллективной монографии налицо перегруженные повторами самостоятельные статьи. Повторы затрудняют восприятие общих тенденций эпохи.

Любое государство всегда имеет приоритетные направления во внешней политике. Однако лишь разделы, написанные Б.Н. Флорей, совмещают и глубокий анализ, и обобщающие выводы, учитывают соподчиненность целей России, монархии Габсбургов, Крыма и запорожского казачества.

К примеру, для Стамбула (исключая иранский фронт) в Европе было (в порядке важности) четыре приоритетно-угрожаемых направления: габсбургское (с учетом Венгрии, Трансильвании и Валахии), польское (с учетом Валахии, Молдавии, Крыма и Украины) и венецианское, т.е. восточно-средиземноморское, которое почти выпало из поля зрения авторов. Из-за слабости молодого царства Романовых четвертое, русское направление (с учетом Польши, Молдавии, Крыма и Украины) имело для османов, возможно, такое же значение, как магрибская периферия. Работа на нем была передоверена крымским ханам. (О том, что Россия нанесет в XVIII в. смертельный удар с севера, никто не думал.)

Возможно, по этим четырем направлениям можно было построить структуру второй части книги, посвященной событиям второй половины XVII в.

Интересны приведенные в работе территориальные "сферы претензий" политических центров ("державная мегаломания"). При Владиславе IV Вазе Речь Посполитая, с позицией которой серьезно считались в Стамбуле, претендовала не только на включение России и Швеции в свой состав, но и на Силезию, Померанию, Молдавию и Валахию (С. 83, 125, 138). Поэтому можно считать 20-е годы XVII в. пиком польской державности.

Густав II Адольф хотел завоевать всю Германию вместе с короной "Священной Римской империи" (С. 153).

Застрявшее в средневековье из-за паразитического существования за счет работорговли, Крымское ханство в 1624 г. намеревалось возглавить антиосманскую коалицию из Ирана, Польши, России, запорожского казачества и Молдавии (С. 120), а в 1650-х годах захватить русское Поволжье от Казани до Астрахани и взять в протекторат Украину (С. 204, 207, 213). На фоне ослабленных Речи Посполитой и России Крым в середине XVII в. достиг вершины своей державности.

Едва оправившись после Смуты, Московское царство продолжило свою "реконкисту" и уже в 1646 г. поставило перед польским королем вопрос: "буде над Крымом учинится одоление, Крымский Юрт как обоим великим государям вперед держать, и как... вперед... татарам поселитца не дать?" (С. 166).

Трансильванский князь Габор Бетлен (1580–1629), несмотря на слабость своего 20-тысячного сборного войска, претендовал на корону Венгрии, на австрийские земли и на ликвидацию державы Габсбургов (С. 93–94). Алчность правителей Трансильвании, Валахии и Молдавии немногим уступала алчности более крупных соседей. Таким образом, схватки в Центральной Европе и в балканском "серпентарии", осложненные столкновением католицизма, ислама, протестантизма и православия, были ожесточеннее, чем в Восточной Европе, где соперничали только Варшава, Бахчисарай и Москва (к ним периодически подключался Стокгольм).

Османская империя уже никогда не смогла достичь тех высот, на которые она поднялась в 70-х годах XVI в. Материалы книги показывают, насколько расшаталась связь Порты с Трансильванией, Валахией, Молдавией и Крымом, которые вели свои локальные войны и заключали время от времени международные союзы.

Один из последних разделов книги "Порта, Крымское ханство и государства Центральной и Восточной Европы, 1648–1654 гг.", блестяще написанный на основе новых архивных материалов безвременно ушедшим из жизни в 1999 г. Л.В. Заборовским, убедительно опровергает опусы украинских националистов о том, что Россия якобы была историческим (и "найлютейшим") врагом Украины. Казаки Запорожья, активизируя еще в 1620-х годах набеги на побережье Крыма и Малой Азии, по сути, защищали украинский народ от католического и исламского натиска. Запорожского очага украинской державности, возникшего в середине XVI в., остерегались Речь Посполитая, Крым, Турция и Дунайские княжества, но не Россия, ибо запорожцы, как и донцы, видели в Москве тыловую защиту.

Ранее некоторые историки считали, что одной из причин отказа России от немедленной поддержки украинского восстания в 1648 г. была еще не изжитая полонофобия. Заборовский показал, что московское правительство боялось другого – протектората Крыма над Украиной, в связи с чем выступало за союз с Речью Посполитой (С. 197, 201).

Активный поиск Богданом Хмельницким турецкой и крымской поддержки, а также союза с Трансильванией, Валахией и Крымом подвигнул правительство царя Алексея Михайловича в феврале–марте 1653 г. на то, чтобы ускорить помощь и предоставление русского протектората Украине (С. 210, 212, 236).

Вывод труда: несмотря на "апогей усобиц", Османская империя выдержала серию войн против Ирана и нескольких передовых по тому времени европейских государств, но упустила множество шансов, чтобы расширить

и укрепить свои позиции в Центральной и Восточной Европе во время Тридцатилетней войны и конфликтов Речи Посполитой с Россией, Швецией и казаками. 1606–1680 гг. стали периодом равновесия сил между Стамбулом и Веной. Однако абсолютная монархия Габсбургов при этом уверенно продвигалась к великодержавию.

Литература по османистике огромна: ежегодно появляется до 2 тыс. названий, написано много общих курсов по истории Османской империи. Но большинство работ либо посвящено ее внутренней истории, либо "повернуто" в сторону Западной Европы, либо относится к двусторонним отношениям Порты. Вот почему "многосторонний" капитальный труд Института славяноведения уникален.

М.А. Васильев

Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М.: Индрик, 1999. 328 с., илл.

Дохристианские верования восточных славян, славянское язычество вообще всегда находились и продолжают оставаться в центре внимания мировой славистики. Только за последние десятилетия увидел свет ряд посвященных язычеству крупных обобщающих трудов[1]. Вместе с тем многие аспекты данной многогранной проблематики дискуссионны или недостаточно изучены. Именно к ним обратился автор рецензируемой монографии.

Книга М.А. Васильева состоит из введения, трех глав, двух приложений и снабжена иллюстрациями. Во всех ее пяти основных разделах подробно и тщательно охарактеризованы исследовательская источниковая база и историография вопроса. Работу отличают уважительное отношение к мнениям предшественников (с некоторыми из них автор далеко не всегда согласен), взвешенный и строгий подход к предлагаемым в ней построениям и выводам.

Заведомо ясно, что в небольшой рецензии невозможно раскрыть все содержательные аспекты монографии, поэтому далее мы сосредоточимся в первую очередь на тех ее положениях, которые представляются наиболее важными и новыми.

Первые две главы посвящены кругу проблем, связанных с функциями, обликом, временем и путями вхождения в восточнославянское язычество иранских по своему происхождению богов Хорса и Семаргла, дохристианским воззрениям иных ветвей славянства, достоверно не известных. Данные разделы написаны на основе обширного комплекса разновременного и разнохарактерного источникового материала, относящегося к различным этнокультурным и религиозным традициям – письменного, лингвистического, фольклорного, изобразительного, археологического и иного.

По развернуто аргументированному в первой главе ("Бог Хорс") мнению М.А. Васильева, основные привлекавшиеся им при анализе вопроса о функциональной природе Хорса древнерусские письменные источники ("Слово о полку Игореве", статья под 980 г. "Повести временных лет" по Лаврентьевской летописи, "Поучение духовным детям / Слово св. Иоанна Златоуста", "Беседа трех святителей"), "*взятые в своей совокупности*, не-

смотря на неоднократно высказывавшиеся в историографии сомнения, позволяют достаточно надежно постулировать то, что *в восточнославянском язычестве Хорс являлся специально солярным божеством, богом Солнца*" (С. 71). На основании одного из старейших списков Проложного Жития Владимира, а также домонгольского "Слова св. Ионна Златоуста о том, как первое поганые веровали в идолы", "Сказания о Мамаевом побоище" и "Чина последованию и исповеданию князем и боарам" (рукопись XVI в.) автор выявляет вероятный особый восточнославянский/древнерусский вариант огласовки теонима рассматриваемого им божества, отличный от преобладающего в письменных источниках, – *Хурсъ* (С. 54). Принимая доминирующую сегодня в мировой историографии точку зрения об иранских корнях Хорса, М.А. Васильев обращается к вопросу о гелиолатрии у скифов и сармато-алан, у которых, подходя исторически, только и следует искать истоки данного бога. Анализ сведений "скифского логоса" "Истории" Геродота приводит его к выводу, что хотя Солнце почиталось скифами как "Солнце-царь", но скифские формы наименования обожествляемого Солнца **Xola-xšaya*/**Xora-xšaya* по фонетическим причинам первоосновой для др.-русск. *Хърсъ* быть не могли. В то же время данные письменных источников, а также археологии позволяют считать, что культ Солнца занимал первенствующее место в религиозно-мифологических представлениях сменивших скифов в Северном Причерноморье сармато-алан. На основе репрезентативного сравнительного материала исследователь восстанавливает сармато-аланскую форму культового наименования Солнца как **xors*/**xūrs* 'Солнце-царь', которая, по его мнению, лингвистически адекватно соответствует вероятной двойственной огласовке теонима восточнославянского солярного божества – *Хърсъ*/*Хурсъ*. Все это позволяет говорить не просто в общей форме о скифо-сармато-аланских корнях Хорса (и, вероятнее всего, Семаргла), как то обычно делалось в научной литературе ранее, но вполне определенно – о его сармато-аланских корнях. Ведущее место культа "Солнце-царя" в верованиях сармато-аланской отрасли иранцев предопределило его положение в восточнославянском язычестве в качестве одного из наиболее высоко чтимых богов – бога "великого", согласно "Слову о полку Игореве".

Обращаясь к вопросу о времени и путях вхождения Хорса (и Семаргла) в восточнославянское язычество, М.А. Васильев подробно разбирает точку зрения В.Н. Топорова на историю древнерусско-хазарских взаимоотношений в ее восточноиранском, хорезмийском аспекте (Хорс и Семаргл, согласно В.Н. Топорову, являлись божествами членов хазарского гарнизона хорезмийского, т.е. восточноиранского, происхождения, размещавшегося в Киеве, и их потомков) и показывает ее уязвимость для критики. Сам автор, основываясь на теории В.В. Седова, которую в ключевых ее положениях на сегодня оценивает как наиболее адекватную реальным процессам, протекавшим на этапах этногенеза и ранней истории славянства, полагает, что Хорса следует считать сармато-аланским наследием у восточной ветви славянства, одной из культурных рефлексий существовавшего в течение длительного времени в рамках черняховской и, вероятно пеньковской, археологических культур (их суммарная хронология – примерно рубеж II–III вв. – VII в.) симбиоза иранцев и славяноязычного населения, имевшего самоназвание *анты*, на юге Восточной Европы, завершившегося постепенной ассимиляцией сармато-алан. Потомки этого населения, *анты* раннесредневе-

ковых письменных памятников, приняли самое активное участие в формировании южной части населения Древнерусского государства.

К первой главе монографии непосредственно примыкает приложение 1, в котором заново, в первую очередь с позиций этнологии, М.А. Васильев обсуждает проблему соотношения двух образований первой половины – середины I тыс. с самоназваниями *словене* и *анты*, с особенностями сложения последнего из которых следует связывать восприятие юго-восточной частью славяноязычного мира божеств Хорса и Семаргла. Суть его точки зрения можно резюмировать следующим образом. В историографии антов обычно рассматривают как "субэтнос" раннесредневекового метаэтнического образования с аутоэтнонимом **slověne*, "группировку славян", "союз племен", "племенное образование", "военно-политическое объединение" словен и т.п. Однако исследователь выдвигает вытекающую из письменных, археологических и иных источников и на них опирающуюся собственную альтернативную гипотезу, принципиально новую в палеославистике. По его мнению, сравнительно незадолго до VI в. в среде славяноязычного населения завершаются этногенетические процессы, приведшие к сложению двух равноправных метаэтнических образований, имевших самоназвания **slověne* и *анты* и сепаратные этнические самосознания. Поэтому *анты* не могут характеризоваться (в какой бы то ни было форме) как часть этнических словен. При этом лингво-культурное "славянство" антов прослеживается, вероятно, уже для конца IV в., эпохи черняховской археологической культуры, когда о существовании метаэтнической общности с самоназванием **slověne*, основываясь на имеющихся источниках, достоверно судить еще нельзя. Сложившиеся на основе сармато-аланского субстрата раннесредневековые анты приняли активное участие в формировании южной части восточных славян (~южнорусского населения), но утратили при этом свое этническое лицо, т.е. имело место переключение с антского на словенское метаэтническое самосознание. Данное нетрадиционное построение, безусловно, нуждается в обсуждении во всех своих частях, однако, как кажется, поднимает вопросы, до сих пор в научной литературе специально не ставившиеся, и заслуживает серьезного внимания.

Вторая глава рецензируемой монографии озаглавлена "Божество Семаргл". М.А. Васильев отмечает, что связанный с данным богом круг вопросов крайне непрост для изучения. Во-первых, доминирующее в историографии мнение о его иранских корнях, опирающееся на сближении теонима *Семаргл* с наименованием персонажа иранской мифологии птицы Саэны (Сайны)-Сэнмурва-Симурга, из-за определенных трудностей лингвистического характера и отсутствия в древнерусских письменных источниках прямых достоверных сведений о функциях и облике Семаргла – "это лишь гипотеза, однако гипотеза сегодня наиболее вероятная, непротиворечиво вписывающаяся в известный науке контекст поздних славяно-иранских этнических и религиозных связей и взаимодействий и органично его дополняющая", и потому исследователем принимаемая. Во-вторых, отмеченная неинформативность древнерусских памятников «усугубляется тем, что ни в одном из дошедших до нас письменных источников по религии скифов и сармато-алан "Семаргл" не фигурирует, не отмечен он и у потомков этих племен осетин, т.е. в нашем распоряжении не имеется прямых свидетельств о его значимости, функциях и облике в верованиях иранских племен Восточной Европы.

Лишь фиксация на Руси теонима *Семарьглъ* с восточноиранской, скифо-сармато-аланской огласовкой слова "птица" дает основания думать о его бытовании в мифологии данной части иранцев» (С. 113). Поэтому последующий проводимый в книге анализ представляет собой комплексное исследование разнообразных источников (письменных, изобразительных, данных языка, фольклора), в первую очередь иранских и индийских, и реконструкцию на данной основе мифологии и облика общеарийского (общеиндоиранского), общеиранского и восточноиранского "прообраза" Семаргла, что дает возможность, по мнению автора, аргументированно подойти к проблеме функций и облика этого восточнославянского божества.

Рассмотрение в монографии мифологических, эпических и фольклорных (с общеарийскими и индоевропейскими корнями) представлений иранцев о Саэне-Сэнмурве-Симурге позволило М.А. Васильеву выявить основной круг мифологем, с ним связанных; их суммирование создает фактическую базу, позволяющую гипотетически судить о функциях древнерусского Семаргла. Однако во всех своих главных функциях Саэна-Симург являлся не более чем третьестепенным персонажем иранской мифологии. Это заставляет автора предполагать наличие у скифо-сармато-аланского "прообраза" Семаргла дополнительной функции, сделавшей его культ особо значимым у какой-то части иранцев Восточной Европы и в итоге ставшей *предпосылкой* появления Семаргла в одном ряду с наиболее почитавшимися богами, вошедшими в киевский пантеон князя Владимира. Ею могла быть функция благого покровителя отдельных людей и особенно человеческих коллективов, особо ярко отразившаяся в "Шах-наме" Абулькасима Фирдоуси. Одной из функций общеарийского и общеиранского "прообраза" Семаргла являлось посредничество между различными мифологическими мирами, что, считает исследователь, определило *место* Семаргла среди богов киевского Владимирова пантеона: в перечне божеств пантеона, приведенном в статье "Повести временных лет" под 980 г., он стоит между богом Солнца Хорсом-Дажьбогом, связанным с атмосферой Стрибогом, с одной стороны, и богиней земли и плодородия Мокошью – с другой (глава третья, С. 218). Основываясь на проведенном анализе функциональной природы иранского Саэны-Симурга, М.А. Васильев приходит к выводу, что точка зрения Б.А. Рыбакова и ряда других исследователей, согласно которой восточнославянский Семаргл являлся богом растительной силы, посевов, семян, ростков и корней растений, их охранителем, не имеет под собой достаточных оснований (С. 156–157).

По мнению автора, уходящий корнями в арийскую и в итоге в индоевропейскую древность иранский мифологический (легендарный, эпический, сказочный) Саэна-Сэнмурв-Симург изначально, вопреки получившей чрезвычайно широкое распространение в литературе точке зрения К.В. Тревер о его исходной полиорнитозооморфности, имел внешний облик хищной птицы гигантских размеров. Превращение его в "Сэна о трех естествах", фантастическую собаку-птицу, отразившееся в ряде зороастрийских текстов ("Бундахишн", "Избранные [писания]" Зад-спрахма) и особенно в изобразительном искусстве, произошло только у части населения собственно Ирана не позднее V в. до н.э. вследствие "народной этимологизации" сочетания *Saēna tərəγō* "птица Саэна" (реконструируемое автором индоиранское значение – "птица [с] вершины [дерева/горы]") как "птица [с] грудью"

и в результате приравнивания Сэнмурва по облику, биологическим особенностям и повадкам к летучей мыши. Это представление вошло в "Большую Авесту", превратившись в религиозно-догматическое и положив начало – с эпохи Ахеменидов и особенно Сасанидов – длительному бытованию в искусстве Ирана, сопредельных и более отдаленных регионов изображений Сэнмурва в облике химерической собаки-птицы.

Рассмотрение сведений "Шах-наме" Фирдоуси, материалов скифо-сарматского искусства "звериного стиля", изображения на золотой пластине из четвертого Семибратнего кургана (V в. до н.э.) приводит М.А. Васильева к выводу, что нет фактических оснований полагать, будто расщепление внешнего облика Саэны-Симурга с превращением его в собаку-птицу затронуло восточноиранский, скифо-сармато-сако-массагетский мир, что здесь он утратил древнейший и исходный для него облик огромной хищной птицы. "И если мы придерживаемся гипотезы о сарматоаланских корнях древнерусского Семаргла, то последовательно должны признать, что Семаргл имел то же обличье, что и его общеиранский, общеарийский и в конечном счете общеиндоевропейский "прародитель", – обличье хищной птицы, гигантского орла. Следовательно, *древнерусский Семаргл не был собакой-птицей*» (С. 158–159).

Проведенный в рецензируемой монографии отдельный анализ всего комплекса материалов древнерусского изобразительного искусства, привлекавшихся в историографии для обоснования положения о том, что в нем была широко представлена "крылатая собака-птица" божество Семаргл (и/или Сэнмурв), показывает, по мнению исследователя, что фигурирующие в научной литературе примеры, призванные данный тезис обосновать, либо отношения к проблеме не имеют, либо более убедительно объясняются иным путем.

Третья глава книги ("Пролог крещения Руси, 980-е годы") посвящена "первой религиозной (языческой) реформе" великого князя Владимира. Проделанный в ней анализ позволил М.А. Васильеву убедительно показать, что содержанием языческой реформы этого князя, проведенной вслед за его утверждением на великокняжеском престоле в Киеве, являлось провозглашение княжеско-дружинного бога-покровителя Перуна верховным божеством, "богом богов" Руси, и *единственно в этом* заключался ее общегосударственный характер. Проводя реформу, великий князь преследовал цель укрепления личной власти в государстве, а также центральной власти вообще через усиление ее сакрализации, что являлось и одной из ключевых религиозно-политических причин введения несколько позднее христианства в качестве государственной религии страны. Созданный же Владимиром в Киеве рядом с кумиром Перуна пантеон богов общегосударственного характера не носил, его составили наиболее чтимые населением южной части восточнославянского/древнерусского ареала божества (Хорс-Дажьбог, Стрибог, Семаргл, Мокошь). Создание его являлось в первую очередь следствием конкретной внутриполитической обстановки на юге страны в начале великого княжения Владимира и решало задачу завоевания симпатий этого населения, особенно Киева, в большинстве своем остававшегося языческим. Данный вывод стал возможен только как результат полиаспектного анализа комплекса вопросов, связанных с богами Хорсом и Семарглом, проведенного в первых двух главах монографии. В силу своей

отчетливо выраженной монотеистической н а п р а в л е н н о с т и (последнее обстоятельство особо подробно аргументируется автором), "первая религиозная реформа" явилась событием первостепенной важности, "*до известной степени расчистившим идеологическую и психологическую почву для введения христианства на Руси*" (С. 225).

Анализ источников, содержащих сведения о финале "первой религиозной реформы" в Киеве и Новгороде и низвержении стоявших здесь идолов прежнего "бога богов" Перуна, показывает, как развернуто обосновывает М.А. Васильев, что произведенные с ними сложные по своим составляющим манипуляции представляли собой не "поругание" Перуна, как полагали летописцы и некоторые ученые, а выполненное в соответствии с языческой обрядностью "изгнание–выпроваживание", "проводы–похороны" кумиров ставшего нежелательным бывшего верховного общегосударственного божества и, следовательно, его самого. Проведенные публично, как масштабные массовые действа, они должны были подготовить религиозно-идеологическую и психологическую почву для сразу за этим последовавшего крещения жителей двух важнейших центров страны, убедить язычников отказаться от язычества средствами язычества же. «*Поэтому не только сама "первая религиозная реформа", но и ее продуманно "срежиссированный" финал могут быть оценены как своего рода языческий пролог крещения Руси*» (С. 244).

Тематику третьей главы продолжает приложение 2 («Являлась ли новгородская Перынь местом официального капища Перуна в годы "первой религиозной реформы" князя Владимира»). Устоявшаяся в историографии точка зрения, полагает исследователь, согласно которой новгородское урочище Перынь стало местом, где была сооружена в период языческой реформы официальная кумирня Перуна, якобы выявленная в ходе раскопок в начале 1950-х годов, с позиций своей археологической фундированности ныне не выглядит адекватной. Языковеды по-разному трактуют возможность возведения хоронима *Перынь* к теониму *Перунъ*. Проведенный автором анализ письменных и фольклорных источников, которые могли бы быть использованы для обоснования локализации официального святилища Перуна в Перыни, привел его к выводу, что они не являются надежными достоверными свидетельствами в пользу подобной точки зрения. Поэтому вопрос о расположении созданного Добрыней и уничтоженного при крещении новгородцев официального Перунова капища продолжает оставаться открытым.

Чтение интересной, затрагивающей многие дискуссионные вопросы книги М.А. Васильева заставляет задуматься над рядом, казалось бы, окончательно решенных наукой проблем. Наше внимание привлек, в частности, тезис автора, что нет "веских препятствий для допущения исторической возможности реализации на Руси пятой религиозной альтернативы" (отличной от традиционно рассматриваемых в литературе в свете ситуации так называемого выбора вер второй половины 980-х годов четырех дилемм – ислам, иудаизм, христианство западно-римского и греко-православного обряда), понимаемой им как более длительное, чем примерно десятилетие (980–988 гг., по хронологии "Повести временных лет"), функционирование на Руси языческого культа Перуна в качестве официального общегосударственного (подробнее см.: С. 221–224). По мнению исследователя, если бы для Руси в конце 80-х годов X в. не сложилась крайне выгодная ситуация в отношени-

ях с Византийской империей, когда правящая македонская династия оказалась на грани катастрофы в результате успехов восстаний в ее малоазиатских провинциях – ситуация, которая, как традиционно считается в историографии, послужила толчком к цепи событий, завершившихся принятием Русью христианства греко-православного обряда в качестве государственной религии, вполне допустимо предполагать, что в качестве таковой еще сравнительно продолжительный период могла оставаться "Перунова вера", т.е. реализовывалась бы пятая религиозная, языческая альтернатива.

Как известно, в истории Старого Света имеются примеры достаточно длительного использования традиционных языческих культов в период складывания и функционирования государственных образований. В Африке, южнее экватора, местные политеистические религии в течение длительного периода обслуживали идеологические потребности племенных "царств" и "королевств". На крайнем востоке Евразии, в Японии, на базе языческих культов сложилась и до сих пор сохраняет общегосударственный характер система синтоизма. Самое великое завоевание в истории Евразии – походы Чингисхана и его ближайших преемников – велось крупнейшей в тогдашнем мире языческой державой – Монгольской империей. Наконец, вспомним и историю Древнего Рима, оформление громадной имперской территории которого происходило задолго до превращения христианства в государственную религию[2]. И количество подобных примеров можно умножить. Таким образом, очевидно, что языческий характер религии, понимаемый в данном случае как ее немонотеистичность, сам по себе не является признаком "отсталости" государства, так называемое язычество может вполне успешно обслуживать его социальные, политические и идеологические потребности.

В этом ряду особо ярка и показательна приводимая М.А. Васильевым типологическая параллель, связанная с историей Великого княжества Литовского. Это государственное образование, сложившееся в первой половине – середине XIII в., изначально включало не только язычников собственно литовцев, но и православных восточных славян, которые к исходу XIV в. составляли уже подавляющее большинство его населения. Многие великие литовские князья оставались язычниками, но не редким являлось и их личное крещение. Однако лишь в 1385 г., согласно условиям Кревской унии между Польшей и Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским, христианство католического обряда стало официальной государственной религией Литовско-Русского государства. Из этого факта вытекает, в частности, то, что в течение примерно полутора столетий в самом центре Европы, в которой к XI в. абсолютно доминировало христианство, существовало и функционировало государство, *на официальном уровне как государственная целостность* (в том числе в глазах своих ближайших православных и католических стран-соседей), *являвшееся языческим*. Однако это не являлось кардинальным препятствием для успешного развития его внутренней жизни и широкого международного признания.

Монография М.А. Васильева, безусловно, новаторская, автор ставит и убедительно решает многие дискуссионные проблемы непростой тематики восточнославянского язычества. Не приходится сомневаться в том, что она займет достойное место среди значимых исследований по славянскому язычеству и палеославистике вообще.

[1] *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965; *Они же.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974; *Łowmiański H.* Religia słowian i jej upadek (w. VI–XII). W-wa, 1979; *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987; *Moszyński L.* Die vorchristliche Religien der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Köln; Wiemar; Wien. 1992; Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995; Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1, и др.

[2] Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986; *Арутюнов С.А., Светлов Г.Е.* Старые и новые боги Японии. М., 1968; Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд., переработ. и доп. М., 1977; *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.

Д.Ю. Арапов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Статьи

Г.Г. Литаврин. Славяне и протоболгары: от хана Аспаруха до князя Бориса-Михаила 6

С.А. Иванов. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов 16

А.А. Турилов. "Мъдра Пльсковская" и "Мъдра Дръсторская" – две Мундраги первой болгаро-венгерской войны (география чудес вмч. Георгия в Сказании инока Христодула) 40

А.П. Новосельцев. Хазарское государство и его роль в истории западной Евразии 59

В.Я. Петрухин. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность 73

А.Н. Поляк. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока 79

И.Г. Коновалова. О возможных источниках заимствования титула "каган" в Древней Руси 108

Д.Е. Мишин. Немцы, саксы и сакалиба у ал-Мас'уди 136

Е.Е. Русина. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева "тьма" 144

А.О. Ахмедова, С.И. Муртузалиев. Миграции тюркских племен и демографические процессы в болгарских землях (середина XIII – начало XVII века) 153

С.Ф. Орешкова. Юрюки – мусульманские кочевники Балканского полуострова (XV–XVII) 165

Б.Н. Флоря. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) 172

Я.Г. Солодкин. Татары в изображении автора "Казанской истории" 197

С.А. Иванов. Взаимоотношения Руси и Степи в концепциях евразийцев и Льва Гумилева 213

А.В. Ратобыльская. Венгерский туранизм 219

Н.М. Пашаева. А была ли битва на Куликовом поле? 228

Публикации

Б.Н. Флоря. Две грамоты Сахиб-Гирея 236

Л.В. Заборовский, Н.С. Захарьина. Россия, Крым, Польша, Украина в середине 50-х годов XVII века: Из материалов чрезвычайного посольства в Крымское ханство во главе с дворянином Т.Г. Хотунским и подъячим Поместного приказа И. Фоминым 1654–1655 гг. Ч. 2 241

В.А. Артамонов. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом 269

Рецензии

Рец. на кн. М.П. Мургулия, В.П. Шушарин. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. Отв. ред. Г.Г. Литаврин (*М.А. Васильев*) 287
Османы в Европе. Начало отката. Рец. на кн. Османская империя и страны Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы в XVII в.: Главные тенденции политических взаимоотношений *(В.А. Артамонов)* 291
Рец. на кн. М.А. Васильев. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира (*Д.Ю. Арапов*)..... 295

Научное издание

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

Выпуск 10

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*. Редактор *Л.А. Зуева*
Художественный редактор *В Ю. Яковлев*
Технические редакторы *О.В. Аредова, В.В. Лебедева*
Корректоры *З.Д. Алексеева, А.Б. Васильев*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 25.12.2000. Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 19,0. Усл.кр.-отт. 19,5. Уч.-изд.л. 21,9
Тираж 400 экз. Тип. зак. 3730

Издательство "Наука" 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука", 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008731-9

Славяне и их соседи

Исходя из того, что постоянное соседство с кочевым и — шире — тюркоязычным миром явилось главной особенностью исторического развития славянских народов, авторы книги освещают различные аспекты отношений славян и кочевников, полагая, что именно эти отношения повлияли на формирование первых государств Центральной и Юго-Восточной Европы.

«НАУКА»